

**ВАСИЛИЙ
БЛЮМ**

**Возвращение в
ГИЛЬДИЮ**

2017

Челюсти на мгновение свело судорогой, а лапы дернулись, едва не подломившись на крутом подъеме, но зверь справился с воспоминанием, рванулся, подстегиваемый жаждой мщения. Двухногий враг появился недавно и сразу же убил одного за другим нескольких матерых самцов. Это наполнило сердца стаи страхом. Двухногие всегда были желанной добычей, легко покоряясь зову силы, он не сопротивлялись даже в момент, когда усаженные зубами челюсти смыкались, одним движением перекусывая тонкую шею жертвы....

Блюм Василий Борисович

Возвращение в гильдию

ЧАСТЬ I

ПРОЛОГ

Яркая вспышка с треском разорвала воздух, заставив рвануться в сторону. Гибкое тело распласталось, вытянувшись в затаенном прыжке, а в твердой, как камень, почве, возникла выжженная проплешина. Зверь бежал на пределе сил, охотник преследовал его уже вторые сутки. Разоренное гнездо, где лютый враг устроил западню, до сих пор стояло перед глазами: покрытые мягким голубым мхом стены, чистый ручей возле входа и нежное мурлыканье готовящейся стать матерью подруги.

Челюсти на мгновение свело судорогой, а лапы дернулись, едва не подломившись на крутом подъеме, но зверь справился с воспоминанием, рванулся, подстегиваемый жаждой мщения. Двухногий враг появился недавно и сразу же убил одного за другим нескольких матерых самцов. Это наполнило сердца стаи страхом. Двухногие всегда были желанной добычей, легко покоряясь зову силы, он не сопротивлялись даже в момент, когда усаженные зубами челюсти смыкались, одним движением перекусывая тонкую шею жертвы.

Вновь полыхнуло. Отвлеченный воспоминаниями, зверь упустил нужный момент, ощутив дыхание смерти на долю мгновения позже необходимого. Вновь гигантский прыжок в сторону, но слишком поздно, бок обжигает болью, а в нос шибает запахом паленой плоти. С трудом ориентируясь в пространстве, зверь метнулся за спасительные камни, исполненный ярости, направил сов силы, пытаясь подчинить преследователя. Но, как и в прошлый раз, как и все разы до того, в ответ прозвучала лишь гулкая пустота, разум охотника казался напрочь отгороженным глухой стеной.

Зверь чувствовал страх. Впервые в жизни он встретил не просто достойного соперника, таких хватало в черных лесах, где испокон веков гнездилась стая, он встретил неуязвимого врага, способного в мгновение обратить в прах даже не приближаясь. Оставалось лишь умереть, но законы стаи требовали биться до конца, и зверь вновь побежал.

Впереди возник каменный гребень холма, а за ним, зверь чувствовал, крылось спасение, нужно всего лишь достигнуть вершины, перевалить, спрятаться. С каждым прыжком гребень приближается, но неумолимый враг настигает. Тело пронзило ощущение гибели, лежащий неподалеку громадный валун вспыхнул голубоватым сиянием, мгновенно испарившись вместе с куском скалы, в спину ударила тугая волна воздуха, жестко бросила на камни.

Прыжок. Еще один. Вновь вспышка. Бок взрывается болью, а перед глазами плывут огненные мухи. Спасительный гребень маячит совсем близко. Рывок, и, измученное погоней, зверь замедленно перемахивает преграду, опускаясь с противоположной стороны.

Спасение рядом, фиолетовым пятном маячат заросли жгучих кустов, куда не сунется ни одно существо, опасаясь страшной гибели. Еще немного, нужно лишь удержаться, не упасть на отвесном спуске, иначе смерть на острых камнях. Ноздри с шумом втягивают воздух, а

глаза прикипают к новой опасности. Впереди, совсем близко, на теле скалы черная воронка, воздух над поверхностью дрожит и переливается зеленоватыми искрами.

Мозг пронзил ужас, лапы заскребли, пытаюсь увернуться, оббежать, отпрыгнуть, но измученные, с трудом поддерживающие избитое тело, мышцы лишь слабо дернулись. Взвыв от ощущения неизбежного, зверь рванулся из последних сил.

Слабо вспыхнуло зеленым, угасая, зашипели потревоженные искры. Когда осело взбитое прыжком облако пыли, каменистый склон оказался пуст, лишь несколько черных волосков, неторопливо кружась в прогретом воздухе, замедленно падали на серые камни.

ГЛАВА 1

Ноздреватый камень с тихим скрипом прошелся по металлу. Мужчина отложил точило, повел плечами, разминая застывшие от долгой неподвижности мышцы. Под сидением надсадно скрипнул табурет. Проникнув сквозь щель ставни, солнечный луч коснулся лезвия, отброшенный блестящим металлом, запутался в волосах, отчего рыжая шевелюра воина вспыхнула огнем.

Шестерня нежно коснулся оружия, суровое лицо разгладилось, а губы сложились в довольную улыбку, он удовлетворенно пробормотал:

— Еще немного и будет как у прародителя пещерников.

Куча тряпья на лавке шевельнулась. Откинулся край рогожи, открыв тонкие черты бледного лица, замедленно поднялись веки, на Шестерню без выражения взглянули голубые глаза, взгляд сместился в сторону, но через мгновение вернулся, сосредоточившись на лезвии секиры. Одним движением сбросив рогожу, вершинник сел, с хрустом потянулся, демонстрируя сухощавое тренированное тело, насмешливо произнес:

— Стоило скрипеть все утро, чтобы так испохабить клинок.

Парень тряхнул головой, отчего длинные волосы золотистым водопадом рассыпались по плечам, легко вскочил на ноги, и мягкой походкой двинулся к стоящему у почерневшего камина пузатому бочонку, отражаясь в тусклых клинках развешенных по замшелым бревнам стены мечей. Добравшись до цели, вершинник подхватил массивный деревянный ковш, наполнив до краев чистой холодной водой, плеснул себе на грудь.

Шестерня поморщился, смахнув с лица долетевшие брызги, сказал назидательно:

— Тебе не понять. У нас, пещерников, прежде ценится прочность да надежность, а уж насколько красиво... — он махнул широкой ладонью.

Но собеседник лишь пожал плечами, продолжая с удовольствием плескаться.

За занавесью из плотной узорчатой ткани невнятно забормотало. Отодвинув ширму плечом, из угла выдвинулась сторбленная фигура, с кряхтеньем разогнулась, превратившись в немолодого мужчину: седые космы спутались, взгляд рассеянно блуждает в пространстве, а губы беззвучно шевелятся, словно раз за разом повторяет сложное заклинание. Зябко передернув плечами, седовласый покосился на камин, где подернутые пеплом, тускло тлели угли. Взгляд стал суровым, а лоб прорезали три глубоки морщины, когда маг скрипуче произнес:

— Холодно, как в могиле. Эй, кто ближе, подкинь пищи огню!

Не отрывая взора от оружия, Шестерня нащупал одну из чурок, горкой лежащих у ног,

не глядя, бросил в камин.

— Так-то лучше, — седовласый удовлетворенно кивнул, протянул руку к камину, и сухо щелкнул пальцами.

Грохнуло. С потолочных балок посыпалась пыль, а почерневшая пасть камина полыхнула огнем. Шестерня отложил секиру на трехногий приземистый столик, поверхностью которого служил спил огромного дерева, покосившись на скачущие по полену веселые огоньки, спросил с любопытством:

— Зола, сколько твои фокусы вижу, всякий раз удивляюсь. Научил бы по старой дружбе?

Зола подошел ближе, протянул руки к живительному теплу, сказал ворчливо:

— Толку учить? Все одно не сумеешь.

Шестерня воскликнул обиженно:

— Да где мне суметь, коли ты не пытался!

— А что мне пытаться, коли и так понятно? — отпарировал Зола.

— Что понятно? — Шестерня недоуменно распахнул глаза.

— Что не сумеешь.

Наплескавшись, Мычка оторвался от бочки, по лицу, высыхая на бегу, стекают шустрые капли, острые уши подергиваются, ловя обрывки доносящихся с улицы голосов. Тряхнув головой, он набросил на плечи легкую рубаху и неторопливо вышел из комнаты. Спустившись по лестнице, вершинник на мгновение замер, в нос шибануло ароматом жареного кабана, а в ушах зазвучал приглушенный говор посетителей. Улыбнувшись, Мычка шагнул в прокопченный зал.

Не смотря на раннее утро в таверне полно народу. За ближайшим столиком гвардеец уголяет голод, с жадностью отрывая от поросячьей ножки огромные куски мяса, тут же сует в рот. Поодаль шумно поднимает здравницу компания подозрительных личностей. Возле двери дремлет, уронив лицо в миску, крестьянин.

За стойкой хлопочет хозяйка — Шейла, серый оттенок кожи, острые кончики ушей и огромные глаза выдают уроженку подземелий. Мычка взгляделся пристальнее: тугой жгут закрученных в замысловатый узел иссиня-черных волос, длинные, всегда опущенные ресницы, тонко очерченные чувственные губы, на которых так часто играет загадочная улыбка, и, конечно, тяжелые полукружья груди. Ощутив внимательный взгляд, Шейла подняла глаза, едва заметно кивнула, приветствуя. Улыбнувшись в ответ, Мычка толкнул боковую дверь и бесшумно выскользнул наружу.

Взгляду открылся небольшой, огороженный высоким бревенчатым забором дворик, изрытый ямами от ежедневных тренировок, словно изъеденный мышами сыр. Перепрыгнув горку пепла с торчащими обугленными костями, — , следы вечерних экспериментов Золы, Мычка прошел в дальний конец дворика, запустив руку за пазуху, извлек пять небольших, длинной в ладонь, узких ножей, состоящих, казалось, из одного лезвия. Прицелившись в висящее на стене соломенное чучело, вершинник слегка пригнулся, и, не останавливаясь, начал метать ножи один за другим так, что замелькали руки, после чего подобрал лежащий тут же лук и, не торопясь, одну за другой выпустил несколько тренировочных стрел с тупыми наконечниками.

Подойдя к мишени, Мычка поморщился, из брошенных ножей цель нашли два, остальные лежали на земле, отброшенные упругой соломой. Стрелы легли ровнее, ни одна не ушла в сторону больше, чем на ладонь. Собрав ножи, Мычка вернулся на исходную

позицию, но едва успел отвести руку для броска, как замер, прислушавшись.

Над двором взметнулось темное, мягко упало на утоптанную почву, подпрыгнув, откатилось к стене. Со стороны улицы зашуршало. Протяжно заскрипели бревна, прогибаясь под массивным телом, над оградой показалась голова. Начисто лишенная волос, голова напоминала округлый речной валун, а зеленоватый оттенок кожи лишь усиливал сходство. Маленькие глазки, глубоко упрятанные под выступающие надбровные дуги, с подозрением оглядели двор, приплюснутый широкий нос шевельнулся, принюхиваясь, и на пыльную землю с грохотом обвалилось могучее тело. Пришелец завертел головой, осматриваясь, но обнаружив мешок, сразу же успокоился. Гигант со стоном воздел себя на ноги, при этом тугой живот колыхнулся, как огромный бурдюк с вином, воровато оглянувшись, подхватил добычу и, не оглядываясь, засеменял к двери.

Мычка, с любопытством следивший за действиями пришельца, спросил с издевкой:

— Зеленый, где свинью украл?

С удивительной для своей комплекции ловкостью гость мгновенно развернулся, отбросил мешок и оскалился, угрожающе растопырив руки, но увидев насмешливое лицо вершинника, тут же успокоился, произнес с разочарованием:

— А, Мычка... Я уже сдаваться собрался, решил — гвардейцы.

— Оно и видно, — Мычка скептически ухмыльнулся. — Повернулся, ручки развел... и все неторопясь, по-доброму. Сразу видно — сдается болотник.

Проследив, как Дерн подбирает мешок и исчезает за дверью, Мычка неторопливо подошел к месту, где зеленый великан рухнул с забора, постоял, к чему-то прислушиваясь, тихонько насвистывая, поднял лежащую тут же увесистую палку, примериваясь, покачал в руке, затем вдруг резко подпрыгнул, и с силой вlepил по верхушке ограды. Снаружи что-то с шумом обвалилось, раздался тихий стон. Мычка отбросил палку, отряхнул испачканные руки, и, продолжая насвистывать, не оглядываясь, быстрым шагом устремился к дому.

Вернувшись в комнату, он задумчиво остановился у порога, заинтригованный зрелищем. Шестерня сосредоточенно пронзал взглядом пространство, время от времени громко щелкая пальцами. От напряжения его лицо побагровело, а по вискам непрерывно катились капли пота, скапливаясь в окладистой бороде. Зола стоял рядом и с каждым щелчком хмурился все сильнее. Запахло электричеством, и как будто послышались раскаты далекого грома. Наконец, Зола махнул рукой, процедил сквозь зубы:

— На сегодня хватит. Продолжим как-нибудь в другой раз.

Шестерня смахнул рукой пот, выдохнул со страстной надеждой:

— Но у меня почти получилось, ведь верно, почти?! Еще немного и...

Золу перекосило. С великим трудом сдержавшись, он оскалился, что должно было означать улыбку, ласково произнес:

— Конечно, Шестерня, я верю, у тебя все получится, мы все верим. Правда? — маг зыркнул настолько люто, что остальные тут же закивали, поддерживая. — Только давай как-нибудь потом, скажем, осенью, когда магические потоки сравнительно безопасны. А лучше зимой, когда будет нечем заняться... Я точно знаю, через пару лет наступит отличная зима, как раз и попробуем, — всхрапнув, он вылетел из помещения, только взметнулись полы балахона.

Шестерня проводил Золу непонимающим взглядом, спросил задумчиво:

— Чего это он?

Мычка пожал плечами:

— Кто их, магов, разберет. Переволновался за тебя, наверное, пошел успокаиваться. Болотник неспешно отлепился от стены, где до сих пор тихо стоял, наблюдая, и одним движением вытряхнул содержимое мешка на стол.

Воздух наполнился едким запахом, а в глазах защипало. Выругавшись, Шестерня живо отскочил, с омерзением глядя на зеленовато-бурую грудку грязи, где шевелились и пульсировали набухшие соком желтые обрубки, спросил задумчиво:

— Дерн, что это?

Болотник не ответил. Его взгляд прикипел к измазанной грязью поверхности стола, а руки нежно перебирали жуткие обрубки. Один за другим он осторожно извлекал из кучи все новых шевелящихся чудовищ, любовно очищал от грязи, и раскладывал на большой сочный лист какого-то водного растения. Закончив, Дерн достал из-под лавки глиняный горшок с маслянисто поблескивающей жидкостью, деловито стряхнул в него обрубки, и бережно, стараясь не расплескать, задвинул обратно.

Чуть слышно скрипнула дверь, в проеме возник Зола, его губы лоснились от жира, а лицо казалось умиротворенным. Принюхавшись, он с интересом завертел головой, пока не остановил взгляд на испачканном столе. Шагнув ближе, маг хмыкнул:

— Коациус Стигматум... Дерн опять лазал в затхлые пруды за едким корнем... — он покосился на великана. — И охота тебе ковыряться в грязи? Кровавые пиявки крайне неприятный паразит, уже не говорю про болотную лихорадку.

Погруженный в размышления болотник лишь отмахнулся:

— К лихорадке у меня иммунитет, а от пиявок есть отличное средство.

Мычка поморщился, сказал недовольно:

— Предлагаю отложить обсуждение болотной жизни и перекусить. У меня от голода живот подвело, да и Шестерня вон, тоже, — он покосился на пещерника, замершего с отстраненным выражением лица.

Услышав свое имя, Шестерня пошевелился, его взгляд обрел осмысленность. Пробормотав что-то невнятное, он щелкнул пальцами. Глядя, как нахмурился Зола, Дерн предупреждающе замахал руками, но помешать не успел. Шестерня бодро вскочил на ноги, жизнерадостно провозгласив:

— Я понял свою ошибку. Зола, давай еще разок!

Маг светло улыбнулся:

— Легко.

Едва пещерник выбросил руку вперед, ярко полыхнуло, уши заложило от жуткого грохота, где-то на улице истошно заорали. Шестерня ошарашено оглядел комнату. Под потолком, быстро рассеиваясь, улетучивались струйки дыма, на полу чернело пятно сажи, а на столе, в горстках грязевого пепла, дымились запекшиеся корни Коациуса Стигматум.

С трудом сглотнув, Шестерня восторженно выдохнул:

— Получилось!

Маг ободряюще хлопнул его по плечу:

— Молодец! Но следующая попытка, — он вновь нахмурился, — не раньше будущей зимы.

Присев на лавку, Мычка с подозрением вглядывался в лицо Золы, припоминая, чем были заняты руки мага за мгновение до взрыва.

Глядя на обугленный стол, Дерн задумчиво произнес:

— Слышал я, что запеченные едкие корни чудо как хороши... — взяв со стола пару

обгорелых кусочков, болотник забросил корешки в рот, смачно захрустел, пережевывая. От такого зрелища Мычку повело, а Шестерня, зажав рот руками, стремительно отвернулся.

Сквозь удушливый запах гари пробился тонкий чарующий аромат. Все разом повернули головы к выходу. Из дверного проема шагнула Шейла. Она мельком оглядела разгром, мгновенно выхватив взглядом основные точки разрушения, чарующе улыбнулась, пробормотала чуть слышно:

— Чем только не займешься, чтобы скрасить свободную минутку... — Продолжила уже в полный голос: — У меня две отличных новости. Первая — у вас будет время придумать подходящую причину, чтобы объяснить это, — женщина мазнула, вновь обвела взглядом комнату. — А вторая... Мы сможем немного заработать!

Шестерня радостно засопел, поводя обгоревшими усами, Зола вопросительно изогнул бровь, Мычка в предвкушении потер руки, и лишь Дерн, с грустью глядя на сожженные растения, мягко поинтересовался:

— Заказ?

Шейла извлекла из складок платья кожаный мешочек, опустила на стол:

— Оплата небольшая, но и задание не сложное.

Шестерня цапнул мешочек, взвесил в руке. Лицо пещерника вытянулось, он со вздохом произнес:

— Должно быть совсем простое.

Хозяйка таверны кивнула:

— Возможно, но предыдущие наемники не вернулись.

Во взглядах протаяла заинтересованность. Зола осторожно поинтересовался:

— И заказчик счел возможным поделиться подобной информацией?

Скупо улыбнувшись, Шейла произнесла:

— Он несет убытки и решил раскошелиться на полноценную группу.

Услышав последние слова, Мычка скептически поджал губы, выразительно взглянул на мешочек, словно прилипший к ладони пещерника. Перехватив его взгляд, Шейла уточнила:

— Это задаток, пятая часть. Остальное — после выполнения заказа.

— Разумно, — Зола замедленно кивнул. — Учитывая судьбу прошлых... хм. Так что у него произошло?

— Пару недель назад начал пропадать скот: сперва овцы, затем лошади. Пастухи рассказали, что животные словно сходят с ума, обрывают крепчайшие веревки и уносятся сломя голову. Когда исчез пастух, хозяин заволновался и нанял вольного охотника. Охотник не вернулся. Следующими за дело взялись трое искавших подработку гвардейцев, но... ситуация повторилась.

Мычка покачал головой, произнес с сомнением:

— Четверо наемников, чтобы поймать пару-тройку обнаглевших волков... Не жирно?

Дерн посмотрел на вершинника с любопытством, поинтересовался:

— А как же предыдущие? Ведь их тоже было... четверо.

Мычка снисходительно бросил:

— Что взять с гвардейцев? Они наверняка тут же отправились в ближайшую таверну, где и спустили задаток, забыв о деле. Вот только охотник... — закусив губу, вершинник задумался.

Пригладив космы, Зола веско произнес:

— Предлагаю закончить обсуждение и приступить к сборам. Охота не самое худшее,

чем приходилось заниматься, даже если нужно идти непонятно куда и ловить неизвестно что.

— Согласен! — Шестерня хлопнул ладонью по столу, взбив облачко пепла. — Если уж Дерн просто так ковыряется в болоте, почему бы нам за деньги не поискать обнаглевшего волка, или стаю крыс? Да хоть наловить горшок пиявок, если награда — звонкая монета!

Шейла улыбнулась:

— Поместье находится на отшибе города, за темным пределом, неподалеку от зловонных пещер.

Зола понимающе кивнул:

— Что ж, это многое объясняет.

Шестерня озадаченно присвистнул:

— Зловонные пещеры... Об этих местах болтают много интересного.

Дерн пожал плечами:

— В пещерах растут колонии зеленых грибов, давно собираюсь туда наведаться. Схожу, пополню гербарий, а на обратном пути загляну к заказчику, если наши орлы до того не справятся.

Сдернув с крюка кольчугу, болотник вскинул руки над головой, пальцы разжались, стальная сеть рассыпалась по плечам, скользнула ниже, облекая тело блестящим панцирем. Глядя на него, зашевелились остальные: с кряхтеньем ушел за ширму Зола, выбирая подходящий клинок, застыл у стены Мычка, Шестерня выгреб из-под лавки дорожный мешок и с великой сосредоточенностью рылся в содержимом. Некоторое время тишину нарушало лишь позвякивание горшочков пристраиваемых в заплечную сумку Дерном, да негромкое гудение, зажав ногами короткий лук, Мычка проверял натяжение тетивы.

ГЛАВА 2

Затрещали ступеньки, прогибаясь под весом четверых мужчин. Один за другим наемники появились в зале таверны. Первым шел Мычка. Облаченный в легкий кожаный доспех, темно-зеленые штаны из грубой ткани и мягкие промасленные сапоги он напоминал стрелков-охотников за пушниной, что порой заходили в таверну поужинать, возвращаясь в город после дневной охоты. Небольшой тисовый лук в руке и серая накидка усиливали сходство. Лишь рукояти пары коротких мечей, висящих на перевязи за спиной, да дюжина коротких кинжалов на перекинутом через плечо поясе выдавали принадлежность к классу бойцов.

За ним важно выступал Зола. Одетый в белый шелковый балахон, скрывающий тело от шеи до пят, с деревянной котомкой через плечо, маг опирался на неизменный посох с тускло мерцающим зеленоватым камнем в навершии.

Следом, напоминая огромный валун, тяжело ступал Дерн. Свисающая ниже колен кольчуга вяло колыхалась в такт шагам. За спиной болотник нес деревянный ларь, откуда при каждом шаге раздавался мелодичное звяканье. Из-за широкого пояса выглядывал кистень, с парой шипастых шаров свисающих на длинных, тронутых ржавчиной цепях.

Шествие замыкал Шестерня. С головы до ног закованный в броню, как и положено

любому пещернику, из всей компании он выглядел наиболее воинственно. Голову украшал круглый металлический шлем. Доспех из грубой кожи с многочисленными блестящими бляхами плотно прилегал к телу, закрывая предплечья и ноги чуть выше колен кольчужными отворотами, крепкие ботинки из медвежьей шкуры угрожающе топорщились металлическими набойками, продолговатый щит прикрывал спину, переброшенный за ненадобностью назад вместе с походным мешком, а в руке, внушая уважение размерами, покоилась тяжелая секира.

Окинув взглядом посетителей, наемники расположились у стойки, лишь вершинник встал возле окна, время от времени бросая короткие взоры на улицу. Распахнулась ведущая в кухню дверь, окутанная облаком ароматных запахов, из проема выдвинулась Шейла с увесистой тушкой закопченного поросенка в руках. Поросенок опустился на стойку, за ним последовала краюха грубого хлеба и блюдо с фиолетовыми клубнями, последним, на почерневшую от времени поверхность столешницы, приятно булькнув, лег кожаный бурдюк.

Шейла вытерла руки о передник, кротко произнесла:

— Полагаю, долго не задержитесь, так что много не кладу.

Шестерня деловито сложил в мешок съестное, с особым тщанием перенес бурдюк, но замешкался с клубнями, подозрительно принохиваясь, и недовольно ковыряя пальцем, однако, заметив тяжелый взгляд хозяйки, быстро сгреб остатки, и с независимым видом отошел от стойки.

Зола вопросительно взглянул на Шейлу, ожидая дополнительных указаний, но так и не дождавшись, повернулся к Мычке. Тот обернулся, едва заметно кивнул и скрылся за дверью. За ним, через равные промежутки времени, вышли остальные.

После прохладной полутьмы таверны солнце ослепило, а жаркий ветер забросил в лицо горсть пыли, оставив во рту неприятный привкус черного песчаника. Досадливо сплюнув, Шестерня огляделся. В отдалении пронзительную синеву небес пронзали острые зубцы белоснежных башенок дворцов квартала знати. Отделенный от бедных частей города высокой стеной, квартал привлекал множество алчных взоров, но вооруженная охрана бдительно несла стражу, пресекая попытки разделить бремя обладания сокровищами томимых вожделением бедняков.

Шестерня обернулся. Огромная, занявшая треть небосвода серая скала нависла над городом. Чудовищный каменный нарыв, словно разрубленный клинком великана, обнажил гнилую, изъеденную ходами-норами сердцевину, где в вечном грязном сумраке теряется дальний край бедняцких кварталов. Те места обходят стороной патрули, а с наступлением ночи даже отчаянные смельчаки предпочитают без нужды не покидать домов. Мало кто отваживается спускаться в тесное переплетение пещер, уходящих в неизведанные черные глубины, и лишь единицы возвращаются, рассказывая в полубезумном бреде о чудовищных видениях.

За спиной кашлянул Зола, Шестерня посторонился, тряхнув головой, отогнал неуместные воспоминания, навеянные рассказами завсегдатаев таверны, любителей попутать друг друга жуткими историями, пропустив на досуге чарку-другую вина.

Поплутав по лабиринту прилегающих улочек вышли к границе бедняцкого квартала, откуда и двинулись в нужном направлении. Первым двигался Мычка, следом, поглядывая по сторонам, шагали спутники, рассредоточившись, насколько позволяло загроможденное торговыми лотками тесное пространство.

Улица становилась все уже, а дома беднее. Исчезли прохожие, лишь время от времени

на глаза попадались увечные калеки, да изредка мелькали подозрительные фигуры, стремительно скрываясь от внимательного взгляда в лабиринте примыкающих переулков.

Не останавливаясь прошли предел тьмы, как в обиходе называли границу, где черным покрывалом на землю пала тень от скалы. Похолодало. От земли потянуло сыростью, а в воздухе возникли и закрепились терпкие нотки плесени и гнили. Дорога потеряла очертания, размокла, и приходилось идти, внимательно глядя под ноги, чтобы не поскользнуться на отвратительном месиве из гниющих отбросов. Мычка, по-прежнему идущий первым, все чаще останавливался, пригибаясь, всматривался в раскисшую почву, качал головой, но молча продолжал путь.

Зола шел размашисто, не оглядываясь, наверх посоха в царящих сумерках приобрело особенно зловещее свечение, нагнетая и без того тягостную атмосферу. Единственным, кого совершенно не заботила окружающая обстановка, оказался Дерн. Легко шагая через кишасшие мелкими червями лужи и кучи осклизлой грязи, он с интересом вертел головой, да изредка поглядывал на бледно-зеленые кустики какого-то сорного растения, мелкими пучками растущие повсюду.

Город остался позади, вокруг вздымались руины, а случайные уцелевшие стены тарачись пустыми глазницами выбитых окон. В очередной раз обернувшись, Шестерня ухватил краем глаза какое-то движение, после чего перевесил щит на руку и удобнее перехватил рукоять секиры.

Справа показались очертания усадьбы, немного дальше полукругом выстроились серые тени конюшен отделенных от основного здания лишь небольшим двориком. Приглушенное расстоянием, от усадьбы время от времени доносилось редкое блеяние овец. Не замедляя шаг, Мычка мельком оглядел далекие постройки, после чего вновь вперился в землю.

Зола скрипуче поинтересовался:

— Как я понимаю, в усадьбу не заходим?

Мычка оторвал взгляд от земли, бросил хмуро:

— В усадьбе нам делать нечего. Если там и оставались какие следы, их давно затоптали, да и лишнее внимание нам ни к чему.

Здания усадьбы остались далеко позади. Видимость ухудшилась, а неприятный запах стал сильнее. Вокруг колыхались тяжелые испарения, создавая иллюзию непрерывного шевеления. Шестерня страдальчески морщился, с завистью поглядывая на невозмутимого Дерна. Проводив взглядом останки очередного дома, пещерник сказал с досадой:

— Откуда здесь развалины? Кем нужно было быть, чтобы поселиться в таком вонючем месте!? Не могу поверить, что этот город основали болотники.

Зола бросил через плечо:

— Раньше было по-другому. Первые поселенцы жили еще глубже, почти в самом сердце скалы, спасаясь от палящего солнца, лучи которого в те времена были намного опаснее, разбивали сады, строили дома... — он прервался, что-то негромко пробормотал, камень на посохе сверкнул ярче.

Не дождавшись продолжения, Шестерня кашлянул, привлекая внимание, спросил с интересом:

— А дальше?

— Дальше? — Зола непонимающе обернулся. — Я что-то говорил?.. Ах, да. Город разрастался, появлялись новые кварталы, пространства требовалось все больше... Так, незаметно, вышли за пределы тени, а потом... Потом что-то произошло. Однажды ночью

земля вздрогнула, а на утро из образовавшихся трещин в скале стал просачиваться какой-то едкий газ. Сперва на это не обратили внимания, но вскоре начал во множестве гибнуть скот, а у живущих поблизости людей открылись незаживающие язвы. К тому же оружейный металл, деревянные инструменты, и даже камень зданий стали стремительно разрушаться. Под давлением напастей жители города предпочли переехать дальше, туда, где затхлый воздух разряжается свежими ветрами с равнин, а палящее солнце выжигает любую заразу.

Шестерня озадаченно протянул:

— Едкий газ, говоришь... То-то я думаю, и с чего вдруг изжога одолела!

Дерн сказал злорадно:

— А нечего было всю дорогу кабанчика жрать.

Пещерник произнес с великой обидой:

— Это я-то жрал!? Всего и отщипнул пару раз, для настроения. У меня от этой серости уже в глазах рябит. Да и разве это кабанчик? Название одно.

Зола покачал головой, сказал с удивлением:

— И куда в тебя лезет? Вроде, телом не велик, а жрешь за троих. Вон, Дерн, в два раза больше, а идет, не ноет.

— А я не ною, — Шестерня оскорбленно поджал губы. — А Дерн, что Дерн? Ему здесь как дома, идет — цветочками любит. Одно слово — болотник, — он обреченно махнул рукой. — Да что с вами говорить. Сколько уже топаем, даже перекусить не остановились.

В одном месте Мычка долго вглядывался в путаницу следов на дороге, после чего негромко произнес:

— Здесь мы свернем.

Проверив хорошо ли закреплен заплечный мешок, Шестерня соступил с дороги, и тут же ушел по колено в жидкую грязь. Зола остановился неподалеку от пещерника, что, чертыхаясь, выбирался обратно на твердое, и принялся чертить посохом в воздухе знаки, внимательно наблюдая за изменением цвета наверху. Лишь Дерн по-прежнему шагал вперед, не оборачиваясь на отставших товарищей.

Глядя вслед болотнику, Мычка окликнул:

— Хей, зеленый, поворачиваем!

Не оглядываясь, и не сбавляя шага, Дерн отозвался:

— Желаю удачи.

Мычка пожал плечами, чуть слышно пробормотал:

— И то верно. Вчетвером на зверя — курей смешить.

Массивная фигура давно истаяла в дымке, когда, завершив приготовления, вооруженная троица сошла с тропы. Двигались медленно, разойдясь в стороны настолько, что фигура товарища лишь с трудом проглядывалась в сумраке. Чуть впереди, в центре, шел вершинник, положив стрелу на тетиву лука, он поводил головой, выискивая во влажной земле одному ему заметные следы. Справа, высоко поднимая ноги, двигался Зола, камень на его посохе время от времени вспыхивал ядовито-зеленым, маг недовольно бормотал и брезгливо кривился, когда при неловком шаге грязные капли ложились зелеными кляксами на белоснежную ткань. Слева, поминутно увязая в лужах, шагал пещерник, негромко ругаясь сквозь зубы.

Время от времени вершинник поглядывал по сторонам, проверяя напарников, когда, в очередной раз обернувшись, не обнаружил Шестерни. Мычка мгновенно вскинул руку с растопыренной пятерней, призывая остановиться. Зола замер, не успев опустить ногу,

перехватил посох обоими руками, напряженно вглядываясь в сумрак. Вершинник стоял не шевелясь, поводя острыми ушами, что ловили малейшие звуки, но вокруг царила тишина.

Негромко кашлянув, Зола произнес чуть слышно:

— Возможно Шестерня потерял направление. Я могу ненадолго подсветить.

Вершинник покачал головой:

— Опасно. Свет виден на большое расстояние, мы можем привлечь зверя.

Осторожно опустив ногу на землю, Зола подошел ближе, спросил прямо:

— Ты уверен, что зверь существует?

Мычка кивнул на царящий под ногами мрак:

— Мы идем по его следам.

Зола бросил коротко:

— Кто?

Немного помявшись, вершинник с неохотой признался:

— Я не могу понять. След странный. Такие животные не водятся в наших землях. Единственно, что могу сказать, судя по глубине отпечатков зверь небольшой, но... Он не успел договорить, тишину прорезал дикий крик, перешедший в тонкий визг. Не сговариваясь, напарники сорвались с места, понеслись, не разбирая дороги. Крик больше не повторялся, но вершинник бежал уверенно, точно определив направление.

Впереди завозилось незримое, зашлепало, недовольно бормоча. С силой оттолкнувшись, Мычка взлетел над землей, до хруста растягивая лук. Расширившись, зрачки впились в темноту, выискивая цель. Внизу, у земли, что-то заворочалось, встопорщилось черной тенью, поднялось на дыбы и... выругалось голосом пещерника.

Зарычав, вершинник рванул оружие в сторону, несущее смерть острие ушло в пространство, не причинив вреда. Мягко перекатившись через плечо, Мычка резко подхватился, прошипел зло:

— Шестерня, какого демона!

Мелькнуло светлое. В бликах магического света возникло перекошенное лицо Золы. Черные угольки глаз зло уставились из-под кустистых бровей.

Пещерник повернулся к товарищам, прикрывая глаза от света, виновато произнес:

— Дык, неожиданно как-то получилось. Я поскользнулся, в лужу упал, а там эти...

Наемники молча уставились на масляно поблескивающую поверхность воды, где, подсвеченные приглушенным светом посоха, плавали искореженные останки людей. Мычка некоторое время разглядывал жуткую находку, когда его спина напряглась, а глаза впились в сумрак, вслед за ним повернули головы остальные. На пределе слуха возник далекий звук, усилился, превратившись в размеренный топот, словно к ним приближалось массивное животное, недвижимая гладь воды едва заметно завибрировала.

Шестерня с Золой встали наизготовку, но к их удивлению, Мычка не спешил вновь натягивать лук. Потеряв к происходящему всякий интерес, вершинник вернулся к изучению останков. На лице мага отразилось замешательство, он замедленно опустил посох, когда из темноты на них выскочил Дерн. Болотник был страшен, забрызганный с ног до головы грязью, с шипастым кистенем в руке, он бешено вращал глазами, отыскивая цель.

Ковыряясь в кровавом месиве, Мычка как ни в чем не бывало произнес:

— С возвращением, Дерн. Много грибов набрал?

Не ответив, Дерн сунул кистень за пояс, нагнулся, и легко вытащил из воды полуразложившееся тело, на котором угадывались обрывки формы, тяжело дыша произнес:

— А вот и наши гвардейцы.

Окинув брезгливым взглядом останки, Зола пробормотал:

— Далеко же они забрались.

— Не настолько, чтобы... — вершинник не договорил. Его глаза резко расширились, он крикнул страшно. — Сзади!

Не оборачиваясь, Зола выбросил руки в стороны. Бледное сияние окутало фигуру мага, осветив небольшое пространство вокруг. Но даже такого слабого освещения хватило с избытком. За его спиной, готовясь к прыжку, застыл сгусток тьмы. Мгновение, и гибкое тело, припадая к земле, метнулось в атаку.

Руки вершинника задержались, выпуская стрелы одну за другой, надсадно взревел болотник, заноса цеп для удара, руки мага заплясали, наливаясь пламенем, отгородившись щитом, встал в боевую стойку Шестерня. Но бой закончился не начавшись. Неведомый хищник, испуганный светом, резко изменил траекторию движения. Шарахнувшись в сторону, ударился всем телом о пещерника, и стремительно скрылся в темноте. Шестерня несколько мгновений размахивал руками, пытаясь восстановить равновесие, но, не удержавшись, завалился навзничь, подняв тучу брызг. Колыхнулись кровавые ошметки, от потревоженной воды потянуло жутким зловонием.

Глядя, как пещерник, кляня темных богов, вторично выбирается из лужи, Дерн воскликнул, все еще находясь в пыли боя:

— Куда, куда он ушел!?

Маг поправил растрепавшиеся волосы, пожал плечами:

— Да куда бы ни ушел. Мычка, вроде, живой, доведет.

Вершинник, стремительно собирающий рассыпавшиеся из колчана стрелы, отрывисто произнес:

— Надо идти быстрее, пока животное не пришло в себя. Вытаскивайте Шестерню и вперед.

Грудь болотника ходила ходуном, ноздри раздувались, он по-прежнему тяжело дышал, но спросил уже спокойнее:

— А вы уверены, что животное одно, и нам не ударят в спину, когда пойдем следом?

— Уверены, — Мычка подобрал последнюю стрелу. Закинув колчан за спину, добавил:

— По крайней мере здесь, иначе бы напали вместе. Шестерня, цел? — он окинул взглядом доспех пещерника, из которого вытекали ручейки грязи, не дожидаясь ответа махнул рукой. — Все, идем, разговоры после.

Дерн нахмурился, о чем-то напряженно размышляя, сказал с досадой:

— Вообще-то я собирался в пещеры, но теперь не уверен, стоит ли продолжать...

Зола сказал холодно:

— Так возвращайся, ты ж за грибами пошел. А мы пройдемся. Глядишь и заказ выполним ненароком.

Дерн молча смотрел, как друзья быстро уходят. Когда три силуэта растаяли в серой дымке, болотник с досадой махнул рукой и заспешил следом.

ГЛАВА 3

Запалив факел, вершинник стремительно зашагал, почти не глядя под ноги. На

поросшей нежным мхом поверхности четко выделялись отпечатки широких лап. Следуя по пятам, Зола время от времени с любопытством поглядывал вверх. Темно-синее небо давно сменилось серым нагромождением камней, и чудовищная масса горы ощутимо давила даже через широкую воздушную прослойку. Представив, какое количество камня нависает над головой, маг поежился, невольно обернулся, отыскивая взглядом край небосклона. Скальный карниз выступал огромным массивом, создавая непередаваемое ощущение нереальности происходящего. Залюбовавшись зрелищем, Зола остановился, а когда опомнился, товарищи оказались далеко впереди. Ориентируясь на тусклый отблеск факела, маг заторопился, догоняя ушедших.

Стали все чаще попадаться потрескавшиеся каменные глыбы, что когда-то откололись от основного тела скалы, рухнув с огромной высоты, они глубоко ушли в податливую почву. Окруженные обломками, глыбы представляли отличную возможность для засады. Мужчины подобрались, Шестерня вытащил секиру из петли, а Дерн поправил пояс, передвинув цеп ближе к руке.

Вершинник пошел медленнее, приглядываясь к земле с особым тщанием, пока совсем не остановился. Воспользовавшись заминкой, Дерн принялся бродить вокруг, изучая растительный покров, удивительно богатый для лишенной солнечного света местности. Выкопав колючий кустик с рядом бледных бутонов на тонкой ножке, болотник некоторое время принюхивался, затем растер бутоны в пальцах, лизнул, и надолго замер в задумчивости. Удивленный возглас прервал его размышления. Отбросив растение, Дерн пошел на звук, пока не увидел застывшие фигуры товарищей.

Приблизившись, болотник выглянул из-за спин, пытаясь рассмотреть причину остановки. От места, где замерли наемники, начиналась полоса сухой спекшейся земли, образовавшая идеальный круг. Растительность не проникала за незримую границу. Пышный бурый мох, в изобилии росший повсюду, в шаге от пятна засыхал и хирел, вырождаясь в крохотные пенечки, при малейшем прикосновении распадающиеся в пыль. Воздух над странным образованием едва заметно дрожал.

Без интереса осмотрев полянку, Дерн перевел взгляд на лица друзей, спросил участливо:

— Случилось что?

Опустив факел, Мычка угрюмо указал под ноги. Следы, по которым отряд шел всю дорогу, закончились. Последние оттиски виднелись у самой границы пятна, дальше след обрывался.

Болотник терпеливо поинтересовался:

— И что это означает?

— Оно исчезло! — потрясенно прошептал Шестерня.

Мычка покачал головой:

— Скорее, перепрыгнуло, — вершинник поднял факел, — вон туда.

Пламя осветило хаотическое нагромождение камней по ту сторону сухой площадки. В основании нерукотворного холма оскаленной пастью зияло отверстие пещеры.

Прикинув расстояние, маг уважительно качнул головой:

— Хороший прыжок. После поимки надо будет подробнее изучить мышцы и скелет животного.

Шестерня отступил на шаг, спросил смятенно:

— Вы собираетесь за ним следом? Туда?!

Зола сказал с притворным ужасом:

— Мы? Как ты мог такое подумать? Конечно нет! Но, где-то здесь был пещерник...

Дерн кивнул:

— Говорят, они мастера перемещения в тесных пространствах.

— Темных, тесных пространствах, кишущих монстрами, — злорадно добавил Мычка. —

Иначе, кто бы стал платить за приятную прогулку по свежему воздуху?

Шестерня обвел хмурым взглядом товарищей, сказал со вздохом:

— Что ж, делать нечего... — помолчав, добавил мечтательно. — С другой стороны, я не раз слышал, что пещеры просто набиты сокровищами, ждущими героя, что отважится вынести их на солнечный свет, забрав из вековой тьмы подземелий.

Расправив плечи, пещерник бодро двинулся вперед, но Мычка придержал его за руку, сказал с сомнением:

— погоди. Что-то здесь не так.

— Да в чем дело? — Зола нетерпеливо потрянул головой. — Быстрее начнем, быстрее закончим. Не знаю, как вам, а мне порядком надоел местный смрад.

Нахмурившись, Мычка настойчиво повторил:

— Здесь что-то не так. Ни одно животное не будет просто так совершать прыжки в полтора десятка шагов. Оно явно чего-то опасалось, раз не пошло по поверхности. Тебе самому это не кажется странным?

— Мне нет, — маг сделал резкий жест рукой, добавил желчно, — но давай на чистоту. Ни я, ни ты не знаем, что это за зверь, какие у него повадки и предпочтения. Возможно, он не любит серый цвет, а может в детстве обжегся о свежие угли охотничьего кострища и теперь шарахается от любого нагретого пятна схожей формы. В любом случае, я не вижу повода стоять здесь дольше, созерцая кусок высохшей земли, вместо того, чтобы быстрее закончить заказ и вернуться к прерванным делам.

Выслушав яростную тираду, болотник произнес, тщательно подбирая слова:

— Наверное, Мычка в чем-то прав. Не стоит переть на рожон. Тем более... — он втянул ноздрями спертый воздух, — не такой уж тут и смрад.

Сверкнув глазами, Зола зло прошипел:

— Что ж, оставайтесь. Желаю приятного отдыха, — и прежде, чем его успели остановить, шагнул на спекшееся пятно.

Вершинник застыл, Дерн прищурился, а Шестерня распахнул рот ожидая жуткого, но ничего не произошло. Опираясь на посох, Зола бодро топал к пещере, взбивая сапогами облачка пыли.

Опомнившись первым, пещерник пробормотал:

— Иногда мысли об опасности страшнее самой опасности, — сдвинув шлем на переносицу, он засеменял за магом.

Пожав плечами, за ним двинулся болотник. Глядя на безрассудство товарищей, Мычка сцепил зубы, и через силу, крадучись, пошел следом, с замиранием сердца ступая по хрустящей под ногами земле.

Подходя к пещере, Зола мельком оглянулся, сказал саркастически:

— Мне чудится, или доблестные наемники, пересилив страх, вняли гласу разума?

Мычка открыл рот для ответа, но в этот момент глубоко внизу гулко ухнуло. Почва под ногами просела, а плотная, спеченная поверхность покрылась сетью трещин, и стала стремительно крошиться, расплываясь зыбкой пылью.

— К краю! — надрывный крик вершинника сорвал с друзей оковы страха.

Неловко перебирая ногами, Зола двинулся вперед, быстро погружаясь в бурлящую пыль. Неподалеку, провалившись по пояс, размахивал руками Дерн. В момент смертельной опасности сработали навыки пловца, словно забыв, что вокруг совсем не та стихия, болотник упорно продолжал грести руками, медленно сдвигаясь к спасительному краю. Тут же, распластавшись, как огромный жук, проворно полз Шестерня. Оглянувшись, он, округлив от удивления глаза, уставился на вершинника, бежавшего, словно жук-водомерка, отталкиваясь всеми четырьмя конечностями. Мгновение, и Шестерню схватило, поволокло.

Волоча пещерника, Мычка взлетел за пределы бушующей поляны, что уже приобрела форму воронки. Рядом, ругаясь на немыслимом наречии, выполз на твердое Зола. Лицо мага исказилось мукой, а рука дернулась в жесте помощи, едва он бросил взгляд назад:

— Дерн! — надрывный крик захлебнулся в грохоте.

Стремительно обернувшись, Мычка похолодел. Посеревший от усталости Дерн по-прежнему взмахивал руками, но все быстрее сползал к центру воронки, где, закручиваясь вихрем, почва проваливалась в неведомые глубины. На мгновение лицо болотника напряглось, яростно зарывчав, он с силой рванул котомку, тонкие лямки лопнули, словно сделанные из гнилой соломы, а могучая рука резко распрямилась, отбросив коробку с драгоценными снадобьями вверх, к неподвижному краю. Проследив, как котомка исчезла из виду, Дерн светло улыбнулся.

— Шестерня, ноги! — не раздумывая, вершинник прыгнул назад.

Внутри на мгновение похолодело, Шестерня мог не услышать, или банально не успеть. Но полет прервался, на щиколотках сомкнулись стальные ладони, а тело болезненно дернувшись, замерло. Подняв глаза, Мычка наткнулся на пустой взгляд болотника, что уже не шевелился, безвольно сползая все глубже. Вершинник задержался, пытаясь дотянуться до ускользящего тела, но тщетно. Он зарывчал, в бессилии сжимая кулаки, когда, вздымая пыль, с яростным воплем мимо пронеслось светлое. Узнав в бесформенном предмете Зола, Мычка в последний момент перехватил друга. Тощие ноги взбрыкнули, взметнув фонтанчик песка, снизу донесся радостный крик. Приподняв голову, вершинник с облегчением увидел, что Зола остановил движение Дерна, крепко вцепившись руками в недвижимое тело.

Установилось хрупкое равновесие. Шестерня намертво влип в землю, удерживая тела товарищей от падения, но едва попытался шевельнуться, как вся цепочка сдвигалась в прожорливую пасть воронки. Пещерник сосредоточился, несколько раз глубоко вздохнул, и, что было сил, дернулся назад. Плечи скрутило судорогой, а запястья застонали от напряжения, но он смог выиграть крохотное расстояние. Вбив носки сапог глубже в грязь, Шестерня вновь дернулся. В глазах заплясали разноцветные мухи, а в спине подозрительно хрустнуло, но ноша вновь подалась. Зафиксировал тело, он замер, приходя в себя.

Снизу что-то ободряюще кричал Зола, ему вторил Мычка, когда вдруг наступило молчание, а разрывающее тело тяжесть исчезла. Подняв глаза, Шестерня обнаружил в руках лишь старые охотничьи сапоги. Челюсть пещерника отвисла, а глаза остекленели, пока чудовищное понимание не пронзило мозг. Зарывчав от невыносимой муки, Шестерня поднялся на ноги и, закрыв глаза, шагнул в пропасть.

Мысли вяло ворочались в черепе, уши заложило, а перед глазами в крошечной тьме плавали зеленые мухи. Дерн с трудом шевельнулся. Тело отозвалось тупой болью, словно пропущенное через мельничные жернова. Болотник полежал, прислушиваясь к ощущениям, рывком сел. В спине громко хрустнуло. Оперевшись на руки, Дерн потряс головой, закрыл и открыл глаза, но зеленоватые огоньки не исчезли, наоборот, вспыхнули ярче, прибавились в количестве.

Мелькнула смутная догадка. Поддавшись порыву, Дерн протянул руку к ближайшему огоньку, пальцы дотронулись до скользкого, поддели. Болотник поднес находку к глазам, некоторое время смотрел. На ладони, поводя тоненькими рожками, слабо светился громадный слизень. Отбросив существо, Дерн пробормотал:

— Пещерные светляки... Откуда они здесь?

Неподалеку зашуршало. Невидимый в темноте, кто-то закричал, коротко выругался. Негромко хлопнуло, в воздухе возникла россыпь бледных огней, осветив недовольное лицо Зола. Маг сидел на песчаном откосе и сокрушенно качал головой, глядя на лежащие тут же обломки посоха. Покосившись на болотника, он сказал с досадой:

— И дернуло же меня. Не узнать простейший зыбун... Не иначе дурные испарения повлияли.

Дерн с сочувствием посмотрел на товарища:

— Не починить?

Зола подобрал один из обломков, горестно погладил отполированное дерево, вздохнул тяжело:

— Где уж там. Теперь только на костер и сгодится.

Дерн попытался встать, но навалившийся на ноги песок держал крепко. Размяв кисти, болотник принялся разгребать завал, и вскоре в освобожденные ноги хлынула кровь, возвращая чувствительность. По мышцам разошлось приятное тепло, а занемевшие пальцы шевельнулись. Согнув и разогнув ноги, Дерн осторожно встал, вздохнул с облегчением:

— Что ж, ноги целы, займемся поисками.

Дерн осмотрелся. Вокруг, сразу за границей светлого пятна, крошечная тьма, под ногами испещренная выбоинами каменная поверхность, тут же, золотистый песчаный склон, что в свете магических огней кажется мертвенно белым. Ни стен, ни свода, словно и не пещера вовсе, а сам мир навсегда погрузился в беспросветную черноту, прорезаемую лишь тусклыми блуждающими огнями.

Дерн двинулся вдоль песчаного холма. Высоту не определить, вершина теряется во мгле, а край закругляется настолько плавно, что и без света ясно — холм велик, быстро не обойти. Зола остался сзади, а слабый свет магического огня вскоре сошел на нет. Замедлив шаг, болотник вытянул руки, побрел медленнее. Левая нога каждым шагом взбивает фонтанчик песка, не очень удобно, но лучше так, чем потеряться в непроглядной мгле пещеры. Сапог уткнулся в твердое. Ощупав препятствие ногой, Дерн наклонился, пытаясь определить точнее, когда рядом молодецки ухнуло. Над головой пронеслось тяжелое, с гулом вспоров воздух. В темноте взревело, исполненный ярости голос прорычал:

— Подходи ближе, секиру тебе в печень, отдавай честной стали, тварь подземелий!

Упав ничком, Дерн избежал следующего удара. Откатившись в сторону, заорал не своим голосом:

— Шестерня, твою душу мать, уймись, угробишь!

Во тьме охнуло. Повисла тишина, но тут же сменилась ликующим воплем. Подбежало гремящее, облапило жарко. Болотник ощутил, как его поднимают, куда-то волокут. Насилу отбившись, Дерн рывкнул, стараясь не выдать охватившей радости:

— Да уймись же ты, пещерное семя. Споткнусь — костей не соберу на камнях.

Шестерня ослабил хватку, спросил с удивлением:

— Здесь песок под ногами, дальше камни, а там мой щит лежит, разве не видно?

Дерн усмехнулся:

— Вот и я думаю — светло, как днем... И как ты промахнулся?

Пещерник тяжело вздохнул, чешуйки доспеха жалобно скрипнули, сказал виновато:

— Не обвыкся. Да и боязно, все же место незнакомое. Мало ли что...

— Раз видишь — веди, — Дерн повел тяжелой дланью, нащупав плечо приятеля, взялся крепче. — Я ведь сейчас, как слепой.

Шестерня потоптался на месте, спросил недоуменно:

— Куда вести-то?

Болотник рассудительно произнес:

— Зола упомянул зыбун. Значит нужно копать песок.

— Зачем? — тупенько поинтересовался пещерник. — Полагаешь, здесь может оказаться что-то ценное?

Не отвечая, Дерн легонько подтолкнул Шестерню:

— Веди вдоль песчаной кучи. Если что увидишь, или почувствуешь — скажи. А то с той стороны копает один жадный маг, найдет первым — не поделится...

Уставшие руки налились металлом, а спина занемела. Дерн прекратил копать, отплевываясь, присел на мягкое, застыл, вслушиваясь в долетающие звуки. Из темноты доносилось размеренное шлепанье и хруст, словно гигантский крот рыл тоннель в поисках пищи. Болотник покачал головой, он уже дважды прерывался на короткий отдых, а неутомимый пещерник без устали отбрасывает песок, не выказывая признаков усталости.

Прикоснувшись к иссеченным камнями подушечкам пальцев, Дерн поморщился, громко произнес:

— Шестерня, ты уверен, что верно выбрал место, ведь мы не прошли и пары шагов?

На мгновение шум прекратился, раздался удивленный голос пещерника:

— Конечно. Зачем идти далеко, ежели земля под руками?

Шорох возобновился, а Дерн покачал головой, пробормотал сокрушенно:

— Действительно, и как я сам не догадался?

Он с силой взмахнул руками, нагнетая кровь, но едва вновь углубился в податливую породу, как раздался ликующий крик. Во тьме завозилось с утроенной силой. Болотник бросился на звук, прикрывая глаза от летящего во все стороны песка.

— Здесь я, здесь! — донеслось из тьмы раздраженное. — Куда прешь, зеленая твоя душа, да вернись же!

Дерн послушно шагнул на голос. Шестерня возбужденно сопел, яростно разгребая песок, словно оголодавший секач в поисках сладких кореньев.

— Да не стой столбом, болотная сыть, помогай! — за плечо схватила невидимая рука, дернула вниз, пригибая.

Не ожидая такого напора, Дерн согнулся пополам, с трудом удержавшись от падения. Пальцы коснулись холодного, пробежались, ощупывая. Тонкое запястье, скрюченные

похолодевшие пальцы, кожаный рукав... Забыв про усталость, Дерн начал отбрасывать песок с утроенной скоростью. Рядом уважительно крикнуло, завозилось яростнее. Вдвоем они в считанные мгновения извлекли тело. Не останавливаясь, Дерн взвалил вершинника, за это время как будто ставшего еще легче, на плечо, и коротко произнес:

— Веди.

Пещерник спросил растеряно:

— Куда вести-то?

— Откуда пришел! — раздраженно рявкнул болотник. — Я пришел, не ты.

Шестерня суетливо завозился, определяясь с направлением, деловито произнес:

— Топай за мной, да не бойся. Если что под ноги попадетя, скажу загодя.

Ориентируясь на звук, Дерн двинулся следом, в нужный момент перешагивая трещины и обходя камни, едва лишь пещерник твердым голосом отдавал команды, указывая опасные места. Тьма поредела. На блестящих от влаги камнях замерцали оранжевые всполохи, приятно потянуло дымком. Мгновение, и напарники вышли к костру. Сидящий у огня нахохлившийся человек вскочил испуганно, едва заслышав шаги, но оглядев пришельцев, успокоился, деловито спросил:

— Живые?

— Почти, — Дерн подошел ближе, снял с плеча безжизненное тело, осторожно уложил. Его пальцы паучками забегали по груди вершинника. Напарники с интересом следили, как болотник деловито управляетя с телом, поворачивая то так, то этак. Несколько раз громко хрустнуло. Закончив манипуляции, болотник осторожно подвинул по-прежнему недвижимого Мычку ближе к огню, неторопливо поднялся, стряхнув с ладоней налипшие песчинки, с сожалением произнес:

— Сейчас бы зелье пробуждения, — он поскреб затылок, спросил без особой надежды, — Зола, Шестерня, вам моя котомка на глаза не попадалась?

Маг с удивлением покосился на болотника, но промолчал, перевел взгляд на пляшущие огоньки костра. Шестерня распахнул глаза, сказал изумленно:

— Так ты же сам ее выбросил, когда в воронку провалился. Не помнишь? С такой силой метнул, что я даже удивился, как не треснула при падении. Наверняка все склянки побились.

Дерн покачал головой, сказал с досадой:

— Ничего не помню.

Шестерня присел, принялся стаскивать доспех, из чешуек тихим шелестом непрерывно сыпались песчинки. За доспехом последовала потертая рубаха. Оказавшись по пояс голым, Шестерня с наслаждением начал драть спину ногтями, побрякивая от удовольствия. Глядя на него, разделся и Дерн. Лишь Зола, некоторое время крепился, но и он не выдержал, сбросил халат и стал исступленно чесаться.

Глянув между делом в огонь, пещерник одобрительно произнес:

— Костер — хорошо. Я хоть и вижу в темноте, но с огнем как-то сподручнее. Только... — он прищурился, взглянул пристально, — почему-то эти дрова кажутся мне смутно знакомыми.

Дерн кивнул, сказал задумчиво:

— Не удивительно. Мне тоже. Если ты хоть раз видел дрова, то уж ни с чем не спутаешь.

Шестерня с подозрением взглянул на болотника, вновь вгляделся в слабое пламя, уверенно произнес:

— Нет, в самом деле. И этот обгоревший камень... Где-то я его уже видел.

Зола не выдержал, сказал сердито:

— Что вы к дровам прицепились? Лучше бы о насущном подумали.

— Так бы сразу и сказал, — понимающе ухмыльнувшись, Шестерня полез в заплечный мешок. — О насущном я подумал сразу же, едва открыл глаза, и обнаружил себя в этой, в этом... — он неопределенно пошевелил пальцами, пытаясь подобрать слово, но лишь махнул рукой.

Пошарив в мешке, Шестерня по-очереди извлек припасы, разложил рядом на щит. Взглянув на копченую тушку поросенка, Дерн с шумом втянул ноздрями воздух, а Зола громко сглотнул. Когда на свет появился бурдюк, болотник вдруг щелкнул пальцами, с несвойственной ему скоростью выхватил увесистый мешок из рук Шестерни, и, сорвав крышку, резко опрокинул в рот.

Зола с Шестерней оторопело смотрели, как на зеленой шее дважды дернулся кадык. Отняв бурдюк от губ, Дерн удовлетворенно крякнул, сказал довольно:

— Лучше некуда, — нагнувшись к безжизненному Мычке, он одной рукой разомкнул сжатые челюсти, а второй по каплям начал вливать жидкость в рот. И тут произошло невероятное. Руки вершинника дернулись, а губы вытянулись по направлению к сосуду. Дерн одобрительно кивнул, приоткрыл горлышко шире.

ГЛАВА 5

Мычка судорожно глотал, не открывая глаз, но щеки заметно порозовели. Проследив за волшебным возвращением товарища к жизни, Шестерня хлопнул широченными ладонями себя по ляжкам, сказал восхищенно:

— Ай да болотник. Любо-дорого глядеть. Настоящий лекарь!

Зола забрал не нужный более бурдюк, скептически взвесил на ладони, сказал ворчливо:

— Зачем же так щедро расходовать запас. Так бы очухался. Вершинники — племя живучее.

Мычка открыл глаза, обвел еще мутным взором друзей, невнятно произнес:

— Зола, у тебя в роду случайно пещерников не было?

Маг промолчал, лишь зыркнул сурово. За него ответил Дерн:

— Наверняка не обошлось. Чувствует себя как дома, посох сжег, в зыбун попер, как на полянку с цветочками...

Мычка неловко сел, покачиваясь, задумчиво воззрился на Дерна, спросил тупо:

— Зачем посох-то?

Болотник пожал плечами, ответил убежденно:

— Так ведь как дома.

Обедали молча, лишь потрескивание раздираемого на куски поросенка, да смачное чавканье нарушали могильную тишину подземелья. Магические огни истаяли, а обломки посоха догорели, и только тлеющие багровым угли, изредка вспыхивая, с трудом рассеивали тяжелый сумрак. Лица наемников застыли жуткими масками. Создавалось впечатление, что вокруг затухающего костра расселись демоны подземного мира.

Шестерня облизал пальцы, тщательно вытер руки о штаны, и с наслаждением откинулся на спину. Прищурившись, Мычка посмотрел по сторонам, неуверенно произнес:

— Темно-то как. Вроде, был еще какой-то источник света...

Зола ответил скрипуче:

— Показалось.

Вершинник пробормотал сокрушено:

— Тут же хоть глаз выколи. Как передвигаться?

Оторванный от размышлений, шевельнулся Дерн, осторожно поинтересовался:

— Никто не догадался захватить сеть?

На него посмотрели с таким выражением, что Дерн живо выставил перед собой ладони, скороговоркой произнес:

— Простите. Спросил, не подумал, — он встал, и неторопливо удалился.

Болотника проводили удивленными взглядами. Костер окончательно потух, подернутые пеплом, истаяли последние искры. С кряхтением поднялся Шестерня, пробормотал:

— Отойду и я ненадолго.

В отдалении стихли шаги. Чувствуя, как леденеют подошвы, Мычка воззрился на свои босые ноги, с удивлением пробормотал:

— Вот так и теряй сознание. Последнее снимут.

Отстегнув плащ, он сделал несколько небольших надрезов кинжалом, с силой рванул, ткань затрещала, подаваясь, разошлась длинными полосками. Закусив губу, вершинник сосредоточенно колдовал со ступнями. Наконец, с шумом выдохнул, отстранился, удовлетворенно осматривая результат. На ногах, поражая изяществом и оригинальностью формы, красовались импровизированные чуни.

В установившейся тишине неправдоподобно скрипуче прозвучал голос мага:

— Вынужден признать, что совершил критическую ошибку. Когда вернемся, разделите мою долю поровну.

Мычка ответил с нервным смешком:

— Обязательно, если к тому времени заказ не выполнит кто-то другой.

— Не думаю, что мы здесь задержимся, — с нарочитой бодростью произнес Зола. — Не так уж глубоко провалились. К тому же, Шестерня отлично видит в темноте. Не позднее чем через сутки мы вновь увидим свет.

Вершинник промолчал, не желая расстраивать товарища, хотя и не разделял оптимизма, наслышанный от бесстрашных ночных охотников, что представляют из себя расположенные под Скалой пещеры. Тянущиеся далеко за пределы города переплетения извилистых ходов, где тяжело ориентироваться без специальной подготовки, и еще тяжелее передвигаться без нужного снаряжения.

Старательно вспоминая мельчайшие знания о пещерах, вершинник ушел в себя, а когда очнулся, что-то изменилось. Повернув голову, Мычка замер, чувствуя, как похолодело внутри, а на голове зашевелились волосы. Из темной глубины пещеры, чуть покачиваясь, беззвучно плыл исходящий зеленоватым сиянием шар. В памяти вихрем пронеслись десятки историй о невероятных порождениях тьмы, что, терзаемые вечным голодом, по капле высасывают из жертв живительные соки, растворяя плоть и забирая душу.

Пальцы крепко сжали рукояти метательных ножей, а глаза оценили дистанцию, когда уши уловили едва слышное похрустывание. Замерев с отведенными для броска руками, Мычка настороженно вслушивался, неотрывно следя за приближающимся существом.

Хрустнуло громче. Более не таясь, вершинник с облегчением выдохнул, зашуршал перевязью, вставляя ножи в гнезда, саркастически произнес:

— Редкий болотник спокойно пройдет мимо зеленого, не набрав охапку.

Рядом испуганно охнуло. Сидевший до этого мгновения задумавшись, Зола обернулся, желая рассмотреть болотника, но наткнулся взглядом на светящуюся сферу. Справившись с оторопью, маг недовольно буркнул:

— И не сидится тебе. Приволок очередной дряни.

Дерн подошел ближе, осторожно опустил загадочный сверток, что, при ближайшем рассмотрении, оказался кольчугой, искусно подвязанной снизу, и до верху набитой бледно-зелеными слизнями, сказал довольноно:

— Зато теперь я вижу хоть что-то, и не упаду, запнувшись о первый же камень, сломав себе при этом, ха-ха, посох.

При этих словах Зола перекосило, но маг сдержался, лишь плотнее сжал губы. Взглянув на спутников, Дерн поинтересовался:

— Вы здесь заночевать решили, или уже пойдем, поищем выход?

Мычка бодро произнес:

— А по-твоему, кого мы дожидаемся? Шестерня уже давно нашел, и немедленно двинул наверх. А мы все сидим, сидим...

Дерн виновато оглядел товарищей, засуетился, собирая разбросанные вещи.

Мычка покосился на кольчугу, где вяло шевелились слизи, время от времени красиво вспыхивая, мечтательно сказал:

— И все же, такая красота. Наверное, оно того стоило.

— Чего стоило? — на него с удивлением взглянул Зола.

Мычка неопределенно махнул рукой:

— Попасть сюда, задержаться, подождать, пока Дерн наловит улиток, чтобы насладиться изумительным переливом красок. И это шевеление, оно такое загадочное...

Постучав пальцем по виску, Зола отвернулся, а болотник с любопытством воззрился на охотника, пытаясь понять, шутит он, или начали проявляться последствия долгого нахождения под завалом, когда рядом довольно крикнуло, из темноты возникло оживленное лицо пещерника. Оглядев компанию, Шестерня произнес, удивленно округлив глаза:

— Что, все в сборе, и даже не подрались?! Не иначе пора выступать.

Сперва двигались группой, затем, когда из тьмы выдвинулись стены, выстроились гуськом. Первым, фальшиво насвистывая известную мелодию, шел Шестерня, следом двигался Мычка. Уши вершинника шевелились, улавливая малейшие колебания воздуха, а прикрытые глаза едва заметно подрагивали, выдавая настороженность охотника. Замыкал шествие Дерн. Сперва Болотник шел во главе отряда, подсвечивая путь кольчугой со слизнями, но когда Шестерня в который раз указал опасный выступ еще за десяток шагов, Дерн уступил ему первенство, а сам пристроился позади, надежно защитив спутников с тыла своим массивным телом.

Изредка попадались развилки, но, руководствуясь чутьем, Шестерня каждый раз не раздумывая выбирал путь, и наемники продолжали движение. Порой коридор резко менял направление, сужаясь настолько, что приходилось обдирать бока о шершавые стены, протискиваясь сквозь узкий проход. Пройдя очередной сверток, Шестерня остановился настолько резко, что, не успев среагировать, Мычка едва не расшиб нос об остроконечный шлем пещерника.

— Пришли, — жизнерадостно доложил Шестерня, — Эй, кто сзади, поворачивай оглобли!

Мычка выглянул из-за плеча пещерника, но ничего не увидел, пока Дерн, неспешно приблизившись, не осветил пространство своим импровизированным фонарем. Коридор в этом месте расширился, образовав небольшую пещеру, но впереди, выдаваясь изломанными очертаниями, высилась груда камней. По всей видимости, какое-то время назад, не выдержав напряжения рухнул потолок, оградив глубины от проникновения незваных гостей.

Дерн подошел к завалу, внимательно осмотрел стыки камней, спросил с сомнением:

— Может получится разобрать?

Шестерня, деловито шурующий в мешке с припасами, бодро отозвался:

— Нет смысла. Там шагов на сто породы.

— Уверен? — Дерн в упор взглянул на пещерника. — Может все же попробовать?

Шестерня пожал плечами:

— Попробуй, коли сил не жалко. Я камень нутром чую. Дальше не пробиться.

Зола огляделся, меланхолично произнес:

— Похоже, я поторопился с прогнозами. — Приблизившись к пещернику, с независимым видом уплетавшему остатки поросенка, спросил требовательно: — Что ж ты чутье не использовал, заранее не предупредил?

Шестерня взглянул снизу вверх на нависшего, словно смерть, мага, сказал просто:

— Так завал недавний. — Узрев на себе вопросительные взгляды товарищей, объяснил: — Камню отлежаться надо. Чем древнее порода, тем легче почувствовать структуру, где в скале каверны, а где жили золотоносные, — он с хрустом перекусил косточку, стукнул о ладонь, вытрясая сладкий мозг.

Мычка присел рядом, спросил с любопытством:

— И проходы чувствуешь?.

— Конечно, — Шестерня даже обиделся. — С проходами всего проще. В те отнорки, что я обошел, даже соваться не стоит. Короткие совсем. Если сомневаетесь, проверьте, как назад пойдём.

— А с этим что? — Зола озадаченно сдвинул брови.

Пещерник развел руками, сказал виновато:

— Завал свежий, еще отлежаться не успел, такой не почуять.

Кивая в такт словам, Мычка протянул руку за мясом, но пальцы захватили пустоту. Нахмурившись, вершинник сказал:

— Зола, ты б подсветил для разнообразия. Я мясо не вижу.

Шестерня встрепенулся, спросил с удивлением:

— Какое мясо?

Мычка искоса оглядел товарища, сказал сквозь зубы:

— Слыхал я, что хорошо прожаренный пещерник по вкусу удивительно напоминает свежую дичь.

— Что верно, то верно, — мечтательно произнес Дерн, привалившись к стене. Помолчав, лениво поинтересовался: — Кстати, Зола, все хотел узнать, а ты мог бы вызвать огненный шар такой силы, чтобы разом запечь дичь размером... — он повернул голову, взгляд остановился на Шестерне, — скажем, с Шестерню.

Зола, по-прежнему нависающий над пещерником, плотоядно ухмыльнулся, сказал замедленно:

— Да я и сам подумываю... — он шевельнул пальцами. Меж ладоней заклебилось облачко дыма, разгораясь, замерцали багровые мухи.

Шестерня посмотрел на Зола, перевел взгляд на Дерна, заинтересованно следящего за процессом, нервно произнес:

— Экие у вас нездоровые пристрастия. — Покосившись на огненных мух, что, увеличиваясь на глазах, выросли уже до размера шмеля, на всякий случай отодвинулся, добавил поспешно: — А насчет мяса я вспомнил, действительно, осталось немного с прошлого раза. Но... быть может, стоит придержать про запас?..

Зола развел ладони, к потолку взмыли с десяток ярко-желтых шаров размером с дикое яблоко, осветив черные в голубых прожилках стены. Воспользовавшись моментом, Мычка забрал у Шестерни мешок, пообещал недобро:

— С запасом сложностей не возникнет. Хватило бы сил унести.

Наскоро перекусив, двинулись назад в прежнем порядке. Уходя, Мычка обернулся, глядя на недвижимо висящие на прежнем месте огнешары, поинтересовался:

— А это за нами не полетит?

Маг покачал головой, пояснил коротко:

— Это стационарное заклятье, связывает объект с местом. — Наткнувшись на выжидательный взгляд вершинника, добавил: — Есть и динамическое, оно сложнее. Но без посоха даже не буду пытаться. Без толку.

Мычка некоторое время шел молча, затем вдруг спросил:

— А каким образом используешь посох? Сколько на этот счет думал, ничего на ум не пришло.

Зола отозвался желчно:

— А ты не думай, от этого голова распухает.

— Как у Дерна? — Мычка кивнул назад, где с неизменным зеленым "фонарем" шествовал болотник.

Не реагируя на подначку, маг ответил:

— Посох — усилитель, — пошевелил пальцами, подыскивая подходящее сравнение. — Ну, как если кулаком врезать, или мечом ткнуть. Без посоха я заклятиями машу, как ты руками. Можно при необходимости и в рожу дать, но не более.

ГЛАВА 6

Обратный путь показался намного короче. Вскоре стены вновь разошлись, а из темноты выступил знакомый песчаный холм. Зола остановился, сказал с настойчивостью:

— Чтобы не тратить время, выбираясь из неожиданных тупиков, предлагаю осмотреть прочие выходы из пещеры. А чтобы повысить эффект, нужно разойтись.

Шестерня одобрительно крикнул. Произнес с восторгом:

— Вот светлая голова. И как я сам не догадался!?

Дерн кивнул, сказал рассудительно:

— Что ж, давайте попробуем. Только... кому-то надо остаться, а лучше — двоим. В случае чего — сумеют прийти на помощь. К тому же вдвоем проще отбиться, мало ли, что

может выйти из катакомб привлеченное светом.

Шестерня почесал в затылке, сказал в затруднении:

— Хорошая мысль. Только кто ж останется?

Не глядя на товарищей, Зола буркнул:

— Я бы поставил вопрос по- другому — кто пойдет? — Не дожидаясь комментариев, продолжил: — А пойдут те, кто хоть как-то может ориентироваться в полной темноте.

— Значит, пойду я, — просто сказал пещерник.

Мычка с натугой приподнял "фонарь" болотника, сказал напряженно:

— А вторым...

Покачав головой, Дерн легко перехватил кольчугу одной рукой, и, повернувшись к товарищам спиной, неторопливо зашагал прочь. За ним, не говоря ни слова, исчез пещерник.

Когда Шестерня вернулся, Мычка стоял в центре светового пятна, пробуя пальцами тетиву короткого лука. Неподалеку восседал Зола. С головой уйдя в изучение пожелтевших свитков, ворохом разбросанных у его ног, маг что-то чертил на песке, используя в качестве стилоса стрелу.

Приладив лук на спину, Мычка посмотрел на вошедшего в круг света Шестерню, спросил с подъемом:

— Как успехи?

Войдя в круг света, пещерник произнес отдуваясь:

— Насилу дошел. Проверил четыре прохода.

— Коль чуешь, зачем проверял? — Мычка с любопытством приподнял бровь.

Шестерня развел руками, сказал расстроено:

— Чтобы вновь не оплошать.

— Но ты что-то чувствовал? — продолжил наседать вершинник.

— Так в том и дело... — пещерник замолчал, повертев головой, обнаружил неподалеку бурдюк. С кряхтеньем приблизился, сгреб одним движением, откинув голову, приложил к губам. Торчащий кадык часто заходил вверх-вниз. Дождавшись, когда Шестерня утолит жажду, Мычка нетерпеливо переспросил:

— В чем дело?

Шестерня задумчиво произнес:

— Проходы очень древние, порода вокруг без малейших трещин, по моим ощущениям они должны длиться бесконечно долго, но почему-то все закрыты обвалами.

Зола, все это время шелестящий свитками, оторвался от занятия, спросил с любопытством:

— Как тот, где мы были впервые?

Шестерня кивнул. Добавил, со вздохом:

— Я уж было расстроился, решил пойти дальше, но вспомнил, что в поисках не один. Вернется Дерн, расскажет что видал, а там решим.

Зола лишь покачал головой, вновь вернувшись к прерванному занятию. Вскоре послышались шаркающие шаги, из темноты выдвинулся болотник. Не смотря на прохладу подземелья, по его лицу стекали капли пота, а грязно-зеленая рубаха пропиталась влагой, плотно облепив торс. В руке, провисая осклизлой каплей, болталась кольчуга с заметно поблекшим содержимым. Мельком оглядев товарищей, Дерн с удовлетворением произнес:

— Два прохода завалено, третий свободен. Вы собирайтесь, а я пока отлучусь, обновлю слизней, старых почти всех раздавило, — он кивнул на вытекающую из кольчуги мутную

жижу.

Когда болотник вернулся, источая бледное сияние обновленным содержимым кольчуги, спутники уже стояли наготове. Сразу же двинулись в путь. На этот раз отряд возглавил Дерн. Протиснувшись через узкое горло прохода, болотник зашагал по извилистому чреву каменной норы. Попутчики с трудом поспевали, то и дело спотыкаясь на камнях, словно специально выпрыгивающих из темноты в самые неподходящие моменты. Не спасало даже свечение слизней. Дерн, хоть и держал фонарь за спиной, освещая путь идущим следом, но шел настолько быстро, что вырвался далеко вперед, и маячил тусклой зеленоватой звездой, надолго скрываясь из глаз за каждым новым поворотом тоннеля.

Будучи замыкающим, Шестерня никак не мог взять в толк, почему товарищи двигаются столь медленно, и постоянно переспрашивал, уточняя — не нужна ли помощь, до тех пор, пока Зола, споткнувшись на очередном камне, в бешенстве не шарахнул в стену огнешаром, пригрозив, что следующий пустит в не в меру разговорчивого пещерника. Шестерня сразу же замолчал, и, покосившись на багровеющее пятно в камне, отстал от раздраженного мага на почтительное расстояние.

Мычка давно потерял надежду, что ужасный проход когда-нибудь закончится, и только сдавленно чертыхался, раз за разом проваливаясь в выбоины, в изобилии покрывающие дорогу. Избитые ступни болели все сильнее. Самодельные чуни хоть и защищали от воды, рассчитанная на проливные дожди промасленная ткань бывшего плаща прочно удерживала влагу, но крепостью не отличались. Когда терпение иссякло, и вершинник приготовился самым недостойным образом предложить передышку, тусклый зеленый светлячок начал расти, и вскоре Мычка остановился возле пещерника.

В это месте проход раздался, образовав небольшую, шагов пять в поперечнике, пещерку. Дерн не двигался, полностью перегораживая массивной фигурой выход из пещерки. Воздав хвалу светлым богам, вершинник привалился к стене, вкушая сладость недолгой остановки. Влажный камень приятно охлаждал разгоряченное тело, и, утомленный переходом, Мычка незаметно для себя задремал, пока над ухом не раздался скрипучий голос.

— Кого ждем?

Вершинник мгновенно пришел в себя, но открыв глаза, вздрогнул всем телом, узрев зависшую над головой жуткую харю. Испуганно сморгнув, он нервно произнес:

— Зола, тебе не приходило в голову пугать непослушных детей за деньги?

Оскалившись, харя отодвинулась, а Мычка понял, что, задремав, опустился на пол, а чародей всего лишь остановился рядом, в зеленоватом освещении превратившись в чудовище.

Дерн, что до этого стоял недвижимо, шевельнулся, сказал просительно:

— Шестерня, подойди ближе. Что-то я никак не разберу...

Растолкав товарищей, пещерник пробрался вперед, побряхтев, втиснулся рядом с Дерном, сказал с изумлением:

— Секиру прародителя мне в печень!

Мычка, наблюдающий спины компаньонов, нетерпеливо предложил:

— Если кто-то устал любоваться, могу подменить.

Дерн обернулся, поманил вершинника пальцем, а сам отошел в сторону. Следом посторонился и Шестерня. За Мычкой, влекомый любопытством, приблизился Зола, остановился пораженный. Там, где округлая пещера сужалась, вытягиваясь узким горлышком, проход обрывался, а дальше всюду, насколько хватало глаз, клубилась тьма.

Мычка повертел головой, пристально всматриваясь во мглу, но ничего не увидел, повсюду чернела зловещая пустота без малейшего проблеска.

Пожевав губами, Зола задумчиво произнес:

— Интересно, насколько тут глубоко?

Шестерня отозвался растеряно:

— Я не могу разглядеть дна.

Маг наморщил лоб, сказал замедленно:

— Я не припомню, что бы хоть кто-то упоминал о пустотах таких масштабов рядом с городом.

Отдыхающий у стены Дерн, заметил:

— Любителей бродить по залегающим в основании старого города трещинам не много. Я видел всего пару набросков подгорных ходов, да и то — ближайших к поверхности.

— Да, слава у пещер дурная, — Шестерня мелко закивал. Добавил удивленно: — Одного не пойму, сколько мы здесь топчемся, еще ни одного чудовища не встретили. А ведь согласно молве, их тут сонмища!

Зола бережно расправил складки халата, сказал степенно:

— Не стоит полагаться на слухи, большая их часть рождается за столами городских харчевен. С другой стороны... — заложив руки за спину, он начал вышагивать, отчего сразу приобрел вид наставника из академии, — мы не так далеко прошли, и не настолько углубились, чтобы делать окончательные выводы. Вполне вероятно, что за ближайшим поворотом нас сожрет какой-нибудь местный хищник, или раздавит завал, а быть может...

Мычка, уже некоторое время следивший за выползшим из Дерновой ловушки слизнем, негромко произнес:

— Кстати о масштабах.

Подхватив испуганно вспыхнувшего моллюска, вершинник метнул его в пустоту за пределами пещеры. На мгновение опешив, Зола коршуном метнулся следом, не отрывая взгляд от сверкнувшей во тьме искры. Вдвоем с Мычкой они вглядывались в пространство, пока зеленая блеска не затерялась в бездонной черноте провала. Следом за светляком в провал один за другим полетели несколько камней.

Прислушавшись, но так и не дождавшись хоть какого-то звука, маг вновь зашагал по пещерке, развивая прерванную мысль:

— Исходя из проведенного эксперимента, можно заключить, что неподалеку от города, на сравнительно небольшой глубине, располагаются каверны невероятных размеров, которые... — спохватившись, он запустил левую руку за пазуху, вытащил чистый свиток, а правой извлек из складок халата заостренный кусочек угля.

Присев возле слизней, Зола принялся что-то быстро писать, покрывая желтоватый свиток ровным убористым почерком. Когда пустая страница заполнилась жучками символов на две трети, маг спрятал писчие принадлежности, и бодро провозгласил:

— Что ж, теперь можем возвращаться.

Шестерня возмущенно запротестовал:

— Вы как хотите, а я с места не двинусь, пока не подкреплюсь, — в подтверждение своих слов он плюхнулся на зад, и начал неспешно разворачивать заплечный мешок.

— У тебя еще что-то осталось? — Мычка удивленно воззрился на пещерника.

— Это он свои припасы жрал, а теперь наши уплетает, — объяснил болотник.

Шестерня парировал с набитым ртом:

— А у нас еще много. Вон, у Дерна, цельный мешок шевелится, ешь — не хочу.

Зола перевел взгляд на истекающий слизью фонарь, сказал с отвращением:

— А все же идея насчет жареного пещерника была хороша, хороша...

Остатки припасов исчезли мгновенно. Набрав аппетит за время утомительного путешествия, давясь и чавкая, путешественники отрывали от поросенка огромные куски, пока на щите, уже привычно заменяющем стол, не остались лишь размозженные кости. Ужин закончили корнеплодами. Фиолетовые клубни с хрустом крошились на зубах, выстреливали струйками кислого сока, отлично утоляя жажду возникшую после крепко перченого мяса. В конце, когда осоловевший от принятой пищи Шестерня потянулся за бурдюком, Мычка отвел его руку, и строго покачав головой, сказал:

— Вино на крайний случай.

Зола покосился на охотника, спросил с сомнением:

— Полагаешь, будут сложности?

Мычка виновато развел руками, но его голос прозвучал твердо:

— Вода в пещерах есть, на стенах порой попадают влажные участки, да слизи живут лишь во влажных местах. Но пока нам не попался хоть один ручей, жидкость неприкосновенна, — подтверждая серьезность своих слов, Мычка прицепил бурдюк к поясу.

Дерн произнес, соглашаясь:

— А учитывая, что я остался без единого зелья, вино единственное, чем сможем обеззаразить раны.

Пещерник насторожено оглянулся, спросил, понизив голос:

— А они будут?

Поманив Шестерню пальцем, Дерн подался вперед, произнес страшным шепотом:

— Я вообще удивляюсь, что мы до сих пор живы.

Глаза пещерника в ужасе распахнулись, но Дерн отодвинулся к стене, широко зевнул, демонстрируя крупные желтые зубы, его глаза закрылись, а через мгновение до слуха спутников донеслось тихое сопение.

Чувствуя, как слипаются глаза, Мычка снял перевязь с мечами, прислонил к стене лук, и, завернувшись в остатки плаща, мгновенно погрузился в глубокий сон. Во сне вершинник бродил по черным туннелям, задыхался в песчаной буре, а под конец, отступая от сонмища огромных слизней с зелеными глазами, провалился в бездонную трещину в земле.

Вздрагнув, Мычка открыл глаза, ощутив несказанное облегчение от того, что сон закончился. Не торопясь подниматься, скосил глаза, осматриваясь. В трех шагах, раскинувшись, словно сытый кот на солнышке, спит Шестерня, рыжая борода топорщится лопатой, подрагивая при каждом вздохе. Время от времени пещерник издавал могучий храп, и тогда ему тихо подпевала, резонируя, туго натянутая тетива лука. Дерн сидел на прежнем месте, казалось, он даже не сменил позу, лишь безволосая голова болотника свесилась на грудь, покачиваясь в такт мерно вздымающейся груди. В дальнем углу пещеры скрючился Зола. Он крепко обхватил себя руками, но от промозглого холода подземелья это спасало плохо, и плечи пожилого мага мелко тряслись, а зубы выбивали частую дробь.

Мычка уже собирался заснуть вновь, когда неподалеку скрипнуло. Остатки сна мгновенно испарились, тело вершинника напряглось, а заостренные уши шевельнулись, прислушиваясь. Некоторое время ничего не происходило, и Мычка уже было решил, что ему показалось, когда скрипнуло вновь, но уже гораздо ближе, затем еще. Пещера наполнилась невнятными звуками. Вершинника прошиб холодный пот, когда он попытался представить,

что могло выйти из темных неизведанных глубин к их небольшому лагерю.

ГЛАВА 7

К поскрипыванию добавилось жадное чавканье. Сперва в отдалении, потом все ближе, и вскоре невидимыми челюстями чавкала вся пещера. Мычка ощутил, как на голове зашевелились волосы, а мелкие волоски на теле встали дыбом, готовясь защитить хозяина от неизвестной опасности.

Очень медленно, боясь привлечь внимание случайным шорохом, Мычка выпростал из — под плаща руки, крепко уперся ладонями в пол, и мощным толчком воздел себя на ноги. Мышцы застонали, выкручивая корпус вверх, и, одновременно, смещая в сторону, в ноге болезненно хрустнуло, но рефлексy не позволили расслабиться, установив тело в заученную позицию. Готовый к схватке, вершинник мгновенно сфокусировал зрение, и... застыл. Примыкающий к обрыву край площадки, хорошо освещенный импровизированным садком болотника, шевелился, покрытый множеством мохнатых шаров.

Распахнув глаза, Мычка оторопело наблюдал, как странные существа бестолково толкуются вокруг. Некоторые из них шныряли по пещере, но большая часть собралась возле фонаря Дерна, время от времени возбужденно подпрыгивая. Приглядевшись, вершинник понял логику незваных гостей. По непонятной причине, стягивающий отверстия в кольчуги ремешок ослаб, и металлические кольца разошлись, открывая свободный доступ к содержимому, куда и стремились удивительные создания. Одно за другим, они вытягивали слизней, оттаскивали добычу в сторону, и неспеша поедали. Перед тем как исчезнуть в прожорливой утробе, слизи ярко вспыхивали, на мгновение выхватывая из сумрака мохнатую морду.

Стало темнее, количество слизней заметно уменьшилось. Покачав головой, Мычка начал прикидывать, как удобнее спровадить беспокойных соседей, по возможности не разбудив товарищей, когда возле ног прошмыгнула косматая тень. Вздогнув от неожиданности, вершинник отступил на шаг, и... пещеру огласил сухой треск, — подошва сапога опустилась на одну из стрел, расщепив сухое древко.

Мохнатые существа застыли, на мгновение воцарилась тишина. Но вот в сгустившейся тьме загорелась пара красных точек, затем еще, и еще, и вскоре все вокруг оказалось покрыто угольками-глазками. Казалось, сама пещера недобро уставилась на смельчака нарушившего вековую тишину. Вершинник почувствовал, как засосало под ложечкой. Рассудок оставался спокоен, не воспринимая нахальных гостей за серьезных противников, но инстинкты насторожились. Руки невольно потянулись к рукоятям мечей, но пришельцы атаковали раньше.

С тихим шипеньем твари устремились к охотнику, охватывая добычу полукругом. Не понимая тактики нападающих, Мычка ненадолго замешкался, а когда озарение молнией вспыхнуло в мозгу, времени не осталось. Мохнатые тела взметнулись в затяжных прыжках, густой мех разошелся, обнажая ощеренные пасти, усаженные зубами-иглами. Первые шары упали рядом, недооценив высоту противника, но уже следующие достигли цели. Мычка ощутил несильный толчок в грудь, дубленую кожу доспеха царапнуло острое, тут же толкнуло еще, а затем толчки последовали непрерывно, словно его дружески хлопывали

руки добрых приятелей.

Невольно улыбнувшись сравнению, Мычка опустил взгляд. Внизу царило оживление. Плотнo облепив чуни, существа с хрустом рвали ткань, стараясь добраться до мягкого содержимого. Нахмурившись, вершинник тряхнул ногой. Враги горстью осыпались на пол, но тут же вернулись в еще большем количестве.

Сперва Мычка действовал аккуратно. Не желая причинять вред удивительным существам, он лишь отмахивался, да медленно отступал вглубь пещеры, но когда щеки коснулось острое, а на шею обильно потекли теплые капли, вершинник зло выдохнул:

— Не хотите по хорошему, что ж...

Кулак выстрелил навстречу оскаленной харе, далеко отбросив мягкое тельце. Следующей враг отлетел отбитый тыльной стороной ладони. Усмехаясь, Мычка легко отбрасывал особо прыгучих тварей, не обращая внимания на тех, что, не долетая до открытых частей тела, попадали в корпус, бессильно соскальзывая по прочной коже доспеха. Войдя в раж, вершинник расшвыривал врагов по всей пещере. Небольшие, размером с голову взрослого человека, твари мячиками разлетались в разные стороны, вызывая у вершинника воспоминания о детских уличных играх с тряпичным мячом.

Атака прекратилась внезапно. Пришельцы отхлынули к краю пещеры, образовали неровный круг и замерли, покачиваясь словно в трансе. У вершинника почему-то возникло стойкая уверенность, что неведомые твари совещаются. Мычка мельком оглядел мирно храпящих товарищей, удовлетворенно кивнул, и, выбрав наиболее выгодную позицию, замер ожидая продолжения.

Вскоре среди существ началось движение. Серая масса разделилась на два неравных отряда, меньший из которых устремился к остаткам слизи, а больший... Мычка не поверил глазам, когда, потоптавшись на месте, существа начали вскакивать на стены, а оттуда на потолок. От первого нападающего даже не пришлось уклоняться, не рассчитав расстояние, мохнатый шар мягко шлепнулся в шаге от вершинника, вяло дернувшись, застыл, но остальные учли ошибку собрата.

На этот раз враги дождем сыпались на голову, и вершиннику приходилось проявлять чудеса ловкости уворачиваясь от распахнутых пастей. Твари нападали беззвучно, слышалось только судорожное дыхание бойца, да цоканье сотен коготков. Прыгая, словно акробат, по всей пещере, Мычка размахивал руками со скоростью лопастей флюгера в ветреный день. Удерживая в поле зрения свод пещеры, вершинник молил светлых богов лишь об одном — чтобы ненароком не запнуться.

Становилось все темнее, так что вскоре пришлось двигаться едва не на ощупь. Руки покрылись кровоточащими царапинами, сердце надрывно стучало, а грудь судорожно вздымалась, насыщая легкие воздухом. Мычка ощутил, что еще немного, и он не выдержит темпа, осядет безвольным кулом на пол, открыв незащитную шею тысячам острых зубов. Прокляв себя за то, что недооценил врага, вершинник выждал момент, когда лавина нападающих ослабла, и резко ушел в сторону перекатом, одновременно выхватывая клинки.

Проглоченный прожорливой пастью, погас последний слизень. Пещеру заполнила мгла. Сжимая мечи непослушными пальцами, Мычка застыл, вбирая тьму всеми фибрами тела, чтобы не пропустить мгновение, когда объединенная масса врагов нападет на ослабевшую, лишенную основного преимущества цель.

Медленно текут мгновения, где-то далеко скрипят по камням хищные коготки, руки постепенно наливаются тяжестью. Не дождавшись атаки, вершинник удивленно открыл

глаза. Измазанный слизью, в сумраке слабо светится скрученный жгут кольчуги, едва заметно бликует камень вокруг, но ни единого движения, лишь удаляющийся скрип на пределе слуха. Неожиданные гости растворились во мраке, унося в желудках отбитое с боем лакомство.

Мычка замедленно убрал мечи в ножны, и со стоном повалился навзничь. После выматывающего боя неровные камни скалы показались нежнее перины. Он еще некоторое время боролся с усталостью, вслушиваясь в беззвучное пространство, но измученное тело постепенно расслабилось, мысли поплыли, а сознание окунулось в спасительный сон.

Проснувшись, Мычка резко открыл глаза, но ничего не увидел. Привычное зеленоватое сияние сменилось тьмой, из которой доносился оглушительный топот. Время от времени раздавался металлический лязг, за которым немедленно следовало короткое ругательство. Узнав раскатистый голос болотника, Мычка с облегчением выдохнул, вновь смежил веки.

Вскоре к ворчанию Дерна добавился дребезжащий голос Золы. В очередной раз гулко приложившись о твердое, болотник сказал с раздражением:

— Зола, будь добр, подсвети, пока в темноте не зашиб ненароком.

Щелкнули пальцы. В пространстве пещеры вспыхнули алые искры, замерцали, набирая мощь. Серыми тенями проступили фигуры товарищей. Когда искры увеличились до размеров крупных горошин, позолотив бледным сиянием чрево скалы, Мычка различил Дерна. Подпирая плечом стену, болотник неотрывно глядел на место, где проход обрывался, сменяясь черной пустотой.

Проснувшись, зашевелился Шестерня, приподнялся, опираясь на локти. Чешуйки доспеха закрипели, когда пещерник воздел себя на ноги. Шестерня похрустел суставами, разминаясь, сказал бодро:

— Ну вот, поспали, теперь можно и поесть.

Шутку не поддержали. Промерзший за ночь Зола, выбивая зубами дробь, усиленно двигался, пытаясь избавиться от холода, что поселился в теле за время сна. Мычка, казавшийся бледнее обычного, не спешил вставать, глядя расширенными глазами в потолок. Шестерня прошелся взад-вперед, сняв с петли секиру, пару раз крутанул, со свистом рассекая воздух, покосившись на гроздь зависших под потолком огнешаров, спросил с интересом:

— Столько освещения, не иначе праздник?

Зола, уже успевший согреться, с неприязнью покосился на Дерна, недовольно произнес:

— Болотнику виднее. Он с самого пробуждения по пещере скачет, вещи распинывает.

Подойдя к обрыву, Дерна сказал негромко:

— Пора уходить.

— Так и я об этом, — радостно поддержал Шестерня. Глядя, как болотник с сосредоточенным лицом надевает кольчугу, поинтересовался: — А где слизи, протухли?

— Домой уползли, — ответил в тон болотник. Взглянув на неподвижно лежащего вершинника, сказал: — Что-то у нас Мычка бледнее обычного...

Мычка с трудом разлепил губы, слабо улыбнулся:

— Снилось всякое...

Дерна пристально смотрел, как Мычка медленно поднимается, вяло двигая конечностями. Пройдясь взглядом по многочисленным прорехам плаща, и свежим ссадинам на лице вершинника, он молча отвернулся.

Собрались споро. На этот раз первым пошел Шестерня. Надвинув шлем, пещерник

бодро углубился в проход. Следом пошел Зола. Покосившись на вершинника, что никак не мог совладать с лямкой перевязи, двинулся и Дерн.

Дождавшись, пока друзья отдалятся, Мычка точным движением поправил разболтавшийся ремешок, и крадучись подошел к обрыву. До половины высунувшись в пустоту, он замер, прислушиваясь. Но невидимые просторы казались вымершими, ни малейшего звука не донеслось из темных недр. Постояв немного, вершинник скользкой походкой покинул пещеру.

И вновь долгий переход по бесконечным туннелям. Идти стало заметно тяжелее. Зеленый свет тусклого фонаря больше не освещает дорогу. То и дело выныривающие из тьмы острые камни грозят переломать кости, а каждая следующая выбоина, как бесконечный провал, куда нога устремляется словно в бездну, вызывая вздох ужаса. От непрерывной тьмы вокруг мерещатся жуткие видения, а уши улавливают глухие удары чудовищных сердец, чьи хозяева не принадлежат миру живых.

Впереди возбужденно завозился Шестерня, выдохнул с облегчением:

— Вернулись. Даже удивительно, как быстро дошли, а то ведь я... — он замолчал. После короткой паузы воскликнул изумленно:

— Секиру прародителя мне в печень, да что же здесь творится!?

ГЛАВА 8

Вспыхнули огоньки огнешаров, осветив напряженную фигуру мага, что застыл, готовый дать отпор неведомой опасности. Брови сведены в ровную линию, в глазницах черные зрачки — точки отыскивают цель, пальцы торчат крючками, сложенные в зловещий символ, а белесые волосы разметались по плечам подобно крыльям древнего ворона. Зола повернул голову в одну сторону, затем в другую сторону, спросил недовольно:

— Шестерня, почто орал?

Пещерник оглянулся, произнес с усмешкой:

— Да ты не спеши, не спеши. Вот огонь займется, все и разглядишь, — Шестерня отвернулся, сделал шаг и выпал из круга света, а через мгновение впереди захлюпало. Расслабив напряженные плечи, Зола с удивлением прислушался к странным звукам.

Из тьмы вынырнул Дерн, встал рядом, мгновение прослушивался, затем с облегчением произнес:

— Шестерня нашел воду, теперь мы не умрем от жажды. Вот только...

Зола сморгнул, спросил с подозрением:

— Что только?

Дерн беспокойно оглянулся, будто что-то выскивая, в свете набирающих силу огнешаров черными тенями выступили ушедшие в стороны стены, покрытые белесым налетом кустистого мха, сказал подавленно:

— Там, откуда мы пришли, не было серого лишайника. Мне не знакомо это место.

Огнешары сверкали все ярче, выхватывая из темноты все новые участки скалы, где лишайник разросся настолько, что сплошным ковром покрывал обширные участки камня в несколько охватов. Маг взгляделся в нежные бесцветные веточки, сказал с сомнением:

— Ты уверен, что их не было? Может, ходил не там, или смотрел не в ту сторону...

Осмотревшись, Зола повернулся в прежнем направлении и слова застряли у него в глотке. Вместо песчаного холма впереди раскинулось подземное озеро. Черные воды спокойны, ни единое колыхание не тревожит гладкую, как стекло, поверхность. Идеально круглыми очертаниями озеро напоминает кувшин невероятных размеров, по самый край вбитый в скалу неведомым великаном. Над озером свод пещеры резко уходит вверх, образуя чернеющую впадину в точности повторяющую линию берега. Для сохранения душевного спокойствия, Зола с удовольствием бы принял все это за мираж, если бы не пещерник. Раскинув руки, Шестерня вольготно возлежал на гладких камнях берега, до половины свесив ноги в воду. Тут же, под рукой, расположилась верная спутница — секира, а чуть поодаль устало накренились потертые сапоги, попирая выпуклую поверхность щита.

Прошуршали легкие шаги, из темного лаза вынырнул Мычка, не останавливаясь, проследовал напрямик к водоему. Остановившись рядом с пещерником, спросил с любопытством:

— Как водичка?

Шестерня довольно крякнул, поелозив задницей, сполз ниже, так что закатанные штанины коснулись воды, начали стремительно темнеть, жадно напитываясь влагой, сказал назидательно:

— Вода пещерных колодцев лечебная. Смывает усталость, исцеляет боль, а уж пьянит почище иного вина. Спроси любого пещерника — нет подземной воды лучше!

Недоверчиво покивав, Мычка погрузил в воду палец. Холодная вода обожгла, словно прикоснулся к насквозь промерзшему металлу, но пересилив боль, вершинник продолжал тянуться вглубь, пока рука по локоть не скрылась в озере. Мышцы быстро заостенели, холод потек выше, заставив крепче стиснуть зубы, чтобы с воплем не отскочить назад.

Глядя на перекошенное лицо Мычки, Шестерня одобрительно кивал, сползая все глубже в воду. Создалось впечатление, что пещерник не чувствует холода, купаясь ледяном озере подземелья, словно в теплом пруду в жаркий полдень. Прислушавшись к себе, вершинник с удивлением ощутил, как утомление исчезает, сменяясь бодростью.

Зачерпнув ладонью воды, Мычка уже собрался утолить жажду, но взглянув на торчащие из озерца, неподалеку, волосатые ноги пещерника, передумал, побрел вдоль берега. Подошли маг с болотником. Пока Зола, нахмурившись, о чем-то сосредоточенно размышлял, Дерн прошелся по берегу, внимательно приглядываясь к камням, нагнулся, поводит рукой по поверхности воды. Шестерня заинтересованно наблюдал, как болотник поднес ладонь к лицу, настороженно принялся, зачем-то лизнул пальцы, после чего удовлетворенно кивнул, неторопясь вернулся к товарищам, сказал удовлетворенно:

— Хорошая вода, запастись бы, — он вдруг потемнел лицом, сказал с печалью в голосе, — только, вот беда, некуда вино перелить.

— Я знаю, — пещерник хохотнул, похлопал себя по выпирающему животу. — Есть одно местечко, где наверняка не пропадет.

Дерн покосился на Шестерню, сказал недоверчиво:

— Уверен?

Пещерник вновь хохотнул:

— Да раздави меня камнепад, если потеряется хоть капля!

Дерн покивал, сказал в раздумии:

— Наверное ты прав. Куда вину из желудка деться? Но уж будь добр, — болотник

ласково взглянул на товарища, — если кому станет плохо, или об камни оцарапается, срыгни чуток, не пожалей.

Шестерня моргнул, пытаюсь определить, шутит ли Дерн, или в самом деле начнет выжимать соки, если посчитает необходимым. Но округлое лицо болотника казалось непроницаемым. Не найдя удовлетворительного ответа, пещерник сказал неуверенно:

— А вообще, знаешь, что-то я передумал. Пусть лучше Мычка выпьет, или, вон, Зола Ишь насупился, не иначе от жажды. А я уж как-нибудь перебыюсь. Да и воды уже напился, не вливать же насильно...

Выпав из раздумий, шевельнулся Зола, оглянулся, осматривая лежащие повсюду округлые камни, выбрав подходящий, неторопливо пристроил седалище, повернув голову, в упор взглянул на пещерника, сказал обманчиво мягко:

— Шестерня, скажи, только честно, ты куда-нибудь сворачивал?

Пещерник, наблюдающий за пальцами собственных ног, торчащими из воды как толстые дождевые черви, от которых по поверхности озерца расходились слабые круги, вскинул глаза, сказал обиженно:

— Куда мне сворачивать, в стену? У Дерна спроси, коли не веришь, пока он сзади шел, да мешком со слизнями размахивал, видал ли хоть один сверток?

Зола перевел взгляд, но Дерн, занятый осмотром кольчуги лишь отрицательно помотал головой, подтверждая сказанное. Лицо мага исказила ярость, а глаза опасно блеснули, когда он едва слышно прошипел:

— Тогда каким, испепели меня молния, образом, мы вышли не к песчаному холму, а к этому дьявольскому озеру!?

Болотник, оторвал взгляд от покрытых бурым налетом засохшей слизи колец металлической рубахи, сказал укоризненно:

— Зря ты так. Хорошее озеро. Я в свое время подобные встречал, жаль занят был, не успел искупаться, — он тепло улыбнулся воспоминаниям. — В одном еще несколько пещерников плескались, вон, почти как Шестерня. Только, пока я по зарослям лазил, что-то там забурлило, и пещерники эти, ну так орали, так орали...

— А что потом? — враз охрипшим голосом поинтересовался Шестерня.

Дерн пожал плечами:

— Да ничего. Вышел я на берег, а в озере ни души. Ушли видать, надоело.

Глядя, как вздымая брызги, Шестерня выскакивает на берег, болотник философски произнес, обратив взор на Зола:

— А что вышли не понять куда... так и леший с ним. Не нашли выхода там, найдем здесь.

Зола дико глянул на болотника, перевел взгляд на Шестерню, выжимающего штанину на порядочном расстоянии от озера. Глаза мага метали молнии, лицо побагровело, а ноздри раздувались, словно кузнечные мехи в разгар рабочего дня, казалось, еще чуть-чуть, и Зола начнет изрыгать огонь, испепеляя вокруг все живое. Он уже набрал воздуха в грудь, чтобы объяснить бестолковым почему, а главное, чем заканчиваются подобные превращения, когда песчаный холм обращается озером, а голые до того стены вдруг обрастают неведомыми растениями, но лишь махнул рукой.

Вздыхнув, Зола с кряхтеньем оторвался от камня и неспешно побрел к парящей у стены грозди магических огней. Дойдя до яркого пятна света, Зола бережно, опасаясь лишней раз память, вынул из-за пазухи пожелтевший лист, и принялся заполнять письмена

оставшееся чистым пространство, ловко орудуя небольшим куском угля, что, как по волшебству, возник в его узловатых пальцах.

Вернулся Мычка, на щеках черные пятна, колени испачканы серой пылью, а на рукавах, вцепившись острыми крючками, повисли веточки белого мха, неторопясь опустил на колени возле озерца, зачерпнув воды, плеснул в лицо, освежаясь, сказал деловито:

— За озером сеть туннелей. Я проверил некоторые.

— И что же? — Зола отложил писчие принадлежности, подошел ближе, нетерпеливо потряхивая плечами.

— Большая часть сужаются сразу за входом, я не смог проползти дальше десятка шагов, другие полностью заросли белым мхом. Один так и вовсе, — он махнул рукой, — запечатан дверью. Зато еще один вполне удобен для путешествия. Я не стал особо углубляться, но, по моему, это именно то, что нужно.

— Постой, постой, — пропустив последние слова мимо ушей, Зола вопросительно изогнул бровь, — какой еще дверью?

Мычка пожал плечами:

— Не знаю, не приглядывался. Мимо пойдем, покажу, коли интересно.

— А мы пойдем? — Шестерня отвлекся от заплечного мешка, где, встав на колени, что-то усердно искал, взглянул с любопытством. — А то есть тут некоторые, — он опасливо покосился на Зола снизу вверх, — требуют вернуться.

— Я не требовал, — сказал маг, защищаясь, — но кое-что мне здесь не нравится.

К примеру, озеро...

— А что не так с озером? — перебил Шестерня. — Ну, кроме того, что Дерн говорил.

Зола на удивление не взорвался, как ожидал следящий за лицом мага болотник, а терпеливо объяснил, глядя в пространство:

— Если бы некоторые, что в поисках еды чаще смотрят себе под ноги, хоть изредка поднимали головы, да-да, это я о тебе, — любезно пояснил он в ответ на вопросительный взгляд пещерника, — они бы могли заметить странное соответствие в рисунке свода и дна пещеры.

Болотник устремил взгляд вверх, некоторое время пристально рассматривал купол, затем опустил, произнес флегматично:

— Да, есть определенное сходство.

— Не просто сходство, а идеальное сочетание! — наставительно поднял палец Зола. — В пещере, куда мы попали через зыбун, было то же самое. Только там нижняя впадина была заполнена песком, а здесь оказалась вода.

— И что? — все так же без интереса спросил болотник.

— А то! — раздраженно отрезал Зола. — Что сам пока не знаю, но чувствую, это далеко не последнее, чему придется удивляться.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь... — вершинник произнес со сдержанным нетерпением, — но предлагаю поторопиться. Выданные Шейлой запасы кончились, и, прежде чем иссякнут силы, хотелось бы найти что-нибудь съедобное.

— А ты спроси у болотника, — едко посоветовал Зола, обиженный, что товарищи не отнеслись с должным пониманием к его подозрениям. — Наверняка тот белый мох, через который ты продирался, съедобен и необычайно полезен.

Пожав плечами, Дерн произнес:

— Можно и мох, но я бы не стал этого делать. Гораздо лучше попытаться наловить в

озере рыбы. Вот только что взять в качестве наживки?.. — он задумчиво огляделся.

Перехватив пристальный взгляд болотника, Шестерня встрепенулся, сказал чересчур бодро:

— Предлагаю последовать совету Мычки. А то пока мы с наживкой да с удочками провозимся... К тому же не известно, водится ли здесь что-нибудь.

Мычка задумчиво посмотрел на пещерника, что удивительно быстро собрал вещи и с подчеркнуто независимым видом отошел в сторону, сказал осторожно:

— А по-моему, идея с удочками неплоха, разве нет?

Болотник виновато похлопал Мычку по плечу, устроив массовый обвал застрявших в ткани кусочков мха, произнес с раскаянием:

— Шестерня прав, мысль не самая лучшая. Мало, что снастей нет, так и приготовить толком не сможем. К тому же, — он понизил голос, — я не совсем уверен, что живность в местных водоемах пригодна для употребления в пищу.

Пока Зола собирал разбросанные листочки, а Шестерня с Дерном негромко о чем-то переговаривались, Мычка наполнял бурдюк. Вода с бульканьем устремлялась внутрь, так что сморщенная кожа сосуда сперва разгладилась, а затем, распираемая внутренним давлением, натянулась, подобно брюху хорошо откормленного жеребца. Заткнув горлышко крышкой, и, для пущей сохранности, перевязав сверху кожаными тесемочками, вершинник вернулся к напарникам. Вскоре подошел и Зола.

Дерн с сожалением посмотрел на огнешары, бросающие прощальные отсветы вслед путешественникам, спросил с надеждой:

— Зола, светящихся слизней больше нет, а на одном Шестерне мы далеко не уедем. Может все же получится создать управляемого светляка?

Маг помолчал, бросая недовольные взгляды на умоляющие лица друзей, сказал угрюмо:

— Вроде бы я уже говорил, что заклинания динамического призыва сложны в исполнении?

Все дружно кивнули.

— И что без посоха эти фокусы приобретают опасный характер?

Последовал вторичный кивок.

— Но вы продолжаете настаивать?

И вновь одобрительные покачивания головами. Лишь пещерник виновато развел руки, сказал примирительно:

— Мне и так хорошо, сам знаешь, в темноте вижу лучше кота, но вот ребята...

Зола нахмурился, кустистые брови сдвинулись, напряженные губы вытянулись в тонкую полоску, а под натянувшейся кожей проступили желваки. Так он стоял некоторое время, пасмурный, словно грозовая туча, решая для себя некую задачу, затем глубоко вздохнул, расслабился. Вместе с ним с облегчением выдохнули товарищи, все это время с напряжением следившие за изменениями в лице мага.

Поиграв пальцами, Зола взмахнул руками, пышные рукава вспухли белыми облаками, опали, обнажая бледную кожу, под которой выступили совсем не дряблые мышцы. Запрокинув голову, маг стал нараспев произносить непонятные слова, его глаза закрылись, а руки, захватив из воздуха нечто невидимое, начали сближаться.

Зрители замерли с раскрытыми ртами, взгляды прикипели к ладоням мага, что медленно раскрывались навстречу друг другу, как бутоны цветов, между которыми с трудом зарождалось голубоватое сияние: вот это крохотная, едва заметная мушка, которую может

убить самое легкое дуновение, а вот уже мотылек, раскинул дрожащие крылья, призывая подругу, мгновение, и между покрасневшими пальцами мага бьется лазурная птица.

Словно зачарованные, наемники следили за превращениями, пока цепь удивительных метаморфоз не закончилась изумрудно-голубым шаром, в неподвижности зависшим над землей. Закатив глаза, Зола со стоном осел на каменный пол.

ГЛАВА 9

Пока Мычка с Шестерней, не в силах оторваться, восхищенно разглядывали магический шар, Дерн осторожно уложил мага, хлопотал, возвращая к жизни. На торможение и легкие шлепки по щекам Зола не реагировал, тогда отчаявшись, Дерн запустил пятерню себе под мышку, с силой потер, после чего сунул потерявшему сознание под нос. Средство возымело мгновенный эффект. Глаза Золы широко распахнулись, жутко перекосив рожу, он задергался, ужом выворачиваясь из цепких пальцев лекаря. Придирчиво оглядев лицо подопечного, Дерн разжал руки. Не переставая кривиться, Зола возмущенно вскричал:

— Что это было?!

— Где? — лицо болотника выражало полнейшее непонимание.

Маг побагровел, заорал что есть мочи:

— Что ты мне подсунул, демон тебя дери?! Этот ужасный запах. Я решил, что уже умер, и демоны тащат меня в свое вонючее логово.

Дерн пожал плечами:

— Ты упал носом в землю. Видать унюхал чего... Да ты не волнуйся, тут разве Шестерня сидел, да и то не долго.

Зола с подозрением взглянул на пещерника, пробормотал понимающе:

— То-то я думаю... — он с трудом поднялся, придирчиво оглядел балахон, стряхивая налипшие на одежду песчинки.

Шестерня восхищенно смотрел на мерцающую сферу, поворачивая голову то так, то этак, любуясь, отошел, затем вновь приблизился, сказал уважительно:

— Ай да маг! Вот настоящее мастерство. Это вам не секирой махать.

Польщенный, Зола отмахнулся:

— Еще нужно проверить, смог ли я воплотить задуманный эффект.

Мычка мотнул головой, приглашая товарищей следом:

— Так вперед, — его волосы взметнулись золотистым фонтаном, красиво легли на плечи, — за одно и проверим.

Мычка, Шестерня и Дерн двинулись вдоль края озера. Зола долго стоял, всматриваясь в сияющий шар, боялся отступить хоть на шаг, наконец, собравшись с силами, повернулся всем телом, и, упрямо нагнув голову, последовал за товарищами. А через мгновение тишину пещеры разорвал восторженный вопль исходящий одновременно из трех глоток. Вздвогнув, Зола поспешно обернулся, застыл неверяще. Неторопясь, словно особа знатных кровей, сияющий голубизной шар величаво плыл следом. В его мягком сиянии стены пещеры отливали удивительными красками, а белый мох искрился словно снег далеких горных

вершин.

Шестерня потер руки, сказал обрадовано:

— Теперь дело пойдет быстрее, а то плетемся, что поленом пришибленные.

По-очереди поздравили Зола с успехом и двинулись дальше, но на этот раз гораздо бодрее. Голубая сфера неотрывно плыла за хозяином, высвечивая малейшие неровности под ногами, и, хотя ее бледное сияние не могло сравниться с мощным светом желтых огнешаров, нежный голубой свет словно придавал сил. При взгляде на чистый осколок неба среди крошечной тьмы глубокого подземелья сердце начинало стучать чаще, ноги ускоряли шаг, а уныние отступало, сменяясь радостью и надеждой.

Миновав озеро пошли медленнее. Из темноты выдвинулась пестревшая десятками отверстий-ходов стена, от мелких, куда мог пролезть разве небольшой дворовый пес, до крупных, в полтора роста высотой и нескольких шагов в поперечнике. Мычка вел дальше, не отвлекаясь, пока не остановился возле прохода, наполовину заросшего мхом. Оглянувшись на товарищей, уточнил:

— Кто интересовался дверью — сюда.

Шестерня покосился на вершинника, спросил с подозрением:

— А ты что же, не пойдешь?

Мычка пожал плечами:

— Все что там есть, я уже видел. Вернее, не совсем видел, но ощупал в подробностях, а это, считай, одно и то же. Да и не войдем все.

Глядя на ошестинившиеся остриями многочисленные веточки мха, Шестерня, не торопясь, вытащил из петли секиру, широко размахнулся, и с молодецким уханьем опустил оружие на преграду. Взметнулось белесое крошево, сморгнул Дерн, стряхивая попавшую в глаз крошку, поморщившись, отодвинулся Зола. Войдя в раж, пещерник рубил и рубил, быстро углубляясь в туннель. Вскоре его совсем не стало видно, лишь из темного зева доносились равномерные удары, да хруст осыпающихся веточек.

Задумавшись, Дерн неторопливо кивал в такт ударам, когда из ушей коснулся гулкий звон, за которым слышались сдавленные ругательства. В проходе возник пещерник, его лицо недовольно кривилось. Поискав глазами Мычку, он сердито произнес:

— Что же ты не предупредил, что дверь из металла? Я ведь со всей дури рубанул, едва секиру не попортил.

Отстранив пещерника, в лаз решительно вдвинулся Зола, за ним, как пес на привязи, поплыл сияющий шар. Шестерня опасливо посторонился, пропуская магическое создание, пошел следом, держась на почтительном расстоянии.

То и дело пригибаясь, уворачиваясь от торчащих отовсюду острых пеньков свежесрубленного мха, Зола прошел с десятков шагов, пока не остановился, пристально вглядываясь в препятствие. Волшебная сфера полетела следом, зависнув тут же, под сводом. Прямо перед магом, занимая все пространство прохода, возвышалась дверь. Покрытая толстым слоем пыли, она казалась несокрушимой, представляя собой идеально ровную плиту без единой трещины, лишь едва заметная полоска по контуру, да массивные петли-выступы, отличали дверь от прочей скалы. О прочности материала говорило и то, что даже вездесущий мох, легко дробящийся корнями монолит скалы, отступил в бессилье, и густо разросся по краям, образуя пышную раму.

Зола недолго всматривался в пыльные очертания, после чего резким движением выхватил из-за пояса платок и стал лихорадочно смахивать вековую пыль, едва не рыча от

возбуждения. Под платком, что мгновенно превратился в грязную тряпку, начали проступать символы, а бурый оттенок исчез, уступив место матовой поверхности серо-зеленого цвета.

Сзади удивленно присвистнул Шестерня, сказал с изумлением:

— Едва секиру не обломал, а здесь ни царапины. Это что ж за металл?!

Зола не обратил внимания на пещерника, сощурившись, он водил пальцем по письменам выбитым в верхней части двери, время от времени издавая нечленораздельные звуки. Его лицо непрерывно шевелилось, эмоции сменялись одна за другой, от горького непонимания до умиротворенного просветления. Наконец он со вздохом отстранился, сказал сокрушенно:

— Бесполезно. Я не могу разгадать эти письмена, хотя, признаюсь, пару раз казалось, что всего на волосок от понимания. Часть символов как будто смутно знакомы, а отдельные я даже встречал в древних манускриптах, но все равно смысл ускользает, — он обреченно махнул рукой.

Неслышно приблизился Дерн, без интереса осмотрел находку, пробормотал рассеяно:

— И тут двери.

Поникший было Зола, мгновенно оживился, спросил напряженно:

— А где еще?

Болотник отмахнулся:

— Позади, в предыдущей пещере. В одном из проходов было нечто подобное. — Он окинул взглядом дверь, ткнул пальцем в место, где глубоко выбитые в металле, темнели два косых креста. — И значки похожие, только там вроде еще была вертикальная черта в конце, или не было... — он задумался, двигая складками кожи на лбу.

Глаза мага полезли на лоб, схватив болотника за плечи, Зола с силой развернул его к себе, воскликнул страстно:

— Так почему не сказал! Ты себе представить не можешь, насколько это может оказаться важным.

Дерн пожал плечами:

— А что может быть важного в двери? Разве, что не как обычно- деревянная, а из неизвестного металла, и запирает не сарай а вход в пещеру... Так и что? Я их еще наверху насмотрелся, чтобы на каждую попавшуюся внимание обращать, — осторожно пошевелив плечами, болотник освободился от сжавшихся, как клешни, пальцев мага, и, не торопясь, покинул лаз.

Зола остолбенело смотрел ему вслед, затем перевел взгляд на пещерника. Шестерня шмыгнув носом сказал ободряюще:

— Да не переживай ты так. Чую, не последняя это дверь, ох не последняя. Пусть пока защита неприступна, — он легонько стукнул рукояткой секиры по металлу двери, прислушался к затихающему гулу, — но рано или поздно подберем, подберем ключик, или я — не пещерник.

Когда все трое вышли из узкого лаза, Мычка с любопытством оглядел товарищей, ненадолго задержался взглядом на вытянутом лице Золы, но промолчал, лишь кивнул, приглашая продолжить путь.

Миновав еще несколько узких проходов, подошли к широкому зеву расщелины. Высокий, почти на локоть выше самого рослого из наемников, потолок, стены раздавшиеся настолько широко, что, встав рука к руке, можно идти четверым в ряд, не боясь удариться о случайный выступ. Придирчиво оглядев вход, Шестерня удовлетворенно крикнул:

— Хороша дорога. Словно рудокопы мастерили.

— А это не они?.. — поинтересовался Мычка.

— Ты что! — Шестерня отмахнулся. — Боковины не отработаны, пол не вычищен, свод в натеках... Ни один, уважающий себя строитель, такой работы не сдаст.

— Что ж, тем лучше, — вершинник удовлетворенно кивнул, — значит, не наткнемся в конце на какую-нибудь изоощренную ловушку.

— Или на железную дверь, — добавил Дерн.

Шагнули в зев, и, словно, очутились в заброшенной сокровищнице. Сумрак возвращал источаемое волшебной сферой сияние: стены засверкали желтоватыми вкраплениями, под ногами заискрились разноцветная пыль, а из под свода, тускло отсвечивая острыми гранями, поблескивали огромные мутные кристаллы. Не переставая восторгаться, Шестерня носился от одной стены к другой. То и дело слышался противный скрип, за которым следовал восторженный вопль пещерника, и извлеченный из стены блестящий камень скрывался в висящем у пояса кожаном мешочке.

Сперва едва двигались, вглядываясь с открытым ртом в подземные богатства, но вскоре пообвыклись, пошли шибче, лишь изредка кто-нибудь провожал взглядом особо крупный кристалл, да время от времени нагибался Дерн, что-то рассматривая в крошечке мелких камней под ногами.

Лаз постепенно сужался, так что сперва шли вплотную друг к другу, а потом и вовсе перестроились парами. Шедший первым, Мычка нахмурился, ощутив смутную перемену. Вокруг сгустилась тьма, под ногами поблекло разноцветное сияние, вкрапленные в камнях кристаллы налились багровым, и тарацились из стены мутными буркалами, отчего коридор разом превратился в жуткое многоглазое чудовище. Идущий рядом Шестерня передернул плечами, сказал с содроганием:

— Кажись, все в порядке, а на душе муторно.

— Не у тебя одного, — произнес одними губами вершинник. Не оборачиваясь, сказал громче: — Дерн, Зола, ничего не чувствуете?

Зола промолчал. Погруженный в мысли, он широко шагал, высоко задирая ноги, дабы лишний раз не запинаться об усеявшие пол пещеры острые камни. При каждом шаге воздушные полы балахона вздымались, словно крылья, отчего маг напоминал сказочную птицу, забравшуюся далеко от насиженных мест.

— Жрать охота, — забыв, что на нем кольчуга, Дерн со вкусом почесал грудь, ногти отвратительно скрежетнули по металлическим кольцам. — А так, все как прежде, разве света поубавилось, да камни, кажись, поменялись. Шестерня, что скажешь?

Пещерник бросил несколько коротких взглядов по сторонам, пожал плечами:

— Порода та же, только блестит странно. А так... — он повернул голову и оцепенел.

Боковым зрением Мычка заметил, как у Шестерни отвисла челюсть, а глаза застыли, прикипев к чему-то жуткому позади. Ощувив, как в предчувствии боя, сердце забилося сильнее, вершинник одним движением развернулся, выхватывая мечи, блеснул клинками, приняв боевую стойку. В его расширенных глазах отразился болотник, идущий с ним плечо в плечо Зола, а за ними...

Мычка почувствовал озноб, а к горлу подступила тошнота, когда вместо мирной голубоватой сферы за спинами спутников он увидел багровый, исходящий злыми иглами искр, пылающий шар. Шар пульсировал, на глазах увеличиваясь в объеме, а внутри, заходясь в бешеном вихре, бился рой слепящих огней.

ГЛАВА 10

Обретя голос, жалобно всхлипнул Шестерня. Прикрывшись мечами, сделал шаг назад Мычка. Сохраняя остатки спокойствия, Дерн с дрожью в голосе поинтересовался:

— Мне обернуться, или уже сразу бежать?

Вынырнул из раздумий Зола, пробормотал недовольно:

— Темно-то как, что под ногами не вижу... — он мельком обернулся.

Дерн увидел, как маг вздрогнул всем телом, а мгновение спустя по ушам резанул истошный визг:

— Неуправляемое расщепление! Бегите, если хотите жить!

Взглянув на улепетывающего Золу, болотник бросился следом. Мысли вяло ворочались в черепе, отыскивая в памяти объяснение непонятным словам, но тело двигалось с удивительной скоростью, ощутив в паническом вопле напарника неподдельный испуг. Что-то запуталось в ногах, заверещав, отлетело. Дерн подхватил упавшего Шестерню, вздернул на ноги, с силой метнул вперед, придав такое ускорение, что ноги пещерника так и замелькали, с трудом удерживая тело от падения.

В какой-то момент нога скользнула по краю выбоины, едва не потеряв равновесие, Дерн на мгновение замешкался, обернулся. По коридору, едва помещаясь в свободное пространство, за ним с гулом неся раскаленный шар. Злые молнии с шипеньем бьют в стены, под тонкой пленкой, грозя прорваться наружу, скручиваются тугие жгуты ослепительно белых вихрей, а там, где огненные бока задевают стены, камень плавится, стекая вниз алыми ручейками.

Заревев не своим голосом, Дерн огромными скачками понесся вслед за товарищами, в два счета нагнал, растопырил руки, защищаясь от настигающей смерти. Позади пронзительно зашипело, вспыхнуло, черную ткань тоннеля затопили потоки ослепляющего света. По ушам стеганул невыносимый грохот, казалось, скала содрогнулась снизу доверху. По проходу понесся всесокрушающий поток воздуха, чудовищным тараном ударил в спину, размазал, расплескал по камням, выбивая дух и гася остатки сознания.

В черной бескрайней бездне кружится цветной хоровод, словно далекие звезды, сорвавшись с насиженных мест, пустились в пляс. Вспыхивают беззвучные молнии, сотрясая самые основы мироздания. Но вот в черной глубине зарождается глухой гул, молнии бьют все чаще, ветвистые слепящие рога все ближе вспарывают пространство, гул становится невыносимым, и вот мир взрывается, вливаясь в беззащитное тело тысячами огненных игл.

Зола вздрогнул всем телом, в ужасе распахнул глаза. Перед глазами таяли, поспешно растворяясь, разноцветные искры. Маг с трудом шевельнулся, болезненно застонал, ощутив под спиной и прочими мягкими частями острое крошево камней. Неподалеку завозилось, произнесло голосом болотника:

— Демон бы побрал Золу с его фокусами.

Притворившись, что не слышал, маг с кряхтеньем поднялся, спросил слабым голосом:

— Все целы?

Из тьмы отозвалось невнятное:

— Пока не ясно. Кто б подсветил.

Рядом иступленно воскликнуло в две глотки:

— Нет! — Затем один из голосов добавил спокойнее: — Шестерня и так отлично видит, а я уж как-нибудь перетопчусь.

Тот, что предлагал посветить, помолчал, сказал примирительно:

— Ладно, раз все так любят темноту, придется на ощупь.

Зажурчало, раздался возмущенный вопль, что-то с грохотом шарахнулось. Покачав головой, Зола развел руки и осторожно, с величайшим тщанием, сотворил гроздь осветительных огней. Розовые лучи озарили пещеру, одно за другим выхватывая из темноты бледные лица. Зола замедленно обвел напарников взглядом: посреди коридора на груди щепня примостился Дерн, наморщив кожу на лбу, осматривает ссадины на ладонях; у стены, потирая ушибленное плечо, болезненно кривится Шестерня, щурится от непривычно яркого света, на лице возмущение; в паре шагов от пещерника, запрокинув голову, припал к бурдюку Мычка, по груди вершинника тонкой струйкой течет вода, срывается быстрыми каплями в пыль пещеры. Маг кивнул, произнес с удовлетворением:

— Что ж, могло быть и хуже.

— Но могло и лучше, — Дерн мотнул головой, указывая магу за спину.

Торопливо обернувшись, Зола обмер. В десятке шагов, позади, полностью перегораживая проход, возвышается стена каменного крошева. Вновь повернувшись к спутникам, он попал в перекрестье внимательных взглядов, сказал сконфужено:

— Все живы здоровы, можем продолжать путь. — Глядя на усмешки, заигравшие на губах товарищей, добавил с раздраженьем: — И нечего ухмыляться! Вконце-концов, это была не моя идея. Я как раз отговаривал, объяснял. Но некоторым все едино, что в лоб, что по лбу, — он недовольно отвернулся, застыл, скрестив руки на груди.

Мычка оторвался от бурдюка, вытер губы тыльной стороной ладони, произнес задумчиво:

— Наверное, это к лучшему. До этого Зола все порывался вернуться. Да и я, если честно, подумывал. А теперь, — он развел руками, — сомнения исключены.

Шестерня оценивающе взглянул на завал, пробормотал:

— А может все-таки... — но посмотрев внимательнее, лишь махнул рукой, — нет, чую, не разобрать.

Мычка покосился на мага осторожно поинтересовался:

— Зола, а ты мог бы в случае нужды сколдовать еще один подобный "фонарик"?

Обрадовавшись возможности сменить тему, маг охотно ответил:

— Мне и самому интересно, но, боюсь, это невозможно, — он возбужденно заходил взад вперед, потирая руки. — Я знаю о нестабильности динамических заклятий, но ни разу не слышал, чтобы заканчивалось подобным образом.

Закончив осмотр ссадин, Дерн поднялся на ноги, сказал поспешно:

— Предлагаю отложить пробы до времени, когда сможем отсюда выбраться, тогда, на пару с Мычкой, можете разнести хоть пол города, а сейчас, давайте двигаться дальше.

И вновь томительный переход по темным туннелям, где не видно ни зги, а малейший шум эхом отражается от стен, пугая жуткими отголосками и сбивая с толку. Иногда Шестерня отвлекался, забывал предупредить об особенно крупной выбоине или торчащем из пола валуне, и тогда, идущие следом спотыкались и, с трудом удерживая равновесие, проклинали пещерника на все лады. Зола слушал недовольные возгласы, но лишь с

сожалением вздыхал, не желая более рисковать с заклятием, а остальные помалкивали, памятуя о результатах недавнего эксперимента.

Потянуло влагой. Мычка с силой втянул ноздрями воздух, бодро произнес:

— Впереди вода и ее немало.

Прошли еще немного, после чего и остальные почувствовали дыхание близкой воды, а вскоре и слышали. Сперва, едва различимый, в отдалении послышался шум, что с каждым шагом становился все громче. Стены покрылись влажным налетом, а под ногами захлюпало, так что пришлось удвоить осторожность, чтобы не поскользнуться на мокрых камнях.

Первым пострадал Дерн. На одном из поворотов он с грохотом обрушился, обдав товарищей фонтаном холодных брызг. Немногим позже, витиевато выругавшись, обвалился Зола. Даже различающий дорогу Шестерня не миновал участи товарищей, загремев доспехами, словно рухнули металлические врата центрального городского храма, он помянул по очереди всех своих предков, включая прародителя пещерников. Только Мычка избежал падений, положившись на чутье, он с величайшей осторожностью переставлял ноги, успешно преодолевая многочисленные природные ловушки.

В очередной раз, поднявшись из заполненной водой ямы, Дерн смахнул с лица капли и в удивлении замер — в нескольких шагах впереди смутно маячила тень. Болотник потряс головой, закрыл и открыл глаза, но тень не исчезла, лишь отдалилась, потеряв четкость очертаний. Дерн повертел головой, оглядываясь. Непроницаемая ранее тьма отступила, словно потеряв часть силы. Заинтересованный явлением, болотник пошел быстрее, отмечая, что с каждым шагом вокруг становится светлее. Замерцал каменными натеками свод, проявились блестящие от влаги стены, а бредущая впереди тень обрела четкость, приняв очертания Шестерни.

Вскоре перемену в обстановке заметили все, удивленно воскликнул Зола, удовлетворенно хмыкнул Мычка. Шестерня испуганно вздрогнул, когда мимо, прижавшись к скале, проскользнула фигура вершинника, а мгновением позже, уже с другой стороны, шурша балахоном прошагал Зола, крикнул оторопело:

— Эй, вы куда, там же ямы! — Помолчав, пробормотал обиженно: — Вот и верь после этого людям. А ведь всю дорогу слепыми прикидывались.

Обойдя впавшего в глубокую задумчивость пещерника, Дерн быстрым шагом двинулся вслед за ушедшими. Дойдя до места, где проход резко поворачивал в сторону, болотник протиснулся через ставший совсем узким лаз и замер, с восторгом глядя на величественное зрелище.

Стены разошлись далеко в стороны, образуя обширную пещеру. Посреди пещеры раскинулось озеро, из воды исходит неяркий свет, заливая все вокруг призрачным сиянием. Неподалеку, из-под скрытого тенью свода, с ревом низвергается водопад, там, где белесый столб падает в озеро, поверхность воды вскипает, вздымается пенными бурунчиками, но ближе к берегу волны опадают, выравниваются, превращаясь по краям в еле заметную рябь. Насыщенный водяной пылью воздух дрожит и переливается всеми цветами радуги, расходится густым облаком, оседая мельчайшими каплями на влажных стенах, и мелких округлых камнях во множестве усыпавших берега.

Дерн опустил взгляд. Неподалеку стоит Зола, запрокинув голову, всматривается под свод, чуть дальше Мычка прыгает на одной ноге по берегу, освобождаясь от остатков одежды. Мгновение, и обнаженное тело вершинника исчезает во всплеске воды, и вскоре облепленная космами золотистых волос голова появляется вдалеке от берега. Глядя на

блаженное выражение лица Мычки, Дерн ощутил острую зависть, кожа начала зудеть, а в нос ударил запах давно немытого тела.

Едва болотник решительно направился к воде, как сзади радостно завопило, мимо, едва не сбив с ног, пронеслось мелкое. Шестерня остановился лишь на мгновение, чтобы сбросить секиру и щит, и, как был, в доспехе, кинулся в озеро, подняв тучу брызг и огласив пещеру жизнерадостным хохотом.

Пока Дерн раскладывал и тер камнями кольчугу, за последние дни проржавевшую так, что блестящие кольца покрылись бурым налетом, и при прикосновении оставляли на руках рыжие пятна, подошел Зола. Полы некогда белого балахона напитались водой и обвисли, волосы слиплись и топорщились уродливыми сосульками, а на груди потяжелевшая от влаги ткань разошлась обнажив бледную кожу с прилипшими уголками свитков.

Ежась в непрерывном потоке влажной пыли, Зола загнанно озирался, но тут его лицо приняло отчаянное выражение. Махнув рукой, маг осторожно извлек из-за пазухи слипшуюся кипу свитков, бережно положил на камни, придавив лежащим поблизости тяжелым булыжником и, более ни о чем не заботясь, начал освобождаться от одежды.

Обернувшись в очередной раз, Дерн обнаружил, что берег пуст, а в озере, бороздя поверхность, как диковинные рыбы, мелькали тени пловцов, хорошо различимые в исходящих из воды потоках света. Отложив кольчугу, болотник вырыл в камнях углубление и стал раздеваться. Когда возле ног образовалась куча грязного тряпья, а ямка до краев набралась водой, болотник подобрал удобный, по руке, ноздреватый камень, сложил в углубление вещи, и принялся тщательно выскабливать рубашку, а затем и штаны. Закончив, Дерн с удовлетворением кивнул, и лишь тогда позволил себе искупаться.

Ледяная вода приняла в объятья, смывая застарелую грязь и забирая усталость. Дерн с наслаждением погрузился с головой, ощущая как мышцы наполняются силой, а по жилам быстрее бежит кровь. Перевернувшись на спину, он прикрыл глаза, прислушиваясь к реву водопада, и ощущая непрерывное содрогание всей поверхностью тела. Поддаваясь мощи ниспадающего с высоты потока, вода мелко вибрировала.

Рядом скользнуло, щекоча водными завихрениями, коснулось плеча. Дерн открыл глаза. На расстоянии вытянутой руки из воды торчит голова в обрамлении золотистых волос-водорослей, зеленые глаза внимательно смотрят из-под полуопущенных век, кончики острых ушей подрагивают, вслушиваясь в шум водопада. Болотник вопросительно изогнул бровь, на что из воды высунулась рука, поманила пальцем, и Мычка неслышно погрузился в воду.

Окунувшись с головой, Дерн увидел, что Мычка плывет по направлению к темному провалу пещеры, расположенной неподалеку, в сумрачной глубине отвесной стены берега. Глубоко вдохнув, болотник нырнул.

Проход оказался широким, и, в то же время, коротким, и достаточно быстро пошел вверх, так что вскоре Дерн вышел на пологий берег. Окинув взглядом грот, Дерн замер в восхищении. Отовсюду: из стен, свода, из-под ног вырастали пучки тонких коротких игл какого-то полупрозрачного минерала. Струящийся от входа свет многократно преломлялся в кристаллах, приобретая голубоватый оттенок, отчего в гроте царила непередаваемая игра бликов и теней.

Мычка поджидал тут же, и нетерпеливо мотнул головой, предлагая следовать дальше, после быстро зашагал вглубь грота, старательно избегая острых граней кристаллов. Почему вершинник сторонился удивительных минералов Дерн понял чуть позже, невзначай коснувшись рукой оцетинившийся кристаллами-иглами куст. Руку обожгло болью, а на коже

набухли кровью тонкие полоски разрезов. Дерн нахмурился, и дальше шел уже внимательно выбирая путь.

По ширине грот мало уступал центральной улице города, но идти приходилось с трудом. Колонии кристаллов разрослись так, что приходилось пробираться едва не ползком. Следуя за вершинником Дерн недоумевал, что толкнуло осторожного Мычку на повторное посещение столь странного места. Раздумывая над причинами, болотник настолько погрузился в себя, что очнулся, лишь натолкнувшись на спутника, недвижимой тенью выросшего впереди. Мычка посторонился, а Дерн поднял глаза и замер. От места, где они остановились, грот резко расширялся, превращаясь в просторную каверну. От усыпавших стены кристаллов в пещере царил голубоватый сумрак, словно на дне глубокого водоема. Но болотник не видел чарующей нерукотворной красоты, его взгляд замер, прикованный к тому, что находилось в центре пещеры. Возвышаясь белесой грудой костей, перед путниками вздымался колоссальный скелет невиданного животного: чудовищный череп размером с дом бедняка, белые крючья ребер толщиной с бедро взрослого мужчины, неровные глыбы позвонков.

Взгляд болотника оценивающе пробежался по находке, метнулся к спутнику, затем обратно. Дерн спросил с напряжением в голосе:

— Как оцениваешь?

Мычка пожал плечами, ответил без интереса:

— Это скелет рыбы, или какого-то водного животного.

Дерн покачал головой:

— Это я и сам вижу. Как оцениваешь возраст? На мой взгляд... — он прошел вперед, провел рукой по шершавой поверхности кости, на ощупь напоминающей камень, — столетья три, возможно четыре.

Вершинник кивнул, ответил:

— Возможно. Хотя, в этих условиях, — он окинул взглядом пещеру, — он мог пролежать намного, намного больше. Но это не самое интересное.

Мычка двинулся дальше, обходя находку по дуге. Дерн последовал за ним, готовый к новым неожиданностям, но едва обойдя скелет, почувствовал, как ноги прирастают к земле, не в силах двигаться. Чудовищный череп оказался срезан, как и идущие следом ребра. Остатки ребер и часть черепа лежали тут же, а разрез шел дальше, по касательной отделив заднюю часть позвоночника, казалось, животное рассек огромный меч, начисто сняв почти треть тела.

Совладав с собой, Дерн потрясенно произнес:

— Если на мгновение допустить, что это не работа хищников, обвал скалы, или неизвестная болезнь... То какой невероятной силой должно обладать оружие, наносящее подобные раны?.. — его голос предательски дрогнул.

— И каким должно быть могущество его изготовивших? — эхом откликнулся Мычка.

Возвращались в молчании, погруженные в глубокую задумчивость. На этот раз, первым шел болотник. Вынырнув, он поплыл, неторопливо взмахивая руками. Когда до берега осталось совсем немного, Дерн рассмотрел недвижимо стоящих товарищей. Что-то неестественное почудилось в замерших напряженных телах, к тому же, несмотря на прохладу подземелья, наемники не спешили одеваться.

Дерн уже собрался окликнуть друзей, когда краем глаз заметил шевеление. Он повернул голову, и слова застряли в глотке, так и не сорвавшись с губ. Чуть в стороне, на расстоянии

десяток шагов, опираясь на длинные копыя, стояли трое мужчин в черных доспехах.

ГЛАВА 11

Дерн лихорадочно заозирался, высматривая место, куда сложил вещи, а когда увидел, лишь стиснул зубы в бессильной ярости. Враги, а в том, что это враги болотник ни на мгновение не усомнился, стоят в шаге от сваленного в кучу доспехов и оружия, среди которого болотник углядел и шипастый шар цепя. Дерн вновь, уже внимательнее, окинул взглядом противников. Мужчины не отличались богатырским телосложением, и решение созрело мгновенно. Прикинув время, необходимое, чтобы добраться до берега, Дерн уже отвел руку для мощного гребка, когда запястье сдавило, остановив движение. Резко обернувшись, он наткнулся на холодный взгляд Мычки.

Вершинник покачал головой, указал глазами на берег. Проследив направление его взгляда, Дерн чертыхнулся. Позади копейщиков, плохо заметные с воды, стояли двое. У каждого в левой руке лук, а правая — чуть оттягивает тетиву, удерживая в пальцах тонкую стрелу с густым опереньем. Хищные острия тускло поблескивают, нацелившись в стоящих у воды. Одно неверное движение, и пальцы распрямятся, а пронзенные тела рухнут, как подкошенные, обильно орошая кровью прибрежные камни.

Дерн потрянул головой, прогоняя жуткую картину, распустил напряженные мышцы. Проследив, как меняется лицо болотника, Мычка удовлетворенно кивнул и поплыл в сторону берега, стараясь производить, как можно больше шума. Дерн лишь тяжело вздохнул, но безропотно поплыл следом.

Заметив движение, чужаки быстро, но без лишней суеты, перегруппировались, двое шагнули вперед, отрезая доступ к вещам, а один зашел по колено в воду, направив копье на плывущих. Вслед за ними сместились и лучники. Сгибаясь, заскрипели луки, тела стрелков заметно напряглись, а глаза чуть прищурились, отслеживая новые цели.

Подплывая к берегу, Мычка замедлил движения, а когда ноги коснулись дна, сразу же развел руки, показывая, что не имеет оружия. Воин неторопливо отступил. Копье он по-прежнему держал острием вниз, но глаза внимательно следили за каждым движением вершинника. Мычка вышел из воды, мельком глянул на товарищей. Шестерня стоял насупившись, лицо пещерника кривилось, выражая откровенное недоумение, а кулаки чуть заметно сжимались, выдавая скрытый гнев. Зола не шевелился, и, казалось, вовсе не замечал вооруженных людей, но Мычка знал, насколько неустойчивой могла быть внешняя безразличность мага, и едва выйдя на берег, поспешно произнес, стараясь, чтобы голос звучал как можно более дружелюбно:

— Кто вы и что хотите?

Стоящий поблизости воин, точная копия вершинника, поджарый, перевитый жгутами мышц, с заостренными ушами и длинными белесыми волосами, только с гораздо более темной кожей, с удивлением вздернул брови, ответил низким сильным голосом:

— Наверное, ты что-то не заметил. Или это мы стоим раздетые, а наше оружие валяется по всему берегу? — усмехаясь, он обвел взглядом своих воинов, на чьих лицах заиграли

саркастические ухмылки. Улыбка исчезла с его лица, когда мужчина продолжил: — Кто вы, и откуда взялись в светлых пещерах? Говори быстро и не вздумай лгать.

Слова он выговаривал странно, слегка растягивая буквы и сглатывая окончания, но достаточно хорошо, чтобы не потерять общий смысл. Остальные молча прислушивались, а судя по уважительным взглядам, что время от времени бросали на него соратники, мужчина пользовался немалым авторитетом.

— Мы охотились за зверем, но потерялись в пещерах, — Мычка старался говорить медленно, чтобы его слова каким-нибудь образом не истолковали превратно.

Мужчина недоверчиво усмехнулся:

— Не больно вы похожи на охотников, раз так легко позволили захватить себя врасплох. Позади плеснуло, хрустнули камушки под тяжелой поступью, над ухом раздался чуть слышный голос:

— Не верят?

Стараясь не делать резких движений, Мычка покосился на Дерна, сказал еще тише:

— Похоже, что нет. Но все же попробую договориться.

Болотник едва заметно пожал плечами, спокойно произнес:

— Если не убили сразу, значит договоримся.

Вершинник повернулся к вожаку, сказал мирно:

— Зверь остался далеко на поверхности, а мы уже много дней скитаемся по пещерам в поисках выхода, и не встретили за это время ни единой живой души.

Его слова произвели странное действие. Раздались удивленные возгласы, на лицах воинов промелькнуло смятение, а вожак даже отшатнулся, воскликнул неверяще:

— Ты!.. Как ты смеешь лгать! На поверхности нет и не может быть жизни, а ты... — он обвел наемником исполненным подозрения взглядом, — вы все умрете прямо сейчас.

Он отшагнул назад, резко выкрикнул команду. По сигналу копейщики одновременно вскинули руки с оружием, а лучники оттянули тетивы, лоя в прицел раздетые фигуры. Вершинник похолодел, чувствуя, как внутри оборвалось. Сейчас безжалостные острия метнуться навстречу, вонзятся разрывая беззащитную плоть и дробя кости, на камни брызнет красным, и горячая кровь смешается с ледяной водой озера, бесследно растворится, унося с собой жизни четверых неудачливых наемников, а на берегу останутся лишь посиневшие холодные тела.

Один из воинов повернул к вожаку голову, предостерегающе произнес:

— Стервень, стой, не лучше ли отвести их в город? Черный Барон не обрадуется, узнав, что шпионов умертвили, не опросив должным образом.

Тот пронзил его горящим взглядом. Мычка видел, как на лице Стервеня ненависть борется со страхом. Наконец, вожак совладал с собой, его лицо приняло непроницаемое выражение, не спуская глаз с Мычки, он неохотно отступил, на Дерна почему-то не смотрел вовсе, по непонятной причине не сочтя за достойного противника, сказал с угрозой:

— Возможно ты и прав. Хотя не думаю, что Барон смог бы узнать нечто сверх необходимого.

Он вновь отдал короткую команду, копыта опустились, а лучники ослабили тетивы. Двое мужчин подошли к сваленным в кучу вещам, быстро выбрали оружие и отступили на несколько шагов. Когда на берегу остались лишь доспехи, Стервень ухмыльнулся, сделал приглашающий жест, указав рукой на вещи.

Мычка почувствовал, как отлегло от сердца, не заставляя себя упрашивать, он двинулся

к вещам. Насыщенный влагой воздух охлаждал, и вершинник поспешно набросил рубашку, затем натянул штаны. Мокрая одежда сразу же прилипла к телу, стало еще холоднее, но Мычка продолжал двигаться, усиленно разминая мышцы, и хоть и медленно, но неуклонно, начал согреваться.

Вскоре подтянулись и остальные. Зола неспешно заматывался в балахон, но по резким движениям было видно, что он сдерживается с превеликим трудом. Шестерня надевал доспехи суетливо, то и дело путаясь в застежках, но, по мере того, как пещерник обрастал панцирем, его движения становились медленнее, а лицо обретало уверенность.

Дерн закончил раньше всех, застыл с невозмутимым видом, следом, один за другим, замерли остальные, настороженно посматривая на хмурых воинов. Окинув наемников брезгливым взглядом, Стервень отвернулся, и, не оглядываясь, двинулся воль берега. Его напарники встали по обе стороны с копьями наперевес, лучники пристроились чуть сзади, и импровизированный отряд последовал за вожаком.

Сияющая вода давала достаточно света, чтобы рассмотреть самые мелкие детали черных доспехов охраны, чем и воспользовался Шестерня, с интересом разглядывающий матовые чешуйки брони и тусклые наконечники копий. Мычка изредка оборачивался, и с завистью смотрел на короткие костяные луки. Несмотря на небольшой размер, составленный из плотно подогнанных кусков костей, такой лук должен обладать поистине невероятной прочностью, и вершинник лишь качал головой, с сожалением отводя взгляд.

Сперва шли вдоль воды, по узкой каменной полосе. Озеро оказалось намного больше, чем можно было предположить, глядя на него со стороны водопада. Не отличаясь шириной, оно уходило далеко вперед, стиснутое каменным корсетом берегов. Изредка попадались водопады. Там, где ниспадающие потоки воды касались скал, камни пестрели яркими красками, а снизу, от подножия, навстречу потокам, во множестве поднялись известковые иглы, поражая взгляд ажурным переплетением каменных кружев.

В некоторых местах озеро заливало берег, омывая черный камень скалы, так что приходилось идти по колено, а порой и по пояс в воде. В одном месте наткнулись на нагромождение камней, которое пришлось преодолевать вплавь. Как-то раз Стервень резко остановился, предупреждая, вскинул руку с растопыренной пятерней, застыл, напряженно глядя в спокойные воды озера. Проследив за его взглядом Зола заметил, как в глубине мелькнуло темное, гладкая поверхность вспухла горбом, затем опала, разошлась мелкой волной.

Когда неподалеку замаячил темный лаз пещеры, воины ускорили шаг, перестроились. Вожак с ходу нырнул в зев пещеры, за ним, прикрывая спину, зашел еще один, остальные остановились, ожидая пока пленники по-очереди протиснутся в узкий проход, двинулись следом. Двигаясь через лаз, скупо освещенный редкими кустиками светящейся плесени, Шестерня произнес негромко:

— Думаю, сейчас самое время вернуть оружие. Лаз узок, у каждого будет не больше одного противника. Если ударим неожиданно...

Мычка произнес с сомнением:

— Полагаешь, они не предусмотрели такую возможность? Идущий за мной воин отстал минимум на десяток шагов, и я не думаю, что он сделал это случайно.

Пещерник сказал с жаром:

— Не беда. По сигналу Зола ударит магией, а я завладею оружием, и уж тогда пусть их там хоть десяток, не сдвинутся и на шаг.

Дерн сказал:

— Шестерня прав, вряд ли представится случай лучше, хотя... — он помолчал, закончил с тоской, — не хотелось бы начинать знакомство с местными племенами с убийства охотников из ближайшей деревни.

— Не очень-то они похожи на простых охотников, — скептически произнес Зола. — Да и приветствие их не отличалось особым миролюбием. А что касается магии... — он замолчал, задрал голову, пристально рассматривая свод.

Следом за Золой подняли головы и остальные, и сразу же лица помрачнели. Каменную плиту над головой рассекали многочисленные трещины, из некоторых, особенно глубоких, время от времени сыпались песчинки. Местами свод оказался искрошен настолько, что из общей массы выдвинулись целые глыбы, угрожая обвалиться в любое мгновение.

Шестерня почесал затылок, протянул обескуражено:

— Тут не то что огнешар, от любого чиха потолок рухнет.

Дерн поинтересовался:

— Значит откладываем?

Пещерник вздохнул:

— Выходит так. Но как только скала укрепитесь... — он громко впечатал кулак правой руки в ладонь левой, отчего под сводом заметалось эхо, а из щелей посыпалась пыль. Не ожидавший такого эффекта, Шестерня шмыгнул вперед, вжав голову в плечи. Остальные поспешили за ним.

ГЛАВА 12

По туннелю двигались еще довольно долго, но сколько ни задирали головы, всякие раз взгляд натыкался на частую сеть глубоких трещин, а ноги запинались о россыпь глыб, выпавших из свода. Головы поднимались все реже, лишь Шестерня раз за разом осматривал свод, продолжая лелеять план мщения, но и он сдался, когда на очередном повороте прямо перед ним рухнул целый пласт камней, подняв густое облако удушливой пыли и едва не отдавлив пещернику ноги.

Проход закончился внезапно. Каменный свод, последнюю сотню шагов едва не задевающий головы, резко взмыл, а стены исчезли. Дышать сразу стало легче, плечи расправились сами собой, а ссутулившиеся за долгий поход спины, распрямились. Наемники завертели головами, с интересом осматриваясь. Границы пещеры терялись во тьме, а впереди, насколько хватало глаз, тянулась, покрытая островками чахлах кустиков, с разбросанными повсюду лужицами светящейся воды, равнина.

Кое-где ровная, как стол, поверхность изгибалась, образуя округлые холмы, из вершин которых поднимались вверх толстенные каменные столбы, уходя вершинами в клубящийся наверху сумрак. Некоторые из столбов рухнули и лежали тут же разбитые на куски одинаковой длины, словно некий рачительный хозяин наколот каменных чурок, но, по какой-то причине, задержался с уборкой.

Шестерня присвистнул, а Зола пробормотал под нос:

— Пустоты со светящейся водой, как магическое проявление... — продолжая

бормотать, он запустил руку за пазуху, ухватил покрепче, потащил хрустящее наружу, но поймав заинтересованный взгляд охранника, охнул, разжал пальцы, отчего пожелтевший уголок свитка, как живой, испуганно исчез в складках балахона.

Разбросанные повсюду мелкие водоемы давали мягкий рассеянный свет, но стоило лишь коснуться лужи, как вода ярко вспыхивала, а отряд окружали многочисленные неровно колеблющиеся тени. Иногда встречались целые озерца, их осторожно переходили вброд, внимательно глядя под ноги, а в одном месте водоем оказался настолько велик, что пришлось сделать изрядный крюк. Дерн поначалу удивился, вспомнив, как спокойно воины преодолевали вплавь завалы возле озера с водопадом, но мелькнувшая в воде крупная тень рассеяла сомнения.

Порой путь пересекали цепочки следов. Глядя на глубокие отпечатки, вершинник хмурился и качал головой. Заинтригованный его поведением, Зола поинтересовался:

— Что-то не так?

Не отрывая взгляд от земли, Мычка замедленно ответил:

— Хотел бы я посмотреть на местных животных, но очень, очень издалека.

Под ногами кипела жизнь. В лужах сплетались клубки белесых червей, по бледным листьям чахлых растений, подобно ожившим драгоценностям, ползали светящиеся улитки и слизи, из незаметных норок то и дело высовывались любопытные мохнатые морды, провожая блестящими глазами-бусинами идущих мимо людей.

Шестерня с любопытством вертел головой, увлеченно разглядывая красоты подземного мира, обернувшись к товарищам, произнес:

— Удивительно красиво и необычно, только тихо очень.

Зола выпал из оцепенения, в котором прибывал уже долгое время, размышляя о чем-то важном, ненадолго прислушался, кивнул:

— Действительно много красок, но почти нет звуков.

Дерн пожал плечами:

— Если вспомнить причину по которой сорвался план, все становится понятным. Пещеры- не лучшее место, чтобы шуметь.

Словно опровергая его слова, раздался низкий вибрирующий звук, от которого неприятно заныли зубы, а по коже разбежались мурашки. Прислушавшись, Мычка покачал головой, сказал задумчиво:

— Только не все знают это правило.

Некоторое время шли молча, когда Зола встрепнулся, сказал сердито:

— Я не понимаю, что происходит. Вокруг разлито море магической энергии, но едва я пытаюсь сотворить заклятие, как оно гаснет.

Дерн пожал плечами:

— Особенности местных пещер. Наверняка, вода светится не просто так. Вон, у Шестерни поинтересуйся, может, что доброе скажет.

Шестерня буркнул:

— Сейчас дойдем до деревни, там и спросите. И про воду вам расскажу, и про магию, если до того на копы не поднимут.

Взгляды разом устремились вперед, где, в колеблющейся дымке, подсвеченные призрачным сиянием волшебной воды, проявилось множество мелких домишек, угрожающе щетинившихся остриями-крышами. При виде домов, охрана приободрилась, суровые лица разгладились, а ноги пошли шибче. Чтобы не начали подгонять копыями, пришлось ускорить

шаг и наемникам.

По мере того, как отряд продвигался вперед, деревня разворачивалась во всем величии. Из тумана протаяли новые дома, а те, что стояли ближе, увеличились, обросли мелкими деталями. Но прежде чем войти в поселение, миновали каменный забор, ограждающий деревню по периметру. Пока пленившие их воины коротко переговаривались с тремя охранниками, коренастыми мужиками в похожих черных доспехах, стоящими у перегораживающих тропинку врат с копьями наперевес, Шестерня с интересом осмотрел ограду. Невысокий, сложенный из продолговатых каменных блоков забор увенчивают заостренные шипы, между шипами, каждые два десятка шагов слабо мерцают наполненные голубоватой жидкостью шары из прозрачного материала. Проследив за взглядом пещерника, Дерн негромко произнес:

— Интересно, от какого врага может служить защитой столь хрупкая конструкция?

Зола обронил не глядя:

— Не хотел бы я лезть через этот забор.

Шестерня насмешливо хмыкнул:

— Боишься портки попортить?

— Магия, — буднично произнес Зола. — Не могу с ходу определить, какие защитные заклятия здесь задействованы, но эти прозрачные сферы тут не случайно.

— Ты хочешь сказать, — тщательно подбирая слова, уточнил Мычка, — что если кому-то взбредет в голову обойти охрану и проскочить где-нибудь в другом месте... — он выжидательно посмотрел на мага.

Зола бросил зло:

— Да что вы заладили!?! Трухлявому пню ясно, что защита вовсе не в каменной кладке, и уж тем более не в этих жалких кольшках. Хочется проверить — попробуй, сунься, но, боюсь, после подобного эксперимента тебя и десятков Дернов не соберут.

Меж тем, провожатые договорились с охраной. Двое мужиков кинулись отворять врата, их мышцы заметно напряглись, а лица побагровели от напряжения. Хрупкая на вид створка, тронь — рассыплется, висящая на несоразмерно толстых металлических петлях, дрогнула, медленно отошла в сторону. Когда, миновав врата, двинулись дальше, Шестерня обернулся, последив, как с прежней натугой запирают створку, покачал головой:

— Вроде и неказистая, а смотрю, как двигают, так пудов сто в ней, — он покосился на Зола, добавил с уважением, — когда Зола и привирает, но тут вижу — прав, магия, не иначе.

Их провели по главной улице. Вокруг, разделенные невысокими заборчиками, возвышаются удивительные дома, круглые, без единого угла, сложенные из одинаковых шестиугольных кирпичиков, отчего стены напоминают пчелиные соты, закручиваясь в едва заметную спираль, возносятся вверх. Крыши увенчаны тонкими шпильями, на концах загадочно поблескивают уже знакомые сферы, окна затянуты полупрозрачными пленками слюды. Возле иных разбиты садики, но вместо привычных овощей на грядках, покрытые шипами кусты, где гроздьями висят странные ягоды. Плоды налиты силой, через прозрачные стенки видно, как внутри неспешно перетекает густой сок.

Из окон следят любопытные глаза, на крылечки выходят люди, провожают удивленными взглядами. Все, как один, стройные, высокие, с темными, почти черными зрачками огромных глаз. Мужчины с хорошо развитой мускулатурой, а женщины тонкие в талии, с тяжелыми полукружьями груди. Волосы, в большинстве белесые, почти седые, удивительно контрастируют с серой, землистого вида кожей. Из волос выглядывают острые

кончики удлиненных ушей.

В деревне, на удивление, тихо, даже стайки детей, что время от времени перебегают дорогу, или копошатся в садиках, не издают привычного шума, общаются шепотом. Шестерня передернул плечами, произнес с брезгливостью:

— Не хотел бы я здесь жить.

Дерн поинтересовался также шепотом:

— Что не так?

Пещерник немного подумал, сказал с сомнением:

— Даже не знаю. Вроде и домики подлатаны, и улица чиста, даже люди красивы, одни женщины чего стоят, — он проводил взглядом идущую мимо девушку, с высоко поднятой головой и горделивой осанкой, — но словно спят все. Ни шума, ни пьяных драк.

Мычка насмешливо произнес:

— Так мы еще в таверну не заходили. Как дело дойдет, утешись.

Шестерня отмахнулся:

— У них поди и слов таких не знают. Сидят по домам, вино в одиночестве потягивают, — он тяжело вздохнул. — Да что с них взять, с подземников.

Мычка хмыкнул:

— Вот и проверишь. Заведешь знакомство, узнаешь каков здесь быт, освоишься... — глядя как Шестерня задумчиво кивает в такт словам, добавил вкрадчиво. — Ну, а после и нас пригласишь. Ведь пригласишь? Нешто один со всем один управишься?

Зола сумрачно произнес:

— Вон, впереди, не иначе, дом главы селения. Сейчас узнаем, кого по хозяйству определяют, а кого и за длинный язык- на колья.

Беседа прервалась, все посмотрели перед собой. Улица ведет дальше, прямая, как стрела, но впереди домики расступаются, образуя небольшую площадь. В центре возвышается массивное здание в три этажа. В отличие от прочих домов, архитектура привычна глазу: прямые стены, острые грани углов, по бокам небольшие пристройки, где, то и дело, мелькают вооруженные люди.

Шестерня усмехнулся:

— Какой же тут глава? Это скорее местный военачальник. Видал, сколько воинов!

Остановились неподалеку от входа. Стервень отдал короткое указание и исчез в дверном проеме. Мимо проходили воины в черных доспехах, ненадолго останавливались, с интересом рассматривая пришельцев, но быстро теряли интерес, исчезали по своим делам. Вскоре вернулся Стервень, жестом велел следовать за собой.

Сразу за дверью обнаружилось небольшое помещение. Шестерня мельком огляделся. На стоящих вдоль стен лавках сидят суровые мужчины, а стены почти сплошь завешаны доспехами и необычным оружием. В углах комнаты, на металлических подставках, уже знакомые светящиеся сферы, только гораздо меньше, и значительно ярче, чем виденные ранее. Пока под перекрестьем изучающих взглядов шли через комнату, пещерник отметил прикрытые парчой бойницы под потолком, откуда, в случае нужды, так удобно бить лучникам.

Из комнаты попали в узкий коридор, так что пришлось растянуться гуськом. Каждые полтора десятка шагов коридор сворачивает. Шестерня понимающе кивал, удобно защищаться спрятавшись за углом, особенно если противник вынужден бежать к тебе по узкому каменному лазу, не имея возможности укрыться от острых стрел или жестокой

магии. Несколько встреченных дверей оказались плотно претворены, изнутри не доносилось не звука, так что напряженно вслушивающийся Мычка лишь разочарованно вздохнул.

Свернув в очередной раз, проход расширился, уперевшись в массивную дверь, сплошь украшенную резьбой. У косяков, в расслабленных позах, замерли двое воинов. Мычка сперва удивился, мужчины ни чем не отличаются от остальных виденных по дороге: та же хрупкая стать, уже привычный черный доспех, покрытый блестящими чешуйками, из-за плеч выглядывают рукояти коротких мечей, но, приглядевшись, вздрогнул. Воины стоят в расслабленных позах, и, как будто, не замечают пришедших, но вершинник ощутил, как шерсть на загривке поднимается дыбом от осязаемого чувства опасности, настолько сильного, что он невольно отступил на полшага. Один из воинов заметил движение, уголки его губ едва заметно дернулись. Устыдившись, Мычка вернулся на прежнее место, и даже на полшага дальше, но воин оставался недвижим, больше не реагируя на происходящее.

Стервень попытался пройти, но охранник едва заметно сдвинулся, перегородив проход. Стервень нахмурился, сказал недружелюбно:

— Я привел пленников и должен представить их пред очами Барона.

Охранник коротко повел глазами, мельком оглядев отряд, произнес:

— Пленники пройдут в комнату одни, а вы ступайте.

Лицо вожака начало багроветь, он сдавленно прошипел:

— Я неделю бродил по светлым пещерам и пленил их с риском для жизни. Я сам решаю, куда и когда мне идти. Посторонись, иначе!.. — замахнувшись, он резко шагнул вперед.

Никто не понял, что произошло, лишь слабо колыхнулся воздух, но Стервень вдруг покачнулся, обмяк, и кулем осел на пол. Скрипнув, отворилась дверь, в проеме показался богато одетый мужчина, брезгливо взглянул на лежащее на полу тело, он поманил пленников пальцем и исчез.

ГЛАВА 13

За дверь открылось просторное помещение. Вдоль стен лавки, над ними во множестве висят дорогие доспехи вперемешку с головами удивительных существ. С потолка на тяжелой цепи свисает люстра, усаженная десятками сияющих сфер. У дальней стены возвышение, в центре- трон с высокой спинкой. В глаза сразу бросился стоящий посреди зала уставленный множеством блюд длинный стол, где, негромко переговариваясь, сидят мужчины и женщины. Мужчины в доспехах, блестят смазанные маслом волосы, мозолистые пальцы сжимают тяжелые кубки. Но за столом не все воины, иные в просторных халатах, свободно ниспадающих с плеч, на шеях амулеты из мерцающих камней, пальцы унизаны множеством невзрачных, и, на первый взгляд, совершенно бесполезных колец. Женщины в ярких платьях, бусы из мелких блестящих камней игриво поблескивают, туго закрученные волосы спадают на плечи тяжелыми косами.

Едва захлопнулась дверь, как разговоры стихли, а головы повернулись к выходу. Шестерня, попавший под перекрестье взглядов, тут же смутился, Зола же наоборот, преисполнившись презрения, обвел зал ледяным взглядом. Сидящий во главе стола

немолодой мужчина некоторое время молча смотрел на пришедших. Тяжелая челюсть выдвинута вперед, а суровый взгляд карих глаз пронзает насквозь. На щеке глубокий шрам, что так украшает настоящих воинов. В ушах — по небольшой серьге, что можно было бы принять за украшение, но кровавые камни недобро мерцают из оправы, явно не простые, чувствуется злая магия. От фигуры веет мощью, но под глазами темные круги — власть нелегкое бремя. Шестерня искоса оценил доспехи, с завистью отметил — явно прочнее и лучше, чем у обычных воинов, пластины на плечах идеально подогнаны, а чешуйки заходят одна на другую настолько тесно, что не пропихнуть иглу.

Удовлетворившись осмотром, мужчина милостиво кивнул, указав на стол, где, по левую руку пустуют четыре стула с изящными резными спинками. За все время, пока хозяин зала пронзал гостей взглядом, никто не проронил не слова, но едва он отвел глаза, разговоры тут же возобновились. Дерн неторопясь подошел к столу, присел, стараясь выглядеть невозмутимо, хотя сердце испуганно бьется, а спина напряглась, окошечки бойниц в зале ничем не замаскированы, в темных провалах нет-нет, да тускло блеснет металл.

Скрипнули стулья, наемники заняли предложенные места. При взгляде на изобилие блюду Золы заурчало в желудке, а Шестерня голодно сглотнул. Прикрытая дорогой тканью поверхность стола уставлена серебряными тарелками: вот, на широком блюде- невиданная рыба, белесые глаза из мелких зеленоватых плодов слепо таращатся на гостей, распахнутый зубастый рот набит фруктами, а поджаристая желтоватая корочка местами разломилась, обнажая исходящее паром сочное мясо, рядом несколько тарелок помельче, в каждой горка искусно запеченных улиток. Изящные чашечки с подливкой чередуются массивными сковородами, где, блестя каплями горячего жира на отлично прожаренных боках, томятся диковинные шестиногие кабаны. В высоких вазах — сложенные горками спелые фрукты. Не прерывая беседы, женщины лениво пощипывают ягоды, спелые плоды лопаются в пальцах, прыскают соком, сладкий аромат расходится над столом, смешиваясь с острым запахом приправ и мощным мясным духом.

От такого изобилия у Шестерни закружилась голова, с трудом скрывая дрожь в руках, он схватил первое попавшееся блюдо, в янтарном масле колыхаются мелкие кусочки мяса, сверху присыпано мелко нарубленной белесой травкой, не глядя, зачерпнул пятерней, бросив в рот, смачно зачавкал. На него косились, мужчины презрительно, женщины лукаво, но пещерник никого не замечал, стремясь утолить терзающий голод. Дерн разорвал шестиногого поросенка и пожирал нежное мясо огромными кусками. Мычка невозмутимо разделявал зубастую рыбу, вовремя подхватывая вилкой пластины белого мяса, что при малейшем прикосновении сами отваливались с костей. Только Зола не спешил, недовольно морщась, он тщательно принюхивался, прежде чем отправить в рот очередной кусочек, лицо мага кривилось, а глаза с подозрением шарили по столу, словно он мучился неким неразрешимым вопросом.

Продолжая поедать рыбу, Мычка заметил, как стоящий за правым плечом от владельца дома мелкий мужичок, в длинном бесформенном одеянии, время от времени нагибался к уху хозяина, и что-то коротко говорил, поглядывая в их сторону. Тот брезгливо поморщился, но подумав, кивнул. Мужичок довольно улыбнулся, и сделал незаметный знак сидящему на противоположной стороне стола юноше в ярко-красном халате, лениво смакующему мелкие черные ягоды. Казалось, тот ничего не заметил, но через мгновение, вершинник ощутил, как заломило в висках, словно невидимые скользкие щупальца проникли в голову, зашевелились, исследуя мозг.

В глазах потемнело, с трудом повернув голову, Мычка заметил, как замедлились движения Дерна, а Шестерня застыл, выпучив глаза. Зола перестал жевать, его взгляд, скользя по пирующим, остановился на юноше. Брови мага сошлись на переносице, а губы сжались в тонкую линию. Гости притихли. Хозяин бросал короткие заинтересованные взгляды, но делал вид, что не замечает происходящего.

Щупальца исчезли, а ломота в висках прекратилась. Мычка вновь взглянул на противоположную сторону стола. Юноша чуть побледнел, выражение скуки исчезло, сменившись напряженной сосредоточенностью, его губы беззвучно шевелились, а взгляд прикипел к лицу противника. Рядом хрустнуло. Сжав кулаки так, что побелели костяшки пальцев, Зола медленно сводил руки. Глаза мага закрылись, на висках вздулись пульсирующие жилы, а в горле зародилось глухое рычание. Спустя мгновение юноша громко вскрикнул, схватившись за голову, отпрянул от стола, с грохотом повалился на пол.

Зола замедленно выдохнул, дрогнув, поползли вверх набрякшие веки, покрасневшие глаза с полопавшимися сосудами скользнули по лицам присутствующих, остановились на хозяине. Прокашлявшись, маг неспешно произнес:

— Благодарствуем за угощение. Твоя трапеза достойна восхищения, а гости украсят и царский двор. Случай забросил нас далеко от родного дома, мы идем давно, и видели многое, но здесь мы впервые. Если ты позволишь, мы ненадолго остановимся в вашей... — он запнулся, подбирая слово, — в вашем городке, чтобы отдохнуть и пополнить припасы.

Хозяин дома оторвал взгляд от распростертого тела юноши, возле которого уже хлопотали служанки, ответил низким голосом:

— Не вижу причин, по которым мог бы вам отказать, только... — он запнулся, — мне донесли, что вы пришли из верхних пещер. Так ли это?

Несмотря на то, что мужчина старался говорить нейтральным тоном, Зола насторожился, почувствовав подвох. Он покосился на гостей. Все молчат, внимательно прислушиваясь к разговору, на лицах дежурные улыбки. Не видя повода лукавить, Зола прямо ответил:

— Не знаю, что вы зовете верхними пещерами, но мы... спустились с поверхности земли, и пытаемся вернуться обратно.

Едва он закончил, по столу пронесся вздох ужаса. Зола стиснул зубы, понимая, что ляпнул что-то не то, но исправлять было поздно. Он испытывающе взглянул на собеседника. Лицо хозяина затвердело, резко проступили рифленые желваки, а губы нехорошо изогнулись, он уже открыл рот, когда сидящий рядом глубокий старец, в расшитом звездами халате, поднял руку, скрипуче произнес:

— Не будем спешить с выводами, — он в упор взглянул на пришельцев. Совсем не старческие глаза, ощупывали каждую черточку на лицах, словно отыскивая некие знаки. Закончив осмотр, старец продолжил: — как известно, на поверхности нет и не может быть жизни. Кто тем или иным путем попадает туда хоть на небольшое время, умирает в страшных муках. На лицах этих людей я не вижу признаков болезни.

Звякнув доспехами, на дальнем конце стола вскочил один из мужчин, воскликнул запальчиво:

— Значит они лгут!

Старец повел рукой, и воин послушно опустился назад. Но едва он сел, вопрос подхватила сидящая тут же женщина. Слегка повернув голову, так что тяжелые серьги лениво качнулись, а ожерелье на груди ярко замерцало, попав под прямые лучи магических

сфер, она томно произнесла:

— Действительно, звучит странно. Столь мужественные путешественники, и такая откровенная ложь...

Гости вновь зашушукались. Зола поймал несколько недобрых взглядов, но старец поднял обе руки, сказал успокаивающе:

— И все-таки я прошу тишины. Как вы все знаете, наши живительные пещеры соединяются с поверхностью сетью проходов. Но несмотря на таящиеся во тьме ловушки и запутанность ходов в старину к нам нет-нет, да прорывались всякие... — он кашлянул, покосился на наемников. — Но после того, как большую часть ходов обрушили, а остальные замуровали, посещения прекратились.

Один из мужчин, матерый воин со множеством шрамов на лице, недобро произнес:

— Темновик, я что-то не пойму, к чему ты клонишь.

Старец вздохнул, сказал устало:

— Я хочу сказать, что если некие люди утверждают, что спустились с поверхности, и, миновав ловушки, вышли к нам, это хороший повод поразмыслить.

Воин упрямо нагнул голову, произнес с нажимом:

— Темновик, я... — он обвел головой гостей, поправился, — мы все знаем, что ты как никто печешься о благе города, но...

Он вдруг перешел на неизвестный язык, отчего Шестерня, до того внимательно вслушивающийся в разговор, оторопело оглянулся, а Зола лишь стиснул зубы, пытаясь разобрать смысл чужого наречия. Тем временем, воин продолжал говорить, и с каждым сказанным словом мужчина во главе стола становился все мрачнее, а сидящий рядом старец лишь сокрушенно качал головой.

Когда воин закончил, воцарилась хрупкая тишина. Хозяин дома сидел набычившись, его лицо стало чернее тучи. Тяжело вздохнув, он начал медленно подниматься, словно вросшая в землю замшелая глыба камня. Зола уже чувствовал топор палача не шее, когда негромко скрипнула дверь, прошуршало платье. Мужчина во главе стола повернул голову, глядя на приближающуюся летящей походкой девушку.

Мычка повернулся на звук, глаза помимо воли расширились: тяжелая грива иссиня черных волос, тонкие черты лица, точеная фигура, небольшие груди чуть заметно оттопыривают плотную ткань охотничьего костюма, а в огромных глазах застыл немой вопрос... Вершинник засмотрелся на длинные ноги, что легко несут хозяйку, словно невесомая фея плывет над полом, не касаясь брэнной земли. Проходя мимо, девушка чуть повернула голову, едва заметно улыбнулась. Мычка поразили грации, с какой она присела на свободное за столом место по правую руку хозяина.

По ноге стегануло болью. Мычка едва не подпрыгнул, сдавленно ойкнув, резво развернулся, заметив, как исчезает под столом кожаный сапог. Подняв глаза, он встретился с бешеным взглядом мага. С трудом сдерживая гнев, Зола прошипел:

— Прекрати тарашиться на дочь воеводы!

На звук голоса повернулся Шестерня, окинул взглядом девушку, сказал поморщившись:

— Было б на что тарашиться. Тошная какая-то, болеет, не иначе.

Маг с силой саданул пещерника локтем, отчего Шестерня поперхнулся куском мяса и надолго закашлялся, прошептал с ненавистью:

— Идиоты. Вы еще не поняли, что решается наша судьба?

Дерн поинтересовался чуть слышно:

— Зола, а ты не преувеличиваешь? Усадили за стол, накормили, разговаривают... Что еще нужно?

Маг лишь испепелил болотника взглядом, посмотрел на новоприбывшую. Мычка перевел глаза следом, лишь теперь отметив поразительное сходство, та же горбинка на носу, внимательный взгляд, тонкие волевые губы... Девушка что-то коротко спросила на непонятном языке у отца, тот ответил. Ее брови изумленно взлетели, она с интересом обвела взглядом наемников, затем, повернувшись к отцу заговорила быстро, ее лицо стало умоляющим. Вершинник видел, как с каждым словом хозяин дома хмурится все больше. Наконец, его лицо стало злым, он жестко прервал дочь. Последнее очень не понравилось Золе, но он лишь стиснул зубы, продолжая вслушиваться.

Шестерня наконец-то прокашлялся, спросил вполголоса:

— Как вы думаете, о чем они спорят?

Пещерника оставили без внимания. Девушка тем временем продолжала настаивать, ее голос становился все громче, в нем проскальзывали обвиняющие нотки. Гости за столом тактично отворачивались, и лишь громче стучали столовыми приборами, делая вид, что заняты едой. Было заметно, что отца тяготит разговор, его лицо страдальчески кривилось, взгляд блуждал по комнате. Наконец, он не выдержал, с грохотом встал, отчего все мгновенно повернулись в его сторону, что-то коротко произнес, затем его глаза остановились на наемниках, он помолчал, играя желваками, сказал, с трудом выталкивая слова:

— Прошу меня извинить, но я вынужден вас покинуть. Вас отведут... — было видно, что он хотел сказать нечто другое, но сдержался, — в покои, где можно отдохнуть.

Хозяин дома резко развернулся, отчего чешуйки доспеха сухо захрустели, словно большая ящерица терлась о камень, и быстро покинул зал. Следом с грохотом вышел воин со шрамами, за ним направились еще несколько мужчин. Когда за ними захлопнулась дверь, Зола с облегчением вздохнул, а Шестерня с удивлением заметил, что виски мага покрыты мелкими бисеринками пота, а балахон прилип к спине, хотя в помещении было совсем не жарко.

Девушка, о которой успели забыть, некоторое время молча присматривалась к наемникам, затем, кротко улыбнувшись, произнесла:

— Что ж, давайте знакомиться. Я Себия, дочь начальника городской стражи. Надеюсь, вы достаточно восстановили силы, чтобы доставить нам удовольствие рассказом о неведомых странах и дивных существах...

ГЛАВА 14

Им отвели небольшой домик на окраине городка. Себия лично проследила, чтобы гости расположились с удобством. Обходя домик, она жизнерадостно щебетала, но от Шестерни не укрылось, с каким вниманием девушка осмотрела стены и потолок. Гостеприимство девушки оказалось настолько велико, что она даже поднялась на чердак и заглянула в погреб, чем несказанно удивила Мычку, представлявшего поведение высокопоставленных

особ несколько иным. Перед тем как уйти, Себя выпроводила личную стражу во двор и с улыбкой произнесла:

— Располагайтесь, набирайтесь сил. Только... — она чуть нахмурилась, закусила губку, — у меня есть небольшая просьба, вернее, каприз. Но не думаю, что столь отважных мужчин затруднит подобная мелочь.

Шестерня встопорщил бороду, сказал с ухмылкой:

— Выполнять капризы девушек, что может быть приятней для мужчины.

Зола покосился на пещерника, уточнил:

— В чем именно состоит просьба?

Себя отмахнулась, произнесла скороговоркой:

— Не берите в голову, ничего такого важного. Просто... постарайтесь не покидать дом в ночное время.

Продемонстрировав в улыбке ровные мелкие зубки, она стремительно развернулась, волосы красиво взметнулись, рассыпались по плечам черным водопадом, и быстро вышла во двор. Опешив, наемники смотрели ей вслед, затем с удивлением переглянулись.

— Какая необычная просьба, — произнес Зола глядя в окно, как девушка удаляется, сопровождаемая стражниками.

— Не вижу странного, — Дерн повертел головой, осматривая комнату, — доброжелательная хозяйка заботится о безопасности гостей.

Раскинув руки, Мычка улегся на низкую кровать, сказал задумчиво:

— Еще бы знать, когда тут у них ночь.

Шестерня пристроил на лавку заплечный мешок, сказал рассудительно:

— Как люди с улицы исчезнут, так и ночь. Одно плохо — секиру не вернули... Чувствую себя голым, — с кряхтеньем он полез на чердак.

Вершинник проводил его взглядом, произнес вполголоса:

— Не ты один, не ты один...

Дерн сбросил кольчугу, огляделся. Внутри дом представлял из себя круглую комнату, разделенную переборкой на равные половины, с прямоугольным проемом-дверью в середине, вдоль переборки, по обе стороны от проема, пара кроватей, сверху небрежно наброшены толстые одеяла. Болотник шагнул ближе, с интересом пощупал ткань. Мягкая, но в то же время чрезвычайно теплая, что не мудрено, в доме нет камина, а ночи наверняка холодные. В стены вделаны длинные полки. Отдельным рядом идут крюки для одежды. Полукруглые слюдяные окна закрыты изнутри тяжелыми занавесками. Возле двери бочонок с водой, рядом, на крюке, ковш. Дерн пристально всмотрелся в обстановку, покачал головой, — в доме ни одной доски, сплошной камень, даже бочонок с водой искусно составлен из тонких каменных пластин, а уж про кровати и говорить нечего, на такой не разнежишься.

Над головой негромко похрустывало, порой шуршало, а однажды грохнуло так, что задремавший было Мычка, подскочил, дико озираясь, руки потянулись к плечам, нащупывая рукояти мечей. Краем уха прислушиваясь к доносящемуся с чердака недовольному ворчанию пещерника, Дерн вышел во двор. Дом обнесен редким забором, внутри небольшой садик распаханый на неровные грядки с редкими чахлыми кустиками. Дом заброшен, чтобы понять, достаточно заглянуть через забор к соседу, где привольно раскинулись увешанные плодами буйные заросли. Кое-какие растения знакомы, но большая часть либо вообще не растут наверху, либо, произрастая в пещерах, настолько изменились, что и знаток-садовник

не узнает.

Когда Дерн вернулся, Шестерня, развалившись на кровати, возился с пыльным горшком, пытаясь скovyрнуть залитую сургучом крышку. Тут же, под руками, разлохмаченная связка соленой рыбы и какие-то аппетитные кусочки, насаженные на заостренные палочки. На полу горшок поменьше, из распахнутого зева тянет пряностями. Болотник присел на приземистый табурет, изумленно произнес:

— И куда в тебя столько влазит? Ведь совсем недавно пировали за одним столом с воеводой.

Шестерня отмахнулся:

— Тю! Вспомнил прошлогодний снег. Когда это было? Я уж проголодаться успел.

Крышка, наконец, подалась, отскочила с громким чмоком. Шестерня взболтнул горшок, со вкусом принюхался.

Из соседней комнаты выглянул Зола, сказал ворчливо:

— Пока ты грядками любовался, этот жрун перетряхнул весь дом, даже в погреб спустился в поисках съестного. — Потянув носом, маг покосился на горшок, что пещерник по — прежнему держал в руках, добавил оценивающе: — А вино и впрямь хорошее, отсюда чую. Даже удивительно, что в доме простолюдина такое нашлось.

— А с чего ты взял, что это дом простолюдина? — Шестерня, наконец, пригубил вино, крякнул от удовольствия. — Может сюда кто из знати заходит, по тайной надобности. Или даже сама дочка воеводы, — он сально ухмыльнулся, — коротает вечера с красавцами из дружины.

Зола подпер косяк плечом, сказал задумчиво:

— Не похож этот дом на прибежище влюбленных, да и рискованно парней водить при ее-то отце. Такому — слова поперек не скажи, перешибет и не заметит. Странно еще, как за нас вступилась.

Лежащий до этого без движения, Мычка открыл глаза, переспросил удивленно:

— Вступилась за нас?

Зола окинул вершинника взглядом, сказал насмешливо:

— А ты не заметил, кулема?

Мычка воскликнул, защищаясь:

— Я все больше по сторонам глядел, где тут заметить.

— Видел я, куда ты глядел, так лупился, чуть глаза не повылазили. — Отвернувшись от покрасневшего вершинника, маг сказал укоризненно: — Про Шестерню я молчу, он дальше своей миски не видит, но неужели даже ты, Дерн, не обратил внимания?

— Да на что?! — в один голос вскричали Мычка с Шестерней.

Зола не ответил, испытывающе глядя в лицо Дерну, но наткнувшись на честный, непонимающий взгляд болотника, лишь махнул рукой и, распахнув дверь, вышел на улицу. Шестерня проводил взглядом сгорбленную спину товарища, сказал с обидой:

— И вовсе это не правда. Я и в свою — смотрю, и в ваши успеваю. Хоть сейчас перечислю — кто — что ел, и из какой посуды.

Дерн успокаивающе похлопал пещерника по плечу, вздохнул:

— Не обращай внимания. Он просто завидует, что вино первым нашел ты.

Шестерня понимающе кивнул:

— Это да. Я бы на его месте, наверное, тоже завидовал...

Зола брел по улице, старательно кутаясь в балахон. Отсыревшая за время путешествия

ткань не успела просохнуть, и, несмотря на отсутствие ветра и сравнительно теплый воздух, неприятно липла к телу, так что оставалось лишь сильнее вжиматься во влажное белье, в надежде, что от этого одежда высохнет хоть чуточку быстрее. Встреченные люди чинно проходили мимо, стараясь не выказывать любопытства, но Зола спиной чувствовал заинтересованные взгляды. Страх, как и ненависти, не ощущалось, скорее легкое удивление, как от диковинного зверя, что вдруг случайно попался по дороге домой, и вроде бы хочется остановиться, посмотреть, но нужно бежать, дома неотложные дела, заботы...

Зола сперва горбился, стараясь сделаться как можно незаметнее, вжимал голову в плечи и мелко семенил, но быстро отвлекся, пошел привычно, степенно вышагивая и с интересом поглядывая по сторонам. Сияющие сферы, такие необычные сперва, уже приелись, и маг лишь мельком просматривал на "фонари", заливающие улицы неярким светом всевозможных оттенков, не теряя время на более подробное изучение.

Свернув на прилегающую улочку, Зола вскоре вышел на площадь. Судя по скоплению цветастых островерхих палаток и негромкому, но плотному гомону толпы, он попал на рынок. Коснувшись пояса, Зола удовлетворенно кивнул, мешочек с серебряными монетами занимал привычное место, а там, где были зашиты скромные сбережения в виде горстки драгоценных камней, пальцы нащупали твердые выпуклости. Маг довольно улыбнулся, в предвкушении жаркого торга потер руки, и двинулся в толпу, уверенно раздвигая плечами разномастную рыночную публику.

Его окликнули. Зола с удивлением обернулся. Через толпу в его сторону быстро двигалась миловидная женщина. Приблизившись, она обрадовано улыбнулась, и со счастливым визгом бросилась к нему на шею, непрерывно вереща:

— Дядя! Как ты мог оставить меня одну на этом ужасном рынке? Я так испугалась!

Онемев, Зола вяло сопротивлялся, в то время, как тонкие ручки тискали его со всех сторон. Наконец, придя в себя, он отстранился, с достоинством произнес:

— Допускаю, что я действительно, как две капли воды, похож на вашего дядюшку, но это не повод выказывать чувства на виду у всех.

Девушка замерла. Хорошенькое личико застыло, пухлые губки приоткрылись, а обрамленные длинными ресницами глаза испуганно распахнулись. Схватившись за голову, она испуганно воскликнула:

— Так вы не мой дядя?! Ах, простите! Значит, я обозналась, — она заморгала, явно сдерживая слезы.

Зола расплылся в улыбке, растроганно произнес:

— Ничего страшного, дитя. Впредь будь внимательнее, и твой дядя обязательно найдется.

— Правда? Вы действительно так думаете? — в глазах девушки вспыхнула надежда.

Зола улыбнулся шире:

— Само собой. Такую миловидную девушку невозможно потерять.

— Ах, благодарю, вы так любезны, — девушка вновь придвинулась, обдав жаром юного тела, звонко чмокнула опешившего мага в щеку и, развернувшись, мгновенно исчезла в толпе.

Довольный собой, Зола в приподнятом настроении двинулся дальше, когда неясное подозрение заставило опустить руку к поясу. Пальцы ухватили пустоту, мешочек с монетами исчез, начисто срезанный ловкими руками. Разозлившись, Зола обозвал себя последними словами, поклявшись никогда больше не подходить близко к женщинам, а уж красивых и

вовсе обходить стороной.

Без интереса миновал мясные лавки, вокруг которых тучей вилась мелкая противная мошкара, Зола чуть притормозил возле лотка с магическими зельями, но, откупорив несколько мелких баночек с плотно притертыми глиняными крышечками, скривился, разобраться в местных зельях мог разве что Дерн.

Дважды пройдясь вдоль ряда, где продавали дивные ткани всевозможных расцветок, Зола замер у лотка с халатами. Представленные множеством размеров, халаты привлекали взгляд удобным, хоть и непривычным фасоном, к тому же хозяйка, дородная улыбающаяся женщина, с раскосыми глазами и мягким вкрадчивым голосом, обратилась настолько корректно, что Зола не устоял. Скептически оглядев свой покрытый грязью, порванный во многих местах балахон, он решительно нагнул голову, и проследовал в завешенный ширмами угол, куда, осторожно придерживая за руку, его отвела хозяйка.

Через несколько минут, обновленный, Зола с удовольствием оглядел себя в подставленный кусок натертого до блеска металла. Расплатившись двумя мелкими камнями, он удалился, сдержанно улыбаясь. Халат сидел как влитой, и Зола уже подумывал возвращаться, когда слуха коснулся звон молотов. Мгновение поразмыслив, маг направился к источнику, и вскоре вступил на территорию оружейных рядов.

Мимо проплывали многочисленные мечи и топоры. Выставленные на обозрение сверкали острыми гранями натертые до блеска алебарды, щетинились остриями шестоперы, привлекали изящными очертаниями разнообразные ножи и кинжалы. Мельком осмотрев десятки орудий расчленения и убийства, Зола уже собрался вернуться, когда взгляд коснулся небольшой лавки, отделенной от прочих ширмой. От лавки ощутимо тянуло магией.

Сердце забило сильнее, а ноги против воли замедлили шаг, на покрытых толстой тканью подставках вольготно расположились посохи: большие и малые, прямые и изломанные под невероятными углами, украшенные множеством драгоценных камней и совсем скромные, они целиком завладели вниманием мага, поглотив собой весь оставшийся мир. Едва Зола подошел ближе, навстречу поднялся небольшой, пухлый мужчина, в расшитом блестками халате, с тюрбаном на голове, безошибочно определив в прохожем потенциального покупателя. Уважительно наклонив голову, он произнес густым глубоким голосом:

— Приветствую в магазине волшебных товаров. Хороший день, чтобы приобрести оружие по силам, а быть может... и свыше них.

ГЛАВА 15

Когда Зола вернулся, опираясь на новенький посох, и придерживая рукой у плеча небольшую котомку, полученную в качестве приятного подарка к покупке, он обнаружил только Шестерню. Сидя в углу возле кучи пустых горшочков, пещерник с величайшим вниманием созерцал стену, время от времени икая и покачиваясь всем телом. В воздухе стоял ощутимый запах вина. Поморщившись, Зола отпихнул горшочки с дороги и распахнул окна. Почувствовав, что в доме кто-то есть, Шестерня замедленно повернул голову, долго присматривался к магу мутным взором, наконец хихикнул, сказал растягивая слова:

— А ведь я тебя знаю!

Зола поставил посох в угол, отложил котомку на кровать, а сам присел рядом, с досадой пробормотав:

— Двери нараспашку, а в доме только пьяный пещерник. Великолепно.

Так и не дождавшись ответа, Шестерня тяжело вздохнул и вновь уставился в стену. Скрипнула дверь, в дом бочком протиснулся Дерн, прижимая к груди котомку. Сделанная из крепкой кожи, расшитая бисером она легко складывалась и не шла ни в какое сравнение с предыдущей, оставленной возле злополучного зыбуна. Внутри котомки негромко позвякивало. Болотник вскинул глаза, сказал со сдерживаемой радостью:

— Ты не представляешь, какое счастье, наконец, обрести потерянное.

Зола покосился на посох, сказал с сомнением:

— Не так, что бы совсем не представляю, но...

Вновь скрипнула дверь, на пороге возник Мычка. Его лицо не покидала улыбка, а взгляд то и дело скользил вниз, с удовольствием задерживаясь на крепких сапогах из многослойной кожи. Зола мельком глянул на сапоги, поднял глаза на уровень плеч вершинника, где, прикрепленный изящной заколкой, красуется новенький плащ.

Зола вновь посмотрел на Дерна, уже не удивляясь отметил блестящие, будто только что прилавка, звенья кольчуги, чистую рубаху и штаны. Маг с интересом переводил взгляд с Мычки на Дерна, и обратно, помимо радости, улавливая в лицах товарищей плохо скрытое смущение. Наконец, сказал задумчиво:

— Мне интересно даже не то, на какие деньги вы набрали обновок, сколько — почему не приобрели оружие?

Мычка сдвинул плечами, ответил:

— Оружие вернули сразу после твоего ухода. Судя по запаху от мешка, в котором его принесли, к этому причастна женщина.

— А что касается прочего... Шестерня принял некоторое количество вина, — Дерн посмотрел на пещерника, что сидел в прежней позе, не отводя взгляда от стены, — и начал делить найденные в пещере камни на троих. Мы сперва отказались, но он заявил, что иначе выкинет их на улицу, а лучше наймет бродяг, чтобы нам доходчиво объяснили, что значит отказываться от дружеских подарков.

Мычка развел руками, виновато добавил:

— В конечном итоге, пришлось взять, да еще и потратиться, поскольку Шестерня пригрозил, что проверит покупки.

Зола неверяще смотрел то на пещерника, то на стоящих перед ним в смущении товарищей, наконец, произнес:

— Видать, местное вино и впрямь обладает чудодейственной силой, если уж сам Шестерня... — маг не договорил, впав в глубокую задумчивость.

Шестерню, что перестал проявлять какие-либо признаки жизни, осторожно подняли и перетащили в другую комнатку, откуда в скором времени донесся могучий храп, а пустые горшки, чтобы не болтались под ногами, забросили подальше на чердак. Пригнувшись, Дерн вытащил из — под кровати объемный сверток, разместил на середине комнаты и, не торопясь, развернул. Кроме привычного оружия, в свертке оказался полный колчан стрел, две запасных тетивы, завернутые в промасленные тряпочки, пару коротких охотничьих ножей в чехлах, а также небольшой холщевый мешок, из которого ощутимо тянуло жареным.

Пока Мычка с Дерном гремели железом, Зола время от времени поглядывал в окно.

замечая малейшие изменения. Жителей стало меньше, лишь редкие прохожие спешили по своим делам, торопясь вернуться домой. Зола пропустил момент, когда, магические сферы начали гаснуть. Выглянув в очередной раз, маг с удивлением заметил, что стало гораздо темнее, но присмотревшись к наполненным сияющей жидкостью шарам на ближайших домах, понимающе хмыкнул: до того ярко сияющие, магические сферы едва заметно мерцали, с трудом освещая небольшое расстояние вокруг.

Магический свет гас неравномерно. Зола выглянул из окна, с удивлением вглядываясь в центральную часть городка, все еще ярко освещенную, в то время, как окраины уже погрузились во тьму. Проследив, как сумерки неторопливо катятся вглубь города, он захлопнул ставни, зацепив за петли металлические крючки, и тщательно задернул занавески.

В то время, как на улице становилось все темнее, небольшие магические сферы, закрепленные над кроватями в изящных металлических чашах, разгорались все ярче. Пока Дерн разворачивал мешок, доставая нарезанное равномерными ломтями, хорошо прожаренное мясо, Мычка с интересом осмотрел сферы, потрогал, и даже попытался оторвать, но лишь беспомощно развел руками, волшебные шары держались на удивление прочно, словно выросли в металл.

Из мешка, меж тем, появлялись все новые продукты: пучок, странной на вид, остро пахнущей фиолетовой травы, горшочек с мелкими кроваво-красными ягодами, небольшая буханка, удивительно тяжелого, но, одновременно мягкого ноздреватого хлеба. Последней — Дерн извлек приятно булькнувшую баклажку.

Оглядев полку-стол, куда болотник сложил пищу, Зола с сомнением спросил:

— Полагаешь, это прислала девчонка?

Мычка, что уже успел набить полный рот мяса, с усилием сглотнул, произнес сипло:

— Конечно. Иначе, кто еще здесь стал бы о нас заботиться?

Маг покрутил в пальцах ягоду, поскреб ногтем хлеб, поинтересовался задумчиво:

— А ты не боишься, что это мясо, или, скажем, хлеб, могут быть отравлены?

Мычка поперхнулся, закашлялся. Дерн неторопливо отвел руку, и вроде бы несильно хлопнул приятеля по спине. Раздался оглушительный шлепок, вершинник застыл с выпученными глазами, а болотник ответил спокойно:

— Зола, по-моему, ты перегибаешь с подозрительностью. Какой смысл дочери воеводы выделять нам помещение, да еще и тайком присылать оружие, чтобы в оконцовке отравить? К тому же, не ты ли недавно упоминал, что это именно она отстояла нас у своры озлобленных придворных?

Вершинник пришел в себя после удара, подхватил с жаром:

— Да и не может такая высокопоставленная особа пасть столь низко, чтобы просто отравить случайных путешественников.

Зола лишь покачал головой, забросив в рот горсть ягод, сказал примирительно:

— Возможно. Мне неведомы ее планы. Хотя не думаю, что помогает нам просто так, от доброты душевной. Но в этом насыщенном магией месте поневоле становишься подозрителен и во всем ищешь подвох.

Некоторое время молчали, лишь на зубах потрескивали мелкие хрящики, да булькало содержимое баклажки. Вскоре Мычка не выдержал, произнес мечтательно:

— И все же потрясающая девушка. Вы заметили, какие у нее великолепные, густые волосы?!

Зола отложил обглоданную кость, сказал нахмурившись:

— Великолепные? Может быть, не обратил внимания. Меня гораздо больше интересуют ее последние слова...

— Не покидать дом ночью? — Дерн приложил баклажку к губам, перелив в рот остатки.

— Именно, — маг пригладил волосы, взглянул в окно, где, просачиваясь сквозь щели ставен невидимыми щупальцами, колыхалась непроглядная тьма. — У меня есть кое-какие догадки насчет источников местной магии, проверить которые лучше всего в темное время. Да и лишние глаза, полагаю, нам вовсе ни к чему. Мне до сих пор не по себе от взглядов некоторых гостей воеводы. Не хотелось бы столкнуться с ними при свете дня.

Отряхнув руки, Зола встал от стола, взял посох, некоторое время примеривался к котомке о чем-то напряженно размышляя, но лишь отмахнулся, запустив руку внутрь, вытащил ворох свитков, часть из которых, не глядя, бросил назад, а остальные запихал за пазуху. Еще раз оглянувшись, не забыл ли чего, маг коротко кивнул, с натугой отодвинул засов, и шагнул наружу.

За спиной тихо затворилась дверь, отрезая от уютного светлого мирка. Тут же навалилась душная тьма, укутала непроницаемым покрывалом. Зола мгновенно ощутил себя ослепшим и глухим, постоял, привыкая. В глазах постепенно прояснилось, проявились тусклые сферы на крышах соседних домов, а уши уловили тихие потрескивания в саду.

Глубоко вдохнув, маг сошел со ступенек крыльца и остановился в раздумии. Идти предстояло далеко, а он не настолько хорошо изучил окрестности, чтобы двигаться в темноте, однако, свет мог привлечь ненужное внимание. Руку неприятно кольнуло. Зола с удивлением посмотрел на посох. Закрепленный в навершии камень переливался тревожным голубоватым сиянием. Пожав плечами, Зола тряхнул головой, отгоняя неуместные сомнения. Взявшись за круглое кольцо, он потянул калитку на себя и уже собрался шагнуть на улицу, но нога замерла в воздухе, а по спине прошел озноб. На противоположной стороне улице кто-то был, вернее, что-то.

Зола заморгал, пытаясь разглядеть неясные очертания. Но чем сильнее он вглядывался, тем сильнее становился страх. У невысокого забора соседнего домика, с трудом различимый в ночи, притаился сгусток тьмы. Невидимый прямым взглядом, он проявлялся лишь при взгляде боковым зрением — висящее над землей массивное черное пятно, пульсирующее и ощутимо опасное. Зола поколебался, раздумывая, не вернуться ли, пока не поздно, но представив насмешливые взгляды товарищей, сжал зубы, и решительно шагнул вперед. Едва маг выдвинулся за пределы ограды, черное пятно шевельнулось.

Казалось, ничего не произошло, лишь кто-то внимательно посмотрел на него из темноты. Зола почувствовал волну тяжелой ярости, а мгновение спустя черная тень стремительно надвинулась, обретая очертания и наливаясь зловещим багровым сиянием. В черепе словно взорвался фейерверк, а грудь сдавило с такой силой, что Зола захрипел. Перед лицом, сотканная из тьмы, протаяла жуткая харя. Мерцающие челюсти распахнулись, обнажив бездонный провал, где, в чудовищной дали, на самой границе зрения, полыхало багровым. Зола почти зримо ощутил, как силы стремительно тают, высасываемые черной тварью.

Глядя в ухмыляющуюся рожу, маг напрягся, преодолевая усиливающуюся слабость, развел руки. Кончики пальцев заалели, наливаясь огнем. С трудом пропихивая воздух через сдавленное горло, Зола выкрикнул заклятие, выбросил руки перед собой. Но ударивший из посоха алый луч, коснувшись монстра, лишь растекся по колеблющейся поверхности,

очертив жуткую фигуру, побледнел и истаял, не причинив противнику заметного вреда.

Чудовищная рожа вновь зависла напротив. Силы уходили с невероятной скоростью. Чувствуя, что через несколько мгновений не сможет шевельнуть и пальцем, Зола в отчаянье взмахнул посохом, словно простой дубиной, крест накрест перечеркнув чудовище. Соприкоснувшись с мглистым телом противника, камень на посохе ослепительно вспыхнул, разлетевшись в пыль с жалобным звоном.

Уже теряя сознание, Зола услышал, как в доме напротив отворилась дверь. Яркая полоса света протянулась через дорогу, выхватив часть двора, и застывшую у калитки перекошенную фигуру мага. Но за мгновение до этого, призрачные черты исказились, темное пятно шарахнулось в сторону, исчезнув в вязком сумраке. Силы оставили Зола, покачнувшись, он кулем осел на землю. Затворившись, глухо хлопнула калитка.

ГЛАВА 16

Едва Зола шагнул через порог, на него уставилась пара любопытных глаз. Дерн, колдовавший со склянками, даже не пошевелился, а Мычка с интересом наблюдал, как Зола с грохотом отбросил посох, сорвал со стены коврик, и, зачерпнув воды, безостановочно пил, лишь ненадолго отрываясь, чтобы глотнуть воздуха. Утолив жажду, маг бухнулся на табурет, его грудь тяжело вздымалась, губы беззвучно шевелились, а глаза обшаривали пространство комнаты, не в силах остановиться на чем-то одном.

Отметив странность в поведении товарища, Мычка вопросительно поднял бровь, и уже открыл рот для вопроса, но болотник опередил. По-прежнему, не отрывая взгляд от стола, Дерн произнес:

— Как все-таки незаметно летит время, когда занимаешься любимым делом. Кажется, вот только присел, а уж и Зола вернулся... — он отложил глиняную ступку, прикрыл чашечку с зеленым порошком почерневшей металлической пластиной, и сладко потянулся, отчего звенья колыбели тихо шелестнули, а низкий табурет протяжно заскрипел. Подняв покрасневшие глаза на мага, Дерн поинтересовался: — Ну что, проверил догадки?

Зола с трудом воздел себя на ноги, раздраженно отмахнулся:

— Не до того было. — Нахмурившись, он прошел в соседнюю комнату, там зашуршало, грохнуло, донесся раздраженный голос: — Какого демона пещерник делает на моей кровати?!

Вновь зашуршало, послышался недовольное ворчание Шестерни. Зола вскоре вернулся с уже знакомым кусочком угля и стопкой чистых свитков под мышкой. Свитки полетели на кровать, а маг прыгнул следом, с ходу принялся писать, время от времени возбужденно потирая лоб. На мгновение оторвавшись от письма, он поднял голову, обнаружив обращенные на себя удивленные глаза товарищей, пояснил:

— Единственно, что могу сказать — девчонка была права. Ночью из дома ни ногой, — он вновь вперил взгляд в бумагу, заскрипел заточенным угольком.

— Да что случилось? — Дерн обеспокоено нахмурил брови.

Мычка ухмыльнулся, сказал с усмешкой:

— Судя по всему, Зола пообщался с ночными обитателями сего славного городка, и они ему понарасказали столько интересного, что едва вернулся, тут же бросился записывать. Видишь, с какой скоростью строчит, боится, как бы чего не запамятовать.

Зола настолько погрузился в записи, что не считал необходимым ответить, лишь едва заметно поморщился. Скаля зубы, вершинник взялся за ручку двери, потянул, открывая, но едва тяжелая створка подалась, он застыл, острые уши повернулись к образовавшейся тонкой щели, замерли. Глядя, как улыбка исчезла с лица Мычки, прислушался и Дерн. В наступившей тишине явно донеслось, как что-то негромко скребется у калитки.

Охнув, выронил свиток Зола, его лицо начала заливать мертвенная бледность. Покосившись на мага, Дерн почувствовал себя неудобно. Зола не отличался трусостью, и напугать его до такой степени могло нечто действительно опасное. Рука сама собой потянулась к цепу, а тело сместилось в сторону от окна, под надежную защиту стены.

Мычка по-прежнему стоял у двери, но в руках уже тускло поблескивали короткие клинки метательных ножей, а ноги напряжились, готовые увести тело с линии атаки. Звуки тем временем изменились. Негромко щелкнула калитка, захрустел песок. Кто-то крался по саду, неторопливо приближаясь к дому. Вскочив с кровати, Зола подхватил посох, застыл напротив двери, плечом к плечу, рядом встал Дерн. Мычка отложил метательные ножи и вооружился луком, короткая стрела легла на резную рукоять, пальцы зацепили тетиву, потащили, оттягивая.

Шаги на мгновение прекратились. Воцарилась тишина. Наемники застыли, вслушиваясь до боли в ушах. Тишина стала почти невыносимой, когда песок заскрипел вновь, ночной гость уверенно направился к дому. Клацнули когти, поддаваясь давлению скрипнула дверь, начала приотворяться. Распахнув глаза, Мычка замер, боясь выдохнуть, рядом застыл Зола, руки мага чуть заметно подрагивают, а с висков мелкими каплями сбегает пот, тут же недвижимая скульптура болотника, цеп прирос к руке, лишь едва заметно покачиваются шипастые шары.

Бесшумно распахнулась дверь. Волевое лицо с тонкими чертами, грива черных волос, хрупкая фигура. Вместо роскошного платья скромная дорожная одежда, что подчеркивает обольстительные формы едва не лучше... Округлив и без того огромные глаза, при виде перекошенных рож наемников, в проеме застыла дочь воеводы. Девушка молча переводила взгляд с одного на другого. Опомившись, она натянуто улыбнулась, сказала с плохо скрытым смущением:

— Доброй ночи. Мне кажется, или я немного не вовремя?

Мычка широко улыбнулся, спрятав лук за спину, выдвинулся на шаг вперед, галантно поклонился:

— Ни в коем случае. Мы всегда рады гостям. Заходи, располагайся.

Сделав широкий жест, Мычка притворил за девушкой дверь, укоризненно взглянув из-за плеча гостя на болотника, что по-прежнему стоял с цепом наперевес. Перехватив взгляд, Дерн с изумлением воззрился на собственную руку, словно удивляясь, с чего вдруг ему пришло в голову посреди ночи хвататься за оружие, аккуратно положил цеп на пол и задвинул ногой под кровать.

Присев на предложенный стул, девушка скороговоркой произнесла:

— Честно говоря, не думала, что вы еще бодрствуете.

Зола, что по-прежнему стоял посреди комнаты с посохом наперевес, желчно поинтересовался:

— По этому и кралась, стараясь ступать как можно тише?

На щеках Себии вспыхнул румянец, потупив глаза, она произнесла чуть слышно:

— Нет, не по этому. Но ситуация изменилась, — она резко подняла лицо, ее глаза мерцали влагой. С неожиданной горечью девушка произнесла: — Если бы вы знали, как давно я хочу покинуть это проклятое место! У меня уже не осталось сил, эти вечные лживые улыбки, непрерывные интриги, когда за ничтожную должность дерутся насмерть, а за малейшую провинность простых людей умерщвляют в страшных муках. Это хуже смерти, видеть, и не иметь возможности исправить, — она обхватила голову руками, всхлипнув, замерла.

Наемники молча переглядывались, ошарашенные неожиданной вспышкой. Даже Зола поколебался. Дерн осторожно коснулся плеча гостьи, ласково спросил:

— В каждой семье свои горести, но... чем можем помочь мы, простые наемники?

Девушка отняла руки, взглянула остро.

— Я все подготовила. Сейчас вы собираете вещи, и мы выходим из города, я знаю как миновать охрану. Ну а потом... — она нервно побарабанила пальцами по столешнице, — если вы не откажете, я с радостью присоединюсь к вашему отряду.

Не зная, что сказать, Дерн беспомощно поглядывал на товарищей, когда слово взял Зола. Нахмурившись, он бросил презрительно:

— Ни сколько не сомневаюсь, что в ваших местах высокое положение дает право вламываться среди ночи в дома сонных жителей и делать заманчивые предложения, — он выдержал эффектную паузу, продолжил, — Но нужно быть слишком наивной, чтобы рассчитывать на положительный ответ.

Себия взглянула на мага. Мычка поразился, как изменилось ее лицо. Мгновение назад кривящееся от страдания, теперь оно казалось холодным, слезы исчезли без следа, как и милый румянец, на них смотрела властная, уверенная в себе женщина. Улыбнувшись так, что у вершинника прошел мороз по коже, девушка произнесла:

— Все верно, за одним исключением, это не предложение — ультиматум. Заплечных дел мастера уже разводят огонь и готовят инструменты, чтобы добыть нужные сведения у пришлых шпионов. Полагаю, не нужно объяснять, кого именно ожидают сегодня ночью в подземельях городской тюрьмы?

Опешив, Зола замер с открытым ртом, когда лицо девушки вновь страдальчески исказилось. Схватив мага за руку, она жалобно воскликнула:

— Понимаю, это выглядит гадко, я могла предупредить вас еще днем, но... мне правда очень, очень нужно уйти из этого места. Возможно потом, позже, я все объясню, но сейчас... — она замерла, настороженно вслушиваясь, на ее лице промелькнул испуг. — Постарайтесь собраться, как можно быстрее. От этого зависит не только ваша жизнь.

Словно в подтверждение ее слов стукнула калитка, а сад наполнился шорохами. Охнув, Себия метнулась к стене, быстро провела пальцами по едва заметным украшениям. Мигнув, погасли волшебные сферы, комната погрузилась во тьму. Дерн сориентировался быстрее остальных, подскочив к девушке, болотник громко прошептал:

— Насколько понимаю, это за нами? Мы что-нибудь можем?

Подземница мотнула головой, было слышно, как прощуршали волосы, напряженно произнесла:

— Против них — ничего. Заприте дверь и собирайте вещи, здесь есть дополнительный выход.

Во тьме зашуршало, звякнуло, наемники на ощупь собирали разбросанные по углам вещи. В соседней комнате заворочалось, вспикнул разбуженный Шестерня, но мгновенно затих, сдавленный широкими ладонями болотника. Мычка подхватил колчан со стрелами, закинул на плечо лук, потянулся дальше, отыскивая заплечный мешок, и едва не отдернулся, наткнувшись на чьи-то горячи ладони. Послышался приглушенный шепот:

— Помоги. Здесь должно быть кольцо.

Нашарив металлическое кольцо, вершинник обхватил крепче, с силой потянул. Негромко скрипнув, крышка погребца подалась, пахнуло плесенью и влагой. Шелестнуло, Мычка не успел сообразить, а девушка уже скользнула вниз, поторапливая остальных громким шепотом. Вершинник лишь покачал головой, судя по уверенным движениям, ночная гостья пользовалась погребом не один раз.

На улице зашуршало громче, хрустнули ступеньки. Мычка метнулся к двери, мягко, стараясь не производить шума, задвинул засов, быстро вернулся обратно, едва не сбив кого-то с ног. Звучно приложившись о стену, сдавленно выругался Дерн, зашелестев свитками, чертыхнулся Зола. Зажав магу рот, Мычка прислушался. На некоторое время все стихло, но тут же заскреблось, сперва едва слышно, но затем громче, скрип перешел в злое скрежетание, будто кто-то огромными лапами царапал дверь снаружи.

Дождавшись, когда в комнате не останется никого, Мычка на всякий случай провел рукой вокруг. Нашарив в одном из углов мешок с провиантом, он торжествующе усмехнулся, но в этот момент дверь жалобно захрустела, словно с противоположной стороны на нее давил чудовищный вес. Более не медля, вершинник скользнул в лаз, предусмотрительно потянув за собой люк, и едва успев разжать пальцы, чтобы не прищемить руку тяжелой крышкой.

Под ногами хрустнуло. Не успев разогнуться, Мычка врезался локтем в какие-то полки, откуда со звоном посыпались невидимые во тьме горшочки. На него зашикали. Вспыхнула магическая сфера, осветив тесную комнатку заставленную многочисленной посудой. Одна из стен зияла свежим проломом, оттуда тянуло сыростью и чем-то неприятным. Себя поджидала тут же, нетерпеливо притопывая. Едва не силой пихнув вершинника в проход, она дернула за какой-то рычаг, и тут же вошла следом.

ГЛАВА 17

Заскрипели спрятанные в стенах шестерни. Мельком оглянувшись, Мычка успел заметить, как стена встает на место. Лязгнуло, и почти сразу девушка потушила сферу. Вскоре догнали остальных. Судя по неровному дыханию, наемники не решились двигаться по незнакомому подземелью без освещения и поджидали провожатую, расположившись в первом же расширении прохода.

Вновь вспыхнула магическая сфера. Во тьме протаяли бледные пятна лиц. Шестерня с сонным видом стоял прислонившись к стене, Дерн сосредоточенно шерудил в котомке, а Зола, брезгливо морщась, напряженно принюхивался. Глядя на приближающуюся девушку, маг недовольно произнес:

— Что за омерзительный запах? Не иначе, где-то по соседству канализационный сброс.

— Верно, — Себя, коротко кивнула, не замедляя шага, бросила через плечо, — и даже ближе, чем кажется. Что, вообще-то, не очень хорошо, но, я надеюсь, не помешает нам выйти.

Глядя, как удаляется ее компактная фигурка, остальные поспешили следом. Шестерня, все еще не пришедший в себя, хмуро поинтересовался:

— Чем может быть плоха канализация? По-моему, отличное изобретение инженерной мысли: удобно и полезно.

Девушка пожала плечами, отчего вместе с ней пожали плечами отбрасываемые на стену тени, сказала деловито:

— А это смотря кому. Живущим сверху — безусловно, а тем, кто, подобно нам, уходит потайными путями... — она не договорила, остановившись перед перегораживающей проход позеленевшей дверью из толстенных металлических прутьев. Пошарив в поясе, подземница присела, в ее пальцах мелькнул витиевато изогнутый тонкий стержень, исчез, погруженный в отверстие замка. Некоторое время слышался лишь противный хруст, затем что-то громко щелкнуло. Спрятав отмычку, девушка распрямилась, потянула дверь на себя, скользнула дальше.

Ее нагнали, пошли шаг в шаг. Мычка осторожно поинтересовался:

— Ты говорила что-то насчет опасностей канализации...

Себя лишь отмахнулась, сказала отстраненно:

— Нет там никаких опасностей. Просто очень грязно и ужасный запах. Ну, разве иногда попадутся крысы-переростки, или случайно забредет каменный червь, да разворотит половину проходов... — она на мгновение замерла возле развилки, но почти сразу двинулась налево.

Мычка с Золой переглянулись. Кивнув на подземницу, вершинник сделал испуганные глаза, но маг лишь скептически скривился. Весь его вид говорил о том, что не стоит доверять рассказам глупой женщины, мало ли, в детстве головой ударилась, или наслушалась страшных сказок на ночь, говорит, и пусть себе.

Двигались с максимально возможной скоростью, но порой лаз превращался едва не в нору, приходилось сильно пригибаться, местами, хлюпающая под ногами вода поднималась, доходя до пояса, а то и выше, так что Шестерня начинал нервничать, задирая голову, чтобы не замочить бороду в пахнущей тухлятиной воде. В одном месте стенка провалилась, из образовавшегося отверстия несло чудовищной вонью. Дерн притормозил, с явным желанием заглянуть внутрь, но едва он подошел ближе, как из дыры раздалось настолько злобное шипение, что болотник предпочел не рисковать.

Впереди показался тупик, влажная земляная поверхность покрытая мелкими подушечками фиолетовой плесени выглядела монолитной, но проводница без тени сомнения с ходу ткнула рукой в преграду, осыпав здоровенный пласт почвы. Глядя, как из под ее рук во всю сторону летят куски липкой грязи, Дерн покачал головой. Сбросив котомку, болотник протиснулся мимо товарищей, осторожно отодвинул девушку в сторону, и в несколько движений обрушил казавшуюся незыблемой преграду. Коротко кивнув, Себя тут же спрятала сферу в мешок и бесшумно скользнула наружу.

Выбравшись на поверхность, некоторое время слепо таращились вокруг, но глаза быстро привыкали к темноте, и вскоре неподалеку извилистой лентой замаячили мерцающие сферы, а чуть позже протаял и увенчанный шипами темный выступ забора. Подобравшись

ближе, наемники замерли, памятуя предупреждение подземницы об особенностях прохождения магической преграды. Осмотрев ближайшую сферу, Зола повернулся к проводнице, чтобы задать уточняющие вопросы, но обнаружил пустоту. Растеряно оглянувшись, он заметил, как юркая тень метнулась к забору. До слуха наемников донеслось чуть слышно:

— Быстрее, не отставайте, — после чего тень одним прыжком перемахнула препятствие и скрылась с противоположной стороны.

Маг застыл, ожидая не то вспышки, не то взрыва в котором исчезнет дерзкая девчонка, а вместе с ней и группа поверивших на слово дураков. Но мгновения текли, а ничего не происходило. Рядом завозилось. Одна из притаившаяся теней произнесла голосом Шестерни:

— Двигаем что ли?

Начиная смутно догадываться, что его провели, Зола раздраженно прошипел:

— Ах ты, чертовка! Вот погоди, отойдем подальше от города...

Его похлопали по плечу, голос болотника успокаивающе произнес:

— Уж лучше так, чем ковыряться в темноте, обезвреживая магические ловушки.

Зола раздраженно отдернулся, побрел ссутулившись в сторону забора, лелея в глубине души план мести. Легко миновали магическую преграду. И хотя Зола до последнего напрягался, подозревая подвох, все прошло успешно, волшебные сферы остались позади, а черноволосая девчонка, мельком оглядев спутников, лишь удовлетворенно кивнула, вызвав у мага новый прилив раздражения. С трудом сдерживая неприязнь, Зола скрипуче спросил:

— И что теперь? Бежать сломя голову неизвестно куда?

Себя взглянула удивленно, переспросила непонимающе:

— Зачем сломя голову? Теперь можно особо не торопиться. Да и путь известен — до ближайших пещер, а там — поглядим.

— Хорошенькая перспектива, — пробурчал маг, — интересно, на что это мы там поглядим?

Прервав брюзжание Золы, Дерн спросил осторожно:

— Ты сказала, можно не торопиться?.. — он оглянулся на бледные огоньки городка, продолжил задумчиво, — мы не настолько далеко ушли, чтобы...

Девушка чуть заметно улыбнулась, кивнула понимающе:

— Действительно, не далеко. Но за городской стеной мы в безопасности... По крайней мере от идущих следом. Ночью за нами никто не сунется.

Мычка вопросительно изогнул бровь:

— Приказ правителя?

Подземница отмахнулась:

— Вопрос безопасности. С наступлением сумерек за стенами появляется много неприятных вещей.

При этих словах Шестерня всплеснул руками, воскликнул возбужденно:

— Так чего ж мы стоим?! Или дожидаемся пока эти самые неприятные вещи подойдут поближе? — он настороженно оглянулся, нащупывая рукой секиру.

Едва тронулись с места, спохватился Зола. Маг уже некоторое время шерудил рукой в котомке, чем-то громко шурша, но тут остановился, сказал с досадой:

— Похоже, я впопыхах оставил пару важных свитков. Мне необходимо вернуться. Подождите чуток, а лучше, идите, как шли, а я быстренько вернусь, и сразу обратно. Догоню,

не успеете соскучиться.

Но едва Зола сделал шаг назад, как тоненькие пальчики стиснули его за плечо, с неожиданной для женских рук силой развернули, аж лязгнули зубы. Не успев рассердиться, Зола обнаружил перед собой распахнутые в ужасе огромные глаза, девушка испуганно прошептала:

— Что ты, что ты! Через магический барьер нет хода.

Маг освободился от цепких рук, сказал с неудовольствием:

— Возможно, мне показалось, но совсем недавно пятеро человек легко прошли эту ужасную преграду.

Остальные смотрели с любопытством, ожидая продолжения. Себя растеряно огляделась, но видя заинтересованные взгляды, сказала с досадой:

— Ну это же элементарно, как ты не поймешь, а еще маг!

Зола покачал головой, скептически усмехнулся:

— Ну-ну, растолкуй мне, непутевому. А то, видишь, в соплях путаюсь, понять не могу, что происходит.

Себя нервно огляделась, стараясь говорить тише, произнесла примирительно:

— Предлагаю отложить спор на потом, а пока отойти к пещерам. Там будет безопаснее.

Но задетый за живое, Зола упер руки в бока, упрямо произнес:

— Нет уж, давай решим сейчас. А то, я гляжу, за один вечер слишком много странностей: неуязвимая для магии тень, приход высокородной девочки, нападение на дом... Теперь вот магический барьер, что и не барьер вовсе.

Себя смотрела на мага во все глаза, так что Зола под конец смешался, сказала скорее утвердительно, чем вопрошая:

— Значит, вы все же выходили на улицу ночью. Я же предупреждала... — она сдвинула плечами, пробормотала с видимым отчаянием, — никак не думала, что взрослые люди могут быть такими упрямыми.

Скрывая смущение, Зола запальчиво воскликнул:

— Мало ли кто о чем предупреждал! Да и причин для прогулки может быть предостаточно.

Подземница вновь огляделась, на мгновение замерла, вслушиваясь в царящую вокруг вязкую тишину. Ее лицо становилось все напряженнее, а движения резче, но видя, что разговора не избежать, девушка взяла себя в руки. Нейтральным, словно речь шла о каких-то несущественных делах, голосом Себя произнесла:

— В нашем городе строгие правила и по ночам, для охраны покоя горожан, на улицы выпускают... — она замялась, подбирая слова, — выпускают специальную стражу. Это не люди, которых легко подкупить, или лишить жизни. К тому же эти существа, как вы уже успели убедиться, — она бросила насмешливый взгляд на Золу, — устойчивы к магическим воздействиям. Я вообще удивляюсь, что после встречи с одним из них...

Насупившись, Зола перебил:

— Это все очень интересно, но ближе к делу.

Себя кивнула, на удивление легко согласившись, продолжила:

— Хорошо, опустим подробности. Теперь, что касается барьера. Это магическая защита направленного действия, она работает лишь в случае проникновения снаружи. Изнутри ее также легко пересечь, как обычный участок земли.

Все взоры обратились на Золу. Маг медленно, но неотвратимо краснел. Закрыв лицо

руками, он глухо произнес:

— Я опозорен. Забыть одну из основ магического искусства...

Чтобы внести в вопрос окончательную ясность, подземница подхватила из — под ног небольшой камушек и, размахнувшись, метнула в сторону забора. Наемники заворожено проследили, как черный, на фоне слабого мерцания защитных сфер, камешек преодолел короткое расстояние до ограды, но, не долетев пары шагов, ярко вспыхнул, рассыпался на мельчайшие искры.

Девушка обвела взглядом спутников, ядовито произнесла:

— А теперь, если я удовлетворила ваше любопытство, может, мы все-таки поспешим?

Зола отнял руки от лица, мелко закивал, не глядя девушке в глаза, произнес скороговоркой:

— Конечно, конечно. Прямо сейчас. Уже иду...

По ушам резанул пронзительный свист, а земля мелко задрожала.

Заметно побледнев, Себя прошептала срывающимся голосом:

— Поздно. Наездники ночи.

ГЛАВА 18

Себя скупыми движениями отстегнула плащ, скатав, отбросила в сторону, в ее руке, тускло блеснуло лезвие изогнутого кинжала. Напружинившись, подземница застыла, напряженно вглядываясь в полупрозрачный, от света далеких водоемов, сумрак.

Не в силах отвести взгляд, Мычка залюбовался девушкой. Дерн сбросил с плеч котомку, со вздохом потащил из-за пояса кистень, а еще не полностью пришедший в себя, Шестерня со свистом взмахнул секирой, радостно ослабил в предвкушении битвы. Глядя, как покачиваясь, пещерник замедленно вращает секирой, с трудом удерживаясь, чтобы не упасть, Дерн нахмурился, одним движением извлек нечто из котомки, протянул Шестерне:

— Пей.

Пещерник с изумлением возрился на небольшой, плотно запечатанный пробкой каменный пузырек, почти полностью скрывшийся в широкой ладони Дерна, спросил с подозрением:

— Это еще за чем?

— Пей! — повторил болотник с нажимом. — Похмеляющее зелье, берег до лучших времен, но... видно не судьба.

Шестерня осторожно взял горшочек двумя пальцами, тщательно принялся, склупнув крышку, попробовал зелье на язык, сморщившись, вопросительно покосился на Дерна, но тот лишь раздраженно отмахнулся, — дескать, пей, не спрашивай, — и одним глотком опорожнил пузырек. Постояв немного, Шестерня икнул, самодовольно ухмыльнулся, и уже хотел сказать что-то ехидное, но тут его глаза выпучились, а рот распахнулся, хватая воздух. Несколько мгновений он с невероятной скоростью моргал, пытаясь смахнуть застилающие глаза обильные слезы, наконец, жутко взревев, бросился в сторону.

Наблюдая за реакцией Шестерни, Дерн пропустил момент, когда в сумраке возникли

трое всадников на жутких двуногих драконах. Всадники закованы в знакомые черные доспехи, словно влитые восседают на спинах ящеров, лица закрыты масками, в руках длинные копья, острые концы недобро поблескивают, направленные в сторону отряда, головы драконов оплетены сбруей, налитые кровью глаза выскивают жертву, а из пастей стекает тягучая слюна.

Не переставая орать, Шестерня влетел под ноги первому всаднику, но тот лишь дернул поводья, отчего дракон резво скакнул в сторону, пропустив орущего пещерника мимо, выправил ход и, не останавливаясь, понесся на Дерна, выделив его из всей группы, как наиболее крупную мишень. Дерн успел заметить, как остальные двое повернули драконов, расходясь в стороны, когда стало не до наблюдений.

Болотник замер, не спуская глаз с противника. Дракон приближается быстро, сокращая расстояние гигантскими прыжками, челюсти распахнуты в предвкушении, лицо у седока не разглядеть, лишь колющие взгляд черных глаз, выцеливающих противника с холодной беспристрастностью опытного воина, вынесенное далеко вперед зазубренное острие чуть подрагивает, нацелившись в грудь, приближаясь с немыслимой скоростью, слишком быстро, чтобы успеть отбить или уклониться.

Прыжок в сторону. Несущее смерть острие царапает щеку, цеп запоздало дергается, шипастые шары разрывают острыми гранями пустоту. Наездник пролетает мимо, но быстро разворачивается, его брови сходятся в стрелку, а в глазах протаивает ярость. Вновь атака, дракон стремительно увеличивается в размерах, как воплощение демона гибели, вертикальные зрачки чуть заметно подрагивают, а усаженные зубами-саблями пасти расходятся.

И снова прыжок. Острая боль обжигает плечо, молнией стегает по телу, но обмен взамен, дракон надсадно ревет, а на остриях покрасневших шаров зависли опметки мяса. Сердце гигантским молотом ухает в груди, а ноги сводит от напряжения. Где-то бесконечно далеко, на периферии слуха, возгоняясь до состояния берсеркера, рычит Шестерня, ему короткими вскриками вторит подземница. Но голоса уходят, истончаются, рука начинает неметь, а ушибленная при падении нога сгибается с трудом, еще один, максимум два прыжка, а там...

И вновь приближается силуэт врага. На этот раз всадник не спешит, оба, наездник и дракон, держат истекающую кровью фигуру цепкими взглядами. Шаг вперед, еще один... Рептилия делает гигантский скачок, за один раз покрывая разделяющее их расстояние, перед лицом распаивается усаженная зубами пасть, зловонное дыхание забивает ноздри. Рука с оружием дергается навстречу, шипастые шары со свистом взмывают вверх, с натугой прорезают воздух, но лишь бессильно отлетают, ударившись в твердый панцирь. Оскаленная харя дергается навстречу, пытаясь вцепиться в лицо, расколоть хрупкие кости и проглотить вкусный мозг.

Мгновения растягиваются, текут неторопливо, словно янтарные струи меда. Сбоку беснуется дракон, бьется, пытаясь освободить сжатые в захват челюсти, надрывно ревет, с каждым рывком едва не выворачивая руки, а вверху, недосыгаемый для оружия, противник уже празднует победу, маска сбилась, обнажив узкое хищное лицо, глаза снисходительно оценивают жертву, а губы надменно кривятся. Рука всадника замедленно поднимается для удара, острие копья на мгновение замирает, словно давая последний шанс, но занемевшие руки по-прежнему сдавливают голову дракона, что нельзя отпустить ни на миг, и нет сил чтобы уйти в спасительном прыжке.

Рука дернулась, острое устремилось навстречу. Не в силах смотреть, Дерн закрыл глаза. Но вместо сокрушающего удара на лицо плеснуло, по щекам потекло теплое, но боли нет, а тело продолжает бороться, не опрокидываясь навзничь, лишенное жизни. Болотник распахнул глаза. Противник на том же месте, копыя почему-то нет, а руки зажимают рану на горле, откуда короткими толчками выплескиваются горячие струйки.

Время вновь ускорилось, а в сознание пробились звуки боя. По ушам стеганул надрывный крик вершинника — держись! — тело врага дернулось, из груди высунулась хищное острое стрелы. Истекая кровью, мужчина завалился вперед. Болотник взревел собрав оставшиеся силы, рванул голову дракона на себя, одновременно выкручивая. Громко хрустнуло, покрытая чешуей туша обмякла, безжизненным куском мяса упала под ноги.

Дерн огляделся, пытаясь рассмотреть сквозь плавающие в глазах круги хоть что-то. Мимо пробежал дракон, волоча застрявшего в стремях всадника. Болотник перевел глаза, нахмурился, зашагал вперед, туда, где, двигаясь словно молния, раз за разом уворачиваясь от ударов, словно неуязвимая, скачет подземница.

Рядом хрустнуло, в поле зрения возник Мычка, забрызганные красным волосы спутались, в руках лук, лицо перекошено боевым азартом. На пару они устремились к девушке. Мычка уже натянул тетиву, когда, увернувшись от очередного удара копьем, Себя дико крикнула:

— Он мой!

Вершинник замер, неуверенно переводя взгляд с подземницы на болотника, рука поползла назад, оттягивая тетиву. Пристально вглядываясь в бой, Дерн положил ладонь на руку Мычке, надавил, заставляя опустить лук. Вершинник с неохотой подчинился, его взгляд прикипел к мечущейся фигурке, а руки едва заметно подергивались. Противник девушки, наконец, развернулся, и погнался дракона в сторону. Мычка облегченно вздохнул, опустил лук, но, отъехав на порядочное расстояние, наездник вдруг резко осадил дракона, заставив его развернуться одним прыжком, и понесся обратно, стремительно набирая скорость.

Ахнув, вершинник вскинул оружие, почти мгновенно выпустив стрелу, но слишком поздно, мелькнула хищная тень, наездник закрыл хрупкую фигурку, а вслед за этим... Ярчайшая вспышка ударила по глазам. Смотревшие во все глаза Дерн и Мычка вскрикнули от боли, хватаясь за лица. Когда зрение вернулось, вершинник с непередаваемым изумлением воззрелся на Себию, что под руководством болотника накладывала Шестерне на руку повязку.

Собравшись с мыслями, Мычка с трудом произнес:

— А ты разве?..

Подземница покачала головой, отчего грива иссиня-черных волос красиво колыхнулась, промолвила с улыбкой:

— Как видишь нет.

— А почему тогда...

— Отказалась от помощи? — девушка нахмурилась, на ее лицо легла тень, но тут же исчезла. Она произнесла примирительно: — У меня с ночными наездниками давние счеты, не спрашивай какие, но... я должна была справиться сама.

К ним приблизился Зола, услышав последние слова, сказал скрипуче:

— Что ж, магическая защита вашего городка впечатляет, но, на твоём месте, я бы не стал так рисковать, могла и не успеть.

Подземница хотела сказать что-то резкое, но сдержалась, лишь нахмурилась.

Не остыв от боя, Шестерня, едва не подпрыгивал от возбуждения, чем упорно мешал Себии, так что Дерн наконец не выдержал, сказал со сдерживаемым раздражением:

— Шестерня, если ты сейчас же не успокоишься, пойдешь без повязки.

Пещерник воскликнул восторженно:

— Во мне до сих пор бродит ярость. Какой бой! Нет, какой бой, а! Как мы с Золой на пару того, что ящер уволок. Я и не думал, что справимся. Он меня копьем саданул — уж не чаял встать. А как ты тому ящеру шею свернул! Я б тоже попробовал, только не додумался.

Насилу дождавшись окончания перевязки, Шестерня горячо поблагодарил Себию, тут же вскочил, и возбужденно забегал вокруг, активно жестикулируя и с интересом всматриваясь в оставшиеся на поле боя следы, а девушка принялась с трудом стаскивать с болотника доспех. Кольчуга покраснела от крови, один рукав болтается разрезанный надвое, словно обычная ткань, тело под рубахой попятнано грязью, а на левом плече расплывается огромный кровоподтек. Понаблюдав, как пещерник обшаривает единственный оставшийся труп, Мычка перевел взгляд на подземницу, осторожно поинтересовался:

— И часто у вас такое?

— Ты о рейдерах? — руки девушки осторожно касались ссадин, надавливали, где Дерн указывал, накладывали на кожу зеленоватую пасту с терпким запахом. Не отрываясь от работы, Себия пожалала плечами, сказала отстраненно: — Всегда так было. Мы же не одни здесь живем. Есть и другие поселения, и даже города, а уж сколько по подземельям раскидано племен — ни кто не знает.

Дерн пристрастно осмотрел наложенные повязки, кое-где поправил, но в целом остался доволен, спросил коротко:

— Молодец. Где научилась?

Польщенная похвалой, Себия смущенно потупилась, сказала кротко:

— Брала уроки у городского лекаря. Хотя, мои основные навыки немного из другой области.

— Уже заметил, — уголки губ болотника чуть заметно дрогнули, — двигаешься ты действительно быстро, но Зола прав, понапрасну рисковать не стоит. С тяжело раненым отряд далеко не уйдет; он зашуршал котомкой, осторожно укладывая на место разложенные по земле баночки, и время от времени, искоса поглядывая на подземницу, что, вздернув носик, поспешила отойти к мародерствующему Шестерне.

Пещерник закончил обшаривать труп, и теперь с интересом рассматривал тяжелые, вооруженные длинными зубами-кинжалами челюсти. Подняв глаза на Себию, он покачал головой, сказал серьезно:

— Наверное, это очень сложно, выстоять, когда на тебя несется сотня таких воинов?

Девушка пожалала плечами, сказала без интереса:

— Не знаю, они никогда не собираются такими отрядами. Обычно ездят по двое-трое, как правило, один из них маг. Нам крупно повезло, что все трое оказались воинами. Конечно, один из вас тоже маг, но... — она понизила голос, оглянувшись, чтобы не услышал Зола, добавила, — но их маги гораздо сильнее.

Шестерня вдруг ухмыльнулся, дружески хлопнул девушку по плечу, так что Себия от неожиданности ойкнула, хохотнул:

— А ты молодец, не испугалась. Подвела ящера под стену, что любо-дорого. Это же от них такая защита?

Подземница поморщилась, потирая ушибленное место, ответила уклончиво:

— От многого. Здесь живут не одни наездники.

Шестерня всплеснул руками, воскликнул испуганно:

— Так чего же мы ждем? Пора уходить. — Парой точных ударов секиры он вырубил из оскаленной пасти дракона самый большой зуб, тщательно спрятал трофей в заплечный мешок, оглянувшись, добавил недовольно: — Да не стой столбом, или ждешь пока сюда сползутся все чудовища подземелий?

Ошарашенная подобным обращением, Себя сразу не нашлась что сказать, а когда острое словцо уже вертелось на языке, Шестерня успел отойти на приличную дистанцию. Раздраженно фыркнув, подземница устремилась следом.

ГЛАВА 19

Себя уверенно вела отряд через однообразную местность, переходя вброд мелкие лужицы и обходя по широкой дуге небольшие озерца и холмы с торчащими столбами. Зола сперва недоверчиво поглядывал на подземницу, но вскоре задумался, перестал следить, и дальше шел глядя лишь себе под ноги. Двигаясь позади отряда, Мычка сперва настороженно косился по сторонам, каждое мгновение ожидая атаки, рука то и дело дергалась к висящему за плечом луку, но постепенно расслабился. А в одном месте, воспользовавшись тем, что Шестерня сосступил в озерцо, отмывая налипшую на сапоги грязь, а Дерн замешкался, поправляя повязку, проскользнул вперед, и пристроившись рядом с девушкой, словно бы невзначай поинтересовался:

— Ты говорила, что за нами могут выслать погоню...

Не поворачивая головы, подземница ответила:

— Не могут, а обязательно вышлют, если уже не послали.

Брови вершинника вопросительно взлетели, он спросил с глубоким недоумением:

— Позволь спросить почему? Или... у вас так встречают всех путешественников?

Девушка чуть нахмурилась, сказала сдержанно:

— Нет, не всех. Но тех, кто хоть словом упоминает поверхность земли, всегда! — Взглянув в недоуменное лицо спутника, сказала немного мягче: — На поверхности идет страшный черный снег, от которого умирает все живое, и живут ужасные чудовища, так что... сам понимаешь.

Мычка усмехнулся, произнес с улыбкой:

— И что же, мы, по — твоему, похожи на жутких чудовищ?

К его удивлению, собеседница ответила не задумываясь:

— Нет. И я удивляюсь, к чему вам потребовалась эта ложь.

Ища поддержки, Мычка обернулся к товарищам, но наткнулся лишь на колючий взгляд Золы. Подумав, вершинник использовал последний довод:

— Но даже если допустить, что когда-то было именно так, то времена меняются. Разве не может быть, что на поверхности сейчас — все совсем по — другому, чудовищ не стало, и живут обычные люди?

Себя покосилась на спутника, сказала неуверенно:

— Может быть ты и прав, хотя я не думаю, что кто-то мог истребить этих чудовищ,

настолько могучими они были, но дело не в этом. Пока хоть кто-то из нашего народа сам не поднимется наверх, и не убедится, что что-то изменилось к лучшему, тема поверхности будет под запретом, а чужаки под подозрением.

Сзади послышался насмешливый голос мага:

— Уж не ты ли собралась взвалить эту непосильную ношу на свои хрупки плечи?

Подземница мгновенно подобралась, зыркнула на Зола столь яростно, что Мычка на мгновение увидел перед собой не милую девушку с великолепной фигурой и замашками аристократки, а опасную хищницу, выжидающую удобный момент, чтобы вонзить клыки в горло зазевавшейся жертве, сказала сдержанно:

— Возможно и так, но я не намерена это обсуждать.

Мычка неодобрительно взглянул на Зола, но тот отвернулся в сторону, словно увидел что-то необычайно интересное.

Стало темнее. Водоемы со светящейся водой появлялись все реже, крупные озера исчезли уже давно, а встреченные по пути становились мельче, а вода в них светилась не так ярко. Округлые холмы со столбами тоже исчезли, вместо них громоздились каменные завалы, которые обходили с осторожностью. Дорогу часто пересекали цепочки глубоких следов, ведущих напрямую к каменным глыбам, при виде которых проводница заметно хмурилась, и резко меняла направление, так что группа то и дело петляла, выписывая головоломные зигзаги.

Каменная стена возникла неожиданно. Казалось, еще мгновение назад вокруг расстилалась привычная бескрайная долина, но вот уже совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, вверх устремляются непрерывный каменный массив, испещренный редкими норами. При взгляде на черные зев ближайшего прохода, Мычка застонал, схватился за голову, зато Шестерня приободрился, сказал довольно:

— Ну наконец-то, родные пещеры! Признаться честно, эта бесконечная равнина последнее время нагоняет на меня уныние: ни тебе надежных стен, на которые так удобно опереться, ни крепкого свода над головой, да и под ногами не привычный камень, а непонятно что из грязи и чахлой травы.

Поправив повязку, Дерн произнес ворчливо:

— Надеюсь на этот раз вы позаботились об освещении. Меня не радует перспектива вновь таскаться по узким коридорам с набитой слизнями кольчугой.

Зола пожевал губами, сказал, покосившись на Себию:

— Я как раз собирался заняться этим вопросом, когда кое-кто, совершенно некстати, сорвал нас в непредвиденное путешествие.

Глядя, как недобро загорелись глаза подземницы, Шестерня произнес примиряюще:

— Даже если и не взяли, что ж с того. Ведь я-то с вами! Неужто не пройдем?

Подавив гнев, Себия сняла дорожный мешок, удобно висящий за плечами на кожаных ремешках, повозившись с тесемкой, развязала, из открывшегося отверстия тут же ударил веселый сноп голубоватого света, и выдала каждому по небольшой, размером с кулак, сияющей сфере. Отдавая сферу Золе, она улыбнулась как можно более ласково, на что маг что-то буркнул в благодарность, и поспешил отвести взгляд.

Подмигнув подземнице, Мычка весело произнес:

— Нисколько не сомневался, что Себия достойно подготовится к путешествию.

Девушка ответила ему признательным взглядом, но Зола проворчал, спрятав свою сферу в котомку:

— Все это замечательно, но куда дальше? Не знаю, как нашей спутнице, а мне не терпится вернуться назад. После увиденного — многие посвященные описанию земных глубин труды нуждаются в корректировке, а некоторые трактаты по магии в уточнениях.

Взоры обратились на девушку. Подземница обвела спутников напряженным взглядом, заговорила, тщательно подбирая слова:

— Вы не похожи на жителей подземелий, но кто бы вы не были на самом деле, и откуда бы ни пришли, навверх пути нет. Сразу после разговора с вами мой отец направил отряд воинов, чтобы они завалили все отнорки в светлых пещерах, которые могут соединять нас с поверхностью...

Схватившись за голову, охнул Шестерня, на круглое лицо болотника набежала тень, даже Мычка заметно приуныл, только Зола, казалось, остался бесстрастным, но не взирая на реакцию спутников, девушка продолжила:

— Но есть путь вниз. Я часто гуляла вокруг деревни, порой, забредая в путешествиях достаточно далеко, и имею представление о ближайшей системе переходов. Так вот, — глядя в лицо магу, она сказала с нажимом, — если вы пойдете назад, то скорее всего погибнете, нарвавшись на ночных охотников, или попав в лапы погони, но если двинетесь вниз... у нас появится шанс. К тому же, глубоко в пещерах живет раса пещерников, а они умелые строители и великие изобретатели...

С каждым сказанным словом лицо Золы становилось жестче. Роняя слова, словно тяжелые камни, маг произнес:

— Даже если ты права, и дорога назад отрезана, мы не пойдём вниз, а ты... не пойдешь с нами. — Глядя, как с каждым словом девушка съеживается все больше, он жестко продолжил: — Можешь уйти прямо сейчас, можешь чуть позже, но будет именно так. В наши планы не входит задерживаться под землей надолго, и уж тем более ввязываться в склоки здешних племен, обременяя себя дочерью одного из местных царьков.

На подземницу было жалко смотреть, ее плечи поникли, а губы мелко дрожали, растерянная, она смотрела на наемников огромными, полными слез глазами, но те лишь отворачивались, признавая правоту сказанного. Тяжело вздохнув, словно на грудь давил тяжелый камень, Себя произнесла чуть слышно:

— Хорошо. Я покажу вам путь в дальние пещеры, а там... будь что будет, — ни на кого не глядя, она пошла вдоль скалы, пошатываясь, будто слова мага не просто разбили ее мечты, но и ранили тело.

Не в силах вынести вида несчастной подземницы, Мычка отвернулся, стиснул зубы, чтобы самым постыдным образом не заорать, брызгая слюной, не замахать руками, требуя, во что бы то ни стало, взять девушку с собой, понимая, что в словах Золы скрыта тяжелая правда. Ни один отец не отпустит любимую дочь без долгих уговоров остаться, а облеченный властью сделает все возможное, чтобы вернуть беглянку, что же произойдет с ее похитителями, ведь именно так оценят их действия судьи, и подумать страшно.

Войдя в тоннель, растянулись длинной цепочкой. Первой, подсвечивая путь волшебной сферой, шла подземница, ее шаги стали тверже, спина привычно выпрямилась, но голова по-прежнему свешивалась на грудь, а взгляд упирался в бугристое каменное ложе под ногами. За ней, на пару с Дерном, следовал Шестерня. Время от времени, пещерник ахал, указывая на ярко светящиеся пятна плесени. А болотник что-то объяснял вполголоса, на некотором расстоянии от друзей двигался Зола, по его лицу то и дело пробегали тени, судя по всему мага терзали не самые приятные мысли, замыкал движение Мычка, порой, оторвав взгляд от

пола, он с грустью поглядывал на идущую далеко впереди Себию, тяжело вздыхал, и вновь опускал глаза.

Вдоль дороги, на равных расстояниях друг от друга, вделанные в камень стен, сияли магические сферы, а на полу, если взглядеться пристальнее, можно было различить едва заметные отгиски подошв, по всей видимости путем пользовались часто. Изредка туннель раздваивался, порой, в монолите стены один за другим возникали множество узких проходов уводящих в темные глубины горы, а, подчас, путь пронзали странные пустоты, распахивающиеся над головой безмолвной пастью, они уходили вниз темным провалом, так что приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы невзначай не угодить в подобную ловушку. Пару раз Мычка для интереса спихивал в чернеющие ямы крупные обломки скалы, но так и не услышал звука падения.

С трудом спустившись по почти отвесному участку тоннеля, вышли в небольшую круглую пещеру, почти сплошь заросшую каким-то ранее не попадавшимся видом светящейся бледно-розовой плесени. В центре пещерки невысокий, округлый валун с ровной поверхностью, дальняя стена чернеет неровными отверстиями проходов, ноги утопают в толстом слое песка и засохших комков плесени. Смахнув с камня пыль, Себя осторожно присела на краешек, со вздохом произнесла:

— На этом месте мы прощаемся, вы пойдете дальше, а я... — она промокнула глаза кончиками пальцев, смахивая непрошенную слезу, — вернусь в опостылевшие застенки.

Мычка вновь ощутил, как к горлу подкатывает ком, подземница сидит на камне несчастная, и такая беззащитная, что в груди поднимается непреодолимое желание закрыть, защитить от опасности, согреть на груди, заслоняя от сурового мира и жестокости бесчувственных людей, отвернулся, не в силах выдержать наполненный тоской взгляд бездонных глаз.

Зола, не останавливаясь, проследовал к центральному, наиболее широкому туннелю, бросил не глядя:

— Благодарю за помощь.

Прощаясь, Дерн мягко прикоснулся к плечу девушки, а Шестерня ободряюще произнес:

— Успехов тебе, подземница, и да прибудет с тобой благословение прародителя!

Друзья скрылись в проходе, затихло эхо шагов, а Мычка все стоял возле девушки, не в силах сдвинуться. Разум требовал двигаться дальше, настойчиво повторяя, что с девушкой ничего не может случиться в этих пещерах, грозящих гибелью любому чужеземцу, но не представляющих опасности для привычных ко тьме жителей подземелий, но сердце обливалось кровью. С трудом передвигая потяжелевшие ноги, вершинник медленно отступал, вбирая взглядом ставшие за короткое знакомство почти родными черты.

Спина уперлась в твердое, за воротник, отрезвляя, скользнули холодные капли, едва не зарывав от отчаяния, Мычка оторвал взгляд от лица девушки, чувствуя, что еще немного, и он не сможет оставить ее одну, бросился за товарищами, уже не видя, как стремительно высыхают слезы, а из глаз исчезает мольба, сменяясь отстраненной задумчивостью.

Его поджидали возле поворота. В голубоватых отсветах магических фонарей лица друзей выглядели жуткими масками. Когда вершинник остановился, тяжело дыша после продолжительного бега, Зола ворчливо произнес:

— Долгие проводы — лишние хлопоты.

Мычка сжал челюсти, не давая вырваться на свободу теснящимся в груди горьким чувствам. Глядя на перекошенное лицо вершинника, Дерн сказал, обращаясь к магу:

— Уверен, что без этого нельзя было обойтись? Девчонка не такая большая обуза.

Золу явно тяготила тема, но собравшись с силами, он неохотно возразил:

— Нужно. Собирая вздорных дочек высокопоставленных особ мы далеко не уйдем.

Шестерня проводил взглядом Мычку, что понуро побрел дальше, сказал негромко:

— Зря ты так. Девчонка хоть и высокородная, но без спеси, — он хохотнул, вспоминая. — Да и дерется, как одержимая, давненько такого видеть не приходилось. Эх, хорошую спутницу потеряли, да что теперь...

Зола хмуро посмотрел вслед пещернику, обращаясь к Дерну, раздраженно прошипел:

— Да что с ними такое! Будто мне самому это доставляет удовольствие. Но надо! — Он повторил, словно убеждая себя: — Надо. Иначе мы никогда не выйдем на поверхность.

Дерн поправил котомку, произнес задумчиво:

— Значит не доставляет... — похлопал мага по плечу, и двинулся по проходу.

Зола потоптался, прислушиваясь к удаляющимся шагам болотника, коротко обернулся, на его лице промелькнуло мгновенное сожаление, но тут же исчезло, наморщив лоб, маг неторопливо побрел, подсвечивая путь волшебной сферой.

Каменные плиты неспешно ложились под ноги, космы белесой плесени беззвучно проплывали мимо, едва не задевая лицо, а он все брел, погруженный в раздумья, когда ушей коснулся далекий крик. Не уловив в голосе кричавшего ноток страха или ярости, Зола не стал бросаться на помощь, но пошел чуточку быстрее. Посох глухо постукивал по камням, а котомка привычно давила на поясницу, убаюканный монотонностью происходящего, маг уже успел забыть о вопле и вновь погрузился в мысли, когда проход резко расширился, а по глазам ударил непривычно яркий после полутемного лаза свет. Зола прищурился, пытаясь рассмотреть причину остановки.

В глаза бросилось удивительно веселое лицо Мычки, поодаль, привалившись спиной к стене, прятал улыбку Дерн, а на полу, усевшись на излюбленный щит, похлопывал себя руками по коленям Шестерня, раз за разом приговаривая:

— Ай да девка, ай молодец! Это ж надо такое придумать.

Еще не видя причины столь бурной радости, но ощутив что что-то пошло не так, Зола нервно огляделся: мягкий магический свет на стенах, ехидные взгляды друзей, треснувший монолит свода, осколки камней на полу, и некое ускользающее от внимания несоответствие. В очередной раз обведя взглядом пещерку, маг обнаружил причину — из ограниченного пространства пещерки вел лишь один проход, тот, откуда мгновение назад вышел он сам.

ГЛАВА 20

Возвращались в приподнятом расположении духа. Распираемый радостью, вершинник едва касался ногами каменных плит, но скрывал возбуждение, принуждая себя идти последним. Дерн и Шестерня шли с отстраненными лицами, но порой, не выдержав, мельком переглядывались, бросая вслед Золу, что на этот раз вел отряд, насмешливые взгляды.

Когда наемники гурьбой вывалились обратно в пещеру, в глаза бросилась хрупкая

фигурка подземницы, казалось, с момента их расставания девушка даже не изменила позу. При виде Себии губы Мычки неудержимо поползли в стороны, а Шестерня приглушенно хохотнул, но поймав суровый взгляд Золы, отвернулся к стене, сделав вид, что закашлялся. Нахмурившись, маг навис над девушкой, что бесстрашно смотрела на него хлопая длинными ресницами снизу вверх. Зло посопев, Зола произнес:

— Полагаю, ты сейчас начнешь рассказывать грустную историю о плохой памяти, что так некстати подвела, заставив указать неверную дорогу.

Но вопреки его ожиданиям, девушка не сжалась в ужасе, начав нести нелепицу в собственное оправдания, а нагло расхохоталась ему в лицо:

— Конечно нет, — закинув ногу на ногу, подземница скрестила руки на груди и вызывающе оглядела наемников, чем окончательно сбила мага с толку. — Ведь не думаешь же ты, что дочь одного из виднейших людей в городе могла оказаться простой деревенской дурочкой не способной отстаивать свои интересы?

Маг отступил на шаг, сказал растеряно:

— Но, получается, что ты специально...

Он замолчал на полуслове, удивленно глядя, как девушка вновь преображается: дерзкая улыбка исчезла, глазки потупились, а изящные руки, только что боевито топорщившиеся локотками, мирно упокоились на коленях. Не поднимая глаз, она церемонно произнесла:

— Я надеюсь, этот маленький розыгрыш не доставил вам особых неудобств, — глаза Себии лукаво сверкнули из-под длинных ресниц, — и позволил составить представление о серьезности моих намерений.

Зола наклонил голову, рассматривая подземницу так и этак, спросил задумчиво:

— А что мне мешает испепелить тебя на месте, дерзкая?

Себия в притворном ужасе распахнула глаза, спросила невинно:

— А как же с необходимостью покинуть подземелье, или вы уже передумали?

Маг неуверенно произнес:

— Полагаю, мы справимся с этой задачей сами. В крайнем случае, — его глаза кровожадно сверкнули, — вытащим информацию из тебя при помощи пыток.

Девушка в притворном испуге закрылась руками, сдавленно пропищала:

— Нет, нет, только не это, я жутко боюсь огромных злых волшебников с посохами в руках! — не выдержав, вновь расхохоталась, сказала уже спокойнее. — Уважаемый Зола, подумай, ну какой смысл заводить вас в место, откуда легко выбраться? Это Лабиринт проклятых, место, где лучшие воины совершенствуют свое мастерство, преодолевая многочисленные ловушки на пути к выходу.

Дерн покачал головой, сказал мирно:

— Не может быть, чтобы ты не знала выхода.

Девушка кивнула:

— Конечно я знаю, но вам это знание ничего не даст. В Лабиринте важно чувство направления, а не знание пути, — она бодро вскочила на ноги, торжественно произнесла, — а теперь, прежде чем я выведу вас отсюда, мне хотелось бы услышать слово воинов, что меня не бросят, едва выйдя на утоптанную тропу.

Мужчины переглянулись, кашлянув, Мычка спросил:

— Тебе будет достаточно нашего слова?

— Конечно, — Себия с удивлением посмотрела на вершинника, — слово воина нерушимо.

Зола мгновенно выступил вперед, сказал коротко:

— Я даю слово.

Положив руки на сердце, подземница, приклонила голову,

— Что ж, теперь я спокойна. Ну а теперь, — она деловито отстегнула плащ, скатав, бросила в заплечный мешок, — прошу следовать за мной.

Девушка зашарила по стенам пещеры, что-то сделала рукой, после чего часть стены отъехала в сторону. Шестерня присвистнул, оценив качество механизма, до слуха не долетело ни единого скрипа, пробормотал уважительно:

— Оказывается, хорошие инженеры встречаются не только среди пещерников.

Принимая похвалу, Себя кивнула, произнесла напряженно:

— Если хотите жить, двигайтесь когда и куда я скажу.

Дерн философски поинтересовался:

— Даже если в проходе на нас набросится десяток враждебных подземников?

Себя отрезала:

— Даже если вас начнут заживо пожирать пещерные черви — только тогда и куда я скажу, — взметнулась туго скрученная копна волос, хрупкая фигурка исчезла в темном зеве прохода.

Наемники по очереди скрылись в отверстиях. Последним, недоверчиво озираясь, в проход двинулся Зола. А через несколько мгновений стена бесшумно встала на место, и уже невозможно было догадаться, когда в последний раз холодный камень пещеры ощущал тепло живых существ.

Недолгий отрезок времени, необходимый для преодоления Лабиринта, растянулся почти на вечность. Началось с того, что сунувшийся в сторону Шестерня едва не провалился в глубокую яму, усаженную острыми кольями, подхваченный могучей рукой болотника уже в момент падения. А мгновением спустя, неловко оперевшись на стену, Зола активировал скрытую ловушку, вызвав настоящий град мелких зазубренных игл, от которого спас только хлестнувший по ушам визг подземницы — на пол! — и незамедлительная реакция наемников.

Каждые несколько мгновений что-то невидимое со свистом рассекало воздух, под ногами проваливался пол, а из стен с противным скрипом выскакивали заостренные колья. Дважды Мычка лишь чудом успевал повернуться от возникающих, словно ниоткуда, языков пламени. А Дерн попал под струю какой-то чудовищно едкой жидкости, так что кольца кольчуги потрескались прямо на глазах, и рассыпались серой пылью, а на рубахе возникла, постепенно расширяясь, огромная дыра, к счастью, болотник не растерялся, мгновенно выхватив одну из склянок, он плеснул на себя содержимым, тут же нейтрализовав реакцию.

Их давило, кидало из стороны в сторону, они проваливались в пропасть, выкарабкивались, из последних сил, цепляясь за сгнившие веревки, а потом мчались от катящихся камней. В одной из комнат, с потолка вдруг посыпались омерзительного вида насекомые с огромными клешнями и жуткой густой щетиной по всему телу, отчего Шестерня едва не потерял сознание, истерически завизжав, пещерник попытался спрятаться в боковом проходе, где угрожающе шевелились какие-то мерзкие твари, но Мычка оказался на стороже и вовремя оттащил товарища в безопасное место.

Когда впереди вновь забрезжил свет, суля окончание ужасов и заслуженный отдых, наемники со вздохом облегчения устремились к выходу. Выскакивая один за одним, они без сил валились на пол, радуясь холодным каменным плитам больше, чем пуховым перинам.

Последней лабиринт покинула Себя, придерживая повисшую плетью руку. Мельком оглядев распростертые в нелепых позах фигуры, она удовлетворенно кивнула, и, доковыляв до ближайшей стены, рухнула на землю вслед за остальными.

Некоторое время в полутемной пещере раздавалось лишь сдавленное дыхание, но постепенно наемники пришли в себя, зашевелились. Шестерня хрипло произнес:

— Секиру прародителя мне в печень, если я еще раз по своей воле полезу в эту машину смерти.

Раздался чуть слышный голос вершинника:

— Даже если это будет единственный путь к возвращению?

Пещерник рявкнул зло:

— Да хоть путь в небесные пещеры. Лучше остаток жизни бродить по темным переходам, чем вновь побывать в чреве этой чудовищной мясорубке.

Ползущий мимо на четвереньках Дерн, похлопал пещерника по плечу, сказал с бледной усмешкой:

— А ведь это всего лишь тренировочный полигон. Ну, вроде нашего, во дворе таверны.

Собрав силы, Зола со стоном вздернул себя на ноги, не пристало магу ползать словно жалкая рептилия, сказал отдуваясь:

— Не хотел бы я встретить воинов, что, как ты сказал, Дерн?.. всего лишь тренируются в этом чудовищном месте.

По-прежнему, сидя у стены без сил, подземница прошептала:

— Я пошла с вами отчасти и по этому. Погоня будет, и нас попытаются перехватить до... определенного места, но через Лабиринт проклятых не сунутся, пойдут в обход, мы сможем выиграть время.

Зола с кряхтением нагнулся за посохом, сказал чуть слышно:

— Еще не известно, выслали бы за нами погоню, будь мы одни.

— Зола, прекрати, — Мычка недовольно взглянул на мага, — Себя и так провела нас кратчайшим путем, рискуя жизнью.

— Можно подумать, не она нас туда завела, — отпарировал маг, но замолчал, отошел дальше, туда, где закрепленная под сводом тусклая магическая сфера давала больше света, чтобы предаться излюбленному занятию — заполнению оставшихся чистых листков мелкими витиеватыми значками.

Пока Зола шуршал листками, а Шестерня охлопывал себя, проверяя все ли конечности на месте, Дерн открыл котомку, чудом сохранившуюся в Лабиринте, вытащил несколько горшочков и направился в угол, где вершинник уже хлопотал над телом подземницы. Решительно отстранив Мычку, Дерн расстелил на камнях плащ, осторожно уложил девушку сверху, его пальцы забегали по ее телу, легко прикасаясь и тут же отдергиваясь, в некоторых местах руки болотника задерживались, надавливая сильнее, отчего, впавшая в беспамятство Себя, едва заметно стонала. Дойдя до больной руки, болотник нахмурился, его руки замерли, а пальцы чуть заметно ощупывали небольшую припухлость на локте, он сделал резкое движение, отчего девушка вскрикнула, на мгновение широко распахнув глаза, но вдохнув из горшочка, что Дерн не мешкая поставил ей под нос, провалилась в глубокий сон.

Намазав на локоть Себии толстый слой густой, неприятно пахнущей пасты, болотник удовлетворенно кивнул, широко зевнув, мельком оглядел вершинника, но не обнаружив достойных внимания увечий, неторопливо удалился, прихватив с собой ненужные более знахарские принадлежности.

Шестерня кое-как доковылял до брошенного у выхода заплечного мешка, развязав тесемки, с грохотом опрокинул содержимое на пол, хрипло пробормотал:

— Кто как, а я помру на месте, если прямо сейчас что-нибудь не сожру.

Взглянув на рассыпавшиеся по камням кусочки вяленого мяса, Дерн подсел ближе, захватив пятерней горсточку, закинул в рот, принялся неспешно жевать. Подошел Мычка, выбрал сушеную рыбку, захрустел, сдирая ногтями шкурку. Вгрызаясь в сочный, хорошо прожаренный бок какого-то местного животного, найденный в подвальнике дома и в спешке брошенный в мешок вместе с прочими продуктами, Шестерня покосился на мага, прошамкал набитым ртом:

— Чей-то у нас Зола совсем есть перестал.

Дерн громко сглотнул, сказал, отряхивая руки:

— Не видишь, впечатления от прогулки записывает, пока не притупились.

Пещерник затряс головой так, что во все стороны полетели крошки и капельки слюны, отчего сидящий рядом Мычка брезгливо отер лицо, и торопливо отсел подальше, сказал с глубоким убеждением:

— Я бы такие впечатления, как можно быстрее забыл, а не то, что еще и записывать.,

Закончив писать, Зола спрятал свитки, подошел к товарищам, разглядывая разбросанные по камням продукты, гадливо поморщившись, произнес:

— И почему некоторые пещерники такие законченные свиньи? Нет бы, тряпицу подстелить, расставить поверх аккуратно... все пораскидал, в пыли извалял, только что не потоптался, — выбрав пару мясных кусочков почище, маг тщательно их осмотрел, стряхивая налипшие песчинки, один за другим неторопливо отправил в рот.

Шестерня хмыкнул, сказал укоризненно:

— И это вместо благодарности! Да пока вы в погреб, как зайцы ныряли, я, рискуя жизнью, собрал харч. А все почему? — пещерник воздел лоснящийся от жира палец. — Потому, как о будущем пекусь.

Дерн широко зевнул, сказал примиряюще:

— Ты, Шестерня, молодец, даже и не знаю, куда бы мы без тебя.

— Правда? — пещерник неуверенно улыбнулся.

— Конечно! — Дерн осторожно поднялся, держась за ушибленный бок, добавил с усмешкой: — Вон и Мычка также так думает, верно Мычка?

— Да ладно, что теперь, — Шестерня отмахнулся, сказал в смущении, — я в лепешку разобьюсь, а для друзей все сделаю.

Болотник серьезно кивнул:

— Нет, правда. И с мешком так ловко получилось, а то я уж и не надеялся его найти, думал — все, не видать мне больше своего заплечника.

— Постой, постой, — Шестерня с подозрением взглянул на болотника, — что значит "своего заплечника", а этот тогда чей?

Пещерник резво вскочил, метнулся к лежащему неподалеку мешку поменьше, схватил, перевернул, вытряхивая... по камням с веселым звоном покатались многочисленные пустые горошки, потянуло приторным запахом вина. Шестерня пробормотал растеряно:

— Но, как же так, ведь я точно помню...

Мычка покачал головой, сказал ободряюще:

— Да не расстраивайся ты. Уже то удивительно, что хоть это собрал, в таком-то состоянии...

Некоторое время Шестерня тупо смотрел под ноги, затем, стараясь не встречаться глазами с товарищами, молча ушел в дальний угол пещерки, где и затих. Насытившись, разбрелись и остальные, и в пещере воцарилась тишина.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1

Себя проснулась с чувством неясной тревоги. Открыв глаза, она некоторое время лежала на спине, вспоминая происшествия последних дней: размолвка в высшем городском совете, после которой отец почти не спал, скрытые угрозы наместника, конфликт с представителями свободных охотников, едва не перешедший в кровопролитное столкновение, и так кстати появившиеся чужестранцы. Девушка осторожно приподнялась на локте, обвела взглядом раскинувшихся в свободных позах спутников, в очередной раз поразившись таким пренебрежением к опасности, она никогда бы не расположилась на ночлег в незнакомом месте, предварительно не осмотрев окрестности и не поставив парутройку предупредительных ловушек, к тому же оставить без присмотра малознакомую девушку, что легко может не только очистить заплечные мешки, но и перерезать шею во сне...

Оттолкнувшись ладонями, подземница легко вскочила на ноги, неслышно двинулась вдоль комнаты, всматриваясь в лица спящих. Без интереса мазнув взглядом по магу, Себя, не глядя, прошла мимо пещерника, но возле вершинника замедлила шаг всмотрелась пристальнее: расслабленное, на первый взгляд, лицо сохраняет сосредоточенность даже во сне, что видно по едва заметному напряжению желваков, тонкая кожа век чуть заметно подрагивает, как и острые уши, что улавливают малейшие колебания воздуха, сложенные на груди руки скрыты под тканью плаща, наверняка касаются пальцами метательных кинжалов.

Еще раз окинув взглядом фигуру Мычки, Себя уважительно кивнула, парень хоть и молод, но настоящий боец, не то, что двое предыдущих — спать, не озаботившись даже прикрыть незащищенный живот. Девушка покосилась на Золу, лежащего в свободной позе, презрительно скривилась. Громко всхрапнул Шестерня, вызывая легкое эхо. Подземница покачала головой, обитай в этой части пещер хоть что-то живое, на храп уже сбежались бы хищники со всех прилегающих уровней, и, проснувшись, пещерник наверняка бы очень удивился, обнаружив себя плотно упакованным в чьем-нибудь уютном желудке.

Дальше всех, опираясь спиной на скалу, дремал Дерн. Неслышно опустившись рядом, Себя обвела взглядом могучую фигуру, на мгновение задумалась: болотник немногословен и нетороплив, она часто видала подобных здоровяков в здании охраны, тупые и медлительные, они могли часами делать бессмысленную работу, не задавая вопросов, и даже

не интересуясь, для чего это нужно, но этот не таков, она вспомнила, с какой скоростью лекарь выдернул нужную склянку, нейтрализовав кислоту, когда она его уже мысленно похоронила, да и в искусстве врачевания силен, девушка покрутила рукой, с трепетом прислушиваясь к ощущениям, кости целы, сустав поворачивается без скрипа, даже воспаленные края случайных царапин лишь немного зудят.

Зябко пожившись, прохлада каменных тоннелей давала о себе знать, подземница прошла мимо спящих, скрывшись в темном зеве выхода. Едва вдали затихло поскрипывание сапожек, Мычка открыл глаза, спросил чуть слышно:

— Может проследить?

Дерн отозвался негромко:

— А если она до ветру пошла?

Едва не порвав рот в зевке, Зола сипло прошептал:

— Да и демон с ней. Я после местного тренировочного дворика предпочту хорошенько отоспаться, нежели следить за девчонкой, пусть даже она пошла дать отмашку затаившейся по соседству толпе пожирателей магов.

Вернувшись, Себя мельком окинула взглядом лагерь, отмечая отсутствие каких-либо изменений, разве Зола сменил позу, да болотник уронил голову на грудь, удовлетворившись осмотром, легла на свое место и едва смежила глаза, как тут же провалилась в глубокий сон.

Над ухом кашлянуло. Себя подскочила, выхватив кинжал, приняла боевую позу и только потом открыла глаза. Усмехаясь в рыжие усы, рядом стоял Шестерня. Распахнув глаза при виде кинжала, он отпрыгнул на пару шагов, закрыл голову руками, и тоненько заверещал:

— Ой, ой, только не бей!

Глядя в нахальные глаза пещерника, поблескивающие из-под широких ладоней, подземница хмуро бросила:

— На первый раз не буду, хотя и надо бы.

Посмотрев в сторону, Себя обнаружила, что остальные мужчины в полном боевом облачении негромко совещаются неподалеку. Охнув, девушка начала быстро собирать разбросанные вещи, проклиная себя за то, что проспала, и недоумевая, как могло случиться, что она не услышала общего сбора, ведь ее спутники не наемные убийцы, чтобы двигаться абсолютно бесшумно, чем-нибудь да выдали бы себя, пусть даже шорохом одежды, не говоря уже о звяканье оружия или брони.

Наблюдая за ее лихорадочными движениями, Шестерня сочувственно произнес:

— А то, что проспала, себя не вини. После Дернова целительства все дрыхнут как убитые.

Усмехнувшись, Шестерня отошел к товарищам, и почти сразу за ним подскочила Себя. Мельком взглянув на девушку, Зола коротко поинтересовался:

— Не передумала?

Подземница упрямо помотала головой, сказала пылко:

— Мне нет пути назад!

Маг лишь поджал плечами, кивнул в сторону прохода:

— Тогда веди.

Себя в последний раз мельком оглядела себя, проверила натяжение лямок мешка — не ослабли ли, пошевелила кинжал — не подведет ли в опасную минуту неудачно вложенный в ножны, и решительно шагнула вперед, освещая путь уже привычной магической сферой.

В этой части пещер структура камня заметно изменилась. Исчезли радующие глаз многочисленные рудные жилы, сменились редкими вкраплениями, а потом и вовсе растворившись в бескрайнем черном базальте. Воздух стал заметно теплее и суше, влага ушла, а вместе с ней перестали попадаться разноцветные пятна плесени. За время похода утомленные постоянной сыростью, наемники расправили плечи, наслаждались давно забытым теплом, чувствуя, как одежда перестает липнуть к телу, а еще мгновение назад влажные волосы высыхают, встопорщиваются, приятно щекоча кожу по всему телу.

Проход порой петлял, словно испуганный заяц, и каждый раз, прежде чем заглянуть за очередной поворот, подземница замедляла шаг и касалась рукояти кинжала, но порой становился ровный, как стрела, чем не переставал восхищать пещерника, стремящегося увидеть в каждом природном образовании руку неведомых строителей.

Прошли мимо темнеющего зева арки. Выщербленный по краям камень щетинился острыми гранями, и создавалось впечатление, что некое спрятавшееся в стене чудовище раскрыло хищную пасть, да так и окаменело. Пол в этом месте немного приподнялся, образуя невысокий порог в несколько шагов шириной, об который, задумавшись, тут же запнулся Зола. Обернувшись на шум, Себя покосилась на мага, строго произнесла:

— Идущие впереди товарищи — не повод закрывать глаза, мало ли что может попасться на пути.

Прихрамывая на ушибленную ногу, Зола недовольно пробормотал:

— Делать мне больше нечего, как таращиться под ноги. К тому же, могла бы и предупредить.

Девушка ответила колко:

— Да вот не подумала, что выступ в три пальца может вызвать затруднения.

— Еще бы, для начала нужно научиться думать, — отпарировал маг.

Прерывая готовую начаться склоку, Дерн мирно поинтересовался:

— И часто здесь попадаются подобные выступы?

Девушка пожалала плечами, произнесла с раздражением:

— Разве ж я помню?

Зола отозвался злорадно:

— Кто бы сомневался.

Фыркнув, подземница ускорила шаг, когда Зола вдруг заорал не своим голосом:

— Стоять!

Все замерли, нервно заозирались, прислушиваясь к заметавшемуся под сводами эху. Скользя мимо Мычки, и отпихнув идущего следом Шестерню, маг со всех ног бросился обратно. Глядя вслед удаляющемуся светлому пятну, Себя поинтересовалась:

— Что это с ним?

Дерн задумчиво изрек:

— Наверное, решил от нас избавиться.

— Убегая назад?! — подозревая шутку, подземница пристально вгляделась в зеленоватое лицо собеседника, но взор болотника был печален, а глаза задумчивы.

Вдалеке радостно заверещало, смутно замаячило, словно кто-то что есть силы размахивал магической сферой. Вздохнув, Дерн двинулся обратно, чуть погодя за ним двинулись Мычка и Шестерня, немного постояв, следом пошла и Себя, шепотом произнося ругательства на непонятном языке.

Приблизившись к арке, Дерн осторожно заглянул за угол, не обнаружив опасности,

вдвинулся внутрь. Короткий, в десяток шагов, проход привел в комнату, ровные, покрытые посеревшей штукатуркой стены, по всему полу вперемешку рассыпаны кучки разноцветной пыли, в дальнем углу скорчилась фигура в балахоне, застыла, разглядывая в свете магической сферы грязный лоскуток.

Дерн негромко кашлянул. Зола дернулся, отчего лоскуток в его руке рассыпался, смешавшись с остальной пылью под ногами. Маг тяжело вздохнул, сказал с досадой:

— Мне бы хоть малейшая зацепка. Но нет, все истлело, даже металл, — он повел рукой.

Приглядевшись, Дерн с удивлением заметил, что возле стен пыль приобретает характерный красноватый цвет. Болотник поднял взгляд на мага, спросил соболезнующе:

— Совсем ничего?

Зола на цыпочках подошел к Дерну, замедленно протянул руку, указывая куда-то за спину. Дерн оглянулся. Возле выхода, на стене, висят остатки карты. В хаотическом переплетении множества серых изломанных линий, пестрят яркие точки отметин. Болотник напряг глаза, возле каждой отметины, источенные временем, с трудом заметны крохотные значки символов. Прищурившись, Дерн поинтересовался:

— Ты полагаешь, что это...

— Да, — Зола мелко закивал. — Даже не будучи специалистом-картографером легко понять, что это план здешних тоннелей, а точки — отметины... — он прервался, растеряно оглянувшись, направился к брошенной у стены котомке.

Глядя, как маг перерывает котомку, Дерн напомнил:

— Так что отметины?

Зола на мгновение обернулся, его глаза блеснули сумасшествием:

— Точки — двери, вернее то, что за ними скрыто. — Он вновь углубился в поиски, негромко забормотал: — Это просто невероятно, что карта осталась нетронутой. Здесь все, все превратилось в прах, даже...

Послышался шорох, шаркая сапогами, в комнату вошел Шестерня, бодро поинтересовался:

— Ну как успехи, нарыли чего доброго?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Собираясь ответить, Зола вскинул голову. Дерн увидел, как в ужасе распахнулись глаза мага, а рот раскрылся для крика. Гадая о причинах, болотник стремительно обернулся, успев увидеть, как Шестерня опирается спиной о стену, накрыв большую часть карты.

Покачав головой, Дерн коротко предупредил:

— Только не шевелись!

— А в чем собственно?.. — поелозив плечами, пещерник оперся удобней.

Хрупкая штукатурка не выдержала. Жалобно шелестнув, со стены съехал огромный пласт, рассыпавшись при этом в труху и запорошив Шестерню голову и плечи.

Проморгавшись, пещерник воззрился на замершего в задумчивости Дерна, сказал со смешком:

— Вот ведь хрупкая конструкция! Не пещерники клали. — Он перевел взгляд на перекошенное лицо мага, спросил с любопытством: — Зола, а что у тебя с...

Глаза мага выпучились, кожа на лице пошла пятнами а рот угрожающе распахнулся. Он сдавленно замычал, не в силах выговорить. Устремив вперед руки со скрюченными пальцами, Зола встал и начал медленно приближаться к пещернику, с каждым шагом проталкивая по слову:

— Да я тебя, пещерное семя, в пыль, в золу, в пепел! — последние слова он выкрикнул сорвавшись на визг.

Шестерня попятился, переводя взгляд с Золы на Дерна, нервно пробормотал:

— Зола, ну что ты в самом деле? — Но видя, что маг не останавливается, искажаясь в лице все больше, испуганно возопил: — Дерн, да скажи наконец, что стряслось-то?!

Приставив ладонь ко рту, болотник прошептал:

— Объяснения после, а теперь беги. Только быстро!

Не заставив себя упрашивать дважды, Шестерня повернулся, и опрометью выскочил из прохода. Вслед неся разгневанный вой, а вскоре замелькали и яркие всполохи. Зола выплескивал гнев на ни в чем не повинный камень, в ярости меча огнешары во все стороны.

Подоспевшие Мычка с Себией с ужасом наблюдали, как стены покрываются багровеющими рубцами, а кучки пыли, превращаясь в однородную смесь, растекаются раскаленной кашцей по полу. Истожив запас сил, Зола успокоился, цапнул с пола котомку и, не глядя на опешивших товарищей, скорым шагом покинул комнату.

Отвечая на вопросительные взгляды спутников, Дерн лишь развел руками. Воспоминания о чудовищном огнешаре, что обрушил тоннель, еще не изгладились из памяти, и болотник поспешил за магом, опасаясь, как бы Зола в гневе не сотворил что-нибудь подобное. Торопясь, Дерн не смотрел под ноги, и едва не запнулся о мага, ковырявшегося в пыли возле входа.

Остановившись в сторонке, болотник с интересом стал наблюдать, как Зола скреб посохом основание каменного выступа, а обнаружив щель, просунул пальцы и попытался приподнять. Подошедшие Мычка и Себия также присоединились к зрелищу. Зола надсадно кряхтел, его лицо побагровело от усилий, но лежащая поперек коридора плита даже не дрогнула.

Выдохшись окончательно, маг злобно посмотрел на зрителей, сказал недовольно:

— Как таращиться, так все мастера. Но хоть бы один помог.

Дерн скептически посмотрел на испачканные в пыли колени товарища, спросил с сомнением:

— Ты уверен, что там что-то есть?

— Уверен, не уверен, какая разница? Подними — увидим!

Дерн вновь осмотрел плиту, поплевал на руки, и, подцепив край, потянул вверх. Могучие мышцы на спине вздулись, проступили буграми под кольчугой, с трудом оторвавшись от пола, плита нехотя приподнялась.

Зола заерзал, воскликнул нетерпеливо:

— Давай, давай, ну что ты медлишь?!

Болотник сдавленно зарычал, напрягся. Зашуршала пыль, ссыпаясь с гладкой поверхности, тускло замерцала матовая поверхность металла, плита встала на дыбы, качнулась, и с гулом опрокинулась на стену, превратившись в дверь, точно повторяющую формой очертания арки.

Отпихнув болотника, маг кинулся к двери, лихорадочно всматриваясь в поверхность металла, радостно вскрикнул. В верхней части двери, прямо по центру, наполовину забитый пылью, красовался крест с идущими следом тремя вертикальными чертами.

— Кем и когда они были построены не знаю, у нас об этом не принято говорить, — Себя на мгновение остановилась, поправила лямки мешка.

Не глядя на подземницу, Зола сумрачно произнес:

— Тебе не кажется, что у вас как-то через чур много вещей, о которых не принято говорить?

Девушка пожала плечами, ответила в тон:

— Ничего странного. Люди не должны мучаться лишними вопросами, что могут подтолкнуть к неправильным выводам.

— Например? — маг заинтересованно приподнял бровь.

Подземница вновь двинулась дальше, сказала не оборачиваясь:

— Я не сильна в политике. Но мой отец часто говаривал: меньше знаешь — крепче спишь. Думаю, это правильно. Ты бы видел себя со стороны, когда Шестерня что-то там обрушил. Ведь ты его едва не убил!

Зола побурчал:

— Но ведь не убил же, хотя уже давно пора. Но дело не в этом. — Он помолчал, прислушиваясь к глухому постукиванию посоха по камню, продолжил: — Я не могу взять в толк, как можно спокойно жить, когда буквально под боком существуют остатки древней цивилизации, и не попытаться узнать больше?

Девушка на мгновение обернулась, блеснули черные глаза:

— А почему ты решил, что никто не пытался? Пытались, но не особо преуспели. Наставник, научивший меня многому, часто бывал в таких местах, и порой делился впечатлениями.

Зола перебрал посох в другую руку, попросил взволнованно:

— Прошу тебя, расскажи. Это очень, очень важно!

— А если не скажу, огнешаром пульнешь? — Себя ехидно прищурилась.

Маг поморщился, выдохнул раздраженно:

— Прекрати! Вспылил, было дело, но не попрекать же этим каждый раз.

Сзади негромко хмыкнул Дерн:

— И действительно, велика беда — пещерника зажарить. Так ведь и того не сумел.

Проигнорировав болотника, Зола напомнил:

— Так что же говорил твой наставник?

Не отрывая взгляда от дороги, девушка произнесла:

— Вынуждена тебя разочаровать, но ничего интересного. Многие места пусты, как и предыдущая комната, даже если до них не дошли руки вездесущих искателей сокровищ — время не пощадило ничего.

— Так уж и ничего? — усомнился Зола.

Подземница помолчала, припоминая, сказала с затруднением:

— Наставник упоминал, что как-то натыкался на залы заполненные странными механизмами, но в спешке покинул место, не успев ничего захватить.

Зола разочарованно вздохнул, уронил взгляд под ноги. Вместо него заговорил Шестерня, как оказалось, все это время внимательно прислушивающийся к беседе:

— А что заставило твоего наставника покинуть эти залы? Ведь наткнувшись на подобное сокровище, мало кто не пожелал бы ближе ознакомиться с находкой.

Девушка неохотно ответила:

— Он сказал, что там было нечто, и ему пришлось уйти.

— А это нечто... Нельзя ли по подробней? — подал голос Мычка:

— Нет, — Себя резко дернула головой, — нельзя.

Чувствуя, что подземница не желает дальше говорить, Мычка уточнил, осторожно подбирая слова:

— Я не коим образом не желаю оскорбить память твоего наставника, но ты могла бы и поделиться знанием, на случай, если нам в путешествии встретиться что-то подобное...

С трудом сдерживая раздражение, девушка отчеканила:

— Мой наставник был великий воин, и если что-то заставило его уйти, значит это было по настоящему опасно, иначе он легко бы справился с противником. И хватит об этом, тем более, что мы вряд ли сможем туда попасть — чересчур много ловушек и слишком трудна дорога.

Послышался удивленный голос Дерна:

— Если уж бесстрашная Себя говорит о трудной дороге, то... я даже боюсь представить, что это за гиблые места.

Польщенная сказанным, девушка на мгновение обернулась, произнесла примирительно:

— Возможно я была несколько резка, но... это действительно очень, очень опасные места, куда я хотела бы попасть лишь в самом крайнем случае.

Коридор резко ушел в сторону. Себя свернула первой, а через мгновение донесся ее испуганный возглас. Мычка устремился следом, сдерживая на ходу лук, за ним поспешили остальные. В коридоре создалась толкучка, задние напирали, пытаясь из-за спин товарищей разглядеть происходящее, но подземница уперлась, словно ведомая на скотобойню корова, и не двигалась вперед ни на шаг. Не слыша звуков боя, наемники немного успокоились, замерли, осматривая пространство через оставшиеся по бокам просветы.

Впереди округлая пещера, потрескавшийся купол чуть заметно просел, угрожая острыми зубами глыб, стены влажно поблескивают гладким камнем, настолько ровные, что кажутся отполированными руками умелых строителей, в стенах уже привычные овальные провалы ходов. Основание пещеры контрастирует со сводом полным отсутствием трещин, словно кто-то специально позаботился, аккуратно срезал неровности и заполнил сколы и отверстия. Четыре тусклых магических сферы, прикрепленные под самым сводом, заливают пространство неверным светом, а в центре... Мычка сморгнул, присматриваясь, Шестерня потряс головой, а Дерн нахмурился. Посреди пещеры замерла фигура в просторном одеянии: лицо скрыто низко надвинутым капюшоном, кисти рук теряются в длинных рукавах, в правой руке зажат посох, мелкие камни в наверхии тускло поблескивают бардовым, а с груди во множестве свешиваются амулеты.

Сбросив капюшон, незнакомец шагнул навстречу. Подземница охнула вновь, а наемники замерли в затруднении, не зная как реагировать, перед ними, едва заметно усмехаясь, стоял Темновик.

— Вижу, ты не ожидала, — губы мага раздвинулись в улыбке, но глаза, не отрываясь, смотрели на мужчин, и в их взгляде не было радости.

Подземница сделала шаг навстречу, спросила удивленно:

— Что ты здесь делаешь?

Поколебавшись, Мычка было двинулся следом, но наткнувшись на предупреждающий взгляд мага, остановился.

— Дожидаюсь тебя, конечно. — Темновик широко развел руки, сказал с нежностью: — Я так долго ждал, обними своего старого учителя.

Себя сделала движение податься вперед, но Зола предупреждающе кашлянул, спросил вежливо:

— Откуда такая забота? К тому же несколько странно, что верховный маг гильдии, в заброшенных катакомбах, разыскивает пропавшую ученицу... в одиночку, — сделав небольшой шагок в сторону, чтобы между ними не осталось препятствий, Зола с невинным видом оперся на посох.

— Ничего странного, — Темновик в свою очередь немного сместился вперед, пригладил рукой амулеты, — моя любовь к ученице настолько велика, что, как видите, я не пожалел сил найти, догнать и даже обогнать вас. Себя, деточка, отойди от этих людей, услуги проводника им больше не понадобятся, да и отец заждался.

Подземница, до того удивленно смотревшая на старца, нахмурилась, произнесла скороговоркой:

— Не знаю, что ты замышляешь, но я выбрала свой путь. — Видя, как глаза старца сверкнули угрозой, она воскликнула с мольбой: — Но разве не ты всегда говорил, что интересы народа превыше всего! Именно поэтому ты отказался от высшей должности, предоставив другим право управлять, а сам...

Темновик поморщился, сделал нетерпеливый жест:

— Не будем говорить о народе. Тем более, как верно заметил этот умный человек, главою гильдии являюсь именно я, а не кто-то там, избранный этими напыщенными идиотами. Но сейчас повторяю, отойди от этих людей и поспешим обратно, пока я окончательно не потерял терпение и не применил силу.

Дерн, до этого мгновения без интереса разглядывающий свод, неожиданно произнес:

— А ведь действительно. Хороший повод сбросить обузу. — Шагнув к потерявшей дар речи Себии, хмуро добавил: — Думаю, тебе не стоит испытывать терпения всех здесь собравшихся, и надлежит поступить, как советует твой учитель.

Губы девушки задрожали, она непонимающе смотрела, как болотник с подчеркнутым пренебрежением повернулся спиной, затем с мольбой взглянула на Зола, но тот вдруг съезжился, сразу постарев на десяток лет, в его голосе мелькнула безнадежность:

— Дерн прав. Да и я был дурак, что собрался тебя выгораживать. Твой учитель слишком силен, нам лучше разойтись миром.

С трудом сохраняя остатки сил, чтобы не разреветься как девчонка, Себя прошептала:

— Но как же слово? Ведь... ты дал слово воина!

Зола лишь устало отмахнулся:

— В нашем мире слова что-то значат лишь для дураков и мечтателей, а я не дурак, да и не мечтатель. Уходи, наше общение затянулось, — он отвернулся, медленно засеменял, с трудом передвигая ноги.

Мычка, в течение разговора переводящий взгляд с Дерна на Зола, закаменел лицом, его кулак с такой силой сдвинул рукоять лука, что побелели костяшки. Покосившись на вершинника, Шестерня покачал головой, пробормотал с грустью:

— Эвон, как порой получается-то.

Темновик, по-прежнему не спускающий глаз с наемников, чуть заметно выдохнул, уже

не скрывая победоносную улыбку, произнес:

— Что ж, твои друзья... — он на мгновение запнулся, но тут же поправился, отчего его улыбка стала лишь шире, — твои бывшие друзья оказались умнее, чем я думал, так что, пожалуй, мы не будем усугублять нашу встречу, и подогрывать атмосферу излишней горячностью, ха-ха!

Увлечшись речью, Темновик на долю мгновения отвел взгляд от Зола, и маг не упустил шанс. Взметнулись белые одеяния, с кончиков пальцев сорвался огнешар, понесся к цели, наливаясь багровым и разрастаясь на глазах, одновременно посох описал дугу, подстегивая огненный сгусток, добавил скорости. Едва Зола начал движение, с противоположной стороны, в один миг перейдя из состояния расслабленности к боевой ярости берсерка, взвился Дерн, а с ним вместе, запоздав лишь чуть-чуть, Мычка вскинул лук, выпуская во врага стрелы, одну за одной.

Но каким бы древним не казался противник, он среагировал вовремя. Молниеносным движением, выбросив руку в сторону, маг распахнул ладонь навстречу огнешару и... раскаленный сгусток лишь бессильно зашипел, мгновенно погаснув. Другой рукой Темновик крутанул вокруг себя жезл, отчего летящие в него стрелы, вспыхнув, рассыпались пеплом, и лишь в последний момент, когда могучая фигура болотника оказалась совсем рядом, маг легко, почти играючи ударил локтем в грудь Дерну, словно тараном отбросив его назад.

Распахнув глаза, Себя неверяще смотрела, как падают ее новообетенные друзья: будто выпущенный из катапульты, врезался в стену болотник, стиснув бесполезный лук, как подкошенный рухнул вершинник, его лицо посинело, а горло начало сминаться, будто невидимая ладонь перехватила шею, не давая вздохнуть, замедленно, словно через вязкую воду движется Шестерня, едва-едва сдвигаясь с места, лишь Зола еще бьется, руки порхают, связывая невидимые нити заклятий, но видно, что держится из последних сил, лицо побагровело, а из носа тоненькими струйками льется кровь.

Себя замедленно повернула голову, с ужасом глядя на своего любимого учителя, что сейчас последовательно и методично убивал ее друзей, тех, с кем они ушли из ненавистного города, и тех, кто поклялся ее защищать. Она вновь перевела взгляд. Зола уже стоит на коленях, обугленный посох догорает рядом, губы мага с трудом шевелятся, словно заведенные, повторяя одну и ту же фразу. Сделав чудовищное усилие, он повернул голову, покрасневшие глаза с полопавшимися жилками сосудов в упор взглянули на девушку, полопавшиеся губы разомкнулись, и изо рта, вместе со сгустком крови вырвалось едва слышное — "слово воина".

В голове вспыхнуло понимание, и пока мысли замедленно ворочались, пытаясь осознать происходящее, тело понеслось вперед. Через прищур сжатых век виднеется лицо учителя, по лбу стекают капли пота, на висках набрякли синие жилы, челюсти стиснуты до хруста, но на лице надменное выражение победителя, еще немного и... Рядом, на краю зрения проплывает застывший Шестерня, тугой ветер толкает в лицо, хотя откуда в пещере ветер, или это она с немыслимой скоростью, преодолевая болевой порог, рвется к цели, ноги равномерно отталкиваются от камня, а рука застыла у поясе, влипнув пальцами в рукоять.

Цель все ближе, уже видно мелкую жилку на шее, дрожащую в такт ударам сердца, но противник замечает движение. Его глаза на мгновение удивленно расширяются, но взгляд тут же становится холодным, рука выстреливает вперед, перед глазами вспухает алое. В нечеловеческом усилии тело ныряет в сторону, ввинчиваясь в воздух, словно в твердь, уходя от смертельной магии. Прыжок, спину обжигает невыносимая боль, похоже, маг таки

достал, но слишком поздно, рука с кинжалом выходит вперед, и блестящая полоска металла нежно, совсем чуть-чуть, касается пульсирующей жилы.

Удар, каменный пол стремительно бросается навстречу, гася сознание, тело скручивает в пароксизме боли, но прежде чем сознание погружается во тьму, глаза успевают заметить, как тряпичной куклой валится противник, щедро орошая камни горячей кровью.

ГЛАВА 3

Сковывавшая тело немота исчезла. По инерции рванувшись вперед, Шестерня не удержал равновесия и с грохотом завалился, едва успев выставить руки, чтобы не разбить лицо о камни, тут же подхватился, озираясь: рядом плавает в луже крови тело противника, чуть дальше распростерлась подземница, рука все еще сжимает рукоять кинжала. Справа захрипело. Повернувшись на звук, Шестерня обомлел, Зола с трудом стоит на коленях, отплевываясь сгустками крови, почерневшее лицо мага кажется чужим и страшным. Выронив секиру, пещерник бросился к магу, но тот, поднял дрожащую руку, указывая куда-то за спину, просипел:

— Сперва болотник, остальные после, — рука бессильно упала.

Шестерня стремительно обернулся. Неподалеку, упираясь спиной в стену, сидит Дерн, голова свесилась на грудь, словно болотник вздремнул, но грудь не вздымается, а зеленоватая кожа посерела, будто присыпанная пеплом. Пещерник быстрым шагом подошел к брошенной у входа котомке лекаря, проходя мимо Мычки, на мгновение остановился. Губы вершинника еще синие, на шее кровоподтеки, распяленный рот жадно хватает воздух, но грудь движется все спокойнее, а кожа на щеках чуть заметно порозовела. Удовлетворенно кивнув, Шестерня поспешил к Дерну, опустившись рядом на корточки, затормошил, с силой ухватив за плечи, хлестнул по щекам раз, другой, но голова болотника лишь бессильно болталась в стороны.

Губы Шестерни затряслись, не переставая бить Дерна по щекам, он заорал, с трудом сдерживая нервную дрожь:

— Очнись, очнись же наконец, зеленая твоя душа! Мы же без тебя пропадем. Все! Секиру мне в печень, да что ж это...

Зеленоватые веки чуть дрогнули, с трудом поползли вверх. Шестерня перестал хлестать болотника по щекам, замер, всматриваясь в лицо товарища. Губы Дерна шевельнулись, раздался едва слышный шепот:

— Пользуясь случаем, решил отомстить за былые обиды? Я уже лица не чувствую...

— Ах ты ж... — в порыве нахлынувших чувств пещерник облапил Дерна, затряс.

Держась за горло, неслышно подошел Мычка, опустившись на колени, спросил, с трудом проталкивая слова:

— Помочь чем?

Дерн поморщился, прохрипел:

— Шестерню убери, пока меня не забил...

Избавившись от наседавшего пещерника, Дерн со стоном воздел руки, в спине стрельнуло, а в груди как будто зашевелились ржавые шестерни, преодолевая боль, подвинул

к себе котомку, запустил руку внутрь, страстно надеясь, что в пылу боя нужная склянка не разбилась. Пальцы наткнулись на шершавое, вцепившись в граненые стенки, потянули. Убедившись, что каменные стенки сосуда выдержали, болотник с облегчением вздохнул, уцепился зубами за плотную крышку, рванул. В ноздри ударило терпким. Превозмогая отвращение, Дерн сделал несколько мелких глотков. Во рту полыхнуло, жидкий огонь потек дальше, поджигая все на своем пути, проник вглубь.

Лекарь расправил плечи, ощущая как в тело возвращается жизнь, но памятуя, что действие зелья кратковременно, со стоном воздел себя на ноги, превозмогая слабость. Пока внутри полыхает огонь, нужно помочь остальным, ну а после позаботиться о себе, конечно, если хватит сил...

Дерн оглядел поле боя, глаза остановились на подземнице. Нахмурившись, он быстро прошел к девушке, волоча за собой котомку. Мычка с замиранием сердца наблюдал, как болотник переворачивает девушку, ощупывает, что-то негромко бормоча. Лицо вершинника кривилось от напряжения, а руки повторяли движения лекаря, словно это не Дерн, а он исследовал хрупкое тело, решая что именно сделать.

Дерн продолжал вертеть Себию, ощупывая и надавливая, пару раз под его руками громко хрустнуло, а однажды девушка тихо застонала, отчего Мычка дернулся всем телом. Под конец болотник влил подземнице в рот несколько капель какой-то мерзко пахнущей настойки, стараясь не попасть на пухлые губы, с трудом разогнувшись, пробормотал:

— Вот и хорошо. Еще бы ее в тепло поместить...

Глядя, как вершинник лихорадочно сдирает с себя плащ, Дерн кивнул, направился к Золе, что по-прежнему, не в силах подняться, стоял на четвереньках. Узрев приближающегося лекаря, Зола поднял глаза, надсадно прохрипел:

— А все-таки нам удалось. Хотя... на мгновение я усомнился... — руки мага подогнулись, он мягко завалился на бок.

Вскоре, после того, как Дерн закончил, Зола пришел в себя, сразу же попытался встать. С третьей попытки поднявшись на ноги, маг неверной походкой двинулся к лежащему в центре комнаты труп, нагнувшись, вырвал посох из застывших пальцев.

Шестерня покачал головой, сказал восхищенно:

— Обобрать противника — благое дело. Но вот так, мародерствовать едва оторвавшись от постели...

Зола сказал назидательно:

— Следует отличать бездумную жажду обогащения от насущной необходимости.

— Конечно, конечно, — Шестерня растянул губы в понимающей усмешке. — Я тоже, как взгляну на бесхозное, так вот прямо и чувствую эту самую необходимость.

Не обращая внимания на скалящего зубы пещерника, Зола продолжил:

— Я без посоха, как другие без рук... — подумав, добавил, — и без ног.

Закрыв глаза, маг возложил на рукоять обе руки, и, словно подтверждая сказанное, черные пятна на лице начали стремительно бледнеть, сменяясь румянцем, спина выпрямилась, а ноги перестали дрожать.

Глядя на превращения, Мычка покачал головой, сказал уважительно:

— Похоже, посох у нашего противника не простой.

Глубоко вздохнув, Зола открыл глаза, легко повел плечами, прислушиваясь к телу, произнес:

— Не представляешь насколько. Я вообще удивляюсь, что он с нами стал разговаривать,

а не смахнул, едва вошли.

Шестерня пожал плечами, хмыкнул:

— Видать переоценил себя. Со многими такое бывает, пока не получат на орехи.

Зола покачал головой:

— Только не этот. Ведь мы ударили первые, а в результате... — он покосился на недвижимо лежащую подземницу.

Вершинник чуть заметно нахмурился, сказал с досадой:

— Мне кажется вы забыли, кто нанес решающий удар.

Зола покачал головой, сказал с грустью:

— В том и дело, что не забыли. Но боюсь, что это произошло лишь потому, что Темновик не ожидал удара от ученицы. Возникни у него хоть тень сомнения в ее преданности... — он развел руками.

Тело девушки дернулось, изогнулось дугой. Вскрикнув, подземница резко села, темные глаза распахнулись, заполненные болью, невидяще уставились в пространство, но спустя несколько мгновений боль отпустила, а взгляд стал осмысленным. Лицо Себии исказилось страданием, Взглянула на тело мага, Себия прошептала со страданием:

— Но почему?

Мужчины с неловкостью смотрели, как девушка встала, подошла к телу учителя, и некоторое время стояла рядом, опустив голову. Наконец, она повернулась, произнесла севшим голосом:

— Он вряд ли пришел один, нужно уходить.

Стараясь не встречаться с подземницей глазами, наемники быстро собрались, и вскоре небольшой отряд вновь шагал по темным переходам, стремясь, как можно быстрее, уйти с места трагедии.

Когда комната с трупом мага осталась далеко позади, и разговор мало по — малу возобновился, Шестерня осторожно поинтересовался:

— Так это и был тот наставник, о котором ты говорила?

Оторвавшись от невеселых мыслей, Себия скосила на пещерника глаза, сказала печально:

— Нет. Конечно нет. Наставник никогда бы не стал принуждать меня менять решения. А Темновик... — она тяжело вздохнула, — он обучал меня магии.

Из полутьмы долетел голос Золы:

— Даже боюсь представить, чему он тебя обучал.

Себия покачала головой, произнесла приглушенно:

— Ничему такому, чему бы не учил прочих, но у меня слабые способности, поэтому... — она вновь качнула головой, — наши занятия носили скорее условный характер. Но кое — чему я все же научилась.

Шестерня некоторое время шел молча, ероша бороду, затем вновь спросил:

— Так что же с наставником?

Подземница сухо произнесла:

— Он погиб.

Пещерник охнул, пробормотал обескуражено:

— Я даже и не думал...

Девушка украдкой смахнула попавшую в глаз соринку, сказала тяжело:

— Когда-нибудь, возможно, я расскажу эту историю, но не сегодня.

Некоторое время шли в молчании, тишину нарушало лишь глухое постукивание посоха Золы, да изредка негромко звякали баночки в котомке Дерна. Мычка некоторое время настороженно шевелил ушами, напряженно вслушиваясь, но шарканье ног спутников мешало сосредоточиться, и он сказал с неудовольствием:

— Будьте добры, замрите ненадолго.

На него покосились с удивлением, но послушно замерли. Вершинник повернулся назад, его лицо заметно напряглось, а уши шевельнулись. Глядя на Мычку, Себя тоже прислушалась, но лишь пожалала плечами, остальные же даже не пытались, зная особенности сверхтонкого слуха товарища. Мычка некоторое время не двигался, весь превратившись в слух, даже голубые глаза застыли, чем не преминула воспользоваться любопытная подземница, помахав перед его лицом ладонью.

Перестав прислушиваться, Мычка несколько раз моргнул, обнаружив перед носом изящную пятерню, с удивлением взглянул на Себию, отчего девушка, смутившись, отступила за спину Дерна, сказал хмуро:

— Нужно торопиться. За нами идут, и много.

Зола покосился на подземницу, поинтересовался:

— Твои?

Себя угрюмо кивнула, сказала оправдываясь:

— Я полагала, пройдя через Лабиринт, выиграть время, но... они каким-то образом сократили расстояние.

— Так чего мы стоим? — Шестерня нетерпеливо завозился. — Или ждете еще парочку таких, как предыдущий?

Себя мотнула головой, произнесла поспешно:

— Таких больше нет, Темновик был сильнейшим, но... действительно стоит поторопиться, — она скользнула вперед, увлекая за собой остальных.

Проход почти перестал петлять, расширился, исчезли даже многочисленные выбоины, как будто кто-то успешно противостоял неумолимому времени, старательно подновляя обветшалые участки пути. Несмотря на хорошее освещение, наемники не выпускали светящиеся сферы из рук, подсвечивая ровную дорогу и подземницу, уверенно ведущую группу по тоннелю.

Мычка все чаще поворачивался, прислушиваясь, а его лицо становилось все более мрачным, а вскоре преследователей слышали и остальные. Сперва до ушей наемников донесся далекий вой, затем крики, а под конец стал слышен даже звон металла, когда в пыли погони кто-нибудь из преследователей задевал оружием камень стен.

— Быстрее, да быстрее же! — подземница неслась впереди, поторапливая товарищей. Девушка раз за разом оборачивалась, взгляд впивался в темное пространство позади, выискивая отблески магического света, но там пока было пусто... пока.

По тоннелю прокатился гулкий грохот. Вскрикнув, Себя резко остановилась, расставив руки, так что спутникам пришлось останавливаться не менее быстро, чтобы не сбить хрупкую фигурку.

— Да в чем, наконец, дело! — прорычал ДERN, едва не опрокинув от неожиданной остановки котомку, но осекся, его взгляд прикипел к поверхности каменного ложа тоннеля, туда же неотрывно смотрела Себя.

Остальные сперва бестолково шарили глазами вокруг, отыскивая причину остановки, но когда с громким треском лопнули каменные плиты, все взгляды устремились в одну точку. В

десятке шагов перед ними камень вспучился, продавливая монолитную породу, словно трухлявое дерево, что-то выползло наружу.

Мычка присвистнул, сдавленно выругался Зола, всмотревшись внимательнее, заинтересованно хмыкнул Дерн. Наружу неторопливо выползло нечто, отдаленно напоминающее мокрицу, только чудовищно выросшую. Толстые хитиновые пластины панциря, больше похожие на осадные щиты, с хрустом налезали один на другой, многочисленные короткие ножки впивались в край отверстия, с жутким скрипом царапая камень, передняя часть чудовища казалась скоплением множества уродливых наплывов, среди которых время от времени приоткрывался черный провал глотки, обрамленный острыми зубцами-щетинками. Выбравшись наружу, и заняв собой почти все пространство прохода, животное ненадолго замерло, словно давая время восхититься гротеском чудовищных форм.

Пока Дерн с восхищением осматривал существо, а Шестерня что-то шептал, мелко трясая головой, Мычка, выглядевший чуть бледнее обычного, поинтересовался:

— Себя, это... что это?

Отвечая скорее собственным мыслям, девушка негромко произнесла:

— Каменный червь, — ее лицо непрерывно менялось, словно подземница обдумывала что-то важное.

Зола ошеломлено произнес:

— Судя по тому, с какой легкостью этот... червь продавил породу, я даже затрудняюсь представить, чем его можно поразить.

По-прежнему, находясь во власти мыслей, подземница ответила:

— Можно, хоть и тяжело, но он нам лишь на руку, — ее лицо приняло решительное выражение, и, прежде чем мужчины опомнились, девушка шагнула вперед и пронзительно свистнула.

ГЛАВА 4

Наемники застыли, предчувствуя, как чудовищные челюсти смыкаются на их телах, но червь среагировал своеобразно, огромное тело содрогнулось, взвизгнули хитиновые пластинки, разом смещаясь в стороны, и перед изумленными мужчинами возник огромный, почти полностью перекрывший проход, шар. Там где шар коснулся краями стен, камень выкрошился, словно представлял собой обычный песок.

Глядя на перегородившее проход чудовище, не подающее признаков жизни, Зола скептически произнес:

— Возможно, это какой-то особо изощренный и очень успешный способ борьбы с каменными червями, но... как мы пройдем дальше?

Прислушавшись к звукам погони, что стали заметно громче, Шестерня нервно добавил:

— Вообще-то, я не против подраться, но что делать, если этой...этому, — он бросил косой взгляд на замершего червя, — вдруг захочется поразмяться?

Себя не отвечала, пристально вглядываясь в червя, она терпеливо ждала. Глядя на нее,

мужчины замолчали, лишь все чаще оглядывались, прислушиваясь к нарастающим звукам погони. Когда молчание стало невыносимым, а преследователи, казалось, вот-вот выметнутся из-за поворота, девушка взмахнула рукой, призывая к молчанию и, одновременно, указала на стену. Видя, что спутники не понимают, подземница прошипела:

— Все прижмитесь к стене. Быстро!

Едва наемники выстроились вдоль стены, шар дрогнул, и в одно мгновение превратился обратно в червя. С замиранием сердца Мычка смотрел, как девушка бесстрашно подошла к нависшему над ней чудовищу, и несильно ткнула кинжалом. Червь шевельнулся, словно недоумевая, кто это посмел его тревожить, но получив еще один тычок, издал сердитый писк и с невероятной скоростью ринулся вперед. Мелькнула хрупкая фигурка, исчезнув за пронесшимся по туннелю чудовищем, вжавшихся в стену наемников обдало пылью, запорошило песком глаза.

Червь давно скрылся в проходе, а Мычка, по — прежнему, стоял, не открывая глаз, боясь увидеть на камнях искореженные остатки девушки, когда рука ощутила нежное прикосновение. С трудом разлепив глаза, вершинник почувствовал, как с души словно упал огромный камень, а сердце защемило от счастья, перед ним, совершенно невредимая, стояла Себя. Девушка спросила с легкой улыбкой:

— Испугался?

Не в силах скрыть улыбку, вершинник согласно затряс головой, не обращая внимания на насмешливые взоры товарищей, произнес горячо:

— Испугался. Но как... Я же видел что ты... — он замолчал, не в силах выговорить страшное.

Подземница покачала головой, сказала серьезно:

— Встречи с каменными червями большая редкость, но меня учили что нужно делать в таких случаях. И вот... пригодилось.

— Брр, ни за что бы не хотел вновь встретиться с этим, — фыркнув, Шестерня гадливо передернул плечами.

Дерн с интересом уточнил:

— А обязательно было его пугать? Не проще ли...

Его перебил Зола. В очередной раз, нервно оглянувшись, маг раздраженно произнес:

— Давайте обсудим это в более подходящем месте, а то нас преследуют, если кто вдруг забыл.

— Скорее, теперь преследуют их, — хохотнул Шестерня. — Видал, как червяк пронесся! Сейчас поди бегут, не разбирая дороги.

Пещерник посмотрел на подземницу, ожидая поддержки, но девушка лишь покачала головой, печально улыбнулась:

— Это действительно их задержит, но не думаю, что надолго. У нас умеют справляться и с более серьезными противниками.

Осторожно обошли оставленную червем посреди коридора дыру. Заглянув в отверстие, откуда тянуло влажным, и сладковато пахло гнилью, Дерн пробормотал:

— Спуститься бы, изучить...

На него покосились, как на сумасшедшего, но Себя кивнула, поддерживая, произнесла с энтузиазмом:

— Я и сама не раз думала, только возможности не было. Говорят, черви в своих путешествиях в глубины нередко натываются на забытые пещеры и тайники древних. Порой

находятся смельчаки, что спускаются в запутанные переход и блуждают там на свой страх и риск, в поисках неизведанного.

Зола негромко пробормотал:

— Наверное, это действительно интересно. Особенно если...

Заглушив его слова в отдалении грохнуло, а через некоторое время воздух донес запах сожженного мяса. Себя развела руками, невесело улыбнулась:

— Ну вот и все. Теперь их ничего не задерживает. Поторопимся.

И вновь непрерывный бег по бесконечным тоннелям. Гулкая тишина наполняется сперва далекими и редкими, но затем все более яркими и насыщенными звуками погони. Пронзительный вой заставляет ускорять шаг, а позвякивание металла оборачиваться, с холодком ожидая, что в темном зеве тоннеля вот-вот мелькнут тусклые острия, заскрипят сгибаемые луки, а глаза охотников прищурятся, выцеливая спины беглецов.

По стене чиркнула стрела, сверкнула искрами, бессильно отскочив от камня.

— А вот и первое приветствие, — Мычка проводил стрелу взглядом.

— Сколько можно бежать? Может, остановимся, дадим бой? — надсадно прохрипел Шестерня, задыхаясь от быстрого бега.

Подземница мельком оглянулась, выдохнула:

— Нет. Боя не будет. Осталось совсем чуток.

Стрелы полетели чаще, острые наконечники царапали камень в опасной близости, а парочку даже клюнули болотника в спину, но, находясь на излете, не смогли пробить доспех. Нагнетая в голос ярости, Дерн заорал:

— А ну ходу, шибче пошли!

Выжимая из себя остатки сил наддали еще, каждое мгновение рискуя споткнуться о камень или угодить ногой в случайную трещину. Преследователи ненадолго отстали, но вскоре расстояние опять сократилось, вновь полетели стрелы, и пару раз даже ударила молния, оставив на стене дымящиеся пятна. Не оборачиваясь, Зола резко взмахнул руками, после чего молнии прекратились, но стрелы полетели гуще.

С разбегу выметнулись в большую не то пещеру, не то зал, свод взметнулся, потерявшись в сумерках, а по сторонам, выхватываемые из тьмы слабым светом магических сфер, замелькали непонятные сооружения.

Зола было приостановился, с жадностью вбирая глазами невиданное, но подземница заметила, воскликнула зло:

— Быстрее! Нет времени смотреть.

С явным сожалением оторвавшись от зрелища, Зола просипел, выплевывая слова по слогам:

— Что это?

Себя отмахнулась:

— Залы гигантов... — но решив, что после этих слов маг точно остановится, чтобы записать впечатления, зарисовать, а то и попытаться разобрать чудные конструкции, добавила, — очень опасное место. Возможно, когда-нибудь вернемся, но не сейчас...

Словно подтверждая ее слова в темноте что-то ухнуло, пещера содрогнулась, а сверху посыпалось каменное крошево. В осветившей пещеру синеватой вспышке Мычка успел заметить чудовищные силуэты странных телег, с шипастыми дисками вместо привычных колес.

Себя повернула голову, ее глаза сузились. Обернувшись следом, вершинник увидел, как

сзади замелькало, из прохода, который они только что миновали, показались преследователи. Мычка распахнул глаза, глядя, как из черного зева все выплескиваются и выплескиваются темные фигуры, растягиваются цепью, создавая полукруг. Некоторые сжимают в руках луки, другие, освещая дорогу, несут магические сферы на длинных древках, а пара подземников, как с холодком заметил вершинник, с трудом удерживают на толстых поводках жутких чудовищ, чем-то напоминающих собак, но гораздо больших размеров, с острыми костяными гребнями и горящими угольями глаз.

— Я сейчас упаду, — Шестерня уже не говорил, хрипел чуть слышно. — Лучше погибнуть в бою, лицом к лицу, чем вот так...

В синеватом свете его лицо казалось маской мертвеца, лишь глаза едва заметно вращались, да время от времени ненадолго высовывался язык, облизывая пересохшие губы.

— Сейчас, сейчас, — подземница загнанно озиралась, усиленно всматриваясь во тьму, — здесь должно быть...

Из тьмы выступила противоположная стена пещеры, а на месте прохода... Мычка ощутил, как обрывается сердце, в предчувствии неизбежного конца. Тускло поблескивая свежим металлом, проход запирали величественные врата. Подземница ударилась о врата всем телом, забарабанила, что есть сил, так что толстые створки врат гулко загудели.

Согнувшись в поясе, Зола с трудом проговорил:

— Это мы и должны были найти?

— Да нет же, нет! Там должна быть охрана! — девушка почти визжала, продолжая колотить руками и ногами в ворота.

Дерн сбросил с плеч котомку, сказал рассудительно:

— Что ж, значит тут и закончим, — и потащил из-за пояса кистень.

Мычка, что уже сорвал с плеча лук, и нашаривал стрелу с удивлением заметил, как в воротах беззвучно открылось окошечко, оттуда высунулось суровое лицо обрамленное пышной гривой курчавых волос, взглянули внимательные глаза. Казалось, подземница только этого и ждала, кинулась к окошку, воскликнула умоляюще:

— Ради всего святого, пустите. За нами погоня! Я все объясню, но чуть позже.

Маленькие глазки с подозрением оглядели девушку, переместились на перекошенные после бега лица наемников, мясистые губы шевельнулись, донесся насмешливый голос:

— И с какой бы стати мне пропускать подземников, даже если за ними гонятся все демоны бездны?

Себя угрожающе оскалилась, но прежде чем она успела ответить, к окошечку двинулся Шестерня. Нехорошо усмехаясь, и поигрывая секирой, пещерник произнес:

— Это кто, секиру прародителя мне в печень, у нас такой смелый? Это до какой степени нужно набраться, чтобы пещерника с подземником спутать, бочонок забродившего пива тебе в глотку!

За вратами испуганно ойкнуло, окошечко стремительно закрылось.

— Ну вот, — выдохнул ядовито Зола, — дай пещернику возможность высказаться...

Слова мага потонули в грохоте врат. Мгновение, и толстая створка пошла в сторону, открывая проход. Шестерня удовлетворенно взъерошил бороду, насмешливо взглянув на Зола, приглашающе махнул рукой, и первым протиснулся в ставшую достаточно широкой, чтобы пропустить его коренастую фигуру, щель.

За вратами обнаружился невысокий пещерник, если бы не черный волосы и измазанная чем-то масляным роба, его можно было бы счесть копией Шестерни. Дождавшись, пока

наемники протиснутся в щель, он весело подмигнул, и принялся крутить рычаги какого-то хитрого механизма, отчего массивная створка легко пошла назад.

Заметив, что добыча ускользает, преследователи в ярости закричали, но створка встала на свое место, щелкнули толстенные засовы и наступила тишина.

ГЛАВА 5

С любопытством оглядев компанию, пещерник произнес:

— А вам, ребята, крупно повезло.

— Да уж, обзавидоваться можно, — ответил Мычка язвительно.

Пещерник перевел глаза на вершинника, сказал серьезно:

— Нет, правда. Я-то, в основном, по соседству нахожусь, в шпгреке напротив, а сюда только изредка заглядываю, а там шумно, не слышать ничего, хоть тараном в ворота колоти. Это как вас угораздило на себя такую ораву подземников собрать? — он покосился за Себию, оценивающе окинув взглядом фигуру подземницы. — Хотя, можете и не говорить, так ясно.

Шестерня, с живейшим интересом осматривающий механизм ворот, произнес назидательно:

— Ничего тебе не ясно, уважаемый, не знаю, как тебя зовут.

— Да и вы пока что не представились, — тут же парировал охранник.

— А нам не долго, — Шестерня с сожалением оторвался от занятия, сказал, указывая на каждого, — вот это Дерн, тот Мычка, рядом с ним Зола, я Шестерня, ну а эта девушка, насчет которой ты делал столь неподобающие намеки, Себия — дочь военачальника доблестных подземников, что терпеливо ожидают по ту сторону.

На последних словах глаза охранника врат полезли на лоб, он в затруднении произнес:

— Да, за такое можно не только ворота выбить... — Пещерник хмуро поскреб в затылке, но тут же посветлел лицом, отмахнулся: — А если и выбьют, это уже не мои проблемы. Ведь, как говорится — механик воину не товарищ! Я Гофра, рад знакомству.

— Послушай, Гофра, тут такое дело... — Шестерня приобнял нового знакомого за плечо, отвел в сторону, что-то негромко говоря.

Пока остальные с интересом осматривались, Зола с подозрением поглядывал на пещерников, наконец, не выдержал, пробормотал:

— Узнать бы, о чем толкуют.

— Вернется, расскажет. А вообще, известно о чем, — Дерн отмахнулся.

Не слыша продолжения, маг повернулся к болотнику, посмотрел с жадным любопытством, но видя, что тот не спешит продолжать, поторопил:

— Так о чем же?

— Выспрашивает, где ближайшая харчевня, интересуется качеством пива. — Дерн укоризненно взглянул на Зола, сказал с легким раздражением: — Да что ты, нашего Шестерню не знаешь? Вон, лучше пока на механику полюбуйся, авось пригодится, как отступать будем.

Мычка оторвался от размышлений, спросил удивленно:

— Полагаешь, придется?

— Не хотелось бы, но не исключаю возможности, — покачал головой Дерн.

Зола раздраженно отозвался:

— Вот как будем, так и осмотрю. Да и Шестерня нам на что? Его работа.

Болотник спросил с ухмылкой:

— А ты помнишь, в каком состоянии он от подземников... ушел? — глядя, как маг недовольно поджал губы, удовлетворенно кивнул. — То-то и оно.

Признавая правоту Дерна, Зола со вздохом присоединился к остальным, что уже некоторое время с любопытством вертели головами, разглядывая убранство тоннеля. А посмотреть действительно было на что. Стены по обеим сторонам пронизывают многочисленные металлические штыри разного диаметра, огромные, толщиной в бедро взрослого мужчины и тончайшие, переплетенные подобно тканому ковру, они длинными рукавами свешиваются до самого пола, перекрученные в толстые железные веревки уходят под свод, где, в почерневшем от копоти камне, время от времени пробегают голубоватые искры.

Вдоль стен, через равные промежутки, идут поддерживающие потолок толстые металлические опоры, прибитые к камню за плоские расширения на концах толстыми грубыми гвоздями. Тут же, на опорах, тускло мерцают необычные светильники. Зола пригляделся внимательнее, но магии не ощутил, судя по всему свет возникал в следствие некоего химического процесса происходящего в вытянутых колбах фонарей, за толстыми полупрозрачными стенками. Напротив, врезанные в стену, выступают несколько овальных металлических дверей с круглыми окошечками в верхней части. Из-за дверей доносится приглушенный гул, что-то поблескивает, тоненько свистит, вырываются облачка горячего пара.

Наконец, пещерники вернулись. Шестерня, то и дело похохатывая, что-то убежденно говорил, при этом активно жестикулируя, а Гофра только неверяще качал головой, да почесывал затылок. Взглянув на путешественников, Гофра с уважением произнес:

— Шестерня мне чуток поведал о ваших подвигах... В общем, если пойдете еще — для вас проход открыт в любое время.

В этот момент за одной из дверей ухнуло особенно сильно, а пар повалил струей. Гофра испуганно охнул, рванул дверь на себя, и, махнув на прощание рукой, исчез в облаке пара. Дверь с грохотом захлопнулась.

Шестерня посмотрел на дверь, сказал с легким сожалением:

— Отличный парень. Жаль, проводить не взялся, сказал — работы много, а заменить некому.

Мычка удивленно взглянул на пещерника, спросил:

— А ты хотел его взять в провожатые?

— Ну да, а что такого? — пожал плечами Шестерня.

Дерн покачал головой, произнес задумчиво:

— Представляю, что ты ему понарасказал...

Пещерник лишь отмахнулся:

— Так, самую малость. Сам посуди, ну какие тут у него приключения? Разве насос водой прорвет, или какая шестерня сломается, не то что у нас. А душа просит...

Пошли вдоль коридора, пригибаясь под свисающими с потолка толстыми цепями и обходя кучи огромных металлических деталей непонятного назначения. В стенах, то и дело, попадались трубы, в которых что-то шумело, случайно дотронувшись до одной, Мычка

сдавленно зашипел, схватился за обожженное место. Себя с опаской оглядывалась, постоянно удерживая руку на кинжале. Заметив ее поведение, Шестерня улыбнулся, бросил ободряюще:

— Да ты не бойся, Гофра сказал, у них спокойно, разве мохнатые грызуны попадутся, или масложоры.

Девушка покосилась на пещерника, спросила нахмурившись:

— А что это? Звучит противно.

Шестерня лишь пожал плечами. Помолчав, он вдруг хохотнул, сказал довольноно:

— А ловко ты нас на эти ворота вывела, и, главное, как время подгадала. Р-рраз, и мы в безопасности! — Он хитро подмигнул, сказал понимающе: — Признайся, ведь заранее с Гофрой договорилась.

Нахмурившись, Себя ответила:

— Ты меня переоцениваешь. Я здесь впервые, а про Гофру узнала в тот момент, когда его увидела.

Зола произнес отстраненно:

— Мы шли наобум? И почему я не удивляюсь.

Глядя, как девушка хмурится все больше, Мычка сказал примирительно, чем заслужил благодарный взгляд подземницы:

— Главное, сейчас мы в безопасности, остальное не имеет значения.

К его удивлению Зола не стал спорить, лишь загадочно покачал головой, пробормотав:

— Кто знает, кто знает.

Показались еще одни ворота, больше и ощутимо древнее предыдущих, они представляли печальное зрелище, одна створка лежала на полу, вбитая в камень настолько, что почти сравнялась с полом, выступая над поверхностью лишь едва-едва, вторая, искореженная настолько, что страшно было смотреть, сплошь покрытая черным нагаром, впечаталась в стену, растекшись, словно ее размазали, предварительно размягчив металл до состояния текучести. В этом месте оказалось установлено особенно много подпорок, и коридор напоминал лес, напрочь лишенный коры и с гладко спиленными сучками

Шестерня изумленно присвистнул, задрал голову, пробормотал:

— Это что же здесь такое произошло?

Мычка поскреб ногтем остатки створки влипшей в стену, нахмурившись, выдернул кинжал, с силой провел. Лезвие издало отвратительный скрежещущий звук.

Стоящая рядом Себя поинтересовалась:

— Что ты делаешь?

Потрогав затупившийся кончик, вершинник с озадаченным лицом повернулся к товарищам, наткнувшись на пристальный взгляд Золы, открыл было рот, но его опередил Шестерня. Бросив косой взгляд на изумленного Мычку, пещерник ехидно поинтересовался:

— Не царапается? Правда, странно.

— Ты уверен? — маг пристально смотрел на Мычку, — что нажал достаточно сильно?

Мычка повернулся, перехватил кинжал обоими руками. Вновь заскрежетало. Не дожидаясь результата, Зола подошел, решительно подвинул Мычку, и всмотрелся в металл.

— А ты огнешаром его, чего мелочиться-то? — послышался ехидный голос пещерника.

Ко всеобщему удивлению, Зола не стал пререкаться, а отступив на два шага, метнул в остатки створки несколько огнешаров подряд, последний он сопровождал резким движением посоха, отчего огнешар раздулся раза в два и с угрожающим гудением метнулся к цели.

Дохнуло жаром, стоящие поблизости прикрыли ладонями лица, а когда взглянули, Зола обескуражено чесал затылок.

Шестерня подошел ближе, осторожно дотронулся до почерневшего металла, сказал задумчиво:

— Лишь едва нагрелся. А ведь я видел, как ты своими огнешарами камень плавил, куда там металлу устоять. А поди ж ты! — Осмотрев остатки врат и искрошенный камень вокруг, Шестерня с благоговением прошептал: — Вот ведь предки были — горами трясли! Это ж чем шарахнуть нужно, чтобы такой металл, что и не поцарапать даже, по стенкам расплескать?

Себя непонимающе смотрела на мужчин, переводя взгляд с одного на другого, наконец не выдержала, поинтересовалась:

— О чем вы?

Дерн ответил негромко:

— Видишь ли, Себя, есть у нашего Золы кое-какие мысли об устройстве мира. Вот он и проверяет, понять пытается. — Глядя на мага, что решительно направился к утонувшей в поверхности пола створке, Дерн выставил перед собой ладони, резко замотал головой: — Нет, нет, нет, и даже не думай. Эту плиту пятеро таких как я не поднимут, не то что...

Сбросив с плеча котомку, Зола неторопливо засучил рукава балахона, сказал с расстановкой:

— Пятеро, говоришь... — он хмыкнул, взглянул насмешливо. — Что сила против магии — смех да и только.

Дерн внимательно посмотрел на мага, спросил серьезно:

— Уверен, что сдюжишь?

Зола взмахнул руками, крутанув посох так, что свистнул воздух, ответил не задумываясь:

— Вот сейчас и посмотрим. А заодно и посох проверим. Не зря же Темновик с ним... — он не договорил, выбросив вперед руки, нацелился наверху посоха в пол.

Затаив дыхание, остальные наблюдали, как сначала вверх взметнулась пыль, толстым слоем покрывающая створку, затем задрожали мелкие камушки, покачиваясь поднялись в воздух, но плита оставалась недвижима. Руки Золы чуть заметно задрожали, из груди донеслось глухое рычание. Взглянув на мага, Себя ужаснулась, глаза выпучились, седые космы развиваются в потоках незримого ветра, а скулы проступили так, что едва не прорывают кожу.

Поглядывая то на по-прежнему недвижимую створку, чьи очертания четко проступили в полу, полностью очищенные от грязи, то на побагровевшее лицо мага, Шестерня пробормотал:

— Зола, а может, ну ее? Подумаешь, кусок двери. Еще таких сотню найдем. Может, лучше побережь здоровье, чем так-то...

С трудом двигая губами, маг прорычал:

— Зачем живем, коли не для знаний.

Зола резко вскинул побелевшие руки, дико зарычал, изо рта потянулась ниточка слюны, а из носа капнуло красное. Себя с суеверным ужасом наблюдала, как плита сперва чуть заметно шевельнулась, словно удивляясь, кто это посмел ее беспокоить, после стольких лет неподвижности, затем затряслась сильнее и... мягко отделилась от пола, зависнув на уровне колен.

Дерн, все это время неотрывно всматривающийся в лицо Золы, вдруг бросился в

сторону, схватил лежащее неподалеку здоровенное зубчатое колесо, и одним рывком метнул под плиту. Едва колесо достигло цели, завалившись одним боком в глубокий оттиск в камне, створка рухнула, вызвав легкое сотрясение скалы. Одновременно, мешком осел обессиленный Зола. В последнее мгновение, Мычка метнулся к товарищу, оберегая от падения, подхватив вялое тело.

Пока Дерн возился с магом, разложив перед собой неизменные склянки с зельями, Шестерня уважительно осматривал металлическую пластину створки, мерил пальцами, с криканием заглядывал вниз, наконец, не выдержав, поинтересовался:

— Кто-нибудь мне может сказать, для чего он вообще это сделал?

Глядя на неширокую щель образовавшуюся между плитой и полом, Мычка задумчиво произнес:

— Видимо хотел посмотреть что там нарисовано, — не обращая внимания на ошарашенное лицо Шестерни, он сбросил лук, отстегнул перевязь с мечами, и, примерившись, скользнул под плиту.

ГЛАВА 6

Все невольно притихли, ожидая неизвестно чего, когда из — под плиты высунулась рука, пару раз нетерпеливо сжала пальцы. Пока Шестерня, наморщив лоб, пытался понять, чего хочет Мычка, Себя быстро вложила в ладонь вершинника магическую сферу. Рука исчезла, а под створкой заерзало.

Когда Мычка выбрался обратно, перепачканный черной каменной пылью, несколько пар глаз воззрились на него с немим вопросом. Отложив сферу, вершинник отряхнул руки, затем выбил пыль из штанов и куртки и лишь после этого произнес:

— Там ничего нет.

Дерн покачал головой:

— Зола это не порадует.

Шестерня въедливо уточнил:

— А ты внимательно смотрел, быть может, надписи подстерлись или залипли пылью?

Мычка пожал плечами, кивнул на плиту:

— Все может быть. Проверь, авось, окажешься удачливее.

Приходя в сознание, негромко застонал Зола, обвел компанию горящим взглядом, хрипло спросил:

— Ничего нет? Проклятье, я боялся, так и будет.

Шестерня потрепал мага по плечу, сказал успокаивающе:

— Да и демон с ней, с дверью. Подумаешь, попалась одна без надписей — другую отыщем.

Зола неловко дернулся, пытаясь подняться, пропыхтел:

— Пещерник ты, пещерник. Не без надписей, а без номера. Была в свое время такая система исчисления, даже значки похожие. Да и номер наверняка есть, только он на второй половинке, — маг с трудом встал, посмотрел на растекшийся по стене металл.

Глядя, как Зола вскидывает на плечо котомку, и, с трудом ковыляя, уходит, остальные

двинулись за ним. Вскоре, пронизанный металлом коридор закончился, и пошел уже привычный камень. Несколько раз попадались большие овальные двери, наглухо забитые толстыми металлическими полосами. Глядя на головки огромных гвоздей, размером с кулак ребенка, удерживающие полосы, наемники невольно втягивали головы в плечи, представляя, какая же опасность могла таиться за дверями, что потребовалось так укреплять запоры.

Пройдя мимо очередной двери, Мычка вдруг спросил:

— Послушай, Зола, а на что ты рассчитываешь, отслеживая эти странные номера?

Маг удивленно покосился на вершинника, в сомнении пожевал губами, словно раздумывая, стоит ли посвящать спутников в размышления, нехотя произнес:

— На каждой двери из странного металла, что мы встречали, выбито некое число. Если это то, что я думаю, то числа от раза к разу уменьшаются.

— Ты хочешь сказать, — подхватила Себя, — что кто-то когда-то понастроил дверей из... удивительного металла, но почему-то пронумеровал их начиная снизу? — подземница вопросительно взглянула на мага.

Зола поморщился:

— Ты удивительно проницательна для девушки, но примерно это я и хочу сказать.

Мычка любопытствовал:

— А почему снизу? Полагаешь, это были пещерники?

Маг пожал плечами:

— Не думаю. С такими технологиями они давно бы вышли на поверхность, или наоборот, ушли так глубоко, что их никто бы не обнаружил. А то, что снизу...

Шестерня взъерошил бороду, сказал рассудительно:

— Вниз обычно прячут самое ценное. Сам так делаю... — он самодовольно ухмыльнулся, — только пока не так много добра накопилось, чтобы номера на нычки развешивать.

Тонко улыбнувшись, Мычка произнес:

— Тогда понятно. И чего я, дурак, спрашиваю? Самая нижняя дверь, она же самая ценная, груды сокровищ и тому подобного.

Шестерня поддакнул:

— Древние свитки, засохшие книги, россыпи волшебных колец и посохов...

Глядя на скалящих зубы друзей, Зола в раздраженье сплюнул, пошел быстрее, отрываясь от насмешников, даже посох в его руке застучал о камни с явным недовольством.

Коридор разветвился, затем еще. Каждый раз выбирали наиболее широкий проход, но вскоре тоннель стал ветвиться так часто, а разбегающиеся во все стороны проходы почти сравнялись по размерам, что в какой-то момент Шестерня, идущий первым, остановился, оглянувшись, в растерянности пробормотал:

— Гофра говорил, что ответвления будут, но не сказал, что так много.

Мычка терпеливо поинтересовался:

— А что он вообще говорил?

Шестерня взъерошил бороду, припоминая, с расстановкой произнес:

— Говорил — идите по основной, не сворачивая, а там увидите.

Себя кивнула:

— Ну да, идем по основному. А в чем сложность?

— Сложность? — Шестерня скептически посмотрел на девушку, — а ты попробуй, разбери который из них основной.

Подземница, а за ней и остальные одновременно посмотрели вперед, где проход расстраивался, разбегаясь в стороны совершенно одинаковыми тоннелями. Мычка выступил на шаг вперед, прислушался, поочередно поворачиваясь к каждому тоннелю, его уши чуть заметно подрагивали. Но в конце концов, он лишь развел руками, сказал с досадой:

— Тут повсюду эти трубы с горячей водой, шум пара забивает любые звуки... — он мгновенно насторожился, отскочил назад, срывая лук.

Остальные непонимающе следили за действиями вершинника, когда из правого тоннеля донесся грохот. Себя попятилась, нащупывая кинжал, Зола нахмурился, а Дерн снял котомку, осторожно пристроил у стены, лишь Шестерня, не обращая ни малейшего внимания на грохот, уставился в потолок что-то напряженно обдумывая. Когда грохот приблизился, пещерник опустил взгляд на товарищей, с удивлением спросил:

— Вы это чего?

Зола хмуро бросил:

— Шестерня, не притворяйся, что ты не слышишь. — Но лицо пещерника выражало такое непосредственное удивление, что маг глубоко вздохнул, сказал, словно обращаясь к ребенку: — Из тоннеля доносится шум. Мы почему-то предположили, что это может быть опасным. Правда странно?

Шестерня неверяще смотрел на Зола, затем перевел взгляд на прочих. Изумление на его лице становилось все сильнее, но затем, в одно мгновение сменилось бурным весельем. В голос захохотав, пещерник сложился пополам, не обращая внимания на приближающийся грохот.

Себя замедленно отняла руку от кинжала, а Мычка непонимающе опустил лук, когда Шестерня наконец разогнулся, вытирая выступившие слезы, произнес:

— А я-то понять не могу, чего у вас такие рожи серьезные, а вон оно что. — Он потряс головой, добавил почти спокойно: — Вот уж не думал, что отряд наемников можно испугать простой вагонеткой.

Махнув рукой, пещерник обернулся и бодро затопал в тоннель, откуда по-прежнему доносился шум. Сняв стрелу с тетивы, но, по — прежнему, держа в руках лук, Мычка двинулся следом, за ним потянулись остальные. Этот тоннель ни чем не отличался от предыдущего, за исключением двух отполированных до блеска полос металла, вбитых в поверхность пола параллельно друг другу.

В стенах вновь появились многочисленные трубы, стыки щетинились короткими трубочками, откуда со свистом вырывались тоненькие струйки горячего пара, которые Мычка, памятуя о недавнем ожоге, обходил по широкой дуге. В некоторых местах шипело и свистело настолько активно, что пространство коридора полностью заволакивало паром.

Перед очередным таким местом Шестерня замер, поднял руку, призывая остановиться. Навстречу, грохоча и лязгая, неторопливо выдвигалась темная масса. Несколько напряженных мгновений, и причина звуков стала ясна. Из облака пара выступила железная тележка. Одновременно стал понятен и смысл блестящих металлических полос, вагонетка стояла на необычной формы колесах, прочно цепляясь ими за полосы. Поверх телеги возвышалась здоровенная куча проржавевшего железного хлама, что непрерывно вибрировало, тряса и издавал отвратительный скрежет, от которого быстро начинало сводить зубы. Позади, низко нагнув голову, и уперевшись обеими руками в отполированную постоянными прикосновениями длинную ручку, шел пещерник. Измазанной маслом робой, пыльными ботинками со битыми носками и небольшим круглым шлемом пещерник в

точности напоминал встреченного ранее Гофру.

Наемники опасливо посторонились, пропуская тележку, но едва пещерник поравнялся с ними, Шестерня заорал так, что Мычка прикрыл уши руками, а Себя от неожиданности испуганно присела:

— Крепкого камня над головой!

Казалось, ничего не произошло, вагонетка по-прежнему двигалась дальше, лязгая странным грузом, но несколько мгновений спустя начала замедляться, пока не остановилась вовсе. Пещерник замедленно отпустил ручку, неторопясь распрямился, повернувшись к Шестерне, размеренно произнес:

— Богатой тебе жили. — Он обвел испытывающим взглядом наемников, на мгновение задержавшись на болотнике, спросил учтиво: — Чем могу помочь?

Шестерня приосанился, со значением произнес:

— Видишь ли, любезный, мы давно в пути, но в этих местах впервые. Укажи, где усталые путники могут рассчитывать на радужный прием, горячий ужин и сухую постель.

Пещерник сказал по-прежнему учтиво:

— Гостям у нас всегда рады. Будь вас немного меньше, могли бы остановиться у любого. Но чтобы не стеснять хозяев, да и для вашего удобства, лучше дойти до харчевни, там просторные комнаты и всегда свежее пиво.

Шестерня произнес насторожено:

— Настоящее пещерное пиво со всеми присадками и добавками?

Собеседник пожал плечами:

— А что, бывает какое-то еще?

Шестерня всплеснул руками, воскликнул горестно:

— Ох, не трави душу. Знал бы ты, чем потчуют в забегаловках нашего города... Ну что ж, податливой тебе породы и прощай, — церемонно раскланявшись, он заспешил вперед, растаяв в заполнившем штрек облаке пара.

Когда друзья нагнали пещерника, Зола проворчал:

— Не нашел о чем другом разузнать, как о пиве.

Шестерня повернул голову, из под густых бровей на мага насмешливо взглянули карие глаза, сказал ехидно:

— Предлагаешь сразу начать с расспросов о том, как попасть на поверхность? Что-то мне не шибко понравилось, чем это закончилось в предыдущей деревне.

Услышав последние слова, подземница нахмурилась, произнесла с чуть заметным недовольством:

— У нас не деревня, а городок.

Шестерня отмахнулся:

— Хрен редьки не слаще. Я от тамошнего вина сутки в себя приходил, а Зола, после прогулок по вашему замечательному городку, до сих пор ночами поскуливает и зубами стучит.

— Это я поскуливаю?! — Зола ошалело уставился на разошедшегося пещерника.

— И это я еще не все рассказал, — произнес Шестерня понизив голос. Глядя на Зола, лицо которого начало багроветь, пещерник мельком обернулся, воскликнул бодро: — А вон и первые домишки. Ах, это чудесное пиво, как я его жажду!

Дерн насмешливо проследил, как пещерник живо засеменял вперед, с каждым шагом отрываясь от товарищей, затем обернулся к магу, сказал примирительно:

— Зола, не кипятись. Тот, кто совсем недавно спас нас всех от гибели, может себе позволить немного расслабиться.

ГЛАВА 7

Себя, что во все глаза всматривалась вслед пещернику, спросила напряженно:

— Возможно, я чего-то не понимаю, но где те дома, о которых говорил Шестерня?

Все, как один, устремили взгляд вперед. Белесый заслон пара, ранее полностью перекрывающий обзор, истаял, и перед потрясенными наемниками открылось удивительное зрелище. Свод тоннеля плавно поднимался, а стены разошлись, и путешественники обнаружили, что стоят у начала огромного ущелья. Уходящие ввысь почти отвесные склоны внушали трепет чудовищной основательностью. Высоко над головами, где каменные стены вновь смыкались, вместо привычного неба можно было различить лишь клубящиеся клочья тумана, а чуть впереди и книзу, у подножья, стиснутое стенами, застыла неподвижная гладь черного, словно ночь, озера.

Отмеченная фонарями дорога, петляя, как испуганный заяц, спускалась к озеру, но немного не доходя, разбегалась множеством тропинок, карабкающихся на обе стороны ущелья, словно тоненькие перемигивающиеся полоски. А сами стены... Мычка восторженно присвистнул, вглядываясь в усеявшие поверхность камня далекие огоньки, сказал с придыханием:

— Невероятно...

Остальные промолчали, замороженные невероятной картиной подземного города. Далекие огоньки, сперва показавшиеся не то светлячками, не то светящимися грибами, на деле оказались многочисленными фонарями установленными на кровлях сотен домов, что лепились друг к другу на скале, подобно гнездам стрижей на обрывистом берегу реки.

Огни мерцали, как звезды на ночном небе, то затухая, то вновь разгораясь приветливыми желтыми искрами, местами светлые точки располагались настолько плотно, что, казалось, скалы пылали, разгоняя мягким сиянием тьму на значительном пространстве вокруг.

Опомнившись, Мычка произнес:

— Кто-нибудь заметил, куда направился Шестерня?

Зола с Себией переглянулись, одновременно пожав плечами, лишь Дерн невозмутимо произнес:

— Вон идет группа местных жителей, думаю, они подскажут.

Мычка обернулся, к месту, где они стояли, приближались несколько вооруженных пещерников, переговариваясь и громко хохоча, они неторопливо поднимались по тропе ко входу в тоннель, подсвечивая фонарями дорогу.

Себя нервно оглянулась, сказала напряженно:

— Может, пока не поздно, отойдем?

Но едва она сделала шаг в сторону, как один из пещерников поднял голову и помахал рукой.

— Интересно, что бы это значило? — с интересом пробормотал Мычка.

Продолжая оглядываться, Себя напряженно отозвалась:

— Я бы предпочла не выяснять.

Меж тем, пещерники на удивление быстро преодолели подъем. Еще недавно с трудом различимые в полутьме, они возникли перед путешественниками, словно злые гномы из страшных детских сказок. Шедший первым, коренастый пещерник, поднял фонарь, взглянув в напряженные лица, задумчиво протянул:

— Они?

Двое сопровождающих в свою очередь осмотрели чужаков. Мычка отметил уверенную осанку, а многочисленные шрамы на лицах, и ощупывающие взгляды лишь подтвердили догадку, что перед ним бывалые воины. Вершинник отступил на полшага, незаметно проверяя, легко ли вынимается кинжал из ножен, в случае потасовки удобнее всего было бы попытаться достать ближайшего пещерника в горло, но один из сопровождающих в этот момент кивнул:

— Они.

После чего пещерники разразились хохотом, заставив Себию вздрогнуть, а Мычку застыть в немом недоумении. Справившись со смехом, старший приложил руку к груди, и, как мог учтиво, чему мешали новые приступы смеха, произнес:

— Прошу простить нас за смех, но ваш друг... — он вновь всхлипнул, вытаращил глаза, но сдержался, закончил скороговоркой, — знает столь замечательные истории...

— И так красочно говорит, — подхватил второй, — что мы до сих пор не можем отойти. — Подмигнув товарищам, он тоненько пропищал: — А ручки-то, вот они!

Пещерники ответили взрывом оглушительного хохота. Старший еще что-то пытался сказать, но лишь отмахнулся, и, давясь от смеха, побрел в сторону тоннеля непрерывно хлопая себя по бокам. Когда воины уже удалились на порядочное расстояние, один из них обернулся, сдавленно прокричал:

— Он велел передать, что пошел в таверну "Старый бочонок", что на правом берегу, — махнув рукой, он поспешно скрылся в черном зеве прохода.

Проводив пещерников задумчивым взглядом, Зола поинтересовался:

— Ну и что вы по этому поводу думаете?

Дерн пожал плечами:

— Хорошие ребята, и смеются душевно.

Мычка с улыбкой добавил:

— Веселый противник — наполовину друг. Шестерня, еще не зайдя в город, успел обзавестись приятелями.

Себя зябко передернулась, сказала сумрачно:

— Наверное, мне стоит набросить капюшон, чтобы лишний раз не привлекать внимание. Они не задали вопросов только потому, что едва не падали от смеха.

Зола покосился на подземницу, сказал с сомнением:

— А ты не преувеличиваешь? Я не заметил какого-то особенного внимания к твоей персоне.

Девушка помотала головой, нехотя ответила:

— У нас с пещерниками несколько э-ээ... напряженные отношения. И хотя сейчас между нашими племенами мир, но порой доходит и до прямого противодействия. А уж о случайных стычках и говорить не приходится.

— В любом случае, — Зола устремил взгляд на далекое зарево города, — сейчас нам не

остаётся ничего другого, нежели пойти в... как он сказал, дырявое ведро?

— Старый бочонок, — поправил Дерн.

Двинулись по дороге. Пока Мычка крутил головой, с любопытством присматриваясь к необычным фонарям, не похожим на магические сферы подземников, и уж совсем не напоминающие обычные фонари жителей поверхности, Себя проделала некие манипуляции с плащом, после чего, повернувшись на мгновение, вершинник едва не отпрянул, обнаружив идущего за спиной незнакомца с головой укутанного в черную невзрачную накидку.

Миновали озеро. Пока шли мимо, в черной воде несколько раз с силой плеснуло, вызвав неподдельный интерес болотника. Показались первые дома. Улиц, в привычном понимании этого слова, не было. Узкая в два-три шага дорога, огороженная надежными перилами, петляя, шла вдоль скалы, где, вырублены прямо в камне, возвышались целые дома в один, а то и два этажа. За окнами, затянутыми ячеистыми пластинами из полупрозрачного камня, мелькали силуэты, наводя на мысли о домашнем тепле и уюте, а из овальных отверстий во множестве проделанных под потолком, выглядывали сонные мордочки забавных существ.

Проходя мимо очередного дома, Мычка метко метнул в одного из зверков мелким камушком, попав прямо в мохнатый лоб. Результат не заставил себя ждать, круглые желтоватые глаза широко раскрылись, губы вытянулись в трубочку и на вершинника изверглась струя дурно пахнущей жидкости. Будучи на чеку, Мычка успел увернуться, но на помощь собрату пришли остальные жители чердака, и поливаемый десятками струек, вершинник позорно бежал, закрыв лицо руками и пригнув голову.

В некоторых местах дорога раздваивалась, плавно уходила вверх, образовывала следующую улицу уровнем выше. Несмотря на узкие дороги и одностороннюю застройку, жизнь в городе кипела, навстречу то и дело попадались жители, коренастые мужчины, большей частью одетые в потертые робы, деловито проходили мимо, миниатюрные женщины, в простеньких, но со вкусом скроенных платьях, при встрече робко опускали глаза, но едва наемники удалялись, с любопытством смотрели вслед.

Изредка двери домиков отворялись, и оттуда гурьбой выкатывались пузатые малыши, но увидев наемников испуганно замирали, вжимались в крыльцо. Особенно завораживал детей Дерн, глядя на массивную фигуру болотника, они задирали головы, и, раскрыв рты, с ужасом таращили глазенки, не в силах отвести взгляд от зеленокожего великана.

Проследив за реакцией детей, Мычка сказал с улыбкой:

— Похоже, среди местного населения Дерн будет пользоваться популярностью, вы только посмотрите, как на него реагируют женщины и дети.

Болотник отвел взгляд от черных вод озера, на которые уже некоторое время смотрел не отрываясь, взглянул на дорогу, где, раскрыв рты, застыла группа карапузов, с восторгом глядя на приближающихся чужаков. Оглядев перегородивших дорогу детей, Дерн вдруг скорчил такую жуткую рожу, что малыши с ревом кинулись к ближайшему дому и мгновенно исчезли за дверью.

Себя неодобрительно покачала головой, сказала серьезно:

— У нас к детям относятся бережно и не пугают.

Дерн покосился на девушку, пожал плечами:

— А у нас дети над такими рожами смеются и просят еще.

— Это где у вас? — поинтересовался Мычка.

На лицо Дерна набежала тень, он тяжело вздохнул, произнес замедленно:

— Далеко. Там, где я давно не был, и, куда, наверное, уже не попаду.

Мычка с удивлением взглянул на болотника, но смолчал. На лавочке, возле одного из домов, попался пожилой пещерник, редкие белые пучки волос украшали его круглую как шар голову, сморщенное лицо болезненно кривилось. Откинувшись на стену, он недвижимо сидел, вперив глаза в каменное небо. Проходя мимо, Дерн с интересом посмотрел на ноги старца. Короткие штаны плотно охватывали бедра, оставляя ноги открытыми ниже колен, а там... проследив за взглядом болотника Себя охнула, Мычка и Зола, взглянув следом, одновременно сморщились: ноги ниже колен у старца представляли собой распухшие корявые тумбы, изъязвленные и покрытые жуткими коростами они казались чем-то чужеродным, не относящимся к человеческому телу.

— Что с ним? — прошептал Мычка.

— Не все ли равно, — брезгливо выдохнул Зола, — мало ли в мире калек.

Сидящий на лавочке старец остался позади, Дерн еще пару раз оглянулся, произнес:

— Знавал я нечто похожее...

Погрузившись в задумчивость, болотник замолчал. Тем временем дорога расширилась. Теперь можно было идти впятером, не касаясь друг друга. Жителей стало попадаться больше, а дома преобразились, невзрачные, с едва намеченными контурами поначалу, теперь они поражали взгляд витиеватой резьбой и яркими красками, к тому же, здания ощутимо увеличились в размерах, если до того встречались лишь одноэтажные, с небольшими чердаками, то теперь над первым этажом часто вздымался еще один, а в отдельных случаях и два.

Зола, уже некоторое время недовольно осматривающийся, поймал за рукав спешащего мимо пещерника, поинтересовался:

— Скажи, любезный, где здесь находится таверна ржавый бак?

Пещерник поднял на мага глаза, спросил недоуменно:

— Ржавый бак?

— Старый бочонок, — улыбнувшись, поправил Мычка.

— А, вона что, — мужчина расплылся в улыбке, — так вы почти дошли, только это на ярус выше и немного дальше.

Пока Мычка благодарил пещерника и осматривался в поисках ведущей вверх дороги, Зола пробурчал:

— Понапридумают же названий — голову сломаешь запоминать.

Соединяющая ярусы дорога обнаружилась неподалеку. Едва преодолели подъем, как в глаза бросилось массивное здание, глубоко врезанное в скалу. Здание напоминало гриб, постепенно расширяясь кверху, так что каждый следующий этаж выступал над предыдущим. Свободное пространство внизу было украшено многочисленными скульптурами необычных существ, а каменные стены испещрены многочисленными барельефами запечатлевшими значительные события города. Дорога перед зданием делала изрядный крюк, выступая далеко в сторону, нависала над предыдущим ярусом широким козырьком.

Подошли ближе. Над массивными дверями, начищенный до блеска, сиял небольшой металлический бочонок, свисающий на коротких толстых цепях. Стенки бочонка покрывали искусно выгравированные царапины и трещины, так что создавалось полное впечатление, что его только что принесли с кухни, и, посеребрив, подвесили над входом, вон, на боку еще видны не успевшие просохнуть клочья пены.

Дерн потянул за отполированное ежедневными прикосновениями кольцо, дверь без

скрипа отворилась. Изнутри пахнуло жаром, ноздри наполнил сладкий запах жареного мяса и острый аромат приправ. Вдохнув полной грудью, болотник шагнул внутрь.

ГЛАВА 8

Просторный, заставленный столами зал корчмы, как две капли воды напоминает прочие заведения подобного рода: тяжелые столы и лавки выглядят тем массивнее, что в гладких поверхностях угадывалась пористая структура камня, поддерживающие свод вертикальные металлические балки, неотъемлемая стойка у дальней стены и, конечно же, посетители. Сидящие по одному и группками, за уставленными блюдами столами, пещерники утоляют голод, запивают горести, обсуждают насущные дела или просто расслабляются после тяжелой работы. В зале стоит глухой гул из приглушенных голосов, чавканья и звона тарелок.

Лицо болотника расплылось в улыбке, он произнес:

— Сколько шли, а словно дома.

Мычка произнес в тон:

— Ничуть не удивлюсь, если сейчас за стойкой появится Шейла.

Из-под капюшона сверкнули настороженные глаза, Себя поинтересовалась шепотом:

— Шейла... Кто это?

Подземница с удивлением отметила, как переглянулись мужчины, на их лицах промелькнуло непонятое выражение. Она на мгновение отвлеклась, поправляя складки плаща, а когда, не дождавшись ответа, хотела повторить вопрос, то увидела, что спутники уже двигаются посреди зала, бросая по сторонам внимательные взгляды в поисках свободных мест. Нахмурившись, девушка поспешила следом.

— А вот и мои запоздалые друзья!

Обернувшись на вопль, наемники узрели Шестерню. Восседающая во главе стоящего особняком стола, пещерник истоиво размахивал руками, и во всю глотку вопил, пытаясь перекрыть гул голосов. Огибая посетителей и перешагивая через скамьи, наемники пробрались к Шестерне, остановились, сглатывая голодную слюну. Несмотря на то, что пещерник опередил их всего на чуть-чуть, казалось, их ждали с прошлого вечера: поверхность стола терялась под спудом мисок, тарелок и блюд, парующие горки мяса чередовались с мелко крошеной зеленью, холодные рыбные рулеты соседствовали с горячими бульонами, а в тех местах, где оставалось свободное от яств место, возвышались многочисленные запечатанные горшки, судя по толстому слою пыли на крышках, недавно извлеченные из укромных уголков подвала.

Громко сглотнув, Зола зашарил взглядом по столу, спросил неуверенно:

— Шестерня, а не слишком ли это... — он не договорил, забросив в рот несколько ароматных кусочков с первой же попавшейся под руку миски.

Глядя, как маг, почти не жуя, глотает обжигающее мясо, Шестерня произнес с ухмылкой:

— Слишком, в этом деле не бывает, правда, Дерн? — подмигнув болотнику, он

внесколько глотков опорожнил уже початый горшочек.

Не теряя времени, наемники расселись, кто где стоял, и, спустя мгновение, к царящему в зале таверны гулу добавилось чавканье и хруст еще четырех ртов. Себя сперва осторожничала, опасливо пробовала небольшие кусочки, но вскоре, разохотившись, сбросила капюшон, и стала забрасывать в рот большие ломти.

Шестерня умильно, словно все эти вкусоности были приготовлены им самим, глядел на друзей, приговаривая:

— Ешьте, ешьте, вы еще главных блюд не пробовали.

Мычка, уже с трудом запикивающий в себя очередной ароматный шмат мяса, пробормотал набитым ртом:

— А что, будут и еще?

Шестерня всплеснул руками, воскликнул убежденно:

— Так это ж только закуски! Кто не ел пещерной кухни — жизнь прожил зря.

Среди невнятного гула раздался дикий вопль, головы посетителей стали поворачиваться в угол, где, хватаясь за ноги, жутко вскрикивал один из пещерников. Мельком повернувшись на шум, Зола тут же потерял всякий интерес, а любопытный Мычка негромко поинтересовался:

— Что это с ним?

Сидящий за соседним столом пещерник в мешковатой, попятнаной белым одежде, услышав вопрос, повернулся, обрадованный возможности поговорить, сказал убежденно:

— Водяница. Обычное дело среди тех, кто вынужден работать в водах озера.

Меж тем, несчастный уже не кричал, его лицо побледнело, лежа на полу, он лишь постанывал, обхватив ноги руками. Глядя на его мучения, Себя сказала с жалостью:

— Неужели нет никакой возможности помочь?

Пещерник закивал, довольный, что его слушают, сказал важно:

— Как же, есть, компрессоры разные, присыпки. Но... — он с грустью развел руками, — все это плохо помогает. Так-то никто толком не знает, с чем связана болезнь, а услуги настоящего лекаря не дешевы.

Дерн, до этого момента отстраненно жующий какую-то ярко-красную травку, встал, двинулся напрямую к корчащемуся на полу несчастному. Проводив его заинтересованным взглядом, Мычка отложил кость с остатками мяса, привстал, наблюдая как болотник подошел к больному, некоторое время осматривал, затем что-то негромко спросил у подбежавшей служанки. Та кивнула, унеслась из зала, но вскоре вернулась в сопровождении дородного пещерника, судя по богатой одежде, хозяина корчмы. Тот, качая головой, что-то быстро заговорил, указывая наверх.

Вытянув шею, Мычка некоторое время прислушивался к разговору, но, так толком ничего и не услышав, беседа велась в полголоса, встал и направился вслед за Дерном. Проводив вершинника глазами, Зола лишь покачал головой, а Шестерня отмахнулся:

— Пусть его, а то ты Дерна с Мычкой не знаешь. Одному все бы больных спасать, а второй того и гляди помрет от любопытства.

Подземница укоризненно посмотрела на обоих, и, шелестнув плащом, пошла следом за Мычкой, оставив мужчин в некотором недоумении, что, впрочем, вскоре испарилось, вытесненное заманчивым видом оставшихся нетронутыми яств.

Накинув капюшон, девушка приблизилась к спутникам, что уже укладывали потерявшего сознание пещерника на принесенные носилки, спросила негромко:

— Помощь нужна?

Дерн на мгновение обернулся, хмуро произнес:

— Мы сейчас отнесем его наверх, и я займусь кое-какой неприятной работой, что вряд ли тебе понравится. — Но заметив возникшее на лице подземницы упрямое выражение, пожал плечами: — А впрочем... если так хочешь, захвати мою котомку и поднимайся следом.

Просияв, девушка быстро вернулась, мазнув уничижительным взглядом по утоляющим голод Золе с Шестерней, подхватила котомку, и устремилась наверх, догоняя скрывшихся на лестнице наемников. Поднявшись на второй этаж как раз вовремя, чтобы заметить, за какой дверью исчезли спутники, Себя поспешила следом. Распахнув тяжелую дверь, девушка обвела взглядом уютную комнатку: пара низких кроватей, пушистые ковры на стенах, небольшой столик по центру и странной формы камин в углу без единого пятна сажи, и вовсе без огня, но от которого идет осязаемое живительное тепло. Коротко кивнув, она решительно вошла.

Дерн отпихнул столик в сторону, рывком выдвинул кровать на середину комнаты, одним движением сорвал постельное белье. На грохот в дверь просунулась любопытная мордочка служанки, болотник бросил не глядя:

— Мне таз с горячей водой, пустую емкость и чистые тряпки.

Уложив потерявшего сознание пещерника на кровать, он взял из рук Себии котомку, и принялся вытаскивать, в аккуратном порядке раскладывая на стол непонятные инструменты: несколько блестящих ножей с изогнутыми лезвиями, тоненький штопор, короткую пилу. Глядя на его действия, Мычка взглянул на подземницу, косо улыбнулся:

— Видишь, чем забил котомку наш добрый Дерн. Набор почище моего, да и твоего вместе взятых.

Хлопнула дверь, вернулась служанка, принеся с собой все необходимое. Забрав емкости и тряпки, болотник вытолкал девушку за дверь, обмакнул руки в воду, и стряхнув капли, произнес:

— Приступим.

Приготовившись к неприятному зрелищу, Себя с удивлением заметила заигравшую на лице Дерна улыбку. Перехватив ее взгляд, болотник усмехнулся, и цапнув со стола один из блестящих ножей, смотревшийся в его могучей длани подобно детской игрушке, сделал легкое движение, едва коснувшись лезвием ноги больного.

Брызнула бледная жидкость, искореженная плоть вскрылась перезрелым фруктом, легко разойдясь в стороны, вывернулась, обнажая гнилую сердцевину. Отвратительный запах коснулся ноздрей. Зажав рукой рот, Себя смотрела, преодолевая отвращение, как края раны вдруг вспучились, проросли короткими отростками, что извиваясь, угрожающе топорщились, покачиваясь из стороны в сторону, словно ощупывая пространство.

Лицо девушки покрылось мертвенной бледностью, но она продолжала смотреть, не в силах отвести взгляд. Стоящий рядом Мычка выглядел не на много лучше, его лицо застыло, а взгляд не отрывался от порхающих рук Дерна. Прихватывая пальцами особенно далеко выступившие отростки, он делал резкое движение, после которого из плоти сочилась густая дурно пахнущая жидкость, а в пальцах вяло повисал толстый кроваво-красный червь. Еще движение, и червь летел в горшок, влажно шлепался на кучку собратьев, попавших туда чуть раньше.

Сперва Дерн вытаскивал червей медленно, затем быстрее, но когда горшок заполнился

почти на половину, а из раны все продолжали выдвигаться кровавые отростки, нахмурился, сыпанул в рану щепоть бесцветного порошка, застыл, ожидая результата.

Ничего не происходило. Болотник уже потянулся, чтобы зачерпнуть еще порошка, когда ситуация изменилось. Сперва, осторожно раздвинув плоть, показался один червь, он некоторое время покачивался, после чего... вылез наружу и пополз, стараясь как можно быстрее покинуть рану. Торжествуя хмыкнув, Дерн отправил чудовище по назначению. Следом за первым, показался еще, затем еще, и вскоре вся рана шевелилась, набитая извивающимися тварями.

Дождавшись, пока черви перестали выползать, Дерн вытащил баночку, и густо засыпал пораженную ткань какой-то ярко красной пылью. Принюхавшись, Мычка несколько раз громко чихнул, спросил, зажимая нос:

— Мне кажется, или ты набил ему ногу перцем?

— Им самым, — болотник достал короткую кривую иглу, ловко продел в нее нить. Хмуро взглянув на вершинника, что продолжал отчаянно чихать, он недовольно произнес: — Подержи здесь и здесь, и будь добр, не чихай, запасы перца не бесконечны, а от твоего чиха половину присыпки унесло.

Жутко перекосив рожу, чтобы вновь не чихнуть, Мычка брезгливо прикоснулся к краям раны, но под суровым взглядом Дерна, взялся сильнее, сдавил, пока болотник ловкими стежками зашивал плоть словно обычную рубаху.

Закончив зашивать, Дерн с удовлетворением оглядел ногу, что к этому моменту стала почти в три раза тоньше чем была раньше, и, не откладывая, приступил ко второй. На этот раз все прошло намного быстрее, тем же нежным движением распоров плоть, Дерн сразу высыпал остатки порошка, и, не утруждаясь, выгреб выползших червей сразу всей кучей.

Когда Мычка с Себией вернулись обратно в зал, порядком захмелевший Шестерня намекающе поинтересовался:

— Наверное, будет небезынтересно узнать, чем столь долго занимались трое наших достойных друзей вдаль от веселого общества.

Задумчиво глядя на стол, что уже не казался таким привлекательным, Мычка пробормотал:

— Не проси того, чему после не будешь рад.

Сально хихикнув, Шестерня немного поплямкал, надувая из капелек слюны пузыри, сделав губы трубочкой, спросил у подземницы:

— Ну а все-таки?

Нахмурившись, Себия произнесла:

— Ты точно уверен?

— Конечно, — Шестерня истоиво закивал, — я был бы счастлив узнать.

Девушка развела руками, сказала с наигранным послушанием:

— Раз пещерник просит, как можно отказать.

Злорадно улыбнувшись, подземница наклонилась к Шестерне и что-то быстро зашептала ему на ухо, одновременно делая непонятные жесты руками. Осоловевший от еды Зола, с удивлением смотрел, как лицо пещерника сперва стало бледным, затем бледность стремительно перешла в нечто зеленоватое, а глаза выпучились, когда громко икнув, Шестерня зажал рот обеими руками и, едва не расшибившись о каменную лавку, стремглав вылетел на улицу.

Отвечая на немой вопрос в глазах мага, Себия сказала с подчеркнутой грустью:

— Мужчины, они такие ранимые.

ГЛАВА 9

Остановились в одной из комнат расположенных на первом этаже. Зола сперва долго отнекивался, упирая на доносящийся из зала таверны шум, но Мычка настоял, напомнив, каким именно образом они покинули предыдущий городок, намекая, что ситуация может повториться.

Разойдясь по углам, путешественники без сил попадали в кровати, но насладиться сном не дали. Скрипнула дверь, в образовавшуюся щель просунулась голова, а затем в комнату наполовину вдвинулся богато одетый пещерник, пару раз смущенно кашлянув, произнес:

— Прошу прощения, что беспокою, но не здесь ли остановился великий целитель из далеких земель?

Не успевшие уснуть наемники приподняли голову, с удивлением рассматривая посетителя. Смутьившись, пещерник уже хотел уйти, когда Дерн произнес:

— Насчет великого не уверен, но один целитель здесь точно есть. Что-то произошло?

Тот истово закивал, произнес подобострастно:

— Не смею настаивать, но не будет ли лучше обсудить детали снаружи, дабы не тревожить сон прочих?

Мгновение подумав, болотник спустил ноги с кровати, и вышел в коридор. Остальные тут же уронили головы на подушки, лишь Зола досадливо пробормотал:

— Сдается мне, это не последний визитер.

Вскоре Дерн вернулся, прошептал виновато:

— Всем нужны лекари.

Дверь скрипнула вновь. Сквозь дрему до обитателей комнатки смутно доносились голоса, шлепанье босых ног, мелодичное позвякивание, но спустя некоторое время, сон навалился всей своей неборимой мощью, отделив от окружающего мира толстой беззвучной пеленой.

Ощувив, что выспался, Мычка открыл глаза. За время путешествий он уже привык к тому, что вне зависимости от времени суток вокруг всегда было сумрачно, а то и откровенно темно. Передернув плечами, вершинник обвел комнату взглядом, в свете стоящего в углу мерцающего ночника отметил, что кровать Дерна пуста, а еще одна, предназначавшаяся для Шестерни даже не тронута.

Мычка встал, прошелся, разминаясь, мимоходом отметив, что за все время не издал ни единого скрипа, кровати, как и пол, и многое другое здесь изготавливались в основном из камня, что, при некоторых неудобствах, имело и определенные плюсы, взглянул на товарищей: Зола, как обычно, спал, свернувшись в какой-то хитроумный узел, а подземница разметалась, скинув одеяло и разбросав руки, так что куртка на груди разошлась, приоткрыв полукружья идеальной формы. Мычка с трудом отвел взгляд, подобрав одеяло, осторожно укрыл девушку, и вышел в коридор, не забыв прихватить лук и колчан со стрелами.

Мычка повертел головой, нахмурился. На покрывающих пол блестящих белых плитках отпечатались кровавые следы. Коснувшись рукоятей мечей, Мычка крадучись двинулся по

следам и через десяток-другой шагов уперся в дверь. Он постоял, покачиваясь с носка на пятку, размышляя, стоит ли вмешиваться, мало ли кто откуда и по какой надобности шел, наконец, решившись, потянул за ручку, готовясь к возможным неожиданностям. Дверь оказалась не заперта и легко отворилась.

Вершинник медленно вошел, стараясь удерживать в поле зрения всю комнату, на случай, если кто-то или что-то попытается напасть, взгляд уперся в дальнюю кровать, на которой, накрытый ворохом собранных со всей комнаты одеял, кто-то спал, или прикидывался спящим. Вытащив кинжал, Мычка подошел ближе. Одеяла мерно приподнимались в такт дыханию спящего. Подцепив за краешек, вершинник с силой рванул, одним движением сбросив ворох на пол, и замер в удивлении. Перемазанный с ног до головы красным, на кровати лежал Дерн.

Мычка заскользил взглядом по телу товарища, выискивая ужасные раны, но, за исключением старой царапины на щеке, болотник оказался цел. В памяти разом всплыли давешняя жуткая операция и стеснительный вечерний гость. Понимающе покачав головой, вершинник вновь укутал Дерна одеялами, и, более не таясь, повернулся, столкнувшись нос к носу с Себией. Вздрогнув всем телом, Мычка нервно произнес:

— Утро доброе. Как спалось?

Сделав вид, что не заметила его испуга, подземница с улыбкой произнесла:

— И тебе доброе. Хотя у нас говорят по — другому.

Глядя, как она мельком осмотрела комнату, Мычка вспомнил, что уже видел такое, когда они останавливались в городе подземников: тот же внимательный прищур, те же смазанные движения глаз, когда взгляд скользит по не нужному, выхватывая лишь необходимые детали. Повинуясь наитию, он поинтересовался:

— Послушай, Себия, чему же все-таки тебя учили наставники?

Девушка взглянула удивленно, но лишь улыбнулась, ответила уклончиво:

— Многим вещам, — она скользнула к окну, бегло осмотрела рамы. Сказала, уводя разговор в сторону: — Наверное, Дерн сильно устал и жутко испачкался, раз не решился тревожить наш сон своим возвращением.

— Но как ты догадалась?..

Глядя на удивленное лицо вершинника, она пояснила:

— Я слышала, как он вернулся и разговаривал с хозяином насчет другой комнаты. Думаю, нам стоит пройти в общий зал. После вчерашней демонстрации Дерна, — она брезгливо сморщилась, — я не смогла по достоинству оценить кулинарные изыски местной кухни. Восполнить пробелы в знаниях сейчас было бы весьма уместно, — взяв Мычку за руку, она мягко увлекла его к выходу.

Заказанный подземницей завтрак оказался гораздо скромнее царского ужина Шестерни, но, тем не менее, из-за стола они встали отяжелевшие. Расплатившись несколькими медными монетами, Себия дождалась, пока улыбчивая служанка отойдет подальше, негромко произнесла:

— Не смотря на то, что наши народы торгуют, я здесь не была, и хочу пройтись по городу, и... если ты не занят, то мог бы составить мне компанию.

Вышли на улицу. Пройдя через дорогу, Мычка облокотился на перила, залюбовался зрелищем. Лежащий на противоположной стороне город раскинулся, как на ладони. Услышав, как рядом шелестнул плащ, вершинник произнес:

— Здесь просто невероятно красиво. Наверное, живущие в этом городке люди должны

быть счастливы.

Себя задумчиво посмотрела на переливы огней, перевела взгляд на озеро, где, отраженный черной гладью, блестел еще один, точно такой же городок, сказала задумчиво:

— У нас тоже красиво, а во время праздников, ты даже не можешь представить, как преобразается город. Но, — она тяжело вздохнула, — к сожалению и в красивых местах люди бывают несчастны.

Мычка повернулся, глядя на точеный профиль спутницы: длинные загнутые кверху ресницы чуть подрагивают, пухлые губы полуоткрыты, а черная грива волос рассыпалась по плечам, тускло поблескивая в свете ближайших фонарей. Заметив его взгляд, Себя посмотрела искоса, чуть заметно улыбнулась, кивнула на нижний ярус, где, в отдалении, узкая улица расширялась, заполняясь лотками, среди которых толпился народ, произнесла чуть слышно:

— Видишь, там, — она указала рукой, — должно быть это местный рынок. Пойдем, посмотрим. Интересно узнать, чем торгуют местные умельцы.

Мычка кивнул, ответил в тон:

— И не только узнать.

Понимающе переглянувшись, они улыбнулись друг другу и пошли вдоль улицы в поисках ведущей вниз дороги.

Местный рынок, как, впрочем, и таверна, оказался на удивление похож на все прочие базары. Многочисленные открытые прилавки, без какого-либо намека на навес, благо местным жителям не приходилось беспокоиться о внезапном дожде, или опасаться палящих лучей солнца, буквально утопали, заваленные всевозможными товарами. А продавцы, в основном упитанные низкорослые пещерники, зазывали на разные голоса, не чурались высказывать за позволившим себе неосторожность бросить заинтересованный взгляд на лавку покупателем, и едва не силой тащили его назад, всячески расхваливая товар и призывая демонов на свои головы, если на этом рынке окажется что-то хотя бы отдаленно способное сравняться по качеству с их вещами.

Окинув рынок наметанным взглядом, Себя тут же устремилась в ту часть базара, откуда доносился тонкий аромат и где, выставленные на всеобщее обозрение, ярко сверкали камни в дорогих украшениях. С улыбкой проводив ее взглядом, Мычка неторопясь приступил к осмотру рядов. Не глядя, шлепнув по руке какому-то незадачливому воришке, что тут же поспешно ретировался, вершинник почувствовал себя в родной стихии, он с интересом присматривался к тушам диковинных животных, пытаясь узреть знакомые очертания, затем перепробовал множество неизвестных фруктов, положившись на честность продавцов, в чьих интересах вряд ли значилось травить потенциального покупателя, после чего до хрипоты спорил с кожевником о преимуществах облегченных сапог из мягкой кожи в противовес тяжелым ботинкам из грубых шкур. Но несмотря на старания Мычки, продавцы свое дело знали, и после очередного бурного разговора он отходил от прилавка обзаведясь новой вещью.

Под конец, нагруженный пакетами, вершинник вступил на территорию оружейников, безотчетно оставляя самое интересное на последний момент. Среди пестревших смертельным металлом рядов почему-то вовсе не было мечей. Мычка заметил всего пару мест, где скромно притулились несколько коротких клинков. Зато топоров оказалось в изобилии: большие и маленькие, короткие, с едва намеченной ручкой, и насаженные на длиннейшие древка, они составляли почти половину представленного оружия. Другая

половина состояла из дубин и их производных — шестоперов, кистеней, палиц и прочих атрибутов приспособленных для дробления доспехов и размозжения костей.

Ножей тоже оказалось в избытке, но, опять же, в основном, это были ножи для бытовых нужд, ни кинжалов, ни метательных ножей вершинник к своему разочарованию не встретил. Под конец судьба сжалилась, и на одном неприметном лотке Мычка обнаружил моток необычной нити. Толстая, скрученная из мельчайших волокон и пропитанная чем-то закрепляющим, нить оказалась чудовищно прочной, попытавшись разорвать, Мычка едва не порезал руки, к вящему удовольствию хозяина лавки, с довольным видом наблюдающего за его безуспешными попытками.

Вскоре, к сделанным ранее покупкам добавилась еще одна, и удовлетворенные друг другом они расстались — Мычка направился к выходу, а продавец остался пересчитывать деньги. Когда вершинник уже отошел на порядочное расстояние, его окликнули. Обернувшись, Мычка с удивлением обнаружил, что низенький пещерник, у которого он только что сторговал будущую тетиву, бежит следом. Замедлив шаг, он дал себя догнать, вопросительно посмотрел на запыхавшегося торговца. Тот приблизился, тяжело дыша, словно пробежал огромное расстояние, а не отошел на десяток-другой шагов от родной лавки, прошептал:

— Я вижу у тебя редкое оружие, — он покосился на выглядывающий из-за плеча наемника лук, перевел взгляд на пустые гнезда среди торчащих из перевязи рукояти метательных ножей. — У нас подобное оружие не пользуется популярностью, так что достать необходимые части, или найти замену крайне сложно.

Мычка некоторое время молчал, ожидая продолжения, но торговец лишь тяжело дышал, вывалив язык едва не до плеча, наконец произнес замедленно:

— Ты прав, я был бы не прочь пополнить запас. Ты знаешь кого-то, кто торгует таким оружием?

Пещерник истово закивал, подавшись вперед, жарко зашептал в ухо:

— С той стороны, на четвертом ярусе, в самом конце улицы живет Резчик, ты его сразу узнаешь. Скажешь, что пришел от "юркого", он поймет. — Перехватив недоверчивый взгляд Мычки, он торопливо добавил: — хотя Резчик и не торговец, но у него очень большой выбор оружия... и не только.

Прищурившись, Мычка окинул торговца взглядом, спросил насмешливо:

— Это ты юркий?

Торговец с достоинством выпрямился, ответил гордо:

— Не смотри на внешность, она бывает обманчива, — но не выдержав, вновь ссутулился. — Да, ты прав, сейчас я уже не тот, что был в юности, но тем не менее.

Мычка коснулся перевязи, где не хватало почти треть ножей, провел рукой за спиной, ощупывая несколько оставшихся стрел, произнес замедленно:

— Что ж, я, пожалуй, навещу твоего Резчика. А ты, — он порывлся в кожаном мешочке у пояса, что за время прогулки по базару значительно убавил в размерах, — возьми в качестве награды.

Но пещерник отстранился, его глаза забегали, отведя руку вершинника, он произнес:

— Не нужно, Резчик возместит мне услуги.

Пожав плечами, Мычка на прощание кивнул. Возле входа, куда он вскоре добрался уже поджидала подземница, она прятала лицо за роскошным веером, лишь поверх украшенной золотом бахромы, изредка сверкали внимательные глаза. Узнав девушку, Мычка направился

к ней, стараясь, по возможности, обходить многочисленных прохожих, чтобы неосторожно натолкнувшись, случайно не уронить один из почти десятка новоприобретенных свертков. Подойдя ближе, он уже собирался предложить Себии руку, как неподалеку раздался пронзительный женский крик, а вслед за этим послышалось:

— Кто-нибудь помогите, умоляю. Он упал в озеро!

ГЛАВА 10

Пещерники вокруг заволновались, завертели головами, прислушиваясь. Себя с Мычкой переглянулись, и, не сговариваясь, устремились на крик. Протиснувшись через ближайшие лавки, они выскочили на открытое пространство. В этом месте, вместо привычной окаймленной перилами улочки, вдоль обрыва возвышались многочисленные металлические конструкции, приспособленные для каких-то работ в озере, с вынесенными далеко за обрыв стрелами, увешанными многочисленными тросами и цепями. Возле одной из конструкций, обхватив голову руками, суетилась миниатюрная девушка. Увидев выскочивших на звук людей, она призывно замахала руками, продолжая взывать о помощи.

Подбежав к девушке, Мычка остановился на краю, вытянул шею, пристально всматриваясь в черную поверхность воды. Внизу, едва различимое в слабых отсветах фонарей, что-то слабо шевелилось, приглядевшись, вершинник рассмотрел пышную шевелюру и хаотично шевелящиеся руки. Подоспев чуть позже, подземница мельком взглянула вниз, ее брови удивленно взлетели, повернувшись к парализованной ужасом девушке, она произнесла:

— Он прекрасно держится на воде, так что не вижу повода для паники. Сейчас подоспеет народ и его...

Не дав Себии договорить, девушка воскликнула, заламывая руки:

— Великие предки, да он не успеет добраться до берега, посмотри! — она вытянула руку, указывая на что-то в центре озера.

Проследив за направлением ее руки, Себя сперва ничего не увидела, но вот маслянистая поверхность вспучилась, вскипела фонтаном, из глубины поднялась горбатая спина с острыми лучами плавников, набирая скорость, понеслась к берегу, вздымая за собой высокие волны.

Мычка несколько мгновений следил за приближающимся существом, его лицо напряглось, словно вершинник принимал какое-то сложное решение, наконец, он коротко кивнул, перевел взгляд на Себию, сказал:

— Проследи, чтобы не затоптали.

Глядя, как Мычка складывает покупки на землю, затем снимает лук и отстегивает перевязь, подземница напряженно спросила:

— Ты уверен?

Уже сделав шаг на одну из металлических конструкций, Мычка обернулся, ответил с бледной улыбкой:

— Конечно нет. А еще, — он понизил голос, — я смертельно боюсь.

Обе девушки, боясь пошевелиться, во все глаза смотрели, как вершинник заскользил

вдоль железной стрелы, перебирая конечностями словно большой паук. Время от времени Мычка ненадолго застывал на узлах конструкции, торчащих неудобными выступами, коротко оценивал препятствие и резко прыгал. На каждом таком прыжке руки подземницы вздрагивали, а сердце замирало, но вершинник продолжал движение, и она с облегчением выдыхала.

Вдоль всей конструкции свисали проржавевшие цепи, но, слишком короткие, они не достигали воды. Продвигаясь вдоль стрелы, Мычка то и дело заглядывал вниз, но, обнаружив очередной оборвыш, лишь хмурился. Беспечно плескавшийся до этого момента пещерник наконец заметил опасность, бешено работая руками, он стремительно подгреб к берегу и попытался вылезти из воды, но влажные камни не давали достаточной опоры, с трудом поднявшись на полкорпуса, мужчина взмахнул руками и обрушился обратно, тут же попытался повторить, но смог сделать и того меньше. Чувствуя надвигающуюся гибель, он надрывно закричал.

Стиснув зубы, Мычка пополз быстрее. Ближе к концу металлическая конструкция основательно проржавела, от легкого прикосновения срывались целые пласты ржавчины, и прежде чем поставить руку, приходилось тщательно выбирать место. В очередной раз заглянув вниз, вершинник удовлетворенно выдохнул, впереди, совсем рядом, свисала цепь, достаточной длинный, чтобы можно было спуститься к самой воде. Он начал было прикидывать наиболее удобный путь, но внизу завозилось, заверещало испуганно, и отбросив план, Мычка разжал руки.

С берега донесся вздох ужаса, когда повиснув на руках, он дважды качнулся, и, резко выгнувшись, послал тело вперед, преодолев расстояние до цепи. Ладони ожгло болью, Мычка сдавленно выругался, чувствуя, как грубые звенья срывают кусочки кожи, перехватив цепь локтем, и добавив упора ногами, стремительно заскользил вниз.

Цепь закончилась неожиданно, вершинник едва успел схватиться за ускользящий металл, чтобы не оказаться в воде. Неподалеку, потеряв голову от страха, пещерник продолжал бесполезные попытки взобраться на берег, но, устав, двигался все медленнее.

— Эй! — Мычка крикнул, привлекая внимание утопающего, но пещерник был слишком напуган и не расслышал. Набрав воздуха в грудь, Мычка заорал что есть мочи, вспоминая слышанные от Шестерни ругательства: — Эй, секиру прародителя тебе в печень, гребь сюда, если не хочешь утонуть, как дырявый пивной бочонок!

Пещерник завертел головой, отыскивая источник звука, на Мычку взглянули уставшие глаза. Посеревшее лицо впавшего в отчаяние мужчины вспыхнуло надеждой, собрав остатки сил, он бросился вперед, не раздумывая, в несколько гребков добрался до цепи, закружился, протягивая руки.

Съехав ниже, насколько это было возможно, и едва не сорвавшись, Мычка вытянул руку, пытаясь дотянуться до пещерника, но лишь зарычал от бессилья, до воды осталось совсем немного, но трепыхающийся внизу мужчина совсем обессилел, и едва двигал конечностями, не в силах сделать решающий рывок.

Поверхность озера исказилась, ударили в берег тяжелые волны, совсем рядом, у поверхности, с шумом пронеслось тяжелое. Все это время подспудно ожидая трагедии, Мычка поднял глаза, с удивлением наблюдая, как горбатая спина описывает большой полукруг, казалось, чудовище забавляется, наблюдая беспомощность жертвы.

Выругавшись, вершинник завертел головой, отчаянно пытаясь найти хоть что-то пригодное в помощь. Озаренье молнией пронзило мозг, набрав воздуха в грудь, он закричал:

— Себя! Тетиву!

Подняв голову, Мычка устремил взгляд вверх, выискивая среди множества испуганных лиц точеные черты подземницы. Кто-то замахал руками, до ушей донеслось далекое:

— Держиии...

Мелькнула белесая точка, извернувшись всем телом, так что хрустнули позвонки, Мычка перехватил пакет, рванул зубами хрустящую обертку, тряхнул, разматывая. В руке зазмеился тонкий жгут. Обмотав один конец вокруг руки, другой он бросил вниз, крикнул страшно:

— Держи!

Едва пещерник вцепился в веревку, Мычка потянул. Уставшие руки ломило, ноги начали терять чувствительность, но сцепив зубы Мычка продолжал рывок за рывком неуклонно выбирать веревку. Когда, едва чувствуя ладони, он ухватил руку пещерника, перед глазами плавали разноцветные искры, а в голове мутилось, преодолевая слабость, Мычка прошептал:

— Вверх сможешь?

Лишь, когда вершинник повторил вопрос трижды, в расширенных глазах пещерника пробилось понимание, истово закивав, он бодро полез вверх. Не дожидаясь, пока спасенный потеряет сознание и рухнет на голову, Мычка заскользил следом, подбадривая мужчину, и, время от времени, упираясь ему руками в подошвы ног для подстраховки.

Когда, наконец, спасенный влез вверх и уверенно продвигался по толстым балкам стрелы к берегу под шумное одобрение толпы, Мычка позволил себе передышку, обхватив цепь ногами, он закрыл глаза, забылся, прислонившись пылающим лбом к холодному металлу. Ушей коснулся низкий вибрирующий звук. Сперва, едва слышимый, он рос, ширился, отдаваясь болью в зубах, наливался мощью, пока не перекрыл шум толпы.

Мгновенно придя в себя, Мычка взглянул по направлению звука, и обомлел, из воды, там где совсем недавно плескался полумертвый от страха пещерник, на него не мигая смотрело нечто: угловатый, чуть вытянутый череп обтянут морщинистой кожей, создающей ближе к шее мясистый воротник, мощные челюсти с двумя рядами острейших кинжалообразных зубов приоткрыты, за ними, глубоко внутри, ворочается темное, прикрытые перепонками ноздри трепещут, близко посаженные глаза, с удивительными крестообразными зрачками, неотрывно смотрят на застывшего на цепи вершинника. Мычка поразили ненависти, клубящейся в глазах твари, с таким выражением могло смотреть лишь наделенное разумом существо, которого лишили желаемого.

Челюсти поползли в сторону, вновь раздался леденящий рев, существо начало медленно погружаться в черную воду, сперва растворился кожистый воротник, по-прежнему открытая пасть стала наполняться водой, медленно истаивая в глубине, но даже, когда над водой не осталось больше ничего, удивительные глаза, уже подернутые дымкой мути, продолжали прожигать взглядом.

По ушам стеганул надрывный крик, Мычка узнал интонации подружки упавшего в воду пещерника:

— Беги! Оно сейчас прыгнет. Беги-и!..

В голове замедленно ворочались мысли, пытаясь осознать, но тело, ощутив в раздавшемся крике девушки смертельный ужас, среагировало вовремя. Дернувшись, как ужаленный, Мычка начал стремительно взбираться вверх, и в этот момент вода со всхлипом разошлась. Обернувшись, вершинник застыл, снизу, взмывая, как на крыльях, к

нему неслось чудовище. Словно замороженный, Мычка смотрел, как огромная пасть приближается, все увеличиваясь и увеличиваясь в размерах, мгновение, и острые зубы несутся навстречу друг другу, с треском схлопываются, лишь чуть-чуть не достав, и вот чудовищная туша уже летит обратно, с глухим ударом падает в воду, взметнув тучу брызг.

Наваждение прошло, дико заорав, вершинник, что есть сил, пополз наверх. Внизу, заходясь ревом, беснуется хищник, от жутких звуков ноги становятся ватными, а уставшие руки с трудом подтягивают ставшее непривычно тяжелым тело.

И вновь тишина, похоже, тварь отстала. Пальцы вцепляются в прочные балки нависающей над головой конструкции, рывок, и осточертевшая цепь остается внизу. Впереди удобный путь по металлическим перекрытиям, таким широким и прочным.

Когда фигура вершинника, ненадолго исчезнув из поля зрения, вновь возникла перед глазами, и уверенно двинулась по стреле к набережной, Себя опустила дрожащие руки. Сердце бешено колотится, а в коленях слабость, словно это она лезла по цепи и уворачивалась от ужасных зубов.

Вокруг напряженные лица, кто-то в ужасе зажал рот, кто-то с болезненным интересом вглядывается в бурлящие воды озера, стараясь запомнить каждую черточку жуткой твари, чтобы потом было о чем рассказать приятелям за кружечкой пива в таверне, но некоторые сжимают в руках концы длинных веревок. Себя оглядела пещерников, одобрительно кивнула, паники нет, все необходимое для спасения приготовлено.

Она пропустила момент, когда толпа вздрогнула, в ужасе отшатнулась. Чувствуя, что происходит что-то непоправимое, подземница стремительно повернулась, ощутив как от щек отливает кровь. Тварь, что, казалось, уже успокоилась, предприняла последнюю попытку. Из воды взметнулось огромное тело, мелькнули покрытые наростами бока, дернулись перепончатые лапы, преодолев едва не половину расстояния до нависающей над озером стрелы, животное вдруг резко вскинулось, ухватившись челюстями за цепь, и повисло всей массой.

Вздрогнула набережная, как от боли дернулась стрела крана, фигурка вершинника мотнулась, зависнув над пропастью, некоторое время нелепо взмахивала руками, и, не удержав равновесия, низринулась в озеро. Мгновением позже страшно закрипело, не выдержав веса животного, конструкция затрещала, изогнулась, как смертельно раненное животное, и с жалобным стоном завалилось в воду, вместе с висящим на цепи чудовищем.

ГЛАВА 11

Застыв, Себя неотрывно смотрела в озеро, где, пронзенная железными обломками, постепенно успокаивалась вода. Несколько мгновений она стояла, не в силах шевельнуться. Находящиеся рядом пещерники, глядя на застывшее лицо девушки, отводили глаза. Кто-то всхлипнул, стоящий рядом мужчина растеряно пробормотал:

— Надо же, а ведь он почти спасся.

Другой произнес выпренно:

— От судьбы не уйдешь. Видимо темным богам была угодна эта жертва.

Подземница глянула на говорившего так страшно, что мужчина смешался, спрятался за спины, произнесла сдавленно:

— Темные боги, говоришь... Что ж, посмотрим.

Она подошла к ближайшей бухте каната, выбрала конец, скупыми резкими движениями обернула канат вокруг тела, ближе к подмышкам. Несколько пещерников, что подогадливей, тут же подскочили, начали помогать. Закончив, подземница требовательно взглянула на толпу. Один из помогавших, крепкий мужчина в коротком халате, коснулся ее плеча, сказал успокаивающе:

— Не бойся, я удержу и двоих.

Вновь послышался замолкший было голос:

— Но не будет ли это святотатством, отбирать жертву у озерного бога? Оставьте эти попытки, а лучше — бросьте богохульницу следом.

Ступив на край обрыва, Себя обвела взглядом толпу, выискивая крикливого, сказала кровожадно:

— Если кто-нибудь обрежет канат, я все равно выберусь, и тогда вы узнаете, что на свете есть вещи гораздо более страшные, чем эта туша из озера, — резко оттолкнувшись ногами, она бросилась вниз.

Открыв глаза, Мычка некоторое время всматривался в низкий потолок, затем перевел взгляд. Интерьер казался смутно знакомым: четыре пустых кровати у стен, ворох вещей в углу... Преодолевая тупую боль в голове, вершинник приподнялся и, лишь обнаружив возле одной из кроватей большую кожаную котомку, а неподалеку, на полу, прикрытую щитом секиру, с облегчением вздохнув, откинулся обратно на кровать.

Без скрипа отворилась дверь, в комнату тяжело ступая, вошел Дерн, следом за ним внутрь скользнула подземница. Лицо болотника осунулось, под глазами залегли черные мешки, но, когда он открыл рот, Мычка удивился бодрости его голоса. Легко вытащив из угла приземистый каменный табурет, словно тот был из сухого дерева, Дерн устроился у кровати, спросил с улыбкой:

— Как самочувствие нашего спасителя пещерников?

Мычка зябко поежился, вспоминая произошедшее, слабо прошептал:

— Сам удивляюсь, и чего полез? Повторись ситуация — ушел бы не оглядываясь, — он поморщился, ноги невыносимо зудели, приподнявшись, Мычка с наслаждением стал драть ногтями кожу, прямо через штаны.

Глядя на его действия, Дерн чуть нахмурился, как бы невзначай поинтересовался:

— Шибко чешется?

— Жутко, — признался Мычка.

Взяв его за руки, Дерн насильно уложил вершинника на место, произнес повелительно:

— Лежи смирно. После того что произошло на набережной, Себя мне уже вкратце рассказала, у тебя должно быть переломана половина костей.

Пальцы болотника уже знакомо забегали по телу, как уже не раз наблюдал Мычка, но если со стороны казалось, что Дерн едва касается кожи, то на деле его пальцы давили с такой силой, проминая мышцы и ощупывая кости, что вершинник едва не вскрикивал, то и дело дергаясь всем телом. Затем Мычка перевернулся на живот и вновь дергался под руками болотника. Закончив, Дерн удовлетворенно кивнул. Глядя на его бесстрастное лицо, Себя осторожно уточнила:

— Ничего страшного?

Дерн покосился на подземницу, сказал коротко:

— Пока нет. Если бы не возбужденная толпа пещерников, что притащили его на руках, я не поверил бы в твой рассказ. У него не то что переломов — царапин нет.

Девушка глубоко вздохнула, ее напряженное лицо разгладилось, но она все же уточнила:

— Правильно ли я поняла, что ему ничего не грозит?

Глядя, как вершинник вновь тянется к ногам, Дерн ответил:

— Сейчас нет, но если он еще некоторое время... — не закончив, болотник потянулся к котомке, недолго порывшись, вытащил один из горшочков.

Не дождавшись продолжения, Мычка спросил:

— Некоторое время что?

Вместо ответа, Дерн приказал:

— Снимай-ка штаны, и живо.

Мычка непонимающе уставился на болотника, но Дерн смотрел хмуро, и вершинник лишь пожал плечами:

— Как скажешь.

Когда Мычка распустил ремень, Себя сделала движение выйти, но, к ее удивлению, Дерн покачал головой, сказал негромко:

— Тебя это тоже касается. Смотри.

Когда вершиннику, наконец, удалось избавиться от липнувшей к телу мокрой ткани, лишь болотник остался спокойным, остальные застыли с распахнутыми глазами: вся кожа на бедрах и ниже оказалась покрыта какими-то небольшими, отвратительного вида розовыми наростами.

Глядя на искаженные отвращением лица спутников, Дерн произнес:

— В здешних водах живет редкий вид слизней. Обычно они безопасны, но иногда изменение условий жизни приводит к тому, что они меняют цикл развития и переходят к паразитизму, поселяясь в тканях соприкасающихся с водой существ. Кстати, не далее чем вчера вечером мы с вами занимались именно таким запущенным случаем.

— Это значит что я, что у меня тоже... — темная кожа на щеках подземницы почти сравнялась по цветку с камнями стен.

— У всех, кто так или иначе сталкивается с местной неочищенной водой, — покровительственно произнес Дерн.

Девушка чуть слышно прошептала:

— Но я не чувствую зуда. Да и никогда не слышала, чтобы кто-то из моих соплеменников болел этим, этим... — она зашевелила пальцами, подбирая слова.

Болотник пожал плечами:

— Вполне возможно у подземников иммунитет, или еще что-то, что отпугивает паразитов. В общем, мой вам совет, натрите этой мазью ноги, почему-то паразиты вгрызаются исключительно в нижнюю часть тела, — он насмешливо взглянул на Мычку, что при последних словах побледнел, и украдкой бросил взгляд себе на низ живота, — и хорошенько вычистите одежду, прежде чем надевать заново.

Дерн встал, водрузил горшочек на табурет, и вышел. Затворяя дверь, он улыбнулся кончиками губ, из комнаты донеслось громкое шуршание сбрасываемой ткани, словно Мычка с Себией соревновались, кто избавится от одежды первым.

Последние сутки болотник почти не спал. Прознав о появившемся в городке лекаре, пещерники то и дело приглашали его в какой-нибудь дом на отшибе, чтобы получить совет, или избавить от мучений близких, так что, обойдя добрую половину города и сделав почти десяток операций, Дерн с трудом держался на ногах. К тому же, его терзал голод, так что болотник направился в обеденный зал с твердой решимостью не заниматься более никем и ничем, пока не удовлетворит потребности собственного тела.

Едва массивная фигура Дерна показалась в проеме, к нему тот час кинулась служанка, остановилась рядом, почтительно ожидая заказ. В числе первых вылеченных оказался близкий родственник хозяина таверны, так что теперь Дерн мог есть за счет заведения сколько угодно, а когда болотник избавил от мучений еще несколько завсегдатаев таверны, рассыпавшись в благодарностях, хозяин сообщил, что отныне правило распространяется и на всех спутников "великого лекаря".

Не озаботившись выбором, Дерн буркнул:

— Принеси что-нибудь погорячее, — и уселся за ближайший столик.

Проводив взглядом метнувшуюся в сторону кухни служанку, болотник подпер голову рукой, но едва щека коснулась твердого, мгновенно заснул, не меняя позы. Болезненный удар по ноге вернул к реальности. Сонно хлопая ресницами, Дерн обвел взглядом помещение, с удивлением обнаружив на столе множество уже остывших блюд, судя по всему, служанка принесла обед тотчас, но устрешенная суровым видом посетителя, не решилась разбудить.

Напротив, со вкусом высасывая мозг из разломанной кости, восседал Зола. Пошевелив пальцами на саднящей ноге, Дерн покосился на стоящий тут же посох, пробормотал хмуро:

— Мог бы и поласковее разбудить, — придвинув ближайшую миску с горкой сочных мясных кусочков, он забросил в рот целую горсть.

Выбив остатки сладкого мозга на тарелочку, маг огорченно покрутил в руках опустошенную кость, сказал желчно:

— Поблагодари, что по голове не врезал. Уж сколько пытаюсь, все никак добудиться не могу. Половину обеда сожрал, ожидая, хорошо хоть добрые люди подсказали, как в чувство привести.

Набив рот подтаявшим холодцом, Дерн пробормотал:

— Ох, попадись мне эти "добрые люди"...

На стол упала тень, Дерн с Золой одновременно подняли головы, у стола, замотанный в одеяло, возвышался Мычка. Хмуро оглядев приятелей, он присел на край скамьи рядом с Золой, критически осмотрев стол, подтянул к себе блюдо с оранжевыми мятно пахнущими стеблями какого-то растения.

Маг удивленно посмотрел на непривычное одеяние вершинника, произнес с усмешкой:

— Вижу, ты еще не пришел в себя. А ведь в городишке только и говорят, что о чужестранце и его прекрасной спутнице, что не побоялись вступить в бой с озерным богом.

— Что говорят? — Мычка вскинул глаза на мага.

Зола ответил уклончиво:

— Разное. Одни восхищаются, другие проклинают, но все сходятся на том, что кара божества не минует чужеземцев.

Дерн на мгновение перестал жевать, сказал задумчиво:

— Необычное поведение для животного — атаковать жертву посредством системы блоков. К тому же слизи... Что-то странное с этим озером, — он вновь приступил к еде.

— Все это несущественно, — отмахнулся Зола. Он наклонился ближе к друзьям, понизив голос, произнес: — Мне стало известно, что под городом существует сеть штреков, где, как говорят, изредка попадает кое-что необычное.

— Например? — зевнув, Мычка почесал руку, но тут же нервно дернулся, осматривая зудящее место.

— Помните пещеру, где мы видели странные конструкции? Девчонка еще что-то упоминала о гигантах. Так вот...

Маг не договорил. На скамью рядом с ним что-то с грохотом опустилось, на столе негромко звякнула посуда. Зола испуганно подпрыгнул, живо обернулся. Улыбаясь во все лицо, на него смотрел Шестерня.

ГЛАВА 12

Обведя стол взглядом, пещерник радостно хохотнул:

— Здорово, заговорщики. Размышляем, как лучше опустошить сокровищницы местных купцов? — он уверенно придвинул к себе ближайшую миску с хорошо прожаренной, покрытой хрустящей корочкой, свиной ножкой, с шумом втянул воздух ноздрями. Рванув зубами пропитанное специями мясо, Шестерня бодро зачавкал, спросил с набитым ртом: — Так что там у нас по плану: грабим городского наместника, вскрываем могилы, или, ха-ха, просто потрошим честной люд?!

Заметив, что на них начали оглядываться посетители таверны, Зола с неудовольствием произнес:

— Кому-то не помешало бы научиться говорить тише. И вообще, где ты ошиваешься последние сутки?

Глумливо улыбающийся Шестерня, вдруг смутился, пробормотал невнятно:

— Да, понимаешь, туда зашел, сюда...

Друзья с удивлением взглянули на пещерника, только сейчас заметив, что Шестерня заметно преобразился: ровно уложенные волосы смазаны маслом, борода и усы аккуратно подстрижены, а от тщательно вычищенной рубахи доносится тонкий аромат. Кивнув мыслям, Дерн негромко произнес:

— Неплохо здесь встречают гостей, вот только не кормят...

Смутившись еще больше, Шестерня почти перестал жевать, беспомощно взглянул на скалящих зубы друзей, но в этот момент к ним быстрым шагом приблизился человек. С головы до ног закутанный в халат, с низко надвинутым капюшоном, он мог бы зайти за кого угодно, но низкий рост, широкие плечи и торчащая из-под капюшона окладистая борода выдавали прирожденного пещерника.

Остановившись возле стола, незнакомец чуть слышно произнес:

— Прошу прощения, что прерываю вашу трапезу, но дело не терпит отлагательств.

На него взглянули с интересом. Зола нахмурился, спросил хрипло:

— Мы чем-то можем помочь?

Пещерник склонил голову в поклоне, пробормотал:

— И вновь я приношу извинения за дерзость, но, скорее помочь могу я. — Заметив, как во взглядах наемников протаяла заинтересованность, он удовлетворенно кивнул, произнес негромко: — Что ж, теперь к делу...

Шестерня с грохотом отодвинул тарелку, сказал негромко:

— Послушай, любезный, возможно, ты знаешь действительно нечто очень важное, но не пристало прятать лицо в честной беседе.

Незнакомец вздохнул, сдвинул капюшон так, что стало видно обрамленное узкой бородкой суровое лицо, из — под густых бровей на наемников в упор взглянули карие глаза, он терпеливо произнес:

— Теперь, когда, я надеюсь, ваши подозрения рассеялись, все же перейдем к делу. Время поджигает, так что постарайтесь не перебивать, — он обвел взглядом слушателей. Собравшись с мыслями, мужчина произнес: — С живущими по соседству подземниками у нас не так давно установился хрупкий мир, так что жители города наконец вздохнули свободно.

Не то, чтобы мы слишком опасались темнокожих, но война губительна для торговли и мешает процветанию, — пещерник развел руками, словно оправдываясь. Тяжело вздохнув, он сказал едва слышно: — Двое суток назад в наш город проник небольшой отряд наемников, с которым, как стало известно позже, прошла одна знатная особа, и теперь...

— Что теперь?

Все как один повернулись на голос. Подошедшая незаметно, возле стола стояла Себя, без скрывающего фигуру плаща она выглядела великолепно, и мужчины поневоле засмотрелись, грива волос рассыпалась по плечам черными струями, тонкие аристократические руки сложены на груди, а губы изогнулись в легкой усмешке. Вопросительно вздернув тонкие брови, девушка требовательно смотрела на пещерника.

Покачав головой при виде подземницы, незнакомец закончил:

— И теперь на нашей границе в ожидании выстроились боевые порядки подземников, а сюда направляется отряд стражи с четким приказом.

Прищурившись, Мычка произнес:

— Было бы небезынтересно узнать, что приказано стражникам, но, полагаю, мы этого не узнаем, — встав из-за стола, вершинник неслышной тенью исчез в заднем коридоре.

Тяжело вздохнув, за ним неохотно двинулся Шестерня. Проводив друзей глазами, Зола поинтересовался:

— Бесспорно, ты поведал интересные вещи, но... в чем твоя выгода, и откуда ты это знаешь?

Мужчина понимающе кивнул:

— Я ждал этого вопроса. Но здесь все просто, один из вас излечил моего отца от старого недуга, а другой спас жениха сестры. Что же касается остального, — он распахнул плащ, в рассеянном свете настенных фонарей тускло блеснули толстые пластины нагрудной брони, сказал просто, — я состою в числе дворцовой стражи.

За дверью загремело железо, раздались повелительные окрики. Дерн тут же оказался на ногах, а Зола цапнул посох.

Себя нехорошо прищурилась, положив руку на рукоять кинжала, прошептала:

— Я не вернусь, даже если придется забрызгать кровью стены до самого потолка.

Предчувствуя драку, редкие посетители таверны поспешили перебраться ближе к стенам, но незнакомец, взглянув на решительные лица наемников, сказал поспешно:

— Не нужно крови. Я вам очень обязан, но это мои люди, и они здесь не причем. Постарайтесь уйти, пока я буду задерживать стражу, — сбросив плащ, он решительно направился к выходу.

Когда они заскочили в комнату, облаченный в доспех Мычка уже ждал у распахнутого окна, прислушиваясь к доносящемуся от входа в таверну шуму. В темпе разобрав вещи, наемники по-очереди вылезли на улицу. Дерн замешкался, протискивая через оконный проем, но услышав у входа в комнату лязг оружия дернулся, едва не оборвав лямки у котомки, вывалился наружу.

Стараясь не производить шума, быстро отступили в тень скалы, дальше от освещенных окон таверны. Прилаживая секиру, Шестерня горестно воскликнул:

— Опять бежать! Едва стоило вкусить радостей оседлой жизни, как снова в путь...

Оборвав пещерника, Зола раздраженно прошипел:

— Можешь остаться, никто не держит. Те, кто идут за нами будут рады побеседовать по душам.

Завернувшись в плащ, так что на виду остались лишь кончики пальцев да носки сапог, Себя напряженно спросила:

— Нужно уходить, но куда? Выход из города наверняка перекрыт, по улицам рыщет стража, а других путей я не знаю.

— Если найдем лодку, можно попробовать по озеру, — глубокомысленно произнес Дерн, но увидев, как в ужасе расширились глаза вершинника, добавил, — хотя, возможно, это не лучшая идея.

Зола произнес желчно:

— Будучи за столом, я собирался посвятить вас в свои планы, но мне не дали. Действительно, и кому интересно, что там думает старый, выживший из ума маг. — Добившись таким образом внимания, Зола деловито сказал: — Так вот, мне удалось достать, не спрашивайте как, планы подземелий города. Вход находится возле озера, неподалеку от места, где ведущая в город дорога раздваивается, ближе к противоположной от нас стороне ущелья. Нужно дойти до места и обнаружить вход. Все очень просто.

Себя, в течение беседы то и дело вертевшая головой, дергаясь от каждого шороха, выдохнула:

— Вместе идти нельзя, нас сразу же обнаружат. Если никто не против, предлагаю разойтись прямо сейчас и достигнуть нужного места парами, или поодиночке.

Шестерня пожал плечами:

— Я и один прекрасно справлюсь, кто меня тут заподозрит? — выступив из тени он быстро достиг освещенного места и слился с заполняющими улицу прохожими, так что уже через несколько мгновений его невозможно было вычленивать из толпы.

Мычка ощупал перевязь, после недавних приключений исчез меч и почти не осталось метательных ножей, похоже, чьи-то жадные руки таки добрались до оставленного без присмотра оружия, сказал хмуро:

— Мне нужно заглянуть в одно место... Думаю, я не слишком задержусь.

— Пойдем вместе, — подземница взглянула в лицо вершиннику, что просиял при этих словах, — почему-то мне кажется, что так будет лучше.

Зола перехватил посох удобнее, сказал довольно:

— Вот и отлично. А я, так и быть, составлю компанию болотнику, а то он на ходу спит, того и гляди в озеро свалится, или охране попадет.

Себя с Мычкой крадучись двинулись вдоль стены, придерживаясь тени. Дождавшись, пока они исчезнут за стеной ближайшего дома, маг кивнул Дерну, и они неторопливо вышли на улицу, бросая настороженные взгляды по сторонам.

Поднявшись на пару ярусов выше, Мычка осмотрелся, редкие прохожие торопливо шли по своим делам, не придавая особого значения высокому бледному юноше с закутанным в плащ спутником. Удовлетворенно выдохнув, вершинник облокотился о перила, всматриваясь в лежащие ниже ярусы.

Себя встала рядом, обозревая окрестности из — под низко надвинутого капюшона, произнесла шепотом:

— Если наткнемся на стражников, чтобы не подставлять остальных, уйдем ярусом выше.

Мычка взглянул на спутницу, и в очередной раз поразился, насколько сильно маскировал девушку обычный плащ, двигаясь короткими, рваными шагами, подземница умудрялась оставаться невидимой для большей части прохожих, некоторые из которых с интересом смотрели на вершинника, но, казалось, вовсе не замечали идущего плечом к плечу попутчика.

Без приключений вышли из города, миновав патруль, дошли до развилки. Здесь, отвесная в других местах скала, спускалась к воде небольшими уступами сплошь заваленными огромными каменными глыбами. От воды тянуло терпким запахом водорослей и какой-то гнилью. По словам Золы место входа в катакомбы находилось рядом.

Коротко оглядев тонуший в тенях берег, Себя пробормотала:

— Великолепно. Если кто-то решил обмануть нашего мага, лучше места для засады не придумаешь. Подожди здесь, — одним движением сбросив капюшон, она шагнула вперед.

Мычка не успел возразить, как девушка спрыгнула на уступ ниже и мгновенно исчезла из глаз. Вершинник изо всех сил всматривался и вслушивался во тьму, но так и не смог понять, стоит ли подземница на месте, или давно ушла, неслышимая, словно тень.

Негромко хрустнул песок, в нескольких шагах из тьмы выдвинулась фигура, подошла неспешно. Вершинник расслабил плечи, что сами собой напряглись, с облегчением выдохнул:

— Я уж заждался.

Себя лишь отстраненно кивнула, заметила с удовлетворением:

— Внизу никого нет, значит у нас есть время, но все равно стоит поторопиться.

Они двинулись дальше. Вскоре в монолите камня прорезались первые дома, а на дороге показались жители. Накинув капюшон, девушка ссутулилась и отстала на полшага. На этом берегу озера город почти ничем не отличался, разве что дорога оказалась заметно шире, а дома богаче. Попадающиеся навстречу пещерники ступали размеренной походкой зажиточных людей, а яркие одежды изящного покроя дополнительно подчеркивали достаток, лаская взор витиеватыми рисунком и сверкая многочисленными блестками.

Вскоре показался первый переход на верхние ярусы, Мычка уже собирался свернуть, когда заметил, что по дороге гуськом спускается патруль. Втянув голову в плечи, вершинник шмыгнул мимо, но один из охранников заметил, окрикнул грозно:

— Эй, а ну стой!

Мычка напрягся, но продолжил шагать, прикинувшись, что не слышал. Раздался грохот сапог, над ухом рывкнуло:

— Я тебе говорю, стой.

Вздрыгнув всем телом, Мычка пугливо обернулся, но взглянув на патрульного, громко выдохнул, пробормотал с облегчением:

— Слава богам, я уж подумал, что нарвался на бандитов.

Немолодой, закованный в латы пещерник, находящийся в том возрасте, когда мышцы еще не утратили крепости, но уже покрылись дряблым жирком, сказал удивленно:

— Ты откуда свалился, парень? У нас посреди дня уже давно не грабят, а если кто рискует, — он хохотнул, — холодные казематы быстро излечивают от вредных привычек.

Мычка поспешно закивал, угодливо поддакнул:

— Конечно-конечно. Но я здесь не так давно, еще не привык, вздрагиваю от каждого шороха.

Скептически оглядев комплекцию Мычки, уступающего по ширине плеч любому, даже самому тощему пещернику, патрульный резко потерял интерес, спросил больше для порядка:

— Не видал здесь группу наемников? Чужестранцы, на вроде тебя, с ними еще девка — подземница, — его взгляд скользнул по замотанной в плащ Себии.

Пытаясь отвлечь внимание пещерника на себя, Мычка всплеснул руками, произнес с нервным смешком:

— Что ты, что ты! У меня слишком плохие воспоминания об мире за стенами этого города, чтобы интересоваться пришельцами. — Видя, что патрульный упорно смотрит на подземницу, Мычка громко хлопнул себя по лбу, воскликнул: — Погоди. Я только что с той стороны, и, кажется, видел тех, о ком ты спрашиваешь.

Пещерник нахмурился, мгновенно потеряв интерес ко всему прочему, спросил сурово:

— Где и кого именно ты видел?

Мычка почесал в затылке, наморщив лоб, долго вспоминал, но когда пещерник уже почти потерял терпение, наконец изрек:

— Вроде бы это было возле таверны "Старый бочонок". Один из парней был такой большой, с зеленоватой кожей, настоящий громила, другой тощий, седой, по всей видимости маг, ну и девка там была...

Уже не слушая, пещерник быстрым шагом двинулся к своим товарищам, в ожидании лениво переминающимся неподалеку. Отдав короткую команду, он устремился по дороге прочь из города, следом за ним нестройно затопали остальные.

Рядом шевельнулась Себия, произнесла чуть слышно:

— Молодец, лучше бы и я не сыграла. Теперь главное, чтобы они по дороге не встретили кого-то из наших.

Мычка улыбнулся краешком губ, последнее время из уст подземницы он часто слышал слово "наши", девушка всерьез считала себя частью их небольшого коллектива, ответил:

— Это действительно рискованно, но, к сожалению, ситуация становилась критической, он смотрел на тебя не отрываясь. Так что пусть лучше встреча произойдет на полутемной дороге пустыря, чем мы устроим резню посреди города.

Пользуясь тем, что ведущая наверх дорога освободилась, поднялись на ярус выше, затем еще и еще. Без приключений преодолев путь почти до конца четвертого яруса, Мычка сбавил шаг, пристально вглядываясь в дома. Возле одного, ничем не отличающегося от прочих, внутри крохотного дворика, на лавочке притулился здоровенный пещерник. При взгляде на него, Мычка сразу понял, к чему относится столь странное, как показалось вначале, имя. На поясе мужчины висел огромный, почти по размеру меча, зазубренный кинжал, могучие волосатые руки покоились на груди, а на круглой, переходящей в плечи без малейшего

намека на шею, голове темнела искусная татуировка перекрещенных кинжалов.

Приблизившись к оградке, Мычка осторожно поинтересовался:

— Могу я поговорить с Резчиком?

Маленькие пороссячи глазки с неприязнью взглянули на гостя, пошевелив мясистыми губами, мужик прорычал:

— С какой это стати Резчику общаться с тобой?

Вершинник улыбнулся краешком губ, в этом городе улыбающихся лиц и почтительного обхождения оказалось на удивление приятно встретить хоть одну недовольную рожу, ответил:

— Юркий прислал меня.

Поведение мужика мгновенно изменилось, исчез презрительный прищур, суровые складки у носа разгладились, теперь его лицо излучало сплошное радушие. Мычка вздохнул украдкой, даже если этот пещерник, судя по роже — редкостный бандит, при мысли о возможной прибыли тут же изобразил лицемерную радость, что уж говорить о прочих.

Одним прыжком оказавшись на ногах, мужик дернул калитку, согнувшись в угодливом поклоне, проворковал:

— Прошу в дом, дорогие покупатели. У меня есть все, что вам нужно, — он метнул горящий взгляд на Себию, по-прежнему, укутанную в ткань, но только шире улыбнулся.

Зайдя в дом, вершинник окинул взглядом просторную комнатку, почти лишенную мебели, спросил у вошедшего вслед хозяина:

— Не больно-то у тебя много места для хранения контрабанды. Оружие требует приличных объемов.

Мужик расплылся в улыбке, протянул понимающе:

— Так вы за оружием... Что ж, ясно, — он запер дверь на засов. Повернувшись, Резчик с интересом оглядел гостей, сказал насмешливо: — А что касается места, так только дурак будет прятать вещи там, где всякий может обнаружить. Кстати, твоя подруга может не таиться, здесь нет лишних глаз.

Себя сбросила капюшон, тряхнула головой, освобожденные волосы ручьями заструились по плечам. Хозяин дома лишь хмыкнул, вразвалочку прошел к дальней стене, где, скрытая за ширмой, обнаружилась незаметная дверь. Повозившись с ключом, пещерник с трудом отомкнул замок, приглашающе мотнул головой и растворился в сумраке.

Мычка переглянулся с Себией, спросив глазами, что она думает насчет странного хозяина, подземница ответила легким пожатием плеч и без страха двинулась к открывшемуся проему. За дверью оказался короткий неудобный лаз, пришлось низко наклоняться, чтобы не набить шишек об низкий потолок, который вывел их в крохотную комнатку.

Разогнувшись, Мычка удивленно посмотрел по сторонам, перевел взгляд на Резчика роющего в массивном ящике возле противоположной стены. Подземница стояла тут же, вершинник с удивлением заметил в ее позе напряжение, словно девушка чего-то серьезно опасалась.

Хозяин с грохотом захлопнул ящик, неторопясь повернулся. Увидев его лицо, Мычка нахмурился, любезное выражение уступило место откровенному злорадству. Но прежде чем он открыл рот, Себя стремительным движением выдернула кинжал из ножен, прошипела:

— Только попробуй дернуться, с такого расстояния я не промахнусь.

Резчик едва заметно побледнел, стараясь не шевелиться, хрипло бросил:

— Что ж, наблюдательности тебе не занимать, не в пример твоему товарищу. Но, тем лучше, будет мне на будущее урок, а то расслабился в этом курятнике, начал забывать, что из себя представляют темные ассасины.

Мычка перевел ошарашенный взгляд на Себию, он слышал о гильдии загадочных убийц, но никогда не доводилось сталкиваться вживую, спросил чуть слышно:

— Это правда? Так ты...

Резчик рассмеялся, сказал грубо:

— А с этим вы разберетесь уже без меня, благо, механизм работает автономно.

Последние слова перекрыл гулкий грохот за стеной. Подземница вскрикнула, бросилась вперед, одновременно с силой толкнув Мычку обратно в проход, но не успела всего чуть-чуть. Пол под ногами дрогнул, каменные створки распахнулись, ощерившись черным провалом, и они на пару обрушились вниз, преследуемые насмешливым хохотом хозяина дома.

ГЛАВА 13

В темноте завозилось, вспыхнула голубоватым сиянием извлеченная из недр заплечного мешка магическая сфера. Морщась от боли в боку, упав, он хорошо приложился ребрами о какой-то выступ, Мычка осмотрелся. Небольшая, три на четыре шага, комнатка, вдоль стен, покрытые пылью, возвышаются сундуки, внушая уважение основательностью, кованые бока тускло поблескивают, тяжелые крышки плотно притворены.

Оперевшись на ближайший сундук, Мычка привстал, ожидая режущей боли, но, судя по всему, кости уцелели, для проверки пару раз глубоко вздохнув, произнес:

— Ты действительно ассасин?

Подземница повернула голову, внимательно посмотрела на спутника, спросила:

— Это что-то меняет?

Мычка улыбнулся, мотнул головой:

— Нет. Просто, никогда не видел вот так, близко.

— Скорее всего видел, но не знал, — девушка улыбнулась в ответ, — первое, чему учат вставших на этот путь — быть незаметным.

Вершинник с любопытством наблюдал, как подземница старательно изучает стены, едва не касаясь носом грубой поверхности камня. Она казалась настолько сосредоточенной, что Мычка отложил вертящиеся на языке вопросы, сказал с грустью:

— Лишний раз убедился, что лучшее — враг хорошего. И без оружия остался, и друзей подвел.

Не отрываясь от занятия, Себия произнесла:

— Мой промах. Должна была всадить кинжал ему в шею, едва очутилась в комнате, да что-то замешкалась.

Мычка сказал задумчиво:

— Мне он не понравился с первого взгляда, но все же этого недостаточно, чтобы так, запросто, убить человека.

Обойдя комнату по периметру, подземница закончила осмотр, удовлетворенно кивнув, присела на сундук, сказала сухо:

— Дело не во внешности, а в комнатке, куда он нас завел. Но это уже не существенно, вряд ли мы вернемся, чтобы обсудить с Резчиком особенности механизма ловушки, хотя я бы не отказалась поговорить по душам, — ее глаза кровожадно сверкнули.

Мычка с холодком подумал, что несмотря на видимую хрупкость девушки, меньше всего он хотел бы оказаться на месте гостеприимного хозяина, когда подземница вернется, чтобы "поговорить по душам". Стараясь отвлечься от неприятных размышлений, он поинтересовался:

— Как думаешь, если поставить сундуки один на другой, сможем ли мы выбраться наверх?

Подземница отмахнулась:

— Не вариант. Даже если мы поднимем эти тяжеленные, судя по виду, сундуки, вряд ли сможем открыть створки. Вспомни, ведь мы стояли на них вдвоем, и они даже не дрогнули.

— Предлагаешь сидеть сложа руки? — Мычка нахмурился.

Взглянув на него, Себя удивленно вздернула брови:

— С чего ты взял? Конечно нет. Если то, что я обнаружила, сработает, мы выйдем отсюда гораздо быстрее, чем могли бы, — подтверждая слова делом, она встала, направилась к дальней стене, возле которой возвышался самый большой сундук.

Остановившись, девушка оглянулась, сказала с улыбкой:

— Здесь мне нужна твоя помощь.

Мычка поспешно подскочил, приблизившись, с сомнением произнес:

— Не обещаю, что получится, но попробую.

Ухватившись за ручку, вершинник потянул на себя, но сундук даже не пошевелился. Мычка отошел, поплевал на ладони, несколько раз глубоко вздохнул, нагнетая кровь в мышцы, сердце застучало чаще, а руки зачесались, требуя нагрузки, просунув пальцы за заднюю стенку сундука, он уперся плечом в стену, налег, потянул что есть силы, но проклятый сундук словно влип в каменный пол, даже не двинулся.

Чувствуя на себе исполненный надежды взгляд девушки, он стиснул зубы, потянул сильнее, суставы затрещали, а в груди зародился глухой рык, когда сундук наконец подался, пронзительно скрежетнув, сместился на пол — ладони. Чувствуя, что двигает целый дом, Мычка с протяжным стоном оттащил сундук на шаг, обессилено опустился рядом.

Подземница коршуном метнулась к стене, ощупывая, поглаживая и надавливая шершавую поверхность камня. Ожидая, пока к рукам вернется чувствительность, Мычка сидел на полу, наслаждаясь прохладой, и наблюдал за действиями девушки.

Глухо щелкнуло, Себя хлопнула в ладоши, воскликнула торжествующе:

— Есть!

Мычка привстал, с изумлением глядя, как часть, до того казавшейся монолитной стены, с хрустом отъезжает в сторону, произнес потрясенно:

— Никогда бы не подумал, что можно вот так, запросто, отыскать выход в каменном мешке.

Себя польщено кивнула, хищно оглядев комнатку, присела возле сундука, в ее пальцах возник уже знакомый Мычке искривленный металлический пруттик, но тут же исчез. Одернув себя, подземница с досадой прошептала:

— С каким удовольствием я бы вскрыла все эти сундуки, но времени нет, мы и так

слишком задержались.

Мычка улыбнулся, сказал рассудительно:

— Думаю, мы можем позволить себе эту маленькую месть. Тем более, что мне действительно необходимо оружие, а наш любезный хозяин выглядит так, что у него просто обязаны быть полные закрома орудий убийств. — Глядя, как на лице подземницы жажда мщения борется с чувством долга, добавил: — Я пока пройду, посмотрю что там, будет досадно, если из маленькой мышеловки мы попадем в другую, побольше.

Себя кивнула, признавая правоту спутника, в ее руке вновь возникла отмычка. Прислушиваясь к тихому скрипу за спиной, вершинник ступил в проход.

Зола раздраженно постукивал посохом в камень под ногами, его лицо становилось все более злым, остальные, хоть и не выказывали столь явного нетерпения, но в глазах читалась тревога. В очередной раз оглядев спутников, маг пробормотал:

— Да где же, демоны их побери, носит эту парочку?

Сидя на валуне, Дерн хмуро посмотрел на беснующегося товарища, сказал задумчиво:

— Заблудиться они не могли. Если уж нашли место мы, то Мычка, прирожденный охотник, отыщет с закрытыми глазами.

Шестерня огорчено крикнул, пробормотал:

— Возможно Мычка с Себией наскочили на патруль. Пока я шел сюда, встретил три или четыре группы вооруженных пещерников.

Дерн покачал головой:

— Не в обыкновении вершинника затевать драки, да и подземница, как я заметил, по возможности избегает стычек. В случае угрозы, они скорее всего уклонились бы от боя.

— В таком случае остается два варианта, — Зола резко остановился, его голос стал жестким. — Первое, они пошли в обход, и рано или поздно будут здесь, в этом случае ждать дальше смысла нет. Второе, их схватили и бросили в темницу...

— Или передали подземникам, — добавил Шестерня.

Покосившись на пещерника, маг кивнул:

— Как вариант. И опять же, в этом случае, мы ничего не сможем предпринять, по крайней мере, прямо сейчас.

Дерн тяжело произнес, пристально глядя на мага:

— Если они в темнице, возможно и есть смысл прийти чуть позже, когда все успокоится, но если их ведут назад в подземелья...

Зола нахмурился, сказал упрямо:

— Тогда тем более нет смысла устраивать побоище. С девчонкой ничего не случится, слишком важная птица, а Мычка... — в ответ на острые взоры друзей маг лишь усмехнулся. Его лицо неожиданно разгладилось, он произнес со странной улыбкой: — Почему-то мне кажется, что Себя не позволит обидеть Мычку даже родному отцу.

Болотник лишь покачал головой, но не стал возражать, сказав лишь:

— Хорошо. В таком случае ждать больше действительно не имеет смысла.

Глядя, как Дерн набрасывает котомку на плечи, Шестерня оживился, сказал с облегчением:

— Ну и замечательно. Я вообще не верю, что с нашей лихой парочкой что-то могло произойти. Погуляют и вернуться.

Зола покосился на пещерника, его лицо страдальчески исказилось, но через мгновение

маг уже казался собран и деловит, и лишь в глазах время от времени мелькала затаенная боль, едва различимая в вечных подземных сумерках.

Зажав в руках волшебную сферу, так что свет с трудом просачивался через сомкнутые ладони, Дерн подсветил вход в подземелье. Невзрачная арка неправильной формы настолько хорошо вписывалась в окружающий ландшафт, что даже при ярком свете вряд ли оказалась бы легкой находкой, ее совершенно случайно обнаружил Шестерня, сверзившись со скалы, он подкатился прямо к арке, где его и нашел идущий следом Зола.

Шестерня осмотрел перегораживающую вход дверь из покрытых бурыми пятнами ржавчины толстых металлических штырей, взъерошив бороду, уважительно произнес:

— Не пожалел мастер труда, пустил на прутья лучший металл. Будем надеяться, что замок заказывали в другом месте, иначе... — не договорив, он вытащил секиру, развернул ручкой и несколько раз с силой ударил в место отверстия для ключа.

Гулкий грохот разнесся далеко вокруг. Дерн нахмурился, а Зола раздраженно прошипел: — Демон тебя задери, бей тише, или сюда сбегутся все окрестные патрули.

Шестерня пожал плечами, и ударил в полную силу, едва ли в два раза громче, чем до этого. Дерн хмыкнул, Зола перекосясь от бешенства, но в замке явственно хрустнуло. Ухмыльнувшись, Шестерня всунул лезвие секиры в образовавшуюся щель, уперся плечом, одновременно используя оружие как рычаг. Хрустнуло вторично. Отвратительно скрипнув, дверь распахнулась, пещерник влетел внутрь, с трудом удержавшись на ногах, обернулся, произнес довольно:

— Вот и все дела.

Пропустив вперед болотника, Зола зашел последним, тихо притворил дверь. Дождавшись, пока товарищи отойдут, маг быстро сунул руку в котомку, нашарив один из свитков, просунул под дверь так, чтобы кончик торчал наружу, удовлетворенно кивнув, поспешил вслед за ушедшими спутниками.

Штрек уходил во тьму извилистым проходом. Стены чернели нишами, выбитые через равные промежутки, со скрючившимися скелетами внутри, они действовали угнетающе. Изредка попадались уходящие в сторону отнорки, наглухо забитые толстыми проржавевшими штырями, но оттуда тянуло таким смрадом, что эти места старались проскакать быстрее. Под ногами похрустывало крошево из камней и мелких косточек, а с потолка свешивались белесые нити, чем-то неуловимо напоминающие паутину, так что Дерн даже пару раз останавливался, всматриваясь, щупал, но лишь пожимал плечами.

Глядя на изыскания болотника, Шестерня хмыкнул, пытаясь развеять тягостное впечатление шуткой, произнес:

— Проголодался, зеленый? Уже и пауков готов жрать.

Дерн сказал в раздумии:

— Я уже давно не встречал насекомых, так что это точно не пауки. Но что-то сильно похожее, — он внимательно посмотрел под ноги.

Проследив за его взглядом, Шестерня почувствовал озноб, возле стены лежал выпавший из ниши скелет, полностью замотанный белесыми нитями. Почти все кости были на месте, но выглядели странно, искаженные, словно расплавленный под жгучими лучами солнца, а затем вновь застывший воск.

Идущий последним, Зола лишь хмыкнул, глядя на замершего пещерника, одним ударом посоха превратил останки в груды трухи, сказал наставительно:

— Не робей, пока не встретился с опасностью лицом к лицу. А то скоро начнешь от

собственной тени шарахаться.

Шестерня пробормотал:

— Да я не то чтобы от собственной тени... — кинув прощальный взгляд на искрошенные останки, он двинулся дальше. Немного помолчав, пещерник опасно произнес: — Говорят, что в таких вот древних штреках заводится разная нечисть.

— Например? — Зола поддел посохом лежащий на пути череп, ловко забросил его в одну из могил в стене.

— Мертвяки, привидения, скелеты... Да мало ли что, — Шестерня зябко передернул плечами. Чуть подумав, добавил шепотом: — А еще говорят, долго лежащие в земле скелеты напитываются силой и превращаются в нечто совсем чудовищное, что само выкапывается из могил, и по ночам рыщет в поисках заблудших путников...

Его слова прервал шорох. Участок стены, мимо которого они шли, треснул, выбросив облачко пыли. С сухим стуком посыпались мелкие камушки. Замерев, пещерник в ужасе смотрел, как трещина ширится на глазах, разрастается, словно нечто ужасное пробивается наружу, стремясь скорее обрести свободу. Шестерня сделал шаг назад, собираясь броситься наутек, когда с грохотом рухнули камни, а из образовавшегося отверстия высунулась серая лапа, едва не ухватив пальцами-крючьями пещерника за бороду.

Жалобно вспикнув, Шестерня дернулся всем телом, его глаза закатились, и пещерник кулем осел на камни.

ГЛАВА 14

Открыв глаза, Шестерня увидел улыбающееся лицо Мычки, жалобно охнув, прошептал:

— Вы нас все-таки нагнали, — сел, опираясь на руки. Память вернулась скачком. Вздрогнув, пещерник испуганно заозирался, нервно бормоча: — Чудовище, здесь было чудовище...

Зашуршал плащ, из темноты выступила Себя, успокаивающе произнесла:

— Его больше нет.

Пещерник поднялся, отряхнув пыль, заинтересованно взглянул на зияющий в стене проход. Перехватив его взгляд, Зола приложил палец к губам, пробормотал чуть слышно:

— Только не говорите об оставшихся сундуках. Иначе мы застрянем надолго.

Услышав часть фразы, Шестерня спросил:

— О каких таких сундуках?

Мычка отмахнулся, произнес беззаботно:

— О тех, что сторожат чудовища. Пойдем, посмотрим? — он сделал движение к пролому, одновременно потянув Шестерню за руку.

Пещерник отшатнулся, сказал торопливо:

— Нет, нет. Не нужно. Мы и так потеряли слишком много времени. К тому же на хвосте наверняка уже сидит городская стража, так что... — повернувшись, он решительно двинулся дальше, время от времени оглядываясь, и с удивлением замечая, что спутники, все как один, в этот момент опускают головы и с преувеличенным вниманием рассматривают носки

собственных сапог.

Исчезли выбитые в стенах могилы, под ногами захлюпало, стали попадаться пятна разноцветной плесени и каких-то странных грибов, что при приближении выстреливали фонтанчиками мелких семян. Проходя мимо семейки таких грибов, Зола наклонился, чтобы поправить спутавшиеся полы халата, как вдруг грибы выпустили целую тучу семян, часть из которых благополучно приземлилось ему на руку. Вскрикнув, маг выронил посох, затряс кистью, кожа на глазах покраснела, вздулись желтоватые волдыри.

Покачав головой, Дерн сбросил с плечей котомку, порывшись, вытащил один из горшочков, сорвав крышку, осторожно, стараясь не расплескать, капнул Золе на руку, сказал хмуро:

— Разотри. И постарайся больше не приближаться к местной живности.

Старательно размазывая маслянистую жидкость по коже, маг пробурчал:

— Так, вроде, не совсем и живность...

Не склонный продолжать беседу, болотник отрезал:

— Это ты потом будешь рассказывать, когда у меня нужной мази не окажется.

Вскоре вода поднялась почти до пояса. Идти стало ощутимо сложнее. В воде шныряли какие-то отвратительные существа, что, словно специально, лезли под подошвы, отчего то один, то другой из путников оскальзывался, и лихорадочно размахивал руками, пытаясь не упасть. С потолка свешивались густые космы мха, затрудняя и без того плохой обзор, так что постоянно приходилось отводить свисающие, словно тряпки, бесцветные веточки, норовившие в самый неожиданный момент обвалиться огромной охапкой прямо на голову.

Прорвавшись сквозь особенно густые заросли мха, Мычка присвистнул. Отодвинув вершинника плечом, выдвинулся Дерн, застыл в молчании. Следом подошли остальные, выстроились рядом, беспомощно переглядываясь. Проход закончился. Впереди, подавляя тяжеловесностью, высились массивные ворота. Даже не приближаясь вплотную можно было ощутить основательность исполнения. Позеленевший металл упорно сопротивлялся влажному воздуху и многочисленные барельефы, сплошь украшающие створки, лишь немного оплыли, но, тем не менее, даже мельчайшие элементы изображений казались ясно различимы.

Осмотрев ворота, Мычка перевел взгляд на стену, произнес заинтересованно:

— А это что?

Из стены, с трудом различимые за лохмотьями мха, выступали квадратные плитки из того же позеленевшего металла. Вершинник в несколько движений расчистил обзор. Плитки располагались в несколько рядов, аккуратно друг под другом, образуя ровный квадрат, поверхность каждой украшал смутный рисунок.

Рассматривая, Мычка дотронулся до одного рисунка, раздался глухой щелчок, и плитка легко утонула в стене. Хмыкнув, вершинник нажал еще одну, затем еще. Глядя, как под его рукой металлические квадраты один за другим погружаются вглубь стены, Себя к чему-то прислушивалась, хмурясь все больше. В какой-то момент, она неожиданно схватила вершинника за руку, и, что есть сил, рванула назад, одновременно отскакивая следом.

Тихо свистнуло, камень стены, у которой только что стоял вершинник, исторг сноп искр, с явственным щелчком вдавленные плитки приняли прежнее положение.

Зола выразительно посмотрел на подземницу, спросил с непониманием:

— Что это было?

Девушка нагнулась, начала шарить в воде. Все с интересом следили за ее действиями.

Когда Себя выпрямилась, на ее ладони тускло поблескивала короткая стрелка.

Дерн осторожно взял стрелку, повертев между пальцев, поинтересовался:

— Что будем делать?

Зола хмыкнул:

— Думаю, всем уже ясно, что с помощью этих рычагов отворяются врата. Вот только... — он задумался.

Шестерня, до этого пристально изучающий дверь, вздохнул, сказал ворчливо:

— А ну-ка, дети, отойдите, — раздвинув спутников плечами, он двинулся на место, откуда не так давно столь бесславно выдернули вершинника.

Остальные замолкли, наблюдая, как пещерник, бормоча под нос, водит пальцем по плиткам. Порой, он начинал бормотать громче, и тогда можно было разобрать отрывки слов:

— Ага... золотое сечение. Очень хорошо... А это что?.. Двойная система блоков... Так, так...

Шестерня нажимал то одну, то другую плитку, и вновь бормотал. Каждый раз, когда пальцы пещерника касались зеленоватых плиток, все напряженно вздрагивали, но ничего не происходило.

Себя придвинулась на полшага, осторожно спросила, боясь помешать пещернику:

— Ты понимаешь то, что здесь нарисовано?

На мгновение отвлекшись, Шестерня повернулся, взглянул насмешливо:

— Да это проще пареной репы. Изложение основных правил механики в нужной последовательности. Тому, кто хоть раз... Ай, демон!

Едва слышно щелкнуло, Шестерня резко пригнулся, выставляя щит, выпрямился, с любопытством глядя на торчащую из окованного металлом дерева стрелку.

Зола недовольно покосился на пещерника, сказал нервно:

— Не спорю, ты единственный, кто может разобраться с этим ребусом, но нельзя ли поосторожнее?

Дерн, от безделья обрывающий веточки мха, невзначай спросил:

— И всякий раз, как ты ошибешься, будут вылетать дротики?

— Не знаю. Пару раз стрельнет, а там каменная плита на голову рухнет, или вода пойдет, — продолжая возиться с плитками, отвлеченно ответил Шестерня. Мельком оглянувшись, он увидел вытянувшиеся лица друзей, растянув губы в ухмылке, произнес: — Да вы не бойтесь, больно не будет — раз и все.

Зола отодвинулся на пару шагов, пробормотал недовольно:

— Не знаю, кого как, а меня этот пещерник нервирует.

Отряхивая ладони, Шестерня подошел к друзьям, сказал довольно:

— Ну все, работа сделана. Остается лишь ждать.

— Плиту? — со слабой улыбкой поинтересовался Мычка.

— Или воду? — в тон добавил Дерн.

Себя подняла руки, призывая к тишине, насторожилась. Остальные последовали примеру подземницы. Затаив дыхание, наемники прислушивались к малейшим звукам, но тишину подземелья нарушало лишь тихое шлепанье капель.

Зола насупился, сказал обреченно:

— Эх ты, механик...

В этот момент за стеной щелкнуло, заскрипели шестерни, приводя в действие невидимый механизм. Наемники отступили на пару шагов, лишь Шестерня, скрестив руки на

грудь, стоял, победно улыбаясь.

Могучие створки шевельнулись, протяженно скрипя, медленно пошли в стороны, как будто жалуясь, что их потревожили после многовекового сна. Улыбка пещерника стала шире, в порыве восторга он шагнул вперед, но в этот момент за стеной что-то лопнуло с протяжным гулом, тяжелые половинки врат поползли медленнее, а потом и вовсе застыли. Еще некоторое время раздавался далекий гул, а затем все стихло.

Шестерня обернулся к товарищам, пожав плечами, сказал:

— Ну хоть так. Все лучше, чем в закрытую дверь лбом биться.

По очереди протиснулись через щель. Если у остальных это не вызвало особых трудностей, то массивный Дерн застрял. Пока, ухватившись за руки, его тянули изо всех сил, болотник героически терпел, но когда Шестерня предложил для упрощения работы соорудить систему блоков, Дерн одним движением стряхнул с рук товарищей, раздраженно буркнул:

— Ну уж нет, — рывком повернувшись набок, он скрестил руки на груди, уперся в край створки, и, рыча от напряжения, начал давить.

Глядя, как створка нехотя отодвигается, Зола желчно произнес:

— Нет чтобы сразу, так еще и тащить заставил, зелень упрямая.

Выбравшись, Дерн похлопал мага по плечу, сказал с усмешкой:

— Долг платежом красен, при первом же удобном случае предоставлю тебе возможность выбираться с помощью огнешаров.

Прервав перепалку, Мычка опасливо произнес:

— Мне кажется, или... — он замолчал, напряженно вглядываясь во тьму, где, в слабом свете фонарей, проступили контуры чудовищных конструкций.

— Это не зал гигантов, хотя и похож, — упреждая вопрос, произнесла Себя.

Остальные задрали головы, с опаской присматриваясь к чернеющим в глубине огромного зала махинам.

Зола в предвкушении потер руки, в его глазах мелькнул фанатичный огонь, коротко бросил:

— Чтобы не терять время, предлагаю разойтись, так мы сможем больше увидеть, — не дожидаясь ответа, маг устремился в сторону.

Подземница неодобрительно посмотрела вслед уходящему Золе, сказала негромко:

— Не думаю, что это хорошая идея. Здесь могут быть ловушки. Когда-то мой наставник посещал подобные места и рассказывал о неких охранниках...

Дерн удобнее пристроил котомку за плечами, сказал ободряюще:

— Я пригляжу за ним. Когда Зола увлечен исследованием, он в трех соснах заблудится, никаких ловушек не надо.

Он сделал движение уйти, когда Себя схватила его за руку, произнесла быстро:

— Если вдруг увидишь движение, и услышишь лязг, или... — она запнулась, подбирая слова, — в общем, если поймешь, что это нечто неживое, хватай Зола и немедленно отступайте.

Болотник с удивлением взглянул на девушку, спросил задумчиво:

— А разве неживое может двигаться?

Лицо Себии стало напряженным, она произнесла зловещим шепотом:

— В таких местах возможно многое. Повторяю, если увидишь... вернее, даже просто заподозришь, что что-то не так, не медли, уходи сразу же.

Дерн кивнул, сказал серьезно:

— Благодарю за совет. Если что, постараюсь на рожон не переть, — он двинулся вслед за магом, что успел за это время отойти на изрядное расстояние, затерявшись между наваленными повсюду грудями металлических ящиков.

ГЛАВА 15

Оставшись втроем, неторопясь двинулись в глубину зала. С восторгом осматривая чудовищные металлические конструкции, Шестерня в восхищении замирал, шепча чуть слышно:

— Невероятно. Я даже не могу представить, для чего это все могло быть сделано, а главное — кем? Посмотрите, ведь это же телега, — он хлопнул рукой по холодной поверхности металла, — и колеса на месте, разве что их не четыре, а в несколько раз больше, и...

— И остальное не совсем походит, — насмешливо отозвался Мычка. — А так да, самая настоящая телега. Разве чуток побольше, да потяжелее.

— А вот это, погляди, нет ты погляди! — не унимался пещерник, — это же... это...

— Огромная железная труба, заостренная с одного конца, причем далеко не одна — закончил за него вершинник, присматриваясь к находке.

Трогая торчащие из основания трубы треугольные пластины металла, Шестерня прошептал:

— Я начинаю понимать Золу. Полжизни бы отдал, чтобы лишь понять, для чего все это нужно.

Прошли мимо набросанных в беспорядке проржавевших бочек. Из некоторых сочилось маслянистая жидкость, собираясь у основания в яркие ядовитые пятна. Шестерня было сунулся ближе, но Себя зашипела змеей, и пещерник остановился в отдалении.

— К бочкам не подходи, — с расстановкой произнесла девушка.

— Ты что-то чувствуешь? — Мычка взглянул на подземницу.

— Нет. Но из рассказов наставника я знаю, что это очень опасно. После того, как он однажды испачкался таким же, — она кивнула на оставшееся позади пятно, — потом едва не умер, очень долго болел.

Шестерня попросил, глядя на подземницу:

— Не сочти за труд, расскажи подробнее, что еще видел в своих путешествиях твой наставник, сейчас это может оказаться весьма кстати.

Себя переступила горку полуистлевших трубочек с заостренными тусклыми концами, произнесла задумчиво:

— Наставник рассказывал о многом, но требовал запомнить главное, все творения созданные гигантами живые, хотя в это и сложно поверить, но они лишь дремлют, готовые пробудиться в любой момент.

Шестерня поежился, спросил шепотом:

— А твой наставник встречался с тем... ну, когда творения пробуждались?

Девушка кивнула:

— Да. Такое произошло один раз, после чего он перестал путешествовать по пещерам. — Чувствуя ожидание спутников, она произнесла: — Он рассказывал, что в одной из пещер пробудился страж. Мой наставник бился до конца, но ни оружие, ни магия не властны над творениями гигантов. Едва живой, он отступил, благодаря богов за спасение, и раз и на всегда дал себе зарок — больше не испытывать судьбу.

Остановились возле глубокого провала. Судя по искореженным каменным плитам вокруг, когда-то здесь была стена, но она рухнула, обнажив скрытую полость. Оглядев торчащие снизу искореженные железные прутья, Мычка произнес:

— Похоже, это тоже часть работы гигантов, — он двинулся вдоль обрыва, время от времени заглядывая вниз.

Через несколько десятков шагов вышли к уцелевшей части стены. Подойдя вплотную, Шестерня пристально осмотрел поверхность камня, повернувшись к спутникам, произнес:

— Меня обманывают глаза, или это и впрямь лестница?

Подземница мельком глянула на указанное место, подтвердила:

— Верно. Толстые скобы вбитые в камень через равные промежутки. Это или лестница, или нечто очень-очень похожее.

Мычка проследил взглядом за металлическими скобами, насколько позволял слабый свет магических сфер, сказал заинтересованно:

— Интересно, куда ведет этот путь, и насколько надежны ступени, чтобы...

Его прервал далекий крик.

Замолчав, Мычка напряженно вслушался, но более ни единый звук не нарушал зловещей тишины зала.

— Чертов Зола, он все же нашел неприятности на свою...

Чертыхнувшись, вершинник бросился назад, рядом, словно тень, неслась Себя, а позади, отставая все больше, громко топал Шестерня. Обогнули многоколесную "телегу", поспешно преодолев завал из ящичков, выметнулись на открытое пространство и остановились в недоумении. У стены, в расслабленной позе дремал Дерн, а перед ним, ругаясь на чем свет стоит, взад-вперед выхаживал Зола. Обернувшись на подошедших, маг в ярости воскликнул:

— Чем я заслужил проклятье небес, что стою перед, возможно, величайшим открытием, но не в силах сдвинуться не на шаг?! — он взмахнул рукой, ткнув посохом куда-то в сторону.

Ошарашенный, Мычка перевел взгляд на то место, куда указал негодующий Зола, спросил непонимающе:

— Так с вами все в порядке? А мы-то неслись, едва ноги не переломали.

Дерн открыл глаза, произнес отстраненно:

— Наш несравненный маг наткнулся на нечто, как ему кажется, интересное. Но, как видите, не преуспел.

Зола раздражено пролаял:

— Возможно б и преуспел, если бы некто помог, вместо того, чтобы просиживать задницу.

Дерн поднял руки, ответил насмешливо:

— Я тут, недавно, себе уже помог, чуть без рук не остался, давай-ка, теперь ты поусердствуй.

Послышался топот, из тьмы выскочил запыхавшийся Шестерня, окинув компанию взглядом, сказал, тяжело дыша:

— Живой, здоровый... Что ж ты, зараза, орал, как резанный? Сорвал нас с места, от дел отвлек... — махнув рукой, он побрел обратно, сердито бурча под нос.

Пока Мычка смотрел вслед Шестерне, размышляя, не вернуть ли расстроенного пещерника, Себя оглядела стену. С трудом различимая, среди множества серых металлических плит, в стене виднелась дверь, ни чем не примечательная, кроме короткой вдавленной черты расположенной в верхней части, прямо по центру. Подземница шагнула ближе, осторожно дотронулась рукой, не смотря на прохладный воздух, металл отдавал теплом, а на пальцах, после прикосновения, остался черный налет.

Заметив вопросительный взгляд Себии, Зола насупился, произнес защищаясь:

— Открываю, как умею.

Девушка некоторое время пристально разглядывала дверь, затем прошлась пальцами по чуть выступающим косякам, с удовлетворением произнесла:

— Обычная дверь, ни ловушек, ни защит. Даже странно, что ее до сих пор не взломали.

— Может из-за врат на входе? — выдвинул предположение Мычка.

Девушка покачала головой:

— Не очень-то они защищают, как выяснилось. Да и металл врат, даже на мой неопытный взгляд, совсем другой. Думаю, если спросить у Шестерни, он расскажет намного больше.

Наемники с интересом наблюдали, как подземница разложила на полу целую коллекцию металлических прутиков и штыречков, изогнутых совершенно фантастическим образом, и по-очереди перебирала, прикладывая то один, то другой к замочной скважине. Даже бесстрастный Дерн с интересом следил за руками Себии, прислушиваясь каждый раз, когда до слуха долетало тихое щелканье замка.

Наконец, все закончилось. Девушка повела плечами, разминая затекшие мышцы, и собрав отмычки, отошла в сторону

Нетерпеливо переминавшийся Зола, впился взглядом в лицо подземницы, отыскивая на нем следы разочарования, настороженно произнес:

— Не вышло?

Себя улыбнулась:

— Вышло. Но давайте проявим терпение и проверим...

Она не успела договорить, как Зола метнулся к двери, ударившись всем телом, вломился внутрь, заставив девушку на мгновение оцепенеть. Застыв, Себя некоторое время прислушивалась к доносящемуся грохоту, но лишь хмуро покачала головой, что-то негромко пробормотав.

Мычка развел руками, сказал примирительно:

— И в этом весь Зола.

Осторожно вошли следом. Остановились возле входа, с интересом осматриваясь. Просторная комната с низким потолком, штукатурка давно обвалилась, а кое-где рухнула и часть лежащей выше породы, с шершавого камня свисают тонкие нити из непонятного материала, вдоль стен длинные шкафы. Посреди комнаты большой квадратный стол усыпанный прозрачными твердыми осколками, дотронувшись до одного, Мычка с шипением отдернул палец, на коже стремительно набухла красная капля.

Зола метался, словно безумный, хлопая дверцами, выгребал содержимое шкафов, зачастую представляющее из себя разноцветное крошево. Дерн лишь покачал головой, а Себя негромко произнесла:

— Похоже, это было действительно очень давно. Вряд ли что-то сохранилось.

Ее прервал вопль радости, у мага в руках очутилась книга, Себя видела подобные в сокровищнице отца, только там книги были огромные, из грубой бумаги с толстенным кожаным переплетом, и массивными металлическими замками. Дрожащими руками, словно величайшую драгоценность, Зола положил книгу на край стола, тут же вытащил следующую, затем еще, и вскоре перед магом громоздилась внушительная стопка. Когда Дерн, заинтригованный процессом, попытался взять одну из книг, маг стремительно развернулся, зашипел, словно рассерженный кот, едва не огрев приятеля посохом. Отдернувшись, болотник покрутил пальцем у виска, сказал неодобрительно:

— Свихнешься скоро на своих изысканиях, — окинув комнату прощальным взглядом, он двинулся наружу.

Но едва болотник сделал шаг, как в комнатушку с грохотом ворвался Шестерня.

Обведя друзей безумным взглядом, пещерник воскликнул:

— Там... я не хотел. Я всего лишь дотронулся до каких-то рычагов, а оно... — внезапный спазм перехватил горло, он закашлялся.

Дерн оглядел Шестерню с головы до ног, сказал задумчиво:

— И почему я не удивлен?

Себя быстро подошла к Шестерне, с силой хлопнула его по спине, отчего у пещерника мгновенно прекратился всякий кашель, спросила напряженно:

— Что именно ты видел?

Пещерник всплеснул руками, нервно произнес:

— Даже и не знаю чего испугался. Вроде обычный мужик, но в тоже время... — он растеряно посмотрел на товарищей, ища поддержки.

Не говоря ни слова, Мычка двинулся к выходу, Дерн пошел следом, за ними устремилась Себя, лишь Зола не повернул головы, продолжая с упоением рыться в покосившемся шкафу. С удивлением взглянув на мага, Шестерня выскочил за остальными.

Выстроившись цепью, медленно двинулись вглубь зала. Вслушиваясь в ставшую зловещей тишину, Мычка тихо спросил:

— Где ты его... видел-то?

Шестерня хмуро указал направление. Проследив за рукой пещерника, Мычка крадучись обошел перегораживающую путь балку, осторожно выглянул. Глядя, как он призывно махнул рукой, остальные торопливо приблизились, один за одним высунулись из-за прикрытия. Сперва ничего не удавалось рассмотреть в кромешной тьме, но постепенно глаза привыкли, вычлняя из хаотического переплетения теней движущийся человеческий силуэт.

Сперва силуэт смутно маячил вдали, но вскоре приблизился, слышалось мягкое шлепанье босых ног. У Дерна с Мычкой глаза полезли на лоб, а Себя покраснела, когда из сумрака наконец показался человек: идеально сложенный, с телом атлета, он был полностью обнажен. Озираясь, мужчина неторопливо шел в их сторону.

— Откуда тут взялся мужик, да еще и голый? — шепотом осведомился Дерн.

— Я не знаю, — в тон ответил Шестерня. — Я что-то нажал, там зашипело, и он вышел из какого-то ящика.

— Ты уверен, что из ящика? — поинтересовался Мычка, — а не притащился за нами по катакомбам?

— А вы вообще уверены, что это человек? — с суеверным ужасом прошептала Себя.

Дерн хмыкнул, и прежде, чем его успели удержать, вышел из-за угла, со словами:

— Ей, не подскажешь, у нас тут вышел небольшой спор...

ГЛАВА 16

Едва болотник покинул убежище, мужчина резко повернул голову, и целеустремленно двинулся в его сторону. Дерн ждал, молча глядя на приближающегося. Несмотря на могучие мышцы незнакомца, перекатывающиеся под кожей словно сытые удавы, он был один, и без оружия, и успокоенный этим, болотник подпустил мужчину слишком близко. Короткий, без замаха, удар в живот согнул Дерна пополам, а следующий отбросил на несколько шагов назад.

Хватая ртом воздух, болотник поспешно сбросил котомку, встав в боевую стойку, приготовился к нападению. Едва последовала очередная атака, как Дерн мгновенно захватил руку, и попытался бросить противника через себя, но с тем же успехом он мог бросить столетний дуб, мужчина даже не шелохнулся, а болотник, получив чувствительный тычок, вновь отлетел назад.

Пронзительно вскрикнула Себя:

— Оружие! Доставай кистень, чего ты ждешь?

В очередной раз поднимаясь, Дерн неуверенно пробормотал:

— Но ведь он безоружен... — и вновь отлетел от удара, с грохотом приложившись о стену.

Подземница завизжала:

— Неужели ты еще не понял? Это не человек!

Выхватив нож, Себя прыгнула к надвигающемуся на болотника врагу, и несколько раз с силой вонзила лезвие в спину. Тот обернулся, махнул рукой, грозя смести девушку ударом, но она увернулась, успев наискось достать кинжалом по внутренней части бедра, туда, где у человека расположены основные артерии. Но острая сталь лишь бессильно скользнула по коже, оставив едва заметную бледно-розовую полоску.

Свистнула стрела, но едва воткнувшись в ногу, разлетелась на части. Несмотря на предупреждение девушки, Мычка все еще не был до конца уверен, и не желая убивать, решил нейтрализовать противника. Мужчина развернулся, резко шагнул к вершиннику. Удивленно глядя на торчащий из раны остаток стрелы, Мычка замешкался, и тут же оказался обезоружен, мужчина одним движением вырвал лук, разломил толстую деревянную рукоять, словно тростинку.

С трудом двигаясь после удара о стену, Дерн взмахнул кистенем, прицелившись в незащищенную голову. Описав круг, шипастые шары с треском ударили противника в висок. Ожидавший кровавых ошметок, болотник в ужасе раскрыл глаза, когда каленые шипы отскочили с глухим звоном, не нанеся вреда. Мгновенно развернувшись, мужчина ударил наотмашь. Фонтаном брызнула кровь, словно подрубленный, Дерн разом осел на пол.

Увидев недвижимо распростертого на камнях болотника, Шестерня взревел, прикрывшись щитом, кинулся в атаку, нанося секирой удары один за другим. Острозаточенное лезвие раз за разом вонзалось в плоть, и раз за разом пещерник кривился,

чувствуя болезненную отдачу, как будто под секирой оказалось не тело из мяса и костей, а железная болванка.

Ошеломленный градом ударов, противник сделал шаг назад, затем еще. Видя, что пещерник начал теснить казавшегося неуязвимым врага, Себя с Мычкой кинулись в атаку. Вершинник размахивал единственным оставшимся клинком, а подземница с неуловимой скоростью делала короткие выпады кинжалом.

Установилось шаткое равновесие, мужчина продолжал отступать, шатаясь под ударами, казалось, еще немного и он падет, но в этот момент все изменилось. С жалобным звоном разлетелся меч, не удержавшись, Мычка шагнул вперед, и тут же взмыл в воздух. Следом за ним отлетел Шестерня, по привычке прикрывшись щитом, но не рассчитав силы противника. Себя отпрыгнула сама, лишь чудом избежав захвата, после которого, как с ужасом ощутила подземница, она бы уже не встала.

— Развлекаемся? — в шум боя вклинился насмешливый голос чародея.

— Зола, беги... — прохрипел с пола Мычка.

— Он неуязвим! — выкрикнула Себя.

Маг неторопливо снял котомку с плеча, повел руками, расправляя балахон, произнес нахмурившись:

— Это мы сейчас проверим.

Зола окинул взглядом противника. Тот представлял из себя сплошную рану: из многочисленных порезов стекают бледные струйки, рассеченная во множестве мест кожа свисает клочьями, вместо лица кровавая маска. Но мужчину смертельные для любого человека раны не волновали, деловито оглядев распростертых наемников, он двинулся к Золе.

Взметнулся посох, описал полукруг, целясь искривленным острием в грудь врага, с руки мага сорвался огненный сгусток, разогнавшись, влип в незащищенное тело. Видя, что нападающий не только не остановился, но еще и ускорил шаг, Зола напрягся, огнешары понеслись один за другим. Запахло горелым мясом, воздух накалился от жара.

Придя в себя, Дерн с ужасом наблюдал, как на мага надвигается живой факел. По лицу Золы градом катился пот, на висках набухли жилы, от приближающегося раскаленного не то человека, не то демона шел такой жар, что начали обгорать волосы на бровях. Не выдержав напряжения, Зола отступил на шаг, за тем еще, его шатнуло, мечущийся взгляд скользнул по распростертым телам друзей. Чувствуя, как в груди поднимается ярость, а мир погружается в кровавый туман, маг зарычал, выбросил вперед левую руку. Воздух перед Золой взвихрился, свернулся в тугий жгут, замедляя противника.

Время застыло. С одной стороны замер Зола. Удерживающая незримый щит рука дрожит от напряжения, мелко подрагивает занесенный над головой посох. С другой — стоит человек-демон, кожа головы и верхней части тела сгорела, обнажив почерневший металлический панцирь, блестящий череп скалится в ухмылке, буравя противника багровыми угольями глаз, а скрюченные пальцы неумолимо тянутся к горлу, чтобы коротким движением сжать, превратить слабую плоть в кровавую кашу.

Вдали послышались голоса, замелькали яркие точки фонарей. Успев подняться на ноги, Шестерня прислушался к приближающемуся шуму, воскликнул:

— Нас нашла стража!

— Веди сюда, — задыхаясь, прохрипел Зола, — я скоро не выдержу. Пусть... помогут.

Не в силах решиться, пещерник обхватил себя за плечи, крикнул загнанно:

— Но ведь они нас пленят!..

Маг прошептал одними губами:

— А так мы умрем.

Мычка видел, как лицо Шестерни приняло упрямое выражение. Подхватив секиру, он подскочил к Золе, и ударом плеча отбросил мага в сторону, переключая внимание чудовищного человека на себя, воскликнул:

— Уходите. Там, в глубине, лестница ведущая наверх. — Глядя, как друзья в сомнениях переглядываются, крикнул отчаянно: — Да идите же, секиру вам в печень. Я уведу его к стражникам.

С трудом вздернув себя ноги, Мычка с горечью крикнул:

— Но как же ты?

Увернувшись от удара человека-демона, Шестерня бодро воскликнул:

— Обо мне не беспокойтесь. Я для них свой, меня не тронут.

Полным боли взглядом, Дерн провожал Шестерню, что ловко уворачиваясь от тянущихся железных рук, то и дело махал секирой, уводя пышущее жаром чудовище к мельтешащим вдали фигуркам патрульных. Понурившись, болотник прошептал:

— Они все погибнут.

Услышав его слова, Зола сумрачно ответил:

— Кто знает, кто знает.

Не выдержав, Себя отвернулась, произнесла дрожащим голосом:

— Так или иначе, но нужно идти. Нельзя чтобы... жертва Шестерни пропала даром.

Подобрав оружие, они заковыляли вглубь зала. Вслед неслись звуки боя, лязг железа сменялся криками боли, но, не оглядываясь, наемники шли дальше. Лишь один раз Мычка не выдержал, на мгновение обернулся, прислушавшись, произнес:

— Шум затих. Это значит... — он замолчал, не в силах выговорить страшное.

— Ни чего это не значит! — оборвал маг зло.

Себя прошептала, пытаясь придать уверенности голосу:

— Зола прав. Наверное, они отманили чудовище в проход, а может быть даже уничтожили...

С трудом передвигаясь, Дерн вскинул голову, его лицо распухло, зеленоватая кожа приняла землистый оттенок, пробормотал:

— Озеро... Им нужно отходить к озеру. Это единственная возможность...

Мычка пытливо взгляделся в лицо болотника, но тот впал в забытье, повиснув всей тяжестью на руках товарищей.

Вскоре показался знакомый округлый провал. Пройдя вдоль края, остановились возле разрушенной стены. Глядя на уходящие вверх ступеньки-скобы, Зола поморщился, сказал с великим сомнением:

— Вы уверены, что, когда поднимемся на достаточную высоту, металл не обрушится под нашим весом?

Себя в бешенстве сверкнула глазами, бросила зло:

— Излишне робким предлагаю остаться. Коротать время с чудовищем, когда оно вернется, будет неизмеримо приятнее, чем через силу тащиться вверх, раздражая товарищей непрерывным нытьем.

Зола с удивлением посмотрел на девушку, затем перевел взгляд на Дерна, которого положили тут же, произнес примирительно:

— Хорошо, отложим разговор до лучших времен. Но что делать с ним?

Болотник вдруг открыл глаза, произнес чуть слышно:

— Зелья...

Ему мгновенно подали измятую котомку. С трудом шевеля рукой, Дерн долго копался внутри, наконец извлек небольшую металлическую коробку, подцепив ногтем, откинул крышечку, вытряхнув на ладонь крохотный, размером с горошину, серый шарик, тут же забросил в рот, а коробочку закрыл и спрятал обратно.

Друзья в растерянности переводили взгляд с болотника на металлическую лестницу и обратно, Дерн едва двигался, и вряд ли поднялся бы сколько-нибудь далеко, а втащить его массивное тело наверх иным способом не представлялось возможным.

Некоторое время ничего не происходило, Дерн сидел закрыв глаза и, казалось, даже не дышал. Но тут его грудь высоко поднялась, дрогнув, поползли вверх веки, и даже синева вокруг губ, как будто уменьшилась. Глубоко вздохнув, болотник сдвинул плечами, произнес с удовлетворением:

— Не обманул торговец.

Себя неверяще смотрела, как Дерн встал, забросив на плечи котомку, подошел к лестнице, проверяя, пару раз дернул ступеньку на себя. Подземница обратила внимание, что болотник даже переступал с легкостью, хотя совсем недавно едва переставлял ноги.

Обернувшись, Дерн поймал на себе изучающие взгляды спутников, сосредоточенно произнес:

— Времени мало, нужно выступать. Идите вперед, я за вами.

Все еще под впечатлением от мгновенного выздоровления товарища, Мычка с опаской спросил:

— Ты уверен? Может лучше...

— Нет, — Дерн жестом заставил его замолчать. — Если упадет кто-то из вас, попробую удержать, если упаду я...

Первой на ступеньки скользнула Себя, взлетев под самый потолок, на мгновение зависла, поджидая товарищей, за ней, почти также быстро, поднялся Мычка. Зола пристроил посох за плечом, используя в качестве веревки пояс, с кряхтением полез следом. Дождавшись, пока спутники скроются в черном провале купола, Дерн оглянулся, но кроме тьмы не рассеивала ни единая вспышка, а глубины зала оставались угрюмо молчаливы. Удовлетворенно кивнув, болотник поставил ногу на первую ступеньку.

ГЛАВА 17

Гулкие шаги отдаются еле слышным эхом, снизу доносится надсадное дыхание товарищей. Себя поднималась вверх, потеряв счет времени. Заложенная в капюшон сфера подсвечивает путь, одновременно служа путеводной звездой тем, кто карабкается следом. Рука привычным рывком пробует на прочность каждую следующую скобу, прежде чем опереться всем весом.

Подземница не сомневалась в том, что оборвись одна, или даже пару скоб разом, она

сумеет удержаться. Во время обучения приходилось тренироваться в намного более сложных условиях, но внизу трое товарищей, и хотя они тоже не простые крестьяне, но могут не удержаться, ненадолго отвлекшись, или притупившаяся реакция не позволит вовремя сжать руку, а потом недолгий свист ветра в ушах, и глухой удар тела о камни, после которого лишь тьма.

Завязки плаща впиваются в шею, не давая вздохнуть, онемевшие ладони нащупывают очередную скобу. Внезапный хруст и шелест каменных крошек, картина смазывается, а в бок больно упирается металл. Вскрикнув, Себя повисла на одной руке, вырванная из каменного ложа скоба скользнула из руки, исчезнув в темном провале.

Идущий по пятам, Мычка рванулся вверх, застыл, подставив ладонь под ногу в изящном сапожке. Опустив глаза, подземница перехватила испуганный взгляд, произнесла извиняясь:

— Одна из скоб...

Снизу донеслось ворчливое:

— Ну что там у вас опять? Едва успел голову убрать...

Мычка перевел взгляд, крикнул сдавленно:

— Осторожнее, здесь пара неустойчивых ступеней.

Поблагодарив вершинника взглядом, девушка заскользила вверх с новыми силами, досадуя на себя за проявленную слабость. Замечталась, как дура, того гляди, спутники сочтут бесполезным балластом, неспособным обеспечить собственную безопасность, оставят в ближайшем селении. Закусив губу, она с остервенением дергала и дергала бесконечные скобы, когда рука, в очередной раз потянувшись вверх, ухватила пустоту.

Оглядевшись, Себя поняла, что подъем не закончен, просто в скале образовалась обширная полость, в которой хоть и с трудом, но могли бы разместиться несколько человек. Подземница подняла голову, выше, там где полость заканчивалась, ступеньки начинались вновь. Перебравшись через край, девушка вытряхнула потускневшую сферу из капюшона, и выставила над пропастью, подсвечивая дорогу спутникам.

Вскоре над краем показалась голова вершинника, вымученно улыбнувшись, он уперся руками в камень и одним рывком закинул тело наверх. Спустя недолгое время поднялся Зола, лицо мага осунулось, глаза запали, а руки тряслись, как у древнего старца, не сопротивляясь, он позволил втащить себя, и едва его опустили на камни, тут же обмяк, жадно впитывая разгоряченным телом прохладу скалы.

Последним появился Дерн, лицо болотника выглядело посвежевшим, на щеках проступил румянец, а взгляд казался чистым и умиротворенным, словно он не поднимался долгое время по узким ступенькам, с риском каждое мгновение сорваться, а совершил небольшую прогулку. Преодолев край, он снял с плеч котомку, поставив дальше от пропасти, и лишь после этого уселся сам.

Оглядев Дерна с головы до ног, Себя потрясенно выдохнула:

— Но как?.. Ведь ты едва двигался.

— Жемчуг воскрешения. — Глядя в непонимающие глаза подземницы, болотник объяснил: — Один из торговцев в твоём городке продавал это лекарство. Честно говоря, я не верил, что оно настоящее, слишком редкие ингредиенты, слишком сложный процесс, хотя и отдал за него в два раза больше, чем за все остальные зелья и котомку вместе взятые.

— Стоило так рисковать? — поинтересовался Мычка.

— Как видишь, — Дерн развел руками. Подумав, добавил: — Да и что мне с драгоценностей? В них нет силы.

— А в зельях, значит, есть? — прохрипел с пола Зола.

— Как видишь.

— Ерунда, — маг осторожно сел, вяло отмахнулся, — и не в камнях сила, и не в зельях.

Мычка с интересом слушал, ожидая, что Дерн начнет спорить, но тот лишь кивнул, соглашаясь, замолк, глядя на противоположную стену колодца. Так и не дождавшись ответа, вершинник поинтересовался:

— А в чем тогда сила?

— Сила в негибаемой воле, — отстраненно произнесла Себя, — когда ты не отступаешь под натиском врага, и даже смертельно раненный, поднимаешься в последнюю битву, чтобы с честью пасть... По крайней мере, так говорил мой отец, и не нашлось ни одного смельчака, кто бы оспорил эту мудрость.

Маг сплюнул, сказал зло:

— Это не мудрость, а дурость. Настоящая сила в знаниях, что отличают нас от животных.

Разговор прервался. Сдвинувшись так, что на полу освободилось небольшое пустое пространство, Себя развязала заплечный мешок, постелив чистую тряпицу, стала по очереди извлекать ломти вяленого мяса, раскладывая сверху. Отвязав от пояса, Мычка положил тут же бурдюк с легким вином. Дерн добавил каких-то засохших растений, положив по веточке на каждый ломтик мяса. Глядя на приготовления, Зола сотворил небольшой тусклый огнешар, от которого сразу пошло приятное тепло, согревая озябшие конечности и высушивая еще сырую после похода по катакомбам одежду.

Закончив трапезу, расположились в расслабленных позах. Себя спрятала в мешок остатки мяса, а Мычка убрал изрядно полегчавший бурдюк. Отодвинувшись в дальний угол, Зола принялся перебирать найденные сокровища. Когда маг стал доставать книги, его лицо разгладилось, а на губах обозначилась улыбка, словно у стены скрючился не пожилой умудренный опытом муж, а перебирающий найденные в бабушкином сундуке сокровища мальчуган.

Улыбнувшись уголками губ, Дерн отвел глаза, когда из угла, где притулился Зола раздался сдавленный вздох. Все разом повернулись на звук. На первый взгляд ничего не изменилось, маг по-прежнему сидел с книгой в руках, разве что его лицо приобрело странное выражение, глаза выпучились, а на висках набухли жилы. Прищурившись, Мычка заметил, что руки Золы чуть заметно подрагивают, словно маг пытается, и никак не может оторвать ладони от книги.

— Она... она не... — с остановившимся взглядом просипел Зола.

Он отбросил книгу, схватил другую, затем еще. Друзья с изумлением наблюдали, как маг нервно хватает, и тут же отбрасывает книги в сторону. Под конец, не выдержав, Зола с криком ярости метнул стопку в пропасть, закрыв лицо руками, уронил голову на грудь. Подобрав одну из отлетевших в сторону книг, Дерн попытался открыть тяжелый фолиант, но лишь грустно усмехнулся. В силу неизвестных причин страницы слиплись намертво, превратив источник величайших знаний в бесполезный кусок дерева.

Остальные тоже взяли по книге. Безрезультатно попытавшись раскрыть страницы, Мычка произнес, успокаивая:

— Благодаря этому они и сохранились. Если уж металл за прошедшее время превратился в горсти пыли, что бы стало с книгами...

— Наверное ты прав, — тяжело отозвался Зола, — это было бы слишком легко, разом

обнаружить разгадки всех тайн древних, всего лишь порывшись в старом шкафу. Пойдемте, усталость вытеснит тягостные мысли.

Глядя, как он тяжело встает, замедленно вскидывает полегчавшую котомку на плечо, словно разом постаревший на десяток лет, остальные не решились возразить, засобирались следом.

И вновь бесконечная лестница. На этот раз первым полез вершинник, а Себя, озабоченная состоянием Золы, пошла второй. Стараясь не разгоняться, девушка время от времени косилась на понурившегося мага, опасаясь, как бы тот в расстройстве чувств не сорвался в пропасть, недостаточно крепко взявшись за скобу, или неловко поставив ногу.

Заметно похолодало, ребристый металл скоб неприятно жег обнаженную кожу и приходилось все чаще останавливаться, согревая ладони дыханием. Мычка, а за ним и Себя обернули руки плащами, соорудив подобие рукавиц, Зола выпустил рукава халата на всю длину, обмотав ладони, лишь Дерн, как ни в чем не бывало, равномерно переставлял руки, словно не чувствуя холода.

Стало труднее дышать, на стене засеребрился иней, а изо рта при каждом выдохе вырывалось облачко пара. Скобы покрылись слоем льда, отчего передвижение замедлилось еще больше, прежде чем шагнуть на следующую ступеньку, приходилось тщательно проверять, насколько устойчива другая нога, и лишь затем, крепче ухватившись руками, резким рывком переносить вес тела.

Громко вскрикнул Зола. Себя резко наклонилась, вытянув руку вниз раньше, чем успела сообразить, что произошло, но вместо белесого пятна белого халата мага внизу пугающе чернела пустота. Одним движением выхватив из капюшона сферу, подземница осветила пространство под собой, с облегчением выдохнула. Десятком ступеней ниже замер Дерн, сжимая левой рукой обмякшее тело мага. Подняв голову, болотник успокаивающе кивнул, переводя взгляд на Золу, поинтересовался:

— Держаться можешь?

Тот кивнул, ответил нервно:

— Проклятые ступеньки совсем обмерзли, уже и металла не видать. Если так пойдет дальше...

Не слушая, Дерн поднял мага повыше, поддержал, ожидая, пока Зола зацепится всеми четырьмя, крикнул продолжающей светить Себии:

— Все, двигаем дальше. Надо успеть подняться, пока до конца не обмерзли, а то у меня рук на всех не хватит ловить.

И снова изнурительный подъем. Холодный воздух колодца словно вампир высасывает силы, а руки промерзают даже через импровизированные варежки. Заиндевевшие стены шахты уходят вертикально вверх, теряясь в черной бездне. И не единого луча света не пробивается из этой бесконечной тьмы, словно это вовсе не затяжной подъем, а спуск в глубочайшее подземелье, что будет длиться вечно, до тех пор, пока истощенные тела не отдадут последние капли тепла, а руки не разожмутся, вместе с металлическими ступенями, отпуская все тревоги и тяготы мира.

Откуда-то издали, словно из другого мира, послышался восторженный крик. Дерн потрянул головой, прислушался, с трудом вырываясь из сонной дремы, в которую мало-помалу погрузился. Крик повторился, но на этот раз громче и гораздо ближе. Преодолевая сопротивление застывших мышц шеи, болотник поднял голову, сверху, в неправдоподобной близости, металась отблески магической сферы и непрерывно сыпалось

мелкое снежное крошево. Дерн с удивлением отметил, как из стены, чуть в стороне от лестницы, высунулся Мычка, призывно махнул рукой, и вновь исчез. Списав увиденное на искаженное усталостью сознание, болотник продолжил подниматься, но внутри зашевелилось радостное предчувствие конца пути. Сжав в кулак остаток сил, Дерн рывком преодолел еще несколько ступеней, и едва не провалился в открывшееся пустое пространство.

ГЛАВА 18

Вспыхнул, разгораясь, крупный огнешар, повеяло живительным теплом. Истратив остатки сил, Зола упал ничком на покрытый мелкими ледяными кристаллами пол. Его перевернули, уложили на плащ, после чего замерли у магического огня, отогревая заочневшие до полной бесчувственности конечности.

Стуча зубами, Мычка произнес:

— Я боюсь представить, что снаружи, если здесь, внутри, такой холод.

Дерн осмотрелся, позади чернеет отверстием зев бездонного колодца, в нескольких шагах, повторяя очертания провала, начинается ровная стена, что, поднимаясь на высоту в полтора копья, плавно изгибается, образуя сверкающий снежным серебром плоский купол, произнес замедленно:

— Не хотелось бы говорить о грустном, но... ты уверен, что отсюда есть выход? Я не заметил дверей.

Пока Мычка вертел головой, пытаясь угадать в заиндевевшей поверхности стен очертания прохода, подземница поднялась, привычным движением достала кинжал, и с размаху погрузив острие в наросшую на стене снежную шубу, неторопливо двинулась по кругу. Передвижение Себии сопровождалось сухим скрежетом. Там, где девушка проходила касаясь стены, в снежном покрове оставался глубокий след с тонкой чернеющей полоской камня.

Продолжая отогревать руки, наемники провожали девушку недоуменными взглядами. В одном месте подземница остановилась, начертила двумя короткими движениями кинжала крест, и все также, неторопясь, двинулась обратно.

Дерн дождался, пока подземница вновь усядется возле огня, спросил:

— Как я понимаю, это и есть дверь?

— Да, но она насквозь промерзла, и, боюсь... без помощи Золы нам не справиться, — негромко произнесла Себия.

При этих словах губы мага чуть заметно дрогнули, раздался свистящий шепот:

— Огнешар мне в глотку, если ближайшие сутки я хоть пальцем шевельну.

Болотник с кряхтением потянулся к котомке, долго возился гремя горшочками, вытащив нужный, неторопливо вытащил плотно притертую крышечку. Глаза Золы расширились, когда ему в рот полилась дурно пахнущая жидкость, схватившись за горло, маг зашелся в жесточайшем приступе кашля.

Мычка с некоторым опасением смотрел на мучения товарища. Перехватив его взгляд, Дерн покачал головой, показывая, что все идет, как нужно. Вскоре кашель стал тише, а затем

и вовсе прекратился. Когда Зола поднял лицо, все заметили, что щеки мага заметно порозовели, а измазанные слюной руки перестали дрожать. Обратив на друзей слезящиеся глаза, он прохрипел:

— Вот что за что я вас люблю — в могилу загоните, а своего добьетесь.

Дерн дружески хлопнул Золу по плечу, едва не уронив ослабшего товарища, сказал тепло:

— Скорее насильно оживим, и заставим работать на благо общества.

Погрелись еще немного, за одно уничтожили остатки вяленого мяса. Пока Мычка растапливал замерзшее вино, сунув бурдюк, едва ли не в центр огнешара, Дерн колдовал с какими-то подозрительными белесыми корешками. Дождавшись, когда вино вновь перейдет в жидкое состояние, болотник забрал бурдюк у вершинника, всыпал туда горстку корешков, и некоторое время тщательно взбалтывал. Получившееся в результате зелье он капнул себе на ладонь, лизнул, после чего потребовал чтобы каждый сделал по глотку.

— Зачем это? — полюбопытствовал Мычка, скривившись от приторного вкуса.

— Поможет согреться, — Дерн вернул вершиннику бурдюк, в котором перекатывались остатки вина. — Если за стенами так же холодно, это не будет лишним.

Тем временем, Зола подошел к вычерченному Себией кресту, с ходу влепив в дверь огнешар. Зашипело, взметнулось облако мгновенно испарившегося льда, в белой стене мгновенно протаяло широкое пятно, сперва идеально круглое, оно постепенно вытянулось книзу, образовав овал в котором ясно обозначились очертания части врат. Маг добавил еще пару мелких огнешаров, задумчиво глядя на проступающие контуры створок, произнес скептически:

— Мне расплавить и это, или будут другие предложения?

Себя, следовавшая за Золой как тень, выступила вперед, внимательно осмотрев врата, произнесла:

— Я не вижу скважины для ключей.

— Так для чего...

Не дав магу договорить, подземница продолжила с нажимом:

— Но судя по тому, как искорежен металл в местах где обычно крепятся петли... врата не закреплены.

Неслышно приблизился Мычка, поинтересовался:

— Тогда почему они стоят?

— Смерзлись, — девушка пожала плечами. Добавила, глядя на мага: — Если Зола будет так добр, и подогреет еще... возможно не придется даже ломать.

К всеобщему удивлению Зола спорить не стал. Отступив на пару шагов, он перехватил посох обеими руками и выставив перед собой, словно копье, сделал движение, будто собирался пронзить стоящего впереди врага. Камни в навершие посоха заблистали багрянцем, в воздухе задрожал, наливаясь злой силой, крупный огнешар, но против обыкновения не понесся стремительно, неспешно поплыл в сторону двери. Коснувшись врат, шар плавно вошел в металл, оставив после себя багровое пятно.

Зашипело, протаявшее пятно расширилось еще больше, а за вратами что-то подозрительно хрустнуло. Зола сотворил еще один огнешар. Врата накалились до такой степени, что рядом стало тяжело стоять, а снаружи что-то непрерывно звенело и лопалось, наполняя помещение тонким звоном.

Когда маг приготовился сотворить третий огнешар, за вратами оглушительно грохнуло,

створки разом просели, и замедленно вывалились внутрь, едва не отдавив ноги стоящему ближе всех Мычке.

Из открывшегося проема ударили лучи солнца, заставив всех зажмуриться. Щурясь от непривычно яркого света, Зола прошептал:

— Наконец-то. Как давно я не видел настоящего неба...

Прикрывая глаза рукой, Себя произнесла в затруднении:

— Если на поверхности везде так светло, мне придется тяжело.

— Гораздо, гораздо светлее, — широко улыбаясь, произнес Мычка, — но ты быстро привыкнешь. Ах, если бы ты знала, как прекрасна на восходе солнца зелень лесов, и эта чудная прохлада голубых озер...

Дерн принялся к морозному воздуху, произнес, остужая пыл вершинника:

— Не торопись. Пока что я вижу лишь нагромождения льда.

Мычка легкомысленно отмахнулся:

— Главное, мы наконец-то покинули это царство вечной тьмы...

— Жаль только не все, — чуть слышно пробормотал болотник.

Глядя, как потемнело лицо болотника, Себя шагнула ближе, с жаром произнесла:

— Не будем хоронить того, кто, возможно, еще жив. — Подземница осеклась, вспомнив оставшееся внизу чудовище, закончила через силу: — По крайней мере, отложим тризну до лучших времен.

Собирались в молчании. Дерн нацепил неизменную котомку, Себя набросила на плечи плащ, Зола пристроил на плечо сумку со свитками, только Мычка стоял в растерянности, оружия у вершинника не осталось, кроме короткого кинжала на поясе, да двух метательных ножей, и Мычка чувствовал себя голым, подняв оба заплечных мешка, свой и Себии, он двинулся к выходу.

Проломив остатки сковывающего ворота льда вышли наружу. Мычка присвистнул. Вокруг, куда не глянь, поднимались отвесные ледяные стены, переливаясь острыми гранями в лучах полуденного солнца, лишь впереди, свободное от смерзшихся нагромождений воды, открывалось извилистое ущелье.

Раздраженно сплюнув, Зола буркнул:

— Что за жизнь? Едва кончился камень, начался лед.

Выстроившись цепочкой, неспешно двинулись вдоль ущелья. После недолгих пререканий первым пошел Мычка, легко двигаясь по плотному снегу, словно всю жизнь провел в горах, вершинник не чувствовал холода, вдыхая морозный воздух полной грудью, он наслаждался свободой. Даже стиснувшие дорогу ледяные глыбы не смущали Мычку, после узких нор подземелий, где каменная твердь давила одним своим видом, ледяные торосы воспринимались легко и не вызвали ничего, кроме любопытства.

Остальные не разделяли радость вершинника: Зола негромко ворчал, зябко кутаясь в халат, Дерн, то и дело до колена проваливающийся в снег, с мученическим видом вытаскивал ноги, готовясь провалиться при следующем шаге, а Себя, прищурившись, опасно поглядывала на нависающие глыбы льда, время от времени вздрагивала, когда в глубине мутной ледяной массы раздавалось негромкое потрескивание.

— В чем дело? — Зола поднял глаза, уставился на замершего вершинника.

— Направо или налево? — Мычка в затруднении повернулся к товарищам.

В нескольких шагах впереди ущелье раздваивалось, налево шел более широкий путь, но из-за громоздившихся повсюду глыб льда казался менее привлекателен, чем правый, заметно

уже, но с относительно ровной поверхностью, где лишь изредка вспучивались глыбки льда присыпанные тонким слоем снега.

Повертев головой, Дерн сказал:

— Разумнее идти туда, где путь шире.

— Но удобнее, где ровнее, — отрезал Зола.

Себя, на которую обратили взоры, ожидая поддержки, осторожно произнесла:

— Простые пути ведут к жилью, сложные — к тайнам.

— И какой же из них проще? — с улыбкой поинтересовался Мычка.

Поморщившись, Зола предложил:

— Можно разделиться. Двое пойдут направо, двое налево, потом сравним результаты.

Мычка покачал головой, сказал с нажимом:

— Ты недооцениваешь опасность путешествий в горах. К тому же мы не знаем какие животные могут встретиться, а я почти без оружия.

— Хорошо, хорошо, — сдаваясь, маг поднял руки, — идите, куда считаете нужным, только быстрее, я скоро ооченею в этом леднике.

Вершинник кивнул, и тут же двинулся направо. Себя догнала Мычка, пошла рядом, принаравливаясь к широкому шагу спутника, поинтересовалась:

— Почему ты выбрал именно этот путь?

Тот пожал плечами:

— Нам нужно попасть в обжитые места как можно скорее, хотя бы для того, чтобы запастись теплой одеждой. Узкий путь, я уверен, никуда не ведет, но лучше узнать наверняка, чтобы потом, когда придется ползти из последних сил, сомнения не ослабляли.

Девушка поежилась, спросила с опаской:

— А придется?

Мычка внимательно посмотрел на подземницу, произнес понизив голос:

— Вяленого мяса почти не осталось, мы сможем перекусить от силы пару раз, и то, если совсем по чуть-чуть, а учитывая, что в таких местах пищу вряд ли удастся раздобыть...

Себя помолчала, настороженно оглядываясь, сказала:

— В родных местах я редко ощущала страх, даже, когда приходилось заходить в очень опасные места, но здесь... — он передернула плечами, — я чувствую себя неуверенно.

Мычка позволил себе коротко приобнять девушку, сказал с улыбкой:

— Не бойся. Здесь ничего нет кроме льда.

— А опасные хищники?..

— Нет, — вершинник покачал головой, — тут им попросту нечего есть. Сама понимаешь, жить без пищи, да еще в таком холоде, мягко говоря сложновато.

Подземница искоса взглянула на вершинника, спросила отстраненно:

— И та тварь, что мы встретили в странном зале... ей тоже нужно питаться?

Мычка не ответил, но его шаги стали заметно осторожнее, а глаза забегали, обшаривая каждую подозрительную трещину и выступ.

Вскоре ущелье сузилось настолько, что пришлось растянуться цепочкой, чтобы хоть как-то протискиваться через сдавливающую толщу льда.

— Может уже стоит повернуть? — натужно произнес Дерн, с усилием прорываясь через особо узкое место.

— Еще чуток, — бодро отозвался Мычка. — Впереди виднеется пещера, там и определимся.

Ощувив, наконец, свободное пространство, путешественники с облегчением вздохнули. Дерн опустился прямо на ледяную поверхность, не беспокоясь возможностью переохладиться, сказал, не обращаясь ни к кому в отдельности:

— Похоже, эта дорога не выведет нас к жилью.

Мычка развел руками, сказал с подъемом:

— Зато не будет сомнений.

Зола прошелся по пещерке, оббивая посохом острые грани льда, остановился возле дальней стены, вглядываясь в гладкую поверхность, произнес:

— Себя, деточка, подойди-ка поближе, у тебя из нас всех самое острое зрение...

Удивленная подобным тоном, подземница вскинула брови, но послушно приблизилась, спросила негромко:

— Что-то не так?

Поманив ее пальцем, маг ткнул посохом в прозрачную стену перед собой, прошептал таинственно:

— Что ты там видишь?

Стряхнув рукой мешающие обзору намерзшие кристаллики льда, девушка всмотрелась внимательнее и ахнула. Из мутной голубизны, сквозь холодную толщу льда, на нее смотрел человек.

ГЛАВА 19

На восклицание Себии подскочил Мычка, встал рядом. Со вздохом поднялся Дерн, подошел ближе, вгляделся поверх голов.

— Что думаете? — поинтересовался Зола.

Мычка всмотрелся внимательнее, лицо мертвеца искажено мукой, рот распахнут в беззвучном крике, грудь выгнута вперед, а руки отставлены, словно перед смертью человека что-то с силой ударило в спину, пробормотал чуть слышно:

— У него странные доспехи, я никогда таких не видел.

— Что-то мне подсказывает, никто и никогда не видел таких, — произнес Дерн.

— Он умер не своей смертью, — негромко произнесла Себя, — так искажаются лица лишь от очень, очень сильной боли.

Мычка покосился на подземницу, затем вновь взглянул на человека, перевел взгляд ниже, сказал сдавленно:

— Оружие... Что это за оружие!?

Дерн кивнул, произнес загадочно:

— И оружие тоже.

В правой руке, зажав под мышкой, человек держал странное приспособление — металлическая конструкция с несколькими небольшими ручками и длинной трубкой на конце.

Зола развел руки, отстраняя товарищей, сказал коротко:

— Назад.

— Что ты задумал? — испуганно воскликнула подземница.

Зола сказал просто:

— Нужно его вытащить. Я не могу просто так проходить мимо тайн этого мира. Да и одежда пригодится.

Ударил огнешар, затем еще, взметнулись облачка пара, ледяной панцирь зазмеился трещинами, а сверху посыпались мелкое мерзлое крошево. Дерна в плечо больно клюнула сосулька, подняв голову, болотник застыл, свод пещеры угрожающе щетинился огромными ледяными глыбами. Глыбы чуть заметно вибрировали, но с каждым ударом магического огня вибрация становилась все сильнее. Сперва отлетали лишь мелкие сосульки, но вот выпал и с возрастающей скоростью понесся вниз крупный, с голову лошади, кусок, с грохотом разбился, обдав путешественников брызгами замерзшей воды, за ним еще и еще. Куски начали падать чаще. С трудом увернувшись от очередной глыбы, Мычка крикнул:

— Зола, прекрати, мы погибнем!

Но маг лишь упрямо сдвинул брови, продолжая пробиваться к заветной цели. Пещера уже ходила ходуном, грозя завалить смельчаков, посмевших нарушить вековечный покой, когда ДERN решил. Махнув руками, он проревел:

— Все на выход!

Мычка с Себией бросились к выходу, на бегу уворачиваясь от непрерывно сыплющихся обломков, а болотник шагнул к магу, что, словно огненный демон, возвышался в клубах пара, непрерывно извергая огонь, сгреб друга в охапку, и, закинув на плечо, гигантскими скачками понесся из пещеры, рискуя каждое мгновение поскользнуться на разлитой повсюду воде.

— Нет! Пусти-и...

Надрывный крик Золы потонул в гулком грохоте. Пещера разваливалась на глазах, навсегда ограждая от мира спрятанную в себе тайну. Огромные глыбы рушились одна за одной, сотрясая землю, а стены ущелья низко вибрировали в ответ, словно возмущаясь дерзостью пришельцев.

Остановились, лишь добежав до развилки. Тяжело отдуваясь, ДERN опустил Зола на землю, подхватив горсть снега, приложил к пылающему лбу. Не глядя на товарищей, маг понуро побрел вдоль ущелья, посох в его руке бессильно волочился следом, оставляя в снегу извилистый рваный след.

Мычка проводил его взглядом, сказал задумчиво:

— У меня смутное ощущение, что когда-нибудь Зола нас все же похоронит вместе с очередной находкой.

Закинув на плечи снятые на время отдыха мешки, вершинник пошел вслед за магом, за ним двинулись и остальные, прислушиваясь к зловещему свисту ветра и настороженно поглядывая по сторонам.

Идти стало легче, изломанные глыбы льда, торчащие из-под снега, словно кости древних животных, закончились, и путники ступали почти не глядя под ноги. Ущелье стало шире, ледяные стены разошлись, и уже не казались такими грозными, сверкая голубыми изломами в сотне-другой шагов по сторонам.

Показалась первая растительность. Из снега, топорщась пожелтевшими кисточками, поднималась жухлая трава, а в отдалении ошетинился корявыми ветками низкий кустарник. Вместе с растениями появились и животные. Путь, то и дело, пересекали цепочки круглых отпечатков небольших лап, а кое-где взгляд натякался на целые полянки утопанные крестообразными птичьими следами. Недвижимо раскинув крылья, в небе парил орел,

высматривая шныряющих в сугробах мышей, а в отдалении кралась лисица.

Подземница непрерывно вертела головой, с упоением всматриваясь в заснеженные просторы незнакомого мира. С удивлением разглядывая косматые облака, неспешно плывущие по небосводу, девушка с восхищением произнесла:

— Просто невероятно. Я никогда и не думала, что небо может быть таким удивительным.

— То ли еще будет, — сказал Мычка с улыбкой.

Путь шел заметно в гору. Преодолев крутой подъем, вскарабкались на вершину и замерли в восторге. Вокруг, насколько хватало глаз, вздымались горные пики, окруженные облачной вязью, холодно блестели далекие вершины, а впереди, всего в нескольких сотнях шагов, проводя четкую границу, возвышался заснеженный лес.

Глядя на замершие сосны, Мычка оживленно произнес:

— Если все пойдет по плану, к вечеру нас ожидает ужин из свежеприготовленного зайца, или кабанчика, или...

— Прекрати! — раздраженно перебил Зола. — Я сейчас слюной подавлюсь, а ведь у тебя даже лука нет.

Вершинник усмехнулся:

— С луком, зверя добыть большого ума не надо.

Дерн сказал задумчиво:

— Ты будто радуешься тому, что остался без оружия.

Мычка тряхнул головой, отчего смерзшиеся сосульки волос тоненько зазвенели, сказал, с трудом сдерживая нетерпение:

— Я уже забыл, когда последний раз охотился. И такая мелочь, как отсутствие лука, меня точно не остановит.

Пока Мычка, сделав ладонь козырьком, вглядывался в лес, Дерн обернулся и пристально изучал блестящие стены льда. Закончив осмотр, болотник пробормотал:

— Мы находимся в месте соединения двух ледников...

— Что это значит? — поинтересовалась подземница, наблюдая за отстраненным лицом Дерна.

— Это значит, что мы идем в обратную сторону, — объяснил Зола.

— Не обязательно в обратную, — поправил Дерн, — просто мы пришли из долины, а сейчас поднимаемся в горы.

Девушка непонимающе переводила взгляд с одного на другого, спросила в замешательстве:

— А что нам мешает спуститься?

Покосившись на мага, что уже начал проявлять признаки раздражения, Дерн терпеливо объяснил:

— Ледник и мешает. Вспомни те ледяные скалы, мимо которых прошли совсем недавно, мы не сможем их пересечь напрямую.

— Значит надо обойти, только и всего, — уверенно произнесла Себя.

— Все верно, — кивнул болотник, — только, как я уже сказал, мы находимся между двух ледников, и обход может затянуться.

Скрипнул снег, Мычка молча направился в сторону леса. Остальные еще некоторое время осматривались, но вскоре двинулись следом. Когда, с трудом вытаскивая ноги из глубокого снега, добрались до первых деревьев, стало смеркаться. От высоких стволов

протянулись длинные тени, а воздух заметно похолодел.

Выбивая зубами мелкую дробь, Зола пробормотал:

— Если мы прямо сейчас не найдем веток для костра, я подожгу лес.

Впереди открылась небольшая поляна, на противоположной стороне которой, словно повинувшись желанию мага, топорщилось засыпанными снегом ветвями поваленное дерево.

С радостным восклицанием Зола устремился вперед, не обращая внимание на острые сучья, начал отламывать ветки одну за одной, и не успели друзья приблизиться, как возле дерева уже разгорался костер. Огонь сперва неуверенно грыз мелкие веточки, давясь сырым деревом и постреливая струйками пара, затем окреп, перекинулся на сучья побольше, и вскоре пламя уже ревело, отбросив наступающие сумерки далеко вокруг.

Снег вокруг костра быстро растаял, показалась покрытая прелой хвоей земля, а от сгрудившихся у костра путешественников пошел пар. Негромко закрипел снег, к костру приблизился Мычка, держа в каждой руке по жирному зайцу, оглядев пламя удовлетворенно кивнул, бросил добычу на землю.

Пока Дерн таскал охапками огромные сучья, а Себя отрезала небольшие мохнатые веточки, сооружая из них подобие лежаков, Мычка быстро распотрошил зайцев, ловкими движениями снял шкурки, и натянул тушки на заостренные палочки воткнутые возле огня.

Вскоре вкусно потянуло жареным мясом. Восседавая на ворохе сосновых веточек, Зола лишь громко сглатывал, нетерпеливо поглядывая на вершинника, обжаривающего тушки. Наконец, мясо подрумянилось, начало покрываться золотистой корочкой, из под которой, то и дело, выстреливали струйки пара, а стекающие по кожице масляные капли падали в огонь, на лету вспыхивая, с шипением сгорали в раскаленных недрах.

Когда ожидание достигло высшей точки, Мычка пробормотал:

— Кажись, готово.

Сняв мясо с огня, вершинник аккуратно разрезал тушки на равные части, нанизал готовые куски на заранее подготовленные, очищенные от коры палочки, и торжественно вручил каждому его долю.

Изголодавшись за дорогу, путешественники набросились на мясо, обжигаясь и громко чавкая. Отбросив приличия, Зола вгрызался в сочную тушку так, что летели брызги. Не отставали и остальные, Дерн отрывал огромные куски и почти не жуя проглатывал, а сидящая напротив Себя работала челюстями так быстро и точно, что вскоре в ее руках остались лишь обглоданные кости.

Насытившись, замерли, не в силах пошевелиться. С трудом преодолевая сонливость, Дерн замедленно подкинул в огонь пару толстенных сучьев, и тут же улегся. Следом стали устраиваться на ночлег и остальные. Ткнувшись лицом в охапку зеленых иголок, затих Зола, упав на разлапистые сосновые ветки, и, завернувшись в плащ, тихо засопела Себя.

Чувствуя, что клюет носом, Мычка хотел тоже прилечь, но, пересилив сон, поднялся, наклонился над кучей заготовленных для костра ветвей, высматривая самые сухие. Когда набралось достаточно, вершинник неслышно отошел от костра, раскладывая веточки так, чтобы получился широкий круг. Накидав сверху старой хвои, чтобы ветви не бросались в глаза, Мычка вернулся к костру, и, едва прилег на расстеленный поверх вороха хвои плащ, мгновенно заснул.

Чуть слышно хрустнула ветка, затем еще. Мычка мгновенно проснулся, пальцы сами собой сомкнулись на рукояти кинжала, а уши развернулись к источнику звука. Зашуршало,

раздалось негромкое сопение. Вершинник открыл глаза. Ночь закончилась, но испятнанное звездами небо лишь едва посветлело с восточной стороны. Костер догорел, и почти не давал света, но и этого хватило, чтобы разглядеть приближающееся к огню существо.

Мычка напрягся, лихорадочно продумывая план действий. Из своего положения он видел движущуюся тень лишь краем глаза, и не мог по достоинству оценить противника, но ночной гость не спешил нападать, и вершинник замер в ожидании.

Тень приблизилась к костру, припав к земле, зашуршала хвоинками. Мычка вспомнил, что с вечера оставил недоеденную заячью лапку. Но едва он успел подумать, как рядом возбужденно хрюкнуло, и сразу же раздалось смачное чавканье. Пришелец нашел угощение.

Мычка с облегчением вздохнул, матерый хищник не стал бы отвлекаться на объедки, а двуногие грабители в первую очередь попытались бы обезвредить мужчин. Улыбнувшись своим страхам, вершинник убрал руку от ножа и уже спокойно сел, чтобы рассмотреть ночного гостя нагло жрущего прямо возле углей.

Услышав шорох существо подняло голову и Мычка застыл, не в силах поверить в происходящее. Деловито дожевывая ножку, на него смотрел Шестерня.

ГЛАВА 20

Они несколько мгновений смотрели друг другу в глаза, после чего Шестерня выплюнул обглоданную кость, произнес ворчливо:

— Могли бы и побольше оставить.

Мычка стрелой взлетел с лежанки, крепко облапил друга, похлопывая по укрытым броней плечам, прошептал:

— А мы уже и не чаяли...

Шестерня некоторое время крепко обнимал вершинника, затем отстранился, сказал с ухмылкой:

— Да что со мной станется.

От звуков разговора проснулся Зола, сел, уставился очумело. За ним поднялся Дерн, взглянул неверяще, с силой протер глаза, пробормотал:

— Шестерня...

Сквозь сон улыбнулась Себя, произнесла ласково:

— С возвращением.

Взволнованный, Мычка подбросил в костер веток, отчего затаившиеся под слоем пепла, едва тлеющие искры весело взметнулись, стали расти, на глазах, набирая мощи, спросил нетерпеливо:

— Ну что же ты, рассказывай.

Пока Шестерня собирался с мыслями, его усадили на груды веток, сунули в руку кусок холодного зайца, продолжая все это время похлопывать, потряхивать и дружески толкать, пока пещерник не возопил:

— Да уймись вы, итак насилу дошел, сейчас последний дух вышибете.

Руки тут же исчезли, сменившись выжидательными взорами. Глядя, как пещерник

замедленно жует, набив рот мясом, Зола не выдержал, рывкнул:

— Рассказывай же, наконец, еще успеешь пожрать.

Сглотнув изрядный ком, Шестерня произнес:

— Да особо нечего рассказывать.

Дерн выпучил глаза, произнес пораженно:

— Как нечего, а подземный демон? Я думал он вас... — замолчав, болотник дотронулся до шеи, словно незримая рука уже наложила костлявые пальцы, готовясь сжать.

Шестерня кивнул:

— Так все и было. Не смотря на то, что я орал, что есть мочи, что демона не убить, эти дурни кидались до тех пор, пока чудовище не поубивало половину, и лишь потом додумались отступить.

— А что же демон? — затаив дыхание, выдохнула Себя.

— Ничего, — Шестерня пожал плечами. — Выдавил нас за ворота, и спокойно себе пошел обратно.

— Ну а ты? — Зола протянул к огню озябшие руки.

— А я, пользуясь неразберихой, ушел в сторонку, побродил, подумал, за одно наткнулся на какую-то комнату с бесхозными сундуками, — пещерник махнул рукой за спину, где, неподалеку, топорщился боками набитый доверху мешок

Себя с Мычкой переглянулись, с трудом сдерживая улыбку. Дерн пораженно спросил:

— Так ты что, весь подъем тащил мешок на себе?

Шестерня на мгновение смутился, сказал оправдываясь:

— Так то вещи нужные, мало ли... пригодятся где. И вообще, не это главное. Вот как я вторично через зал тащился, так то намного хуже.

— Ну-ну, поведай, — подбодрил Зола.

Шестерня проглотил очередной кус мяса, оглянулся по сторонам, словно по — прежнему, находился в темном пространстве пещер, сказал, понизив голос:

— Я проклял все. Десятки раз умирал от страха, дважды поворачивал обратно, но всякий раз заставлял идти вновь. Ничего не видно, на пути кучи хлама, и, главное, где-то рядом затаилась тварь...

— Постой, постой, — прервал Мычка, — ты же видишь во тьме?

Пещерник дернул щекой, ответил недовольно:

— Я среди камней вижу, вернее, даже не вижу, а чую что ли, — он пошевелил пальцами, подыскивая сравнение, отмахнулся. — В общем, чувствую где камень, ну, и что рядом тоже. А там же сплошной металл! Чуть голову не расшиб. Хорошо, шлем не потерял, а то бы сейчас валялся с разбитым лбом.

— Значит ты все же обманул эту тварь! — Себя восхищенно покачала головой.

Шестерня помялся, сказал нахмурившись:

— Ну, не так чтобы совсем. Оно меня под конец заметило.

— И ты ушел? — Зола неверяще вздернул бровь.

— Ну да. Юркнул на лестницу и деру, ну а этот... это... в общем, не погнался он за мной.

Дикий, исполненный боли крик разорвал тишину леса. Все мгновенно замолчали, насторожено вглядываясь в темную чащу. Крик повторился, но уже значительно ближе, а следом за ним раздался вибрирующий, режущий уши вой.

Мычка одним движением оказался на ногах, выхватив из костра пылающую головню,

метнулся в лес. Пока Дерн лихорадочно отыскивал кистень, а Зола принимал решение, Себя тенью скользнула за вершинником.

Досадливо крикнув, Шестерня воздел себя на ноги, поправив секиру, решительно двинулся следом. Одновременно выступил Дерн, не обнаружив оружия, болотник выхватил из огня здоровенный сук, и, обеспечив себя помимо оружия еще и светом, пошел плечо в плечо с пещерником. Зола проводил товарищей взглядом, но догонять не стал. Переложив посох так, чтобы можно было схватить в любое мгновение, маг замер, глядя на пляшущее пламя.

Мычка бежал по лесу, оставив факел немного назад, чтобы яркое пламя не слепило глаза. Деревья расступались точно живые, сугробы пружинили, не давая провалиться ногам, и даже самые корявые кусты пропускали гибкого вершинника, не чиня препятствий, словно чувствовали в одинокой фигуре родственную душу.

Выскочив на пригорок, Мычка замер, напряженно озираясь. Стало заметно светлее, и пространство леса значительно расширилось, открывая до того не заметные участки. Послышался шорох, рядом возникла Себя, успокаивая дыхание, огляделась, произнесла чуть слышно:

— Там, — изящная кисть указала в сторону.

Мычка прищурился. Неподалеку, едва заметное в предрассветной мгле, что-то смутно темнело в сугробе. Факел догорел и лишь чадил черным остовом. Отбросив ненужную палку, вершинник вытащил кинжал из ножен, и осторожно двинулся вперед.

Подземница шла сбоку и чуть сзади. Несмотря на царящую вокруг тишину, лицо девушки оставалось напряженным, а зрачки едва заметно подрагивали, отслеживая малейшее изменения в глубине неподвижного леса. Вскоре стало заметно, что впереди, уткнувшись лицом в снег, лежит человек. Не доходя нескольких шагов, Мычка замер, прикрыл глаза, вслушиваясь в тихие лесные звуки. Видя, что спутник не торопится, девушка подошла ближе, прошептала:

— Мы не поспешим ему на помощь?

Вершинник покачал головой, сказал чуть слышно:

— Это может быть обычная ловля на живца — один изображает труп, а пятеро сидят по кустам, ждут сердобольных.

— У вас занимаются такими вещами? — девушка округлила глаза.

Мычка отмахнулся:

— Чем только у нас не занимаются. Но здесь, похоже, все по настоящему, — он замер, вглядываясь во взрыхленный снег.

Себя увидела, как изменилось лицо спутника, брови удивленно взметнулись, а рот приоткрылся. Слуха достиг отдаленный шум, подземница заметно подобралась, готовясь к встрече, но, глядя на спокойное лицо вершинника, расслабилась. Из леса, громко пыхтя и сбивая с кустов охапки снега, выметнулись наемники, заметив товарищей, подошли ближе. Покосившись на тело, Дерн поинтересовался:

— Ничего подозрительного?

Мычка не отвечал, продолжая вглядываться в избороздившие сугроб следы, для чего даже опустил на колени.

Шестерня шумно высморкался двумя пальцами, сердито произнес:

— Так это и есть кричавший?

Пещерник нагнулся, рывком перевернул тело и отшатнулся с ужасом, на него уставился

окровавленный череп. Испачканные кровью заостренные уши, уже схватившиеся морозцем, нелепо торчали в сторону, лишенные век глаза удивленно таращились на пришельцев, а обнаженные зубы скалились в ухмылке. Мычка отвел глаза, а Себя произнесла чуть слышно:

— Кому в этих диких местах понадобилось срезать кожу с лица одинокого охотника?

— Он даже не успел воспользоваться оружием, — Дерн кивнул на лук, торчащий из чехла за спиной мертвеца.

— Или не счел необходимым, — пробормотал Шестерня. Перевел взгляд ниже, где, разорванная крест накрест, меховая куртка выпирала наружу вместе с внутренностями, добавил: — Хотя, судя по ранам...

Мычка двинулся по кругу, с каждым шагом отходя от тела все дальше, пока совсем не скрылся в заснеженных зарослях. Когда он вернулся, Шестерня как раз закончил просмотр содержимого заплечного мешка охотника. Деловито переложив несколько копченых ломтей мяса к себе, пещерник поднял глаза на вершинника, поинтересовался:

— Нашел что?

Мычка о чем-то сосредоточенно размышлял, и не сразу ответил, лишь когда пещерник повторил вопрос, сказал замедленно:

— Я могу ошибаться, но по-моему это наш старый знакомый... Или кто-то из его родни.

— Тварь по заказу? — мгновенно отреагировал Дерн.

Вершинник кивнул:

— Похоже на то. Необычная походка, расположение пальцев на лапе не свойственное известным мне хищникам, след от хвоста... — он махнул рукой. — Как бы то ни было, нужно искать деревню, откуда этот охотник пришел, она должна быть недалеко.

— Дервня это хорошо, — задумчиво произнес Дерн, — пополним припасы, достанем одежды, заодно и о звере выясним.

— А с этим что делать? — Шестерня указал на труп. — Жители не обрадуются, если вдруг узнают, что мы оставили его на растерзание хищникам.

Мычка поднял распотрошенный пещерником мешок охотника, извлек со дна сложенную кольцами веревку, сказал мрачно:

— А мы и не оставим.

Спутники с недоумением наблюдали, как вершинник обвязал труп, затем осмотрелся, и лишь когда Мычка, примерившись, забросил веревку на один из торчащих над головой толстых сучьев, бросились помогать. Тело мертвого вершинника легко взмыло вверх, а конец веревки привязали за толстую ветвь растущего тут же кустарника. Мычка закрепил за плечом чехол с ненужным больше охотнику луком, приладил колчан и, глядя на висящего, негромко произнес:

— Ты не останешься не отмщенным.

Вернувшись, подсели к костру, некоторое время в молчании отогревали руки. Говорить не хотелось, и лишь кислое выражение на лице Золы, выжидательно прожигающего взглядом товарищей, заставило вкратце описать ситуацию. Выслушав рассказ, маг ненадолго задумался, затем произнес осторожно:

— Не считите безумцем, но... у меня появилось некое смутное чувство, что все это как-то связано. — Заметив вопросительные взгляды, маг заговорил скороговоркой, словно боясь, что его прервут, не дослушав: — С тех пор, как мы взялись за заказ, мы то и дело, натываемся на неизведанное, — перечисляя, он начал загибать пальцы, — чудовище, что

завело нас в подземелья, скрытые за дверями древние артефакты, озерный бог, что, по словам Дерна, даже близко не состоит в родстве с известными нам морскими животными...

— Неуничтожимый человек-демон, — подхватил Шестерня.

Зола кивнул, благодаря за поддержку, продолжил:

— А чего только стоит зал с удивительными железными истуканами... Да и шахту, по которой мы поднимались, рискуя жизнью, тоже не назовешь обычной. И вот опять, выйдя на поверхность, демон знает где, мы вновь натываемся на неизвестную тварь, о которой слыхом не слыхал наш охотник.

Не желая спорить, Себя произнесла осторожно:

— В мире много неизвестного.

— Конечно! — воскликнул маг с жаром. — Но ни за один раз, и ни в одни руки. А сколько мы пропустили лишь потому, что неслись сломя голову! Мир Себии с чудесной светящейся водой, удивительные волшебные сферы, над секретом которых я до сих пор ломаю голову.

— Что ты хочешь сказать? — подвел Дерн черту.

Не в силах сдерживаться, Зола вскочил, нервно заходил вокруг костра, обращаясь уже более к себе, чем к кому-либо:

— Судьба дала мне возможность узнать об этом мире нечто таинственное, доселе неизвестное, но очень важное. Каждое событие подталкивает меня к этому, не давая отступить. И теперь, горя жаждой познания, я не смогу остановиться, пока не распутаю окружающий нас клубок странностей и противоречий, — иссякнув, он упал на охапку зеленых ветвей, закрыв глаза, погрузился в размышления.

Дерн со странным выражением насмешки и печали смотрел на Зола, затем отвернулся, сказал негромко:

— Солнце встало, пора выступать.

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 1

Солнце не успело коснуться вершин замерших деревьев, а группа уже медленно пробиралась через сонный лес. Путь осложнялся тем более, что постоянно приходилось идти в гору. Наемники часто оскальзывались, падали, порой, скатываясь по склону на приличное расстояние, но вновь поднимались, неуклонно продвигаясь вперед.

Изредка попадались подрубленные засохшие деревья, несколько раз дрогу пересекали дорожки следов, в которых Мычка без труда узнал отпечатки сапог охотников, но, несмотря на явное присутствие людей, лес оставался безмолвен и пуст.

Вершинник хмурился, все чаще напряженно поглядывал по сторонам. Изменение в состоянии товарища не укрылось от остальных. Во время очередной короткой передышки,

когда Мычка, присев на поваленный ствол дерева, задумчиво осматривал новообретенный лук, Себя спросила участливо:

— Что-то случилось? Все утро ты сам не свой.

Не поднимая глаз, вершинник ответил:

— Меня пугает лес.

Стоящий рядом Шестерня удивленно приподнял брови, спросил неверяще:

— Вершинник боится леса?! Звучит так же странно, как напуганный пивом пещерник.

Мычка тронул пальцем тетиву, туго натянутая жила угрожающе загудела, покосившись на пещерника, спросил:

— Слышишь?

Шестерня посмотрел на лук, затем перевел взгляд на друга, пытаясь понять, где подвох, сказал осторожно:

— Слышать-то слышу, а в чем шутка?

— Ну а если бы вдруг не услышал? — Мычка ехидно прищурился.

Пещерник пожал плечами, сказал неуверенно:

— Тогда бы дернул сильнее, или помыл уши.

— А если бы не помогло?

— Тогда не знаю. Решил бы что что-то не так, или испугался... — Шестерня застыл, уважительно взглянул на друга.

Видя, как в глазах пещерника протаивает понимание, Мычка кивнул, произнес задумчиво:

— Лес живет своей жизнью, иногда он грозен, порой тих, но всегда полон звуков. А здесь... — он вновь нахмурился, — мертвая тишина. За утро мы не встретили ни одного зайца, на деревьях не видно белок, и даже птицы будто воды в рот набрали.

Прислушиваясь к разговору краем уха, Дерн подошел ближе, спросил в лоб:

— Ты что-то чувствуешь?

Вершинник замялся, но Зола бросил:

— Ладно уже, говори, не стесняйся. Как говорится, лучше перебдеть...

Мычка по-очереди оглядел друзей, сказал прямо:

— Я чувствую угрозу. У меня лопатки сводит, словно кто-то недобрый смотрит в спину.

Головы мгновенно повернулись, вглядываясь в чашу позади вершинника. Настороженно осмотревшись, Зола пробормотал:

— Я ничего не вижу.

Мычка покачал головой, произнес чуть слышно:

— Ты и не увидишь. Я сам не вижу. Но что-то здесь определенно есть, и это что-то очень недоброе.

Тихо свистнуло, в бревно, почти коснувшись руки вершинника, воткнулась длинная стрела, дрогнув пару раз, замерла. Раздался предупреждающий окрик:

— Не двигаться! Кто шевельнется, получит стрелу. Кто вы и что здесь делаете?

Себя мгновенно напружинилась, Шестерня едва заметно передвинул щит, прикрывая затылок, а Зола нехорошо прищурился, но Мычка вдруг рассмеялся, замедленно встал, разводя пустые руки, сказал весело:

— Кто бы ты ни был, но смел не по годам. Выходи, не бойся, мы с миром.

В ответ послышался крик:

— И не пытайся заговорить мне уши. Нас много, и едва вы дернетесь...

Мычка перебил уже с некоторым раздражением:

— Послушай, парень. Как бы ты метко не стрелял, но в одиночку пятерых не сдюжишь.

Выходи, пока мои товарищи не потеряли терпение, а то наш маг уже разрывается от желания спалить тебя вместе с кустами, чтобы после превратить в зомбяка и заставить таскать поклажу.

Наемники во все глаза смотрели на разошедшегося вершинника, когда из засыпанных снегом кустов, напротив, выступил юноша, голубые глаза настороженно смотрят на незнакомцев, длинные уши то и дело подергиваются, а губы нервно дрожат. Не опуская натянутый лук, он неуверенно шагнул навстречу, спросил с нарочитой небрежностью:

— Как ты догадался, что я один?

Мычка произнес успокаивающе:

— Во-первых, убери оружие, не ровен час рука дрогнет, а приятели у меня нервные, могут не сдержаться, — глядя, как юноша замедленно опускает лук, вершинник удовлетворенно кивнул, продолжил, — а во-вторых, не стоит производить столько шума. Я уже было решил — через кусты медведь прет...

Щеки парня зарделись, забросив лук за спину, он пристыжено пробормотал:

— Прости. Я первый раз ушел так далеко от деревни и немного нервничаю, — он открыто улыбнулся. — Но это хорошо, что я вас встретил. У нас в деревне гости редки, и староста будет рад.

Опустив посох, Зола буркнул:

— Взаимно. Только хорошо бы сперва до деревни дойти, а то беседовать на открытом воздухе не очень удобно, а мы уже давно в пути...

Парень всплеснул руками, произнес скороговоркой:

— Конечно, конечно. Что-то я совсем заговорился. Пойдемте, я провожу. На самом деле это не так далеко, как кажется, — видя, что новые знакомые переминаются, готовые двигаться, он сделал приглашающий жест, и, доверчиво повернувшись спиной, зашагал в лес.

Глядя на удаляющегося охотника, Дерн наклонился к Мычке, поинтересовался негромко:

— Ты действительно слышал, как он подошел?

Мычка покрутил головой, сказал честно:

— Нет. Несмотря на молодость, он настоящий охотник. Не выдай себя неуместным выстрелом, мы бы так и не узнали о его существовании.

Дерн покивал, пробормотал:

— Я так и предполагал.

— К тому же, если ты до сих пор не заметил, он вершинник, — с улыбкой добавил Мычка, — а мы не любим шуметь.

Прибавив шагу, вскоре нагнали проводника, пошли вровень. Себя осторожно произнесла:

— Мы встретили неподалеку охотника...

Юноша оживился, с восторгом произнес:

— Вам довелось пообщаться с Беркутом? Это один из наших лучших охотников. Даже не думал, что он охотится в этих местах. Здесь не много дичи. И что он вам рассказал? — он с ожиданием взглянул на девушку.

Вместо подземницы ответил Шестерня. Надсадно крикнув, пещерник тяжело обронил:

— К сожалению ничего.

Проводник кивнул, сказал, ничуть не удивившись:

— Бывает и такое. Беркут неразговорчив... — Но увидев выражение лица Шестерни, он вдруг побледнел, отчего и без того светлая кожа приняла мертвенный оттенок, прошептал чуть слышно: — Не может быть...

— Наши соболезнования, — Дерн дотронулся до плеча парня.

Тот дернулся, словно от удара, взглянул бешено, на его лице несколько мгновений читались сильнейшие подозрения, но рассудок взял верх, и юноша поник, произнес чуть слышно:

— Простите. На мгновение я подумал...

— Мы понимаем, — мягко произнесла Себя, — но то были не люди.

Проводник некоторое время шел погрузившись в себя, затем произнес чуть слышно:

— Значит правду говорят... Зверь вернулся.

— О чем ты? — заинтересовавшись, Шестерня догнал, пошел рядом.

— Никто не знает откуда, — начал рассказ юноша, — но раз в несколько десятилетий появляется Зверь. Он не боится охотников, его почти невозможно выследить... Черная тень возникающая за спиной посреди ночи. Раньше я не верил, считал рассказами выживших из ума стариков. Вершинники — лучшие охотники, нет зверя, которого мы не можем изловить. Но, если даже Беркут... — он уронил голову на грудь, замолчал в раздумии.

— А что насчет Зверя? — напомнил Зола.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Парень встрепенулся, сказал нервно:

— Ничего. Через некоторое время он исчезает и все успокаивается. Говорят, что когда-то давно такого не было, но после великой битвы они стали появляться. — Он вдруг оживился, спросил взволнованно: — Вы выглядите непривычно, оружие, одежда... Возможно вы бывали, или хотя бы слышали, что происходит в низинах?

— А что там может происходить? — сбитый с толку, поинтересовался Дерн.

Проводник поднял голову, произнес, цитируя по памяти:

— Низины пропитаны ядом. Тварь ли, человек, попавшая в эти гиблые места вскоре умирает в страшных муках. С небес там падает черный пепел, а земля сожжена в пыль. По обломкам городов бродят чудовища, безжалостно истребляя уцелевших, а гниющие человеческие останки наполняют воздух ужасным смрадом... — он бледно улыбнулся, развел руками. — Конечно, это всего лишь легенды, но мы никогда не спускаемся ниже ледника. А кто уходит — не возвращается. Так что, возможно часть правды в этом есть.

Дерн с Золой переглянулись, маг чуть заметно покачал головой, предостерегая, и болотник отстраненно сказал:

— Мы не были в тех местах, но с удовольствием расскажем то, что слышали от других.

За разговором незаметно пролетело время. Солнце выкатилось из-за горизонта, согревая яркими лучами застывший лес, стало ощутимо теплее. Зола перестал дрожать, а Себя с Мычкой распустили плащи, в которые до того непрерывно кутались. Стали попадаться следы охотничьей деятельности, здесь на дереве стесана кора для растопки костра, а там присыпанный снегом шалаш, все чаще пересекали дорогу оставленные кожаными сапогами цепочки следов, а в непролазных сугробах то и дело мелькали узкие тропки.

После того, как свернули вслед за провожатым на одну из тропок, дело пошло быстрее. Крутой склон выровнялся, и теперь лишь незначительный подъем напоминал путникам, что они по-прежнему находятся в горах. Когда дело подошло к полудню, лес поредел, а вскоре и

совсем прекратился, остались лишь отдельные деревья, словно бесстрашные разведчики, вышедшие из зеленой чащи, да так и замершие в нерешительности.

Не останавливаясь, проводник гордо произнес:

— А вот и наша деревня, как и говорил — совсем не далеко.

Вытянув шею, Шестерня выглянул из-за плеча юноши, сказал довольно:

— Над поселком дым.

— И что это значит? — в голосе подземницы послышалось подозрение.

Шестерня покосился на девушку, снисходительно объяснил:

— В домах топят печи, готовят пищу... Совсем скоро мы сможем вновь поесть горячего!

Прошли мимо стоящего на отшибе дома, круглое строение из толстых, плотно спаянных бревен, из дыры в крыше идет дымок, у крыльца возятся в снегу детишки. Вступили на некое подобие улицы, широкая дорога из плотно утоптанного снега, в беспорядке разбросанные домики, то здесь то там, прямо на снегу, лежат здоровенные мохнатые псы провожающие чужаков настороженным взглядом, редкие прохожие посматривают с интересом, некоторым проводник учтиво кивает, другим просто улыбается.

Дерн некоторое время присматривался к домам, спросил с любопытством:

— Я не вижу вокруг домов заборов, они столь низкие, что скрыты снегом, или...

Юноша обернулся, спросил с удивлением:

— Заборы... для чего?

Болотник озадаченно почесал в затылке, сказал задумчиво:

— И действительно, для чего?.. И с чего вдруг спросил... сам не знаю.

Парень указал на виднеющееся впереди продолговатое здание:

— Видите, во-он тот дом. Это харчевня. Ступайте туда, подкрепитесь. А я пока схожу к старейшинам, они наверняка захотят подробнее узнать, кто вы и откуда. — Он понурился, добавил чуть слышно: — Да и семье Беркута кто-то должен сообщить тяжелую весть...

Глядя, как парень уходит, сгорбившись, Мычка крикнул вслед:

— Ты тоже приходи. Возможно, нам понадобится помощь.

Проводник на мгновение обернулся, помахал рукой, и заспешил в глубину деревни.

— Ты уверен, что он нам пригодится? — Зола скептически покосился на Мычку, — больно зелен.

Мычка чуть нахмурился, сказал серьезно:

— Вершинники — народ осторожный, будет лучше, если кто-то сможет подтвердить наши добрые намерения перед старейшинами. Тем более, — он пристально взглянул на мага, — ты сам слышал, что тут думают о жизни на равнинах.

Зола раздраженно отмахнулся:

— Я уже не знаю, что и думать. Это какое-то повальное сумасшествие.

Шестерня шумно сглотнул, сказал недовольно:

— Не знаю, как у вас, а у меня уже живот подвело. Кто желает и дальше прохлаждаться, обсуждая местные байки, оставайтесь, остальные — за мной!

В помещении корчмы темно и дымно, затянутые бычьим пузырем окна пропускают лишь тусклые отблески, зато намного теплее, чем снаружи. В сложенном из плоских камней очаге жарко пылает огонь, на вертеле, распространяя одуряющий запах, поджаривается туша кабана, от которой юркий вершинник в засаленном фартуке то и дело отрезает поджарившиеся куски.

Расположившись за крепким столом из толстых сосновых досок, путешественники наслаждались пищей. Сидящие по соседству охотники с одобрением кивали, глядя, с какой скоростью компания уничтожает подносимые корчмарем блюда.

Скрипнула разбухшая на морозе дверь, пригнув головы, в харчевню один за одним вошли трое вершинников, за ними скользнул уже знакомый проводник. Повернувшись вполоборота, Мычка смотрел, как юноша зашарил взглядом по залу, вглядываясь в сидящих за столами, увидев наемников, он что-то коротко сказал спутникам, и все четверо двинулись напрямик к столу, за которым пировали гости. Не отрывая глаз от приближающихся, Мычка произнес вполголоса:

— А вот и старейшины.

Проследив за взглядом Мычки, Шестерня оторопело произнес:

— Если это старейшины, то...

Заинтригованные, остальные начали крутить головами, но четверо мужчин уже стояли рядом. Проводник скороговоркой произнес:

— Это и есть те достойные путешественники, коих я встретил в лесу, — и отступил в сторону, замерев в почтении.

Старейшины стояли молча, придирчиво осматривая наемников, а те, в свою очередь, пользуясь моментом, приглядывались к хозяевам местных земель. Трое старейшин, словно братья, одинаково рослые, широкие в плечах вершинники, у всех выбеленные сединой волосы и испещренные морщинами лица, но голубые глаза глядят не по-стариковски цепко, а под отделанным мехом доспехами угадываются могучие мышцы.

— Меня зовут Лунь, — величаво молвил первый, судя по сплошь седым волосам, наиболее старый и опытный, — а это мои братья — Чалый и Варг, полагаю, нам есть о чем поговорить, — легко придвинув тяжелую сосновую лавку, он мягко присел за стол, остальные молча присоединились. Проводник осторожно примостился на краешке скамьи, замер, стараясь стать, как можно менее заметным.

По молчаливому согласию, слово взял Зола, пригладив волосы, он степенно произнес:

— Приветствуем вас, старейшины. Мы идем издалека, наша одежда изнасилась, а ноги гудят от усталости. Нам нужна передышка.

Шестерня было скис, предвкушая длинный утомительный разговор, но, сидящий по правую руку от Луня, Варг, по всей видимости, не отличающийся большим терпением, угрожающе упер кулаки в стол, произнес сурово:

— Нам сказали, вы видели Зверя.

Зола качнул головой, ответил мирно, но Себя заметила, как в глубине зрачков мага вспыхнули опасные искры:

— Мы видели многое, возможно, гораздо больше, чем иные из твоих опытных охотников. И мы с удовольствием поведаем вам об этом, стоит лишь правильно сформулировать вопрос.

Брови Варга сдвинулись, а ноздри начали раздуваться, он угрожающе привстал, но

тяжелая рука старшего брата легла на плечо, с силой вдавила в стул. Выдержав паузу, Лунь примирительно произнес:

— Не принимайте близко к сердцу, уважаемые, вы принесли дурные вести и многих это сильно огорчит.

— Не будем лукавить, — звонко произнес Чалый, его аристократическое лицо напряглось, а лоб прорезали глубокие морщины, — намного больше, чем ваши путешествия, нас интересует Зверь, но это не означает, что мы не выслушаем и все прочее, что вы посчитаете нужным рассказать, прежде... чем позволим вам остановиться в наших владениях.

Зола понимающе кивнул, мельком оглядел товарищей, предостерегая от необдуманных слов, неторопливо произнес:

— Прежде чем приступить к описанию последних событий, я немного углублюсь в прошлое...

Краем уха прислушиваясь к витиеватым словесам мага, Себя искоса поглядывала на старейшин. Младшие братья реагировали бурно, эмоции сменялись одна за одной, но лицо старшего оставалось нейтральным, словно глиняная маска, лишь глаза жили своей отдельной жизнью, перемещаясь по лицам наемников, порой, надолго задерживаясь на ком-то одном. Когда взгляд Луня обращался к ней, Себя беззаботно улыбалась, делая вид, что увлечена сладкой наливкой, но едва пронзительные голубые глаза сдвигались в сторону, улыбка проходила сама собой, а взгляд вновь обращался к молчаливым слушателям.

Когда Зола закончил, воцарилось продолжительное молчание. Мычка хотел уточнить кое-какие детали, которые, как ему показалось, братья-старейшины поняли несколько превратно, но он промолчал, чувствуя, что в эти мгновения решается нечто большее, чем вопрос остановки в деревне.

Скрипнула лавка, Лунь встал, следом за ним поднялись и братья. Замешкавшись, вскочил проводник, очнувшись от навязанных рассказом видений. Лунь коротко кивнул, прощаясь, все также степенно произнес:

— Нам нужно посоветоваться. О решении вы узнаете... вскоре, — он удалился, сопровождаемый братьями. Вслед за ними выскочил и юноша.

Отхлебнув из деревянной чарки хмельного напитка, Зола поинтересовался:

— Что скажете, соратники?

Шестерня сказал уважительно:

— Суровые ребята, но справедливые.

Дерн покачал головой, сказал, глядя на пещерника:

— Что-то мне подсказывает, что с этими "ребятами" мы здесь долго не задержимся.

— Они не поверили ни одному нашему слову, — уверенно произнесла Себя. Отвечая на невысказанный вопрос в глазах Золы, добавила: — По крайней мере, я бы точно не поверила. Сам подумай, пришли непонятно кто, неизвестно откуда, одеты как попало, несут околесицу. И... я согласна с Дерном, мы здесь ненадолго.

Взоры обратились на Мычку, что отмалчивался, глядя в тарелку, но прежде чем вершинник успел хоть что-то сказать, хлопнула входная дверь, вместе с порцией холодного воздуха в корчму вошел уже знакомый юноша. Подойдя к столу, проводник рухнул на лавку, подперев голову руками, некоторое время тупо смотрел перед собой, затем горько произнес:

— Мне очень жаль, но... с заходом солнца вы должны уйти.

— Правда странно? — саркастически спросил болотник. — И ведь никто не ожидал...

Да демон с ними, — Зола разрубил ребром ладони воздух, — уйдем, чай не впервой. Вот только нужно приобрести теплую одежду, или... — он насмешливо взглянул на проводника, — торговать нам тоже нельзя?

На юношу было больно смотреть, мучимый чувством вины, он то краснел, то бледнел, несколько раз порывался вскочить, но всякий раз сдерживался, затем вдруг успокоился, поднял глаза на наемников, сказал твердо:

— Я пригласил вас, рассчитывая, что и остальные будут рады, но... — он тяжело вздохнул, развел руками, — старейшины сказали свое слово. И хотя их воля неоспорима, это не снимает с меня ответственности. — Проводник решительно встал, произнес негромко, так, чтобы не услышали сидящий неподалеку охотники: — Следуйте за мной.

Дождавшись пока юноша покинет корчму, наемники неторопливо собрались и по очереди вышли следом. Выходя последним, Мычка на прощание обернулся, успев перехватить несколько пристальных взглядов. Сделав вид, что не заметил повышенного внимания, он затворил дверь.

Проводник провел их почти через все село. Остановившись напротив добротного дома из толстых бревен, такого же круглого, как и остальные, только раза в полтора больше, юноша постучал в дверь, отступил на пару шагов, терпеливо ожидая.

Дверь распахнулась без скрипа. На пороге возникла стройная девушка, русые волосы тяжелыми косами ниспадают на плечи, покрасневшие глаза чуть припухли, на щеках блестят, быстро высыхая на холодном ветру, мокрые дорожки, на опечаленном лице отразилось удивление, окинув гостей долгим взглядом, девушка произнесла:

— Вы — те, что нашли моего мужа, вернее... то, что от него осталось. Не думала, что Зяблик решится привести вас.

Мычка наклонил голову, учтиво произнес:

— Мы слышали крик в ночи, и что есть сил поспешили на помощь, но... пришли слишком поздно. — Глядя, как лицо вдовы исказилось болью, а в глазах начала скапливаться влага, он поспешно добавил: — Мы подняли его тело наверх, сделав недоступным для лесных хищников.

Вершинница кивнула, с трудом сдерживая слезы произнесла:

— Я благодарна вам. Заходите в дом, я угощу вас чем смогу.

Взглянув на клонящееся к закату солнце, Мычка поспешно произнес:

— Мы благодарны тебе, но очень спешим, и не имеем даже свободного мгновения,

— Тогда чего вы хотите? — удивилась девушка.

Вместо Мычки ответил проводник:

— Им нужна теплая одежда и кое-какое оружие. Я знаю, у вас с Беркутом большие запасы, и... — он потупился, произнес через силу, — я прошу тебя дать им все, что понадобится, в счет моего долга.

Не отвечая, девушка соступила на землю, пошла вокруг дома к заснеженным коробам пристроек. Зяблик неуверенно двинулся за ней, позвав жестом спутников. Сняв замок, вершинница рывком распахнула дверь, повернувшись к гостям, произнесла мертвым голосом:

— Выбирайте, что больше понравится. Без Беркута это все уже не имеет значения.

Первым в пристройку деловито зашел Шестерня, внутри тут же зашуршало. Остальные вошли за ним, стараясь не встречаться взглядами с потухшими глазами вдовы. Зяблик остался снаружи, переминаясь с ноги на ногу, он терпеливо ждал. Когда наемники вышли,

кутаясь в теплые тулупы и полушубки, вершинница печально кивнула, сказала с глубокой грустью:

— Что ж, удачного вам пути. Надеюсь, этот скромный дар поможет вам пережить тяготы путешествия.

Она отвернулась, чтобы закрыть замок, но руки не слушались, дрожащие пальцы то и дело промахивались ключом мимо скважины, пока, наконец, глухо не щелкнуло. Повернувшись вновь, девушка с удивлением воззрилась на пещерника, подступившего к ней вплотную. Глядя вершиннице в глаза Шестерня произнес:

— У нас говорят — горе проходит, жизнь продолжается. Будет трудно, но ты справишься — Он взял безвольную кисть девушки, вложил в ладонь крупный кроваво-красный камень: — Возьми, это застывшая кровь гор, она поможет пережить несчастье.

Наемники уходили, а погруженная в печаль вершинница еще долго смотрела им вслед. Ненадолго обернувшись, Зола мельком глянул назад, спросил, покосившись на Шестерню:

— Не жалко камня?

Шестерня не ответил, лишь плотнее запахнулся в тулуп и ускорил шаг, будто старался убежать от каких-то тяжелых мыслей.

Послышался топот, их догнал запыхавшийся Зяблик, поравнявшись, пошел рядом, указывая кратчайший путь к выходу из села. Когда последний домик остался далеко за спиной, проводник остановился, сказал, обращаясь ко всем сразу:

— Дальше, через перевал, располагается другое село, а за ним еще несколько. Рад бы проводить, да много дел. Возможно, когда-нибудь, доведется встретиться вновь, — взмахнув на прощание рукой, он заспешил обратно, скользя по багровеющему в заходящих лучах солнца снегу.

Тропинка сузилась, но продолжала оставаться утоптанной, так что двигались споро. Мычка оглядывался все чаще, напряженно прислушиваясь, и поглядывая то на стремительно скатывающееся за горизонт солнце, то на петляющую за спиной нить дороги, при этом все больше ускоряя шаг, так что запыхавшийся Зола под конец сказал зло:

— Мне кажется, или ты решил загнать нас на смерть?

Мычка сдавленно произнес:

— Нужно найти подходящее место. У меня очень нехорошее предчувствие.

— Место для ночлега? — Дерн покосился на вершинника.

— Скорее для боя, — ответила за вершинника Себя. — После того, как эти старейшины ушли, на нас стали очень нехорошо коситься.

Шестерня, всю дорогу путающийся в длинных полах тулупа, и от того запыхавшийся не меньше мага, произнес отдуваясь:

— А по мне, так вы с Мычкой чересчур подозрительные. Отличная корчма, серьезные мужики, а то, что кто-то косо глянул, так мы не девки, чтобы нам улыбаться, — покосившись на подземницу, поправился, — не все девки...

Густой кустарник, через который продирались последние несколько десятков шагов, разом отступил, впереди открылась округлая полянка, наполовину погруженная в черные тени от высоких деревьев. Шестерня открыл и закрыл рот, Дерн хмыкнул, а Себя прищелкнула языком. Поперек поляны, выстроившись рядком, стояли хмурые вершинники, сжимая в руках длинные луки.

ГЛАВА 3

Прищуренные глаза холодно всматриваются в вышедших из леса, стройные тела напряжены в ожидании боя. Миг, и руки взметнулись, выхватывая из колчанов стрелы, заскрипели сгибаемые дуги луков, тонкие острия нацелились в растерянных путешественников. Короткое злое гудение, словно кто-то с размаху ударил палкой по гнезду диких ос, и вот тонкие древки уже несутся навстречу цели: недолгие мгновения полета, распарывающие воздух блестящие росчерки металла и тонкий вой приближающейся смерти.

Воздух загустел, опоясав отряд призрачной полусферой. Стиснув зубы, Зола вскинул перед собой обе руки, заставив на мгновение замереть оцетинившийся остриями рой. За доли мгновения, что он удерживал барьер, отряд успел перегруппироваться. Сорвав с плеча лук, Мычка метнулся влево, рука замелькала, выхватывая из колчана стрелы, угрожающе загудела тугая тетива. Себя ушла вправо, глубоко завязнув в сугробе, но в безумном прыжке вырвалась из предательского снега, понеслась вперед, двигаясь каким-то невероятным, рваным шагом, непрерывно сбивая прицел противнику. Шестерня перехватил щит на руку, и, отступив на шаг, прикрыл мага, а Дерн, оперевшись Золе в спину, взревел с натугой, и с все увеличивающейся скоростью побежал, толкая перед собой товарищей, словно живой щит.

Воздушный барьер испарился, стрелы забарабанили по щиту. Наблюдая за приближающимися, как по волшебству, лицами врагов, Шестерня потянулся за секирой. Вершинники рассредоточились, пропуская несущееся навстречу таран, но тот вдруг рассыпался на три фигуры, что, не останавливаясь, кинулись в бой. Взвыли шипастые шары, превращаясь в размытый диск, замелькало тяжелое лезвие секиры, по глазам резанула вспышка огнешара.

На истоптанный снег брызнули капли дымящейся крови, выжигая в белом покрывале глубокие ямки. Отбросив бесполезный на близкой дистанции лук, Мычка увернулся от выпада одного из вершинников, перекатившись через голову, подхватил лежащий на снегу меч, выпавший из ослабевшей руки воина, что сидел тут же, держась за пробитую стрелой шею, и, хищно оскалившись, кинулся в гущу битвы.

Неподалеку, словно молния, мелькала подземница. Пользуясь сумраком, Себя, отлично видевшая в темноте, стремительно исчезала из-под казавшихся неминуемыми смертельных ударов, возникая то сбоку, то сзади, нежно касалась кривым лезвием кинжала открытых шей врагов, после чего из ран фонтаном выплескивалась кровь, а только что исполненные ярости боя мужчины резко бледнели и замедленно оседали на землю.

Шестерня с уханьем взмахивал секирой, пока не опрокинулся от ловкой подножки, но даже лежа на спине, размахивал всеми конечностями, словно гиганский жук, не давая врагам ударить по уязвимым местам, пока Зола, заметив плачевное положение пещерника, не метнул огнешар в наседающих на Шестерню вершинников, превратив обоих в пылающие факелы.

Мычка несколько раз уворачивался от кистеня разошедшегося болотника, в пылу боя не разбирающего вершинников один от другого, едва поднявшегося Шестерню вновь уронили, а Зола, уставший щуриться, сотворил в качестве подсветки огромный огнешар, на мгновение ослепив всех участников боя, включая себя.

В какой-то момент оказалось, что кроме наемников на поляне больше никого нет, лишь

остывающие тела под ногами. Глядя, как подземница деловито перерезает горло недобитым, Зола скривился, спросил с сарказмом:

— Может все же стоит кого-то оставить в живых?

— Зачем? — искренне удивилась Себя.

Маг нахмурился, ответил желчно:

— Узнать, кто они, и для чего напали.

— А не все ли тебе равно? — поинтересовался преступивший к мародерству Шестерня.

— Мне нет, — Зола сверкнул глазами на пещерника, — на тот случай, если за поворотом нас ждет еще такая же команда.

— Да пожалуйста, — девушка вытерла кинжал об одежду мертвеца, спрятала в ножны, — вон, возле тебя лежит, притворяется. Хочешь узнать — ударь огнешаром, чтобы нога обуглилась, ну, или рука. В общем, чтоб не умер сразу, но появилось желание общаться.

Прежде, чем маг решил, каким именно из предложенных подземницей способов он хочет расспросить раненого, Дерн подошел к вершиннику, на которого указала Себя. Еще совсем молодой парень, зажимая глубокую рану в боку, с ужасом смотрел на наемников, его била крупная дрожь. Нагнувшись ближе, так что бы раненый видел только его, болотник сказал задумчиво:

— Мои друзья очень хотят узнать, кто вы и что здесь делаете? Если ответишь, я попытаюсь тебя излечить.

С трудом ворочая языком, сказала потеря крови, юноша произнес:

— Нас послали уничтожить тех, кто привел зверя. Жаль, не удалось... — Он закашлялся, выплевывая сгустки крови, сжигая остатки сил, выкрикнул враждебно: — но за нами придут другие, и вас остановят...

Глядя в застывшие глаза вершинника, Зола проворчал:

— Сумасшедшие люди, сумасшедший мир. Готовы убить первых встречных лишь потому, что это совпало с некими неясными предзнаменованиями.

— Не люди — вершинники, — поправил Мычка.

Маг отмахнулся:

— Какая разница? Бородатые коротышки, зеленые здоровяки..., а ума — что у тех, что у других.

— Это что ты имел в виду? — нахмурился пещерник.

Не обращая внимания на Шестерню, Зола в раздражении прошелся по поляне, переступая трупы, спросил, возведя очи к потемневшему небу:

— Вот скажите мне, чего ради они поперлись за нами следом, напали, хотели убить?..

Дерн произнес примиряюще:

— Старейшинам не нужна смута. Вот они и попытались оградить свою деревню, а заодно и прочих от ненужных свидетелей.

Мычка покачал головой, сказал, глядя на убитых:

— Значит они не пощадят и Зяблика...

Дерн кивнул:

— И не только. Жена убитого охотника тоже лишний недовольный.

— Может вернуться? — осторожно предложила Себя. — Помочь людям с чересчур заботливыми вождями, да и себя обезопасить на будущее?

Зола, что после слов болотника как-то разом сник, пробормотал чуть слышно:

— Нет. Они действительно заботливые. Лучше убить пятерых чужаков, чем поселить в

сердцах людей страх и недоверие. На их месте, я... поступил бы также.

Шестерня поморщился, сказал с досадой:

— Все это очень интересно, но давайте поговорим позже, а сейчас разденем убитых, пока не задубели. У меня тулуп держится на честном слове, а им одежда без надобности.

Взятая у вдовы Беркута теплая одежда висела лохмотьями не только на Шестерне, изрубленная во время схватки. Понимая правоту пещерника, скрепя сердце, приступили к неприятному делу. Когда, спустя недолгое время, наемники удалились, на освещаемой бледными отблесками огнешара поляне остались лишь застывшие фигуры раздетых мертвецов.

— Как, однако, странно складывается жизнь, — произнесла Себя, глядя в мерцающее пламя ночного костра, — еще совсем недавно я была знатной персоной, девушкой на выданье, любимой дочерью начальника городской стражи, а сейчас... словно покинувшая родные места бездомная бродяжка, бреду неизвестно куда, без всякой цели, с такими же оторванными от жизни попутчиками.

— Э, нет, — сказал Шестерня, с ленцой жуя шмат копченого мяса. — Не знаю, у кого как, а у меня есть четкая цель.

— Очень интересно, — сонно откликнулся Зола, — что за цель у нашего пещерника.

— Как вернемся, — Шестерня мечтательно уставился в испещренное звездами небо, — я, пожалуй, завершу с работой наемника, приобрету домик на отшибе, заведу хозяйство, там, коз разных, овец, и буду жить в свое удовольствие.

Мычка насмешливо покосился на товарища, спросил с любопытством:

— Полагаешь, по возвращении нам вручат по стаду овец?

Шестерня покачал головой, одновременно похлопав по укутаным в теплый полушубок бокам, сказал удовлетворенно:

— Здесь достаточно, чтобы хватило на безбедную старость.

Дерн с удивлением поинтересовался:

— Имеешь в виду нажранное сало?

— Смейтесь, смейтесь, — не обиделся пещерник, — поговорим, когда будете между заказами забегать, на мое житье любоваться. — Он расстегнул полушубок, с кряхтеньем запустил руку под пояс и осторожно, опасаясь рассыпать, выставил ладонь, где, переливаясь всем цветами радуги, блеснули крупные камни, добавил довольно: — И это далеко не все.

Все разом перестали скалиться, неверяще уставившись на богатство. Прокашлявшись, Зола спросил чуть охрипшим голосом:

— И где угораздило?

— Так в приснопамятных катакомбах, — расплылся в улыбке Шестерня, — там какой-то отнорок попался, с парой-тройкой сундуков. Один еще оказался взломал.

— Постой, постой, — прервал Шестерню побледневший Мычка, — это не там, где небольшая комната с ровными стенами?..

— Ну да, — не обратив внимания на изменившееся лицо товарища, весело отмахнулся пещерник, — вроде того. Так вот, я, не будь дураком, подумал — а не вскрыть ли мне их, на всякий случай?..

— И что же дальше? — напряженно поинтересовалась Себя.

— Ну и вскрыл. А там они и оказались, камни эти. Еще какие-то монеты были, но я торопился шибко, вот и...

Мычка с Себией переглянулись, девушка чуть заметно улыбнулась, а вершинник развел

руками, словно говоря — пещерник, он пещерник и есть, драгоценности отыщет даже там, где другие нашли лишь грязь.

Разговор затих сам собой, и вскоре только потрескивание костра да далекий волчий вой нарушали тишину заснеженного леса.

Пробудились от громкого восклицания Себии. Мычка вскочил, мгновенно переходя от полной расслабленности к состоянию боевой готовности, но... в растерянности замер. Мир изменился, исчезли деревья, кусты, пропало даже небо, все вокруг, словно перенесенное из удивительного сна, сменило цвет, подернувшись белой пеленой, а по поляне, визжа словно малолетняя девчушка, прыгала подземница, загребая и тут же разбрасывая целые охапки рыхлого, свежевывающего снега.

Рядом, отплевываясь от забившего рот снега, выглянул Зола, узрев веселящуюся подземницу, досадливо сплюнул. Одновременно зашевелились пара небольших сугробов, превратившись в Шестерню с Дерном.

Подхватившись, вчетвером быстро убрали навалившийся слой снега, и вскоре на выстуженных углях уже плясало веселое пламя. Протягивая озябшие руки к костру, Ден поинтересовался:

— Как будем определять направление в такой снегопад?

— А зачем нам его определять? — пожал плечами пещерник, — куда пойдём, туда и выйдем.

— А если мы выйдем обратно к колодцу? — насмешливо поинтересовалась подошедшая подземница.

— Меня волнует другое, — хмуро произнес Мычка, — как бы нам с этим снегопадом не забрести на ледник.

— А что ледник? — Зола порылся в мешке, вытащил кусочек мяса, протянул к огню, согревая. — Быстрее попадем на ледник, быстрее вернемся. Ты же сам не далее, чем вчера говорил, что ледники спускаются вниз.

— Попадем на ледник — умрем, — зловеще произнес вершинник, — это вам не по пещерам прогуливаться.

Закончили завтрак в молчании. Споро собрали вещи, и, затушив огонь, двинулись следом за Мычкой. Прежде, чем выбрать направление, вершинник несколько раз обошел поляну, затем долго к чему-то прислушивался, и, наконец, стал срезать кору с ближайшей сосны. Когда, потеряв терпение, Зола уже собрался выругаться, Мычка кивнул и уверенно засеменял в снежную мглу, что, на взгляд мага, ничем не отличалась от точно такой же мглы на другой стороне поляны, о чем он и не преминул высказаться в особо едкой форме, но, поскольку, вершинник уже скрылся, а вместе с ним исчезли и остальные, Зола лишь поджал губы, и, подавив раздражение, двинулся следом.

Снег валил, не переставая. Мир погрузился в белое марево. На расстоянии уже пары шагов предметы угадывались с трудом, а дальше все исчезало, растворяясь в молочной дымке. Чтобы не потеряться, наемники шли почти касаясь друг друга, раз за разом устраивая перекличку, чтобы вовремя вернуться, если кто-то отстанет или потеряется.

Порой из белесого марева выныривал занесенный снегом куст, или мимо проплывал темный ствол дерева, после чего путники вновь проваливались в белое безмолвие, когда казалось, что привычный мир растворился, и они навсегда затерялись в бесконечном снегопаде.

Несколько раз останавливались, устраивая короткий привал, не разводя костра,

перекусывали вяленным мясом и двигались дальше. Озябнув, Шестерня попытался было поискать валежник, но едва сунулся в сторону, как тут же увяз в снегу по пояс, и больше не пытался заниматься изысканиями. Из всей группы положительные эмоции испытывала лишь подземница, с лица Себии не сходила улыбка, она то и дело зачерпывала целые охапки снега, и, с любопытством вглядываясь в хрупкие лучики снежинок, делилась открытиями со спутниками.

День уже заканчивался, когда снегопад прекратился. Небо разом расчистилось, а горизонт скачком отодвинулся. Осматриваясь, путешественники завертели головами, спеша понять, куда забрели под покровом непогоды.

Позади, насколько хватало глаз расстилался заснеженный лес, забирая влево, терялся в горной гряде, по правую руку высились ледяные скалы, а впереди... Мычка присвистнул, Дерн озадаченно крикнул, а Себия восхищенно прошептала:

— Потрясающе.

Впереди, упираясь вершинами в небо, возвышались чудовищные металлические конструкции. Казалось, невероятный паук сплел железную паутину, а потом покинул мир, оставив свое детище без присмотра. Громоздящиеся друг над друге тонкостенные шпильки образовали жуткий конгломерат, застыв в странной гармонии, и смотрелись чем-то настолько чужеродным, что вызывали животный ужас одним своим присутствием.

ГЛАВА 4

— Однако, знатные мастера здесь потрудились, — понизив голос, словно боясь, что его слова могут пробудить дремлющие в этом странном месте силы, произнес Шестерня.

— Ты уверен, что к этому вообще причастны люди? — поинтересовался Зола.

— Подойдем, посмотрим, — пожал плечами пещерник, — там и определим.

Мычка покосился на спутников, спросил с сомнением:

— Вы точно хотите туда идти?

— А в чем дело? — Зола, наконец, оторвался от возвышающейся громады, взглянул на вершинника.

— Ты уже забыл, чем закончился наш предыдущий поход в подобное место? — поддержал Мычку Дерн.

Но маг лишь отмахнулся:

— Если вы о той твари, то мы, в конце концов, остались живы.

— В этот раз может так сильно не повезти, — заметила подземница.

Зола обвел взглядом друзей, нахмурился, сказал тоном не терпящим возражений:

— Надвигается вечер, и самое время побеспокоиться о ночлеге. Строение перед нами ни чем не хуже любого другого места. К тому же, — он хитро прищурился, — внутри, наверняка, полно несметных сокровищ.

Шестерня озадаченно взъерошил бороду, сказал с сомнением:

— Полагаешь, их до сих пор не растащили местные жители?

— А ты уверен, что даже соберись они всей деревней, наберутся мужества войти? — ответил вопросом на вопрос маг. — В конце концов, вне зависимости от того, что вы

решите, я иду туда, — Зола отвернулся, с независимым видом скрестил руки на груди.

Дерн пробормотал:

— Ну, если ты так настаиваешь...

Но маг уже не слышал, бодро топая в сторону удивительного сооружения.

Идти пришлось долго. Заиндевевшие, покрытые толстым слоем льда, металлические башни, казалось, по мере приближения, удаляются. Запыхавшись, и набрав полные сапоги снега, наемники, наконец, уперлись в забор сложенный из ровных блоков, напоминавших обожженную глину, только гораздо более плотных на вид.

Запрокинув голову, Шестерня замер в почтительном ужасе. Титаническое сооружение закрыло большую часть неба, нависая всей своей массой. При взгляде на нерукотворное чудовище в коленях возникала дрожь, а голова начинала ощутимо кружиться.

— Ты все еще уверен, что хочешь сюда войти? — поинтересовался Мычка, с трудом сдерживая дрожь в голосе.

Вперив взгляд в торчащие из-за забора толстенные металлические штыри, скрученные неведомой силой, Зола молчал. Пыла у мага заметно поубавилось, но упрямство взяло верх, сглотнув ком в горле, он произнес:

— Нужно найти вход.

— А чего его искать? — усмехнулась Себя, поддерживавшая решительный настрой тем, что упрямо не поднимала голову, страхась вместо неба увидеть над собой чудовищное переплетение железных балок. — Перелазь в любом месте, преграда не высока.

Зола осмотрелся. Неподалеку, словно специально приготовленный, в стене зиял провал. Часть толстенных каменных балок раскрошилось, а другие валялись поодаль, выпирая прямоугольными пирамидками из-под снега. Отбросив мысли о силе, что могла вот так, запросто, разбросать тысячепудовые блоки, маг двинулся к проходу.

Его обогнал Мычка, остановился, всматриваясь в снег под ногами. Сугроб возле прохода оказался истоптан многочисленными звериными следами, среди которых выделялись и отпечатки ног человека.

Указав на них Золе, вершинник произнес с усмешкой:

— Говоришь, смелости не хватит... — он снял с плеча лук, наложил на тетиву стрелу и крадучись двинулся в разрушенной стене. На мгновение обернувшись, вершинник добавил: — Пока постоит. Как услышите свист, можете двигаться следом.

— А если ты не успеешь? — в глазах подземницы метнулся страх. — Порой, враг может быть слишком быстр...

— Тогда у вас будет время уйти, не привлекая внимания, — с бесшабашной веселостью ответил Мычка. Подмигнув Себии, он скрылся из виду.

Потекли томительные мгновения ожидания. Зола хмуро чертил посохом на снегу заковыристые фигуры, Себя нервно постукивала пальцами по рукояти кинжала, Шестерня, то и дело, взъерошивал бороду, и даже, обычно спокойный, Дерн нет-нет да прислушивался, вытягивая голову по направлению к разрушенной части ограждения.

Раньше всех нервы сдали у Шестерни. В очередной раз, взлохматив бороду, он сдвинул шлем на брови, и отрывисто произнес:

— Что-то я притомился стоять, пойду, прогуляюсь.

Едва пещерник сделал шаг, как остальные тут же сорвались с мест, едва не на перегонки устремившись следом за Шестерней. Чувствуя поддержку друзей, пещерник словно на крыльях влетел за забор, размахивая секирой и нагнетая ярость в предвосхищении боя.

Ворвавшись во внутренний двор, наемники замерли, ошестинившись металлом, словно многорукий демон войны. Лихорадочно шаря повсюду глазами они отыскивали хладное тело Мычки, когда, посмотрев в сторону, Шестерня вдруг опустил щит, пробормотал досадливо:

— Секиру прародителя мне в печень.

Соратники мгновенно развернулись, готовясь отразить неожиданную атаку, но замерли, раскрыв рты. Неподалеку, удобно устроившись возле небольшого костерка, Мычка беседовал с группкой вершинников. Услышав шум, охотники все, как один, повернули головы, с изумлением воззрились на агрессивно настроенных гостей.

Хлопнув себя по лбу, Мычка поспешно вскочил, что-то коротко сказал собеседникам и двинулся навстречу друзьям. Приблизившись, он покаянно произнес:

— Простите, совсем заболтался. Обнаружил стоящих лагерем охотников, не смог отказать в удовольствии поговорить. Пойдемте, я вас представлю.

Глядя, как вершинник возвращается к новым знакомым, делая успокаивающие жесты, Шестерня прошептал с явным облегчением:

— Вот скотина, сам у костра греется, а нас не позвал.

Спрятав кистень, Дерн возразил:

— Зато не придется возиться с лагерем.

— К тому же можем узнать что-нибудь интересное, — добавила Себя.

Убрав оружие, приблизились к охотникам, растягивая губы в улыбках. Зола кивнул, сказал коротко:

— Мы спутники этого... — он запнулся, сдерживая вертевшиеся на языке слова, продолжил, — доблестного охотника, что поджидали его за стеной.

Один из охотников кивнул, произнес уважительно:

— У вас очень храбрый товарищ. Пойти на разведку в жилище древних, не подвергая опасности друзей, большая доблесть.

Мычка насмешливо покосился на оторопевшего Зола, а Шестерня с опаской переспросил:

— Жилище древних?

— Оно самое, — один из охотников, словоохотливый молодой парень, жизнерадостно кивнул. — Все это, — он обвел взглядом циклопические постройки, — и кое-что еще в горах являются жилищами древних.

— А ты откуда знаешь? — недоверчиво улыбнулась подземница, подсаживаясь к костру.

Парень лишь отмахнулся:

— Да все об этом знают. Они появились задолго то того, как наши предки пришли в эти горы.

— Пришли? — с подчеркнутым удивлением переспросил Дерн. — Разве они не жили здесь всегда?

Один из охотников, судя по глубоким морщинам и пробивающейся седине, самый старый и опытный произнес, глядя на пляшущие языки пламени:

— Кто по своей воле снимется с насиженного места? А уж, чтобы целые племена поднялись в неприступные холодные горы, где злой мороз обжигает кожу, почти весь год лежит снег, а по ночам к самым стенам подкрадываются голодные звери... Нет, они бежали от смертельной опасности.

Глядя, как при последних словах нетерпеливо заерзал Зола, Себя спросила с опаской:

— Какая опасность могла заставить целые народы покинуть родные земли?

— Война, — эхом откликнулся молчащий до этой поры хмурый вершинник.

— Война? — Шестерня с удивлением покосился на говорящего. — Всегда можно вернуться, зализав раны, взяв больше людей и выведав все слабые стороны противника.

Хмурый охотник лишь пожал плечами, не желая спорить, промолвил кратко:

— В древности все было по-другому.

Видя, что разговор затухает, Зола встрепенулся, произнес с наигранным интересом:

— Вы оговорились, что здесь опасные места. Но я не чувствую ничего такого, кроме бездушной груды металла над головой.

Подкинув дров, охотник, что первым начал разговор, указал пальцем в землю, одновременно кивнув за спину, где, в сгустившихся сумерках, во множестве свисающие с опор гигантской конструкции, топорщились корявыми пальцами рваные жгуты железа, произнес:

— Там, в глубине скалы.

Отбросив учтивость, Зола прямо спросил:

— Прошу, скажи, что ты имеешь в виду? Нам нужно вниз, и знание того, с чем предстоит встретиться, укрепит дух моих товарищей.

Охотники одновременно вскинули глаза, взглянули на мага, как на нечто диковинное, в их глазах Зола прочитал смешанное со страхом сильнейшее изумление. Молодой вершинник воскликнул:

— Вы либо сумасшедшие, либо отчаянные храбрецы, если хотите спуститься в логово снежных обезьян.

Переключая внимание на себя, Мычка натянуто улыбнулся, сказал поспешно:

— Наш друг пошутил. Порой на него находит... Но, нам действительно интересно узнать об особо опасных животных. Тем более, что ваше присутствие связано с этим напрямую.

Вершинники помолчали, наконец старший произнес:

— Мы действительно оказались здесь не случайно. Снежные обезьяны, избравшие местом проживания руины древних, никогда не отличались спокойным нравом, но последнее время они стали очень агрессивны. Они выходят далеко в лес, порой, подступая к самой деревне, нападают на жителей...

— Говорят, у них появился вожак, огромный самец чудовищной силы, — поежившись, добавил разговорчивый охотник, — и это именно он натравливает сородичей на поселян.

— И вы готовите на него облаву? — блеснув глазами, воскликнула подземница.

— Нет, мы просто следим, готовые предупредить о предстоящем нападении мужчин в деревне.

— Но почему?! — воскликнула Себя. — Вместо того, чтобы перебить всех этих тварей вы...

— Никто, — возвысив голос, перебил ее старший охотник, — никто не осмелится спуститься в крошечную тьму подземелий, где дремлют духи древних!

Один из охотников добавил, смягчая слова вожака:

— К тому же сражаться с чудовищами на их родной территории, когда каждая тварь в три раза сильнее обычного воина, верх неосторожности.

Несколько вершинников встали, крадучись двинулись вглубь развалин.

Проследив за охотниками, Шестерня поинтересовался:

— Куда это они?

— Пошли проверить ловушки, — ответил вожак. — Мне тоже нужно ненадолго отойти, так что следите за огнем. Если заметите что-то подозрительное — дайте знать.

Вожак удалился, у костра остались лишь наемники, да один из охотников, дремлющий на набитых ветками мешках.

Покосившись на Золу, Дерн спросил негромко:

— Ты, по-прежнему, хочешь спуститься вниз, в погоне за сомнительными тайнами, рискуя жизнью всех нас?

Маг прошептал с болью:

— Но ведь такой возможности больше не будет. Мы никогда не вернемся сюда и тайны древних останутся не разгаданными.

— Вопрос в другом, вернемся ли мы вообще, если сунемся к тварям? — произнес Мычка, яростно вороша затухающие угли костра.

Пламя вспыхнуло ярче, выхватывая из наступающей темноты застывшие металлические щупальца, осветило бледное лицо вершинника.

Помолчав, Себя произнесла неуверенно:

— Я прекрасно вижу в темноте, к тому же неплохо ориентируюсь в замкнутом пространстве, так что, по идее, мы могли бы... — она замолчала, вопросительно глядя на товарищей.

Зола уцепился за ускользящую возможность, сказал поспешно:

— Не только ты. Шестерня тоже отлично видит. — Видя недовольные лица друзей, он заторопился, скороговоркой произнес: — Да и не понадобится там что-то видеть, я вызову столько огнешаров, сколько потребуется, чтобы осветить нам дорогу хоть до самого дна земли.

Шестерня отрезал от лежащего возле костра ломтя мяса изрядный шмат, сказал насмешливо:

— Зола, родной, ведь дело вовсе не в освещении. Если ты успел забыть, там живут чудовища, которым вся наша компания на один зубок.

Но Маг лишь отмахнулся, сказал снисходительно:

— И ты поверил этим? Да они от собственной тени шарахаются... Снежные обезьяны! Жуткие твари! Ой, боюсь-боюсь! — он пропищал тоненьким голосом, закрывшись руками в притворном ужасе. — Понаслушались страшных историй на ночь, перепугались, как дети. Если там что и есть, так это пара безобидных медвежат, заблудившихся в развалинах...

Вязкую тишину разорвал пронзительный крик. Зола застыл с открытым ртом, а остальные завертели головами, прислушиваясь. Но прежде, чем наемники успели разобраться, на свет костра выскочил один из охотников, лицо перекошено ужасом, распахнутый тулуп забрызган кровью, раскрытые в ужасе глаза лихорадочно мечутся, не в силах сосредоточиться на чем-то одном, набрав воздуха в грудь, он крикнул что есть мочи:

— Нападение! Обезьяны вышли из нор, и их не счесть.

Едва смолк крик охотника, послышался отдаленный гулкой топот, казалось, из развалин несется стадо испуганных лошадей. С нависающих над головой конструкций посыпался снег, а тонкие металлические балки тревожно зазвенели.

Проснувшийся охотник растерянно протирал глаза, не в силах решить, что делать — хвататься за оружие или, как можно быстрее, отступить, когда к костру выметнулся вожак. Мельком оглядев вскочивших наемников, он громогласно проревел:

— К оружию. — Заметив, как Шестерня вытащил секиру, крикнул: — Держите их на расстоянии, вблизи твари смертельно опасны.

Взмахнув руками, вожак скрылся во тьме, а через мгновение к костру выскочили трое охотников, вслед за которыми... Мычка сперва не поверил глазам, но приглядевшись почувствовал, как на загривке поднимаются волосы. Во тьме зашевелились белесые тени, двинулись к костру, словно все окрестные сугробы разом встали на дыбы, решив прогнать наглецов, что посмели нарушить покой ночи ярким пламенем.

Один из охотников заорал, перекосив рожу:

— Уходите, их не счесть!

— Стоять! — вдруг рявкнул Шестерня с такой силой, что вершинники разом замерли. — Оружие к бою. Занять оборону у стены.

Голос пещерника оказал отрезвляющее действие. Устыдившись, охотники принялись занимать выгодные позиции между рухнувшими со стены блоками. Пряча драгоценную котомку, Дерн пробормотал:

— Останусь жив, поучусь у Шестерни командовать.

Отступив к самой границе огня, Себя скороговоркой произнесла:

— Все живущие в ночи боятся огня. Старайтесь не выходить за пределы света.

— Это уж как получится, — осклабился пещерник, — ежели что, Зола подсветит...

Он не договорил, к костру, вздымая лапами облако снега, выметнулось первое чудовище, застыло ослепленное. Мычка вздернул лук, но раньше чем рука спустила тетиву, в шею твари глубоко вонзились несколько стрел. Чудовище покачнулось, красные точки зрачков подернулись пеленой, но прежде, чем лишённое жизни животное коснулось земли, на площадку перед костром выскочили остальные, втоптав безжизненное тело товарища в землю, не останавливаясь, понеслись к замершим в напряжении людям.

Мычка дернул тетиву, проследив за исчезнувшей в груди напирających тел стрелой, затем еще, после чего рука заметалась без отдыха, вытаскивая из колчана стрелы одну за одной. Резкий замах, воздух от ладони обдает щеку, короткое усилие, скрипнув, лук послушно сгибается в дугу, на мгновение замирая, прищуренные глаза оценивают расстояние, а рука чуть смещает оружие, чтобы послать стрелу в наиболее уязвимое место врага. Щелчок. И вновь короткий замах.

Рядом со свистом выдыхает Шестерня, принимая на щит удары подоспевших бестий, отмахивается тяжелой секирой, словно легкой палочкой. Лицо пещерника сосредоточено, возле ног высится горка из отрубленных конечностей, а по доспеху стекают струйки крови, в изобилии расплескиваемой врагами. Время от времени, вырывая короткое мгновение, Шестерня сильным пинком расшвыривает скопившиеся под ногой конечности, одновременно стряхивая с лица кровь, прежде чем встретить следующего врага точным ударом широкого лезвия.

Неподалеку мелькает плащ подземницы. Не признающая другого оружия, кроме кривого, зазубренного с тыльной стороны кинжала, Себя движется словно молния, нанося

мгновенные удары и тут же исчезая, не позволяя коснуться себя когтистым лапам. Урывками следя за девушкой, Мычка, то и дело, ощущал озноб, глядя, как хрупкое тело скрывается в гуще мохнатых туш, с трудом заставлял себя продолжать бой, чтобы не ринуться спасать подземницу.

Стоящий обособленно, Дерн вращает кистенем с такой скоростью, что тяжелые шары слились в полупрозрачный диск, и лишь только очередная тварь прыгает из тьмы, диск тут же сдвигается, легко вгрызаясь в плоть, словно болотник орудует огромной циркулярной пилой, используемой пещерниками на лесопилках, для обработки особо толстых стволов. Шипастые шары вырывают из тел обезьян огромные куски мяса, разбрызгивая горячую кровь далеко вокруг, и обезумевшие от боли создания мечутся по пространству двора, мешая собратьям, а обессилив, валяясь на снег, в агонии продолжая дергать конечностями.

Зола, по началу осторожничал, выбирая жертву и старательно прицеливаясь, но когда пространство вокруг заполнилось бестиями, а пару тварей, прежде, чем сдохнуть, успели почти вплотную к магу, перестал экономить. Щедро растрачивая силы, Зола трансформировал магическую энергию во все сжигающее пламя, расшвыривая огнешары с такой скоростью, что, порой казалось, из рук мага изливается огненный поток.

Огненные сгустки попадают тела чудовищ, оставляя глубокие почерневшие раны, вскипающий мозг выплескивается через отверстия в черепах, сгорающие живьем, обезьяны дико воют, превращаясь в пылающие факелы. Жутко пахнет паленым, а темная ночь превратилась в яркий день, от багровых отблесков догорающих трупов.

Жалобно вскрикнул один из охотников, умирающая бестия, дернувшись в конвульсиях, разорвала шубу вместе с плотным кожаным доспехом, наружу высунулись сизые внутренности. Без звука упал второй, подкравшаяся по стене тварь, обрушившись всем весом, сломала парню шею. Обернувшись на звук, Мычка вогнал стрелу в глаз обезьяны, но было поздно, оставшегося в живых, отчаянно извивающегося вершинника, уже волокли вглубь развалин, разрывая на ходу. Не выдержав вида искаженного болью лица охотника, Мычка милосердно прервал его мучения, потратив драгоценное мгновение на выстрел в сердце.

Установилось хрупкое равновесие, наемники бились в полную силу, истребляя тварей десятками, но обезьяны все прибывали, покрытые жесткими белесыми волосами могучие руки с жадностью тянулись к людям, яростно блестели красные глаза в предвкушении кровавой трапезы, с грохотом схлопывались истекающие слюной пасти, наполняя воздух сухим стуком.

Охнула Себя, выкатившись из кучи тварей с бессильно повисшей рукой, не выдержав удара, в щепки разлетелся щит пещерника, оступившись, упал на колени Дерн, рванувшейся к болотнику твари Мычка со злостью вбил в шею стрелу по самое оперенье, зашарил в колчане, с безысходностью ощущая под пальцами лишь несколько стрел.

Словно почувствовав слабинку, обезьяны взревели, поперли скопом, заставляя наемников отступить. Почувствовав за спиной шершавый камень стены, Дерн прошептал:

— Приятно было с вами работать, ребята, но, боюсь, наш поход закончился...

Зайдясь кашлем от сильнейшего удара в грудь, Шестерня просипел:

— Секиру мне в печень, если я сдамся этим лохматым.

Мазнув кинжалом по глазам наседающей твари, Себя в отчаянии воскликнула:

— Они бесконечны! Нужно уходить!

— Едва мы повернемся спинами, нас растерзают, — прохрипел Мычка, отмахиваясь мечом сразу от двух бестий.

Взгляды обратились на Золу. Почерневший, словно извергаемый огонь сжигал мага изнутри, он произнес по слогам:

— Еще не все потеряно...

Мычка с ужасом смотрел, как вокруг мага закрутился воздух, вскипел мелкими искрами. С каждым мгновением искры светились все ярче, а воздушный поток уже рычал, словно небольшой смерч. Повеяло нестерпимым жаром. Прикрывая лица руками, наемники шарахнулись в стороны, а напирющие твари на мгновение остановились ослепленные, когда, Зола выдохнул что-то на непонятном языке, одновременно выбросив руки перед собой.

По глазам резанула ярчайшая вспышка, воздух на мгновение раскалился так, что люди закричали, чувствуя, что сейчас умрут от жара. Плотный огненный вал, высотой в рост человека, волной понесся от фигуры мага вперед, постепенно расширяясь. Ближайшие ряды тварей мгновенно обратились в прах, а те, что находились чуть дальше, вспыхнули, словно сухое сено от искры в жаркий полдень.

Постепенно опадая, вал огня ушел в глубь двора, оставив за собой черную полосу курящейся паром земли и недвижимые обугленные тела. Оставшиеся в живых обезьяны дрогнули, устрешенные, понеслись обратно, оглашая воздух пронзительными визгом.

Проморгавшись, Шестерня попытался рассмотреть товарищей, после вспышки в глазах плавали огненные мухи, и все расплывалось, так что он нашел Золу почти оцупь. Глядя в закатившиеся глаза мага, пещерник затряс друга, возбужденно бормоча:

— Они отступили. Ты смог. Ты отогнал их!

На пару с пещерником, Дерн уложил мага у костра, вытащив из укромного места котомку, загремел горшочками, выбирая зелье.

Послышался шорох. Выступив из тьмы, к огню быстрыми шагами приблизился вожак охотников, окинув взглядом усеянный трупами двор, сказал неверяще:

— Не думал, что можно остановить этих тварей.

С подозрением покосившись на вершинника, Себя произнесла:

— Позволь узнать, чем ты занимался в то время, как твои люди погибали в бою?

Шестерня нехорошо прищурился, а Мычка как бы невзначай, положил руку на рукоять меча, но охотник сурово произнес:

— Это были одни из лучших. Мое сердце разрывается от сознания, что все они мертвы. И я бы с радостью сражался вместе с ними, плечом к плечу, и точно также, как и они, пал, но долг важнее чувств.

— Твой долг сохранить своих людей! — сорвалась на крик подземница, — А ты, как последний трус, бросил их на растерзание тварям!

Седые брови охотника сошлись на переносице, ноздри затрепетали, но подавив гнев, он размеренно произнес:

— Я прощаю эти дерзкие слова. Ибо в тебе еще бродит ярость боя. Ты права, вожак в ответе за своих людей, но гораздо важнее их жизней судьба всего племени. Мы находимся здесь с целью охранять деревню, а не чтобы сражаться с тварями, и если бы мои люди не вязались в бессмысленный бой, они сейчас были бы живы, выполняя свой истинный долг.

Не выдержав печали в глазах старого охотника, девушка опустила взгляд, сказала горько:

— Но почему?

Вожак пожал плечами:

— Таковы законы мира. Племя важнее. Даже самый лучший воин, или группа воинов, не стоит жизнью обычных людей племени. Потому, что воины рождаются и умирают, а племя остается.

В глубине развалин зародился глухой низкий звук, разнесся вокруг, заметался эхом, запутавшись в сплетении железа над головой.

— Что это? — прислушавшись, Шестерня вопросительно взглянул на охотника.

Тот нахмурился, сказал с заминкой:

— Не скажу наверняка, но бывалые охотники говорят, что так кричит разъяренный вожак обезьяньей стаи. — Вновь оглядев почерневший двор, он произнес: — Я уйду, нужно оповестить жителей деревни, и вам советую поторопиться, — обернувшись, он в несколько быстрых шагов достиг провала в ограде и скрылся из виду.

— Легко сказать, поторопитесь, — пробурчал Шестерня. — На негнущихся ногах да еще с товарищем на плече.

Не смотря на хлопоты болотника, Зола по-прежнему не приходил в сознание. В ответ на вопросительные взгляды спутников, Дерн лишь развел руками:

— Сильнейшее истощение. Я дал ему кое-что сильнодействующее, но очнется не раньше утра.

Напряженно к чему-то прислушиваясь, Мычка оглянулся на Дерна, пробормотал:

— Боюсь, до утра мы не продержимся.

Себя отстегнула плащ, шагнув к магу, деловито произнесла:

— Не будем терять время. Укладываем его в плащи и...

— Поздно, — Мычка с загнанным видом потащил меч из ножен. — Они возвращаются, и не одни.

Шестерня непонимающе взглянул на вершинника, пробормотал:

— Что значит не одни?..

Со стены с шорохом осыпалась пыль, земля мелко затряслась. Вслушиваясь в приближающийся топот, наемники невольно отступили к огню. Вновь на границе зрения замелькали белесые тени. На сей раз они двигались осторожнее, рывками пробегая небольшие расстояния, обезьяны надолго замирали, опасливо всматриваясь в желтое пламя костра, казалось, они шли против воли, настолько неуверенными выглядели их движения.

Глядя, как все больше белых теней появляется из развалин, Шестерня произнес:

— Если они кинутся все разом, задавят массой.

— Они не кинутся, — кусая губы ответил вершинник, — по крайней мере до тех пор, пока не....

"Пока не что?" — хотел спросить Дерн, но не успел. Земля задрожала, далекий гул усилился, разросся, и перед ошарашенными наемниками возникло то, чему ушедший седой охотник дал назвал "вожак".

ГЛАВА 6

Слабо различимая в сумерках, вдалеке заворочалась неясная тень, внесколько прыжков

приблизилась, остановилась на границе отбрасываемого пламенем светового круга. Блеснули багровые точки глаз, обозначились уродливые черты черепа, лишь отдаленно напоминающего обезьяний. Шестерня распахнул глаза, когда существо скакнуло, разом преодолев половину расстояния до ошетилившихся оружием людей, громко сглотнув, произнес:

— Наверное, идея уйти была не так уж плоха.

Вышедшая к огню тварь лишь отдаленно походила на сгрудившихся во тьме обезьян. Выступающий лоб с мощным валиком надбровных дуг непрерывно шевелится складками кожи, широкие, усаженные острыми зубами-кинжалами челюсти распахнулись, меж ними, словно мокрая тряпка высунулся фиолетовый язык, мощная, бугрящаяся мышцами грудь чуть заметно вздымается, а короткие крепкие лапы с тяжелыми молотами кулаков уперлись в землю. Тело животного покрывает короткая жесткая щетина, только в отличие от остальных сородичей, не белого, а насыщенно-фиолетового цвета.

Чуть слышно охнул Мычка, произнес непонятное:

— Глаза...

Спутники замедленно перевели взгляд на морду чудовища и вздрогнули. В близко посаженных глазах твари, клубилась лютая ненависть, а удивительные крестообразные зрачки поблескивали бликами отраженного пламени.

— Нормальные глаза, ему в самую пору, — буркнул Дерн.

— Ты не понял... — прошептал Мычка, но продолжить не успел.

Тварь прыгнула. Наемники прыснули в стороны словно мыши из под ног невнимательного охотника.

Выкручивая тело в невероятном прыжке, Себя пронеслась над зверем, приземлившись точно на ноги, звонко крикнула:

— Следите за спинами!..

Упав не столь удачно, Мычка крикнул:

— Они не нападут, пока вожак... — он покатился в сторону, уворачиваясь от удара, что должен был расплющить тело в лепешку.

— Заткнись и уворачивайся, — сдавленно рявкнул Шестерня, с размаху всаживая лезвие в бок чудовища, но секира оставила лишь слабую царапину, отскочив от толстых ребер так, что пещерника повело.

Мгновенно развернувшись, тварь клацнула челюстями, едва не откусив обидчику голову. Шестерню спасло лишь то, что в это мгновение Дерн с Мычкой одновременно вонзили кинжалы в лапы чудовища. Тварь закружилась на месте, размахивая передними лапами, больше похожими на толстые древесные стволы.

Не успев увернуться от удара, болотник покатился на землю, серебряной рыбкой мелькнул выбитый из руки вершинника меч. Чудовище торжествующе взревело, привстав на задние лапы, забарабанило себя в грудь, нагнетая ярость. Воспользовавшись короткой передышкой, Себя метнулась к Дерну, что слабо ворочался на земле, надсадно застонав, потащила в сторону.

Видя, что добыча ускользает, тварь раздраженно взревела, одним прыжком преодолев расстояние до подземницы, взмахнула лапами. Оглушительный свист стеганул по ушам, отвлекая чудовище, в короткой толстой шее одна за другой начали возникать короткие стрелы.

Чудом избежав мучительной смерти, Себя замедленно перевела глаза.

Воспользовавшись луком убитого охотника, Мычка с невероятной скоростью выпускал стрелы, стоя на одном колене в шаге от костра.

Чудовище недовольно взревело, обращенная к вершиннику часть тела стремительно обрастала стрелами. Тонкие жала не могли причинить существу ощутимого вреда, но, судя по всему, оказались крайне болезненны. Развернувшись всем корпусом, и угрожающе разинув пасть, животное медленно двинулось на вершинника.

Метнулось мелкое. Гневный вопль смешался с раздраженным ревом, когда Шестерня в прыжке всадил секиру в покрытую костяным гребнем спину. Тварь заплясала на месте, пытаясь дотянуться до застрявшего в мышцах железной занозы, на которой, не желая расставаться с оружием, болтался Шестерня.

Схватившись за голову, Дерн наблюдал с земли, как пещерник то взлетал на невообразимую высоту, то оказывался в опасной близости от земли. Набрав в грудь воздуха, болотник крикнул зло:

— Отпускай! Убьешься!

В ответ, донеслось еле слышимое:

— Ни за что...

Чудовище ярилось все сильнее, прыжки становились выше, а рывки резче, так что руки пещерника, наконец, разжались. Отброшенный, Шестерня кубарем отлетел к стене, звонко впечатавшись шлемом в камень. Освободившись от груза, тварь обратилась к Мычке, что на время перестал стрелять, опасаясь попасть в товарища, но едва пещерник сорвался, вновь продолжил.

Взревев так, что у наемников на мгновение заложило уши, существо ринулось к вершиннику. Яростно вскрикнула Себя, кинувшись наперерез чудовищу, она несколько раз подряд вонзила кинжал в твердые, словно дерево, мышцы, но тварь лишь коротко дернула лапой, отбросив девушку на землю. Не в силах подняться, подземница застыла, глядя, как обезьяний вожак несется прямо на Мычку. — Уходи, чего же ты медлишь, уходи... — шептали ее губы, но внутри засело мучительное понимание — вершинник не сдвинется, даже, если ему придется умереть.

Девушка закрыла глаза, обреченно ожидая хруста костей, но вместо этого раздался полный ярости и боли рев. Распахнув глаза, Себя ошарашено уставилась на развернувшуюся картину. Поскуливая, словно побитый пес, существо отступало, а на него, она не поверила глазам, шел Зола. Маг двигался с трудом, его шатало, иссушенным лицом он напоминал мертвеца, но из сложенных лепестками ладоней раз за разом вырывались тусклые огнешары, вгрызались в плоть твари, словно злые осы.

Чудовище истошно ревело, из груди и передних лап, покрытых глубокими ожогами, сочилась сукровица, но неумолимая сила огня заставляла пятиться, отступая перед вдесятеро меньшим противником, казалось, от панического отступления существо удерживает лишь страх выказать слабость перед собратьями.

Бледно улыбнулся Мычка, предвкушая победу, замедленно поднялся, опираясь на лук, рыча сквозь зубы, воздел себя на ноги Дерн, остановился в нерешительности, глядя на замерших обезьян, что окружили поле боя сплошной стеной.

Глухо стукнуло. Запнувшись о камень, Зола не удержался на ослабевших ногах, упал на колени. Его глаза закатились, и обессиливший маг кулем осел на землю. Никто ничего не успел сделать, как чудовище одним прыжком очутилось возле тела противника, мелькнула огромная лапа, но вместо того, чтобы разmozжить беззащитного человека, тварь подхватила

тело, и гигантскими прыжками понеслась в глубь развалин, прижимая добычу к себе.

Словно повинувшись неслышимой команде, сгрудившиеся вокруг обезьяны зашевелились, и одна за одной бесшумно растаяли во тьме.

У стены зашевелилось. Шестерня поднялся, держась обеими руками за голову, сделал несколько нетвердых шагов, в глазах метнулось непонимание, когда, оглядевшись, пещерник с удивлением спросил:

— А где?.. — он замер с открытым ртом, подбирая подходящее слово.

— Тварь ушла, — устало бросил Мычка. Глядя, как просветлело лицо товарища, добавил: — Но мы еще встретимся.

— Чудовище унесло Зола, — пояснила Себя.

Пещерник осторожно присел возле потухающего костра, глядя на мерцающие угли, прошептал:

— Но... как же так?..

Подволакивая ногу, к костру подковылял Дерн, сказал задумчиво:

— Я удивляюсь, как он вообще встал. Но, надо сказать, не приди Зола в себя, наши части уже покоились бы в желудках тварей.

— Так что же мы сидим! — Шестерня резво вскочил, но схватившись за голову, со стоном опустил обратно.

Оглядев товарищей, подземница покачала головой, сказала нахмурившись:

— Короткий отдых, и нужно выступать.

Преодолевая головокружение, Шестерня вновь поднялся, сдавленно произнес:

— Я готов хоть сейчас.

— С голыми руками пойдешь? — зло бросил Мычка.

— А хоть бы и голыми, — рявкнул пещерник, — зубами буду рвать.

— Зубами не потребуется, — примиряюще произнес Дерн. — Осмотрите мертвых охотников, что-то да отыщите, а я пока займусь ранами. Не гоже соваться в логово чудовищ истекая кровью.

Пока Мычка с Шестерней шарили по округе, отыскивая в свете горящих веток хоть какое-нибудь оружие, Дерн колдовал с зельями. Разложив перед собой множество горшочков со снадобьями, болотник переливал из одной емкости в другую, нагревал над огнем, затем пробовал, и вновь мешал, используя в качестве ложки грубо оструганную палочку.

Подземница некоторое время с любопытством следила за его действиями, затем встала, и незаметно отошла. Когда Мычка вернулся, с довольным видом прижимая к груди полный колчан стрел, Дерн уже закончил, горшочек с приготовленным варевом охлаждался, установленный в снег, а болотник, задрав штанину, втирал едко пахнущее зелье в ногу. Покосившись на улыбающегося вершинника, Дерн поинтересовался:

— Как успехи?

— Отлично! — приладив колчан за спину, Мычка подсел к костру. — Уже думал ничего не найду, как наткнулся на тело охотника, — одежда разорвана в клочья, а все остальное... — вершинник повел плечами, демонстрируя встопорщившие края плаща рукояти мечей.

Вскоре подошел Шестерня, недовольно кривясь, он вертел в руках небольшую круглую булаву, сделанную из цельного куска железа и, непонятно как, попавшую в развалины древних сооружений, не глядя на товарищей, пробурчал:

— Даже не знаю, согодится ли, но уж точно лучше этих ножигов, что вершинники зовут мечами.

Заставив товарищей раздеться, болотник внимательно осмотрел их с головы до ног, не обращая внимания на недовольные вопли, густо намазал все синяки и ссадины бесцветной, но удивительно едкой пастой. Посмотрев, как спутники, ежась от холода, спешно натягивают одежду, Дерн вынул из сугроба горшок с остывшим зельем, и настоял, чтобы каждый выпил не меньше, чем по пять глотков, а лучше — десять.

После первого глотка лицо вершинника сменило цвет, став изжелта-зеленым, а из глаз потекли слезы. Сделав положенные глотки, он несколько мгновений сидел зажмурившись, после чего сипло произнес:

— Порой мне кажется, что лучше умереть от ран, чем пить твое пойло.

Ухмыляясь, Шестерня поднес горшочек ко рту, сказал насмешливо:

— Люди и всякие там вершинники слишком изнежены, чтобы ценить крепкие напитки, не то что... — он запрокинул голову, влив в глотку едва ли не половину зелья.

Гнусно ухмыляясь, Мычка следил, как лицо пещерника побагровело, а глаза выпучились. Дерн едва успел подхватить выпавший из руки товарища горшочек, как Шестерня распахнул рот, и заорал что есть мочи, трясая головой и размахивая руками, словно танцевал какой-то необычный танец.

Неслышно, словно тень, к костру вышла Себия. Дерн повернулся к девушке и застыл пораженный, на щеках подземницы полыхал яркий румянец, лицо дышало здоровьем, а в плавных движениях не было даже намека на усталость. Себия присела на охапку веток, посмотрела на Шестерню, что по-прежнему продолжал подергиваться, сказала с улыбкой:

— Вижу, вы даром времени не теряете.

Вытирая катящиеся градом слезы, Шестерня прохрипел:

— Дерн приготовил ужин по старинному рецепту болотников. А мы, видишь, пробуем.

Мычка, взирающий на девушку с не меньшим удивлением, чем Дерн, сказал:

— Но блюдо не совсем готово, тебе лучше подождать.

Быстро подкрепились остатками мяса. Пока Дерн рассовывал по котомке драгоценные зелья, Мычка закрепил за плечом магический посох, а Шестерня подобрал сумку Золы. Закончив со сборами, каждый вытащил из костра по горячей палке, и поредевший отряд двинулся вглубь развалин.

ГЛАВА 7

Приходилось идти осторожно, поскольку путь оказался усеян множеством обгорелых обезьяньих тел. Некоторые были еще теплые, и едва заметно курились, распространяя вокруг удушающий запах горелого мяса. Но чем дальше отходили от места боя, тем меньше попадалось останков.

Истоптанный снег отражал тусклый свет факелов, отбрасывая блики далеко вокруг, снижая возможность неожиданного нападения до минимума, так что заметив неподалеку кровавые отпечатки лап, Мычка бесстрашно двинулся по следу, заинтересовавшись

находкой.

След привел к телу обезьяны. Животное лежало недвижимо, свернувшись калачиком. Обнажив меч, вершинник осторожно приблизился, несколько раз толкнул тушу ногой, но обезьяна была давно мертва и уже окоченела. Зайдя с противоположной стороны, Мычка удивленно присвистнул. Заинтересованный, к нему подошел Дерн, приглядевшись внимательнее, хмуро произнес:

— Занятно.

Шестерня догнал товарищей, взглянув на находку, сказал со страхом:

— Что это?

Животное погибло недавно, на что указывала застывшая кровь, но кожа на голове и верхней части тела сморщилась, и засохла так, словно тело пролежало десяток лет.

— Интересное явление, — пробормотал болотник, осторожно дотрагиваясь до черепа животного.

Оторвавшись от зрелища, Мычка опустил взгляд на землю, некоторое время с интересом всматривался в испещренный следами снег, вдруг его глаза удивленно расширились, вершинник живо повернулся к Себии, с независимым видом стоящей неподалеку, сказал замедленно:

— Кто бы, или что бы это ни было, нам нужно торопиться.

Покосившись на вершинника, девушка громко произнесла:

— Согласно с Мычкой. У нас есть более важное дело, чем разглядывать трупы обезьян.

Двинулись дальше, с осторожностью обходя торчащие из земли и свисающие сверху куски металла. Где-то наверху, запутавшись в хитросплетениях архитектуры древних, бился ветер, завывая так зло и печально, что Шестерня поежился, пробормотал с опаской:

— Словно заблудшие души зывают к мщению. Не свалилось бы оттуда что на голову.

Мычка, чьи уши непрестанно поворачивались, улавливая малейшие оттенки звуковой какофонии, потрепал пещерника по плечу, сказал с усмешкой:

— Это ветер, всего лишь обычный ветер...

Глядя в напряженное лицо вершинника, Шестерня недоверчиво покачал головой, но спорить не стал.

Металла становилось все больше, помятые балки, скрученные канаты, и остатки непонятных конструкций усеивали пространство вокруг, заставляя внимательно смотреть не только под ноги, но и бросать взгляды вверх, чтобы ненароком не напороться на острые обломки, свисающие то там, то тут, словно редкие зубы древнего чудовища.

Снега становилось все меньше, нависающие над головой чудовищные постройки хорошо защищали от непогоды, зато прибавилось пыли. Ноги погружались в ржавое хрустящее крошево по щиколотку, а местами грязно-рыжие частицы образовали огромные кучи, которые приходилось перелазить, или обходить по кругу.

В свете потухающих факелов показалось основание здания. Осмотрев монолитную поверхность серых стен, без намека на хоть какие-то окна или двери, Дерн остановился, перевел взгляд на толстенные подпорки башен, с разных сторон растающие в здания, сказал со вздохом:

— Не хотелось бы прыгать по верхотуре... Может, поищем нормальный вход? — оглянулся на товарищей с вопросом в глазах.

— Не вижу сложностей, — отозвалась Себия, — двигаться по этим огромным балкам так же просто, как по земле.

Шестерня передернул плечами, сказал хмуро:

— Поддерживаю Дерна. Наверняка, должны быть нормальные ворота, или, на худой конец, калитка. Не в окна же влетали эти древние!

— А ты уверен, — Мычка насмешливо вздернул бровь, — что туда вообще кто-то входил?

— Что значит уверен? — пещерник вперил в товарища непонимающий взгляд. — Конечно уверен. А зачем строить такое чудовище, если в него даже зайти нельзя?

— Кто знает, кто знает, — покачала головой подземница. — Ведь мы ничего не знаем о древних. Может это часть чего-то еще большего, или, например, гигантская ловушка!

Дерн скупно улыбнулся, произнес:

— Если это ловушка, тогда в нее точно должен быть вход.

— Вопрос лишь с выходом, — ответил в тон Мычка.

— Да что мы тут толкуем, — опомнился Шестерня, — ведь здесь недавно целое стадо прошло, должны быть следы! По ним и двинем.

Мычка произнес со сдержанной досадой:

— А как ты думаешь, с чего это вдруг я заговорил о входе, если все так просто? Иди себе по следам, и в ус не дуй.

Дерн повернулся к вершиннику, спросил удивленно:

— Постой-постой, что значит нет следов? А куда они делись?

Мычка кивнул вверх, где по-прежнему угрожающе завывал ветер, сказал утомленно:

— Весь этот металл над головой источен временем. При любом дуновении ржавчина осыпается вниз. А сейчас там бушует настоящий ураган и следы просто-напросто засыпало.

— В таком случае, план остается прежним, — Дерн пожал плечами.

— А у нас есть план? — Шестерня с интересом взглянул на болотника.

— Да. Мы с тобой ищем вход снизу, а Мычка с Себией, раз уж им так не терпится, сверху.

Пещерник передернул плечами, сказал с наигранной веселостью:

— Будем надеяться, они успеют спуститься, если на нас набросятся обезьяны.

Дерн проворчал чуть слышно:

— Случись наоборот, успеть бы подняться нам.

Воспользовавшись рухнувшей балкой, Мычка с Себией легко взобрались на уровень выше и пошли вдоль стены. Двигаясь по земле, Дерн внимательно осматривал здание, одновременно прислушиваясь к доносящимся сверху похрустываниям. Из-под ног товарищей сыпалась ржавая пыль, то и дело попадая на голову. Устав отряхиваться, болотник немного приотстал, придерживая и Шестерню, чему лишний раз порадовался, когда впереди с грохотом обвалился здоровенный кусок металла. Мгновением позже, в бледном отсвете факела показался перепуганный Мычка, но, обнаружив друзей в целостности, тут же снова исчез.

Выругавшись, Шестерня отошел ближе к стене, а через несколько мгновений радостно воскликнул, указывая на открывшийся впереди пролом. Дерн коротко свистнул, привлекая внимание. На верхотуре зашуршало, и через несколько мгновений вершинник с подземницей оказались на земле.

Отряхивая руки, Мычка мельком оглядел темный зев пролома, сказал с удовлетворением:

— Что ж, вы нашли вход, но и наши труды не пропали даром, — он бросил перед собой

испачканный рыжей пылью мешок.

Отвечая на немой вопрос товарищей, Себя объяснила:

— Похоже, кто-то основательно готовился к походу в развалины. В мешке моток хорошей веревки, несколько факелов, и изрядный запас вяленого мяса.

Услышав последние слова, Шестерня оживился, спросил заинтересованно:

— А бочонка с пивом, вы, случаем, не нашли?

— Нашли, но оставили, потому, как оказался, слишком велик, — кивнул Мычка. Отвернувшись от впавшего в задумчивость пещерника, добавил, глядя на Дерна: — Осталось лишь решить, чем освещать путь внутри.

— А в чем сложность? — лицо болотника приняло озадаченное выражение.

Вздыхнув, Мычка терпеливо объяснил:

— Факел гораздо ярче магической сферы, к тому же у нас есть запас, но он дает мощный запах гари, а учитывая, что мы лезем в логово животных... — вершинник выразительно оглядел товарищей.

— А разве животные не боятся огня? — спросил вышедший из раздумий Шестерня.

— Боятся, но, как ты помнишь, костер их не остановил.

Дерн возразил:

— После устроенного Золой фейерверка огонь они запомнят надолго. Так что берем факелы, но в случае чего...

Захваченные с собой ветки почти догорели. Запалив найденные факелы, наемники вошли в здание, держа ладони на рукоятках оружия. Перед ними раскинулся огромный зал, заваленный мусором. Мычка сразу уткнулся в пол, пошел зигзагами, словно взявший след охотничий пес. Остальные, опасливо осматриваясь, двигались следом.

Обходя завалы, прошли через зал, остановились возле ворот. Глядя на тяжелые покосившиеся створки, будто распахнутые мощным пинком, Шестерня поморщился, пробормотал недовольно:

— И почему Золу постоянно несет в какие-то гиблые места? А мы потом расхлебывай.

— В данном случае ему немного помогли, — произнес Мычка, на мгновение оторвавшись от следов, и насмешливо взглянув на пещерника.

Дерн произнес мирно:

— Не стоит винить Золу. У него такая же страсть к неизведанному, как у тебя к еде.

— Моя страсть ведет к здоровью, а его к смертельным опасностям, — возразил пещерник.

— Все мы рано или поздно умрем, — пожала плечами Себя. — По крайней мере, смерть Золы будет интереснее нашей.

— Последнее время, я почему-то начинаю в этом сомневаться, — пробурчал Шестерня.

Миновав ворота, очутились в широком коридоре. В воздухе возник стойкий запах нечистот, а под ногами зашуршали многочисленные обломки костей, на некоторых еще сохранилось мясо. Себя сморщила нос, а Шестерня отпрянул, когда Дерн неожиданно нагнулся, и поднял кость, оказавшуюся тщательно обгрызенной человеческой рукой. Осмотрев находку, болотник с улыбкой произнес:

— Что ж, мы здесь не первые, и это радует.

Спутники с непониманием покосились на Дерна, а Мычка на всякий случай переспросил:

— Дерн, с тобой все в порядке?

Тот отмахнулся:

— Просто вспомнил старую шутку болотников. Идут отец и сын по лесу. Отец и говорит, — сын, во всем происходящем нужно видеть только хорошее. Помнишь, ты едва не утонул в болоте? В тот день ты научился плавать! А когда тебя избили соседские мальчишки, помнишь? Ты стал усиленно тренироваться, и теперь тебе нет равных в бою. И тут из кустов выпрыгивает дракон и глотает разом обоих. Ощупывая желудок чудища, отец натывается на лежащие рядом кости и говорит... — увидев, как вытянулись лица друзей, Дерн замолчал, и со вздохом двинулся дальше.

Коридор привел в следующий зал, но в несколько раз меньше предыдущего. Поглядывая по сторонам, Шестерня обратил внимание на странное сооружение возле стены. Квадратная, занимающая треть стены, черная плита, топорщилась, словно еж, множеством металлических предметов торчавших из ровной поверхности под невообразимыми углами. Заинтересовавшись, пещерник двинулся к пластине.

— Не трогал бы ты здесь ничего, — предупредил Дерн, глядя, как Шестерня уверенно направляется к странному образованию.

Но пещерник лишь отмахнулся. До товарищей донесся его убежденный голос:

— Да я только одним глазком и гляну...

Послышался испуганный вопль, а следом раздался грохот. Мгновенно обернувшись, товарищи удивленно воззрились на Шестерню, замершего возле стены. Привалившись спиной к плите, пещерник испуганно моргал, глядя на спутников.

— Отдохнуть решил? — осведомился Мычка.

— Я не могу двинуться, — жалобно проблеял Шестерня.

— Не самая лучшая шутка, — хмуро произнес Дерн, — и не в самое подходящее время.

Приглядевшись, подземница вздернула бровь, сказала с удивлением:

— А ведь он в самом деле... — выхватив кинжал, она крадучись двинулась к обездвиженному Шестерне, на ходу обшаривая взглядом поверхность стены.

Не доходя пары шагов от пещерника, девушка остановилась, спросила напряженно:

— Что ты чувствуешь?

Пещерник молчал, мышцы на его шее вздулись, а лицо побагровело от напряжения, он некоторое время пучил глаза, затем с шумом выдохнул, произнес, тяжело дыша:

— Я не могу оторваться от проклятой стены.

— Но я ничего не вижу, — Себя внимательно оглядела Шестерню с головы до ног.

— Магия? — неуверенно произнес Мычка, двинувшись на помощь друзьям.

— Не знаю, но... — девушка осторожно потянулась к стене, когда ее руку с оружием резко дернуло. Вскрикнув от неожиданности, подземница разжала пальцы. Кинжал молнией метнулся вперед, глухо звякнув, намертво прилип к черной поверхности.

Себя стремительно отскочила, насторожено замерла, напряженная, словно струна. Дерн придержал Мычку, что едва не ринулся на помощь, сказал задумчиво:

— Погоди-ка.

Болотник неспешно обошел по-прежнему недвижимо стоящего Шестерню по широкой дуге, поискав глазами, поднял с пола ржавый кусок железа, и легонько бросил, направив вдоль стены. Кувыркаясь в воздухе, обломок спокойно преодолел часть пути, но, поравнявшись с выступающей плитой, мгновенно дернулся в сторону, и с громким щелчком замер, намертво прилипнув к черной поверхности, словно попал в вязкую смолу.

Мычка с подземницей во все глаза смотрели, как Дерн деловито снял котомку, затем

сбросил тулуп. Вместе с цепом на пол полетел пояс, рядом упала кольчуга и засапожный нож. Глядя на недоуменные лица друзей, болотник буднично произнес:

— Еще не поняли? Плита тянет железо. Снимите оружие и помогайте.

Дойдя до плиты, Дерн с интересом осмотрел матовую поверхность, резким движением оторвал кинжал и отступив на шаг, отбросил в сторону, затем вернулся. Подошедшая следом Себя коснулась руками плиты, с восторгом прошептала:

— Абсолютная ловушка! Установленная в узком коридоре, не пропустит мимо никого вооруженного, а уж dospешного так и вовсе... — она покосилась на пещерника.

Глядя на неподвижного пещерника, Мычка не смог сдержать улыбки, произнес:

— Установить бы это возле нашей таверны, вместе с Шестерней, да деньги брать за просмотр.

На пару с Дерном, они ухватили пещерника за руки, с силой потянули. Скрипнули чешуйки доспехов, Шестерня зашипел, чувствуя, как трещат суставы, напрягся, помогая друзьям. Не выдержав объединенных усилий, черная плита выпустила жертву. Пролетев несколько шагов от мощного рывка, пещерник с трудом удержал равновесие, отдуваясь, произнес:

— Вот бы настроить так, чтоб обезьяны прилипали.

— И таскать с собой? — насмешливо спросил Мычка.

— Зачем? — пожал плечами Шестерня. — Найти, разозлить, и притащить сюда, чтобы влипли намертво.

Пока товарищи перекидывались шутками, Дерн оделся, подошел к пещернику, держа в руках булаву, протянул со словами:

— Постарайся больше никуда не влезать. Хотя бы до того, как найдем Золу.

Не зная, куда девать глаза, Шестерня взял оружие, произнес с раскаянием:

— Даю слово. Больше никуда, и никогда... И вообще, давайте свои мешки, понесу, как провинившийся.

Ему улыбнулись, похлопали по плечам, давая понять, что промах забыт, но, как пещерник не рвался, мешки не отдали и вперед не пустили. Двинулись в темпе, наверстывая потерянное время. Коридор плавно изгибался, то и дело попадались ответвления, но Мычка не отвлекался, придерживаясь ясно различимых на мягкой пыли отпечатков огромных лап, чем-то отдаленно напоминающих отпечаток человеческих ног.

Миновали ряд небольших комнат забитых непонятными проржавевшими конструкциями. Себя настороженно вглядывалась во тьму, в каждой тени подозревая затаившихся враждебных тварей, но вокруг по-прежнему было спокойно.

Вскоре коридор вывел в просторный зал. Очарованные, путники остановились на пороге. Стены покрывали толстые ледяные натеки, в неяром свете факелов переливающиеся серебром, свод зала также казался укреплен мощным панцирем из смерзшейся воды.

Подняв факел выше, Мычка принялся изучать многочисленные черные провалы в стенах, когда, пристально вглядевшись в глубину зала, Себя вытянула руку, возбужденно прошептав:

— Там!

Наемники вытянули шеи, всматриваясь в указанном направлении. Шестерня сдавленно охнул, Мычка нахмурился, а Дерн с облегчением выдохнул. В центре зала, на огромном угловатом куске льда, недвижимо лежал Зола.

ГЛАВА 8

Обгоняя друг друга, мужчины устремились вперед. Себя пошла следом, настороженно принюхиваясь к резкому животному запаху, ставшему внутри зала намного сильнее.

Подскочив к магу, наемники на мгновение замерли, с замиранием сердца всматриваясь в заострившиеся черты лица. Дерн перевел взгляд ниже, чувствуя, как с души уходит тяжесть, тоненькая голубая жилка на шее едва заметно пульсировала. В этот момент веки мага дрогнули, медленно поползли вверх, открывая покрасневшие глаза. Посиневшие губы шевельнулись, раздался чуть слышный голос:

— Глупцы, зачем вы здесь?..

— Мы пришли за тобой, — просто сказал Шестерня.

— Вы пришли в ловушку, — прошептал Зола. — Неужели нельзя было... — не договорив, он устало закрыл глаза.

Яростно вскрикнула Себя, предупреждая об опасности, а мгновением позже зал наполнился утробным рычанием. Скрытые до времени, из черных провалов повалили обезьяны, мгновенно образовав своими телами живой заслон.

Готовясь к последнему бою, наемники встали плечо к плечу, образовав кольцо вокруг глыбы льда. Но успевшие заполнить большую часть зала обезьяны не спешили нападать, глядя на людей немигающими глазами, они не двигались, покачиваясь, словно в трансе.

— Чего они ждут? — сдавленно прошептал Шестерня.

— Ты уверен, что действительно хочешь это знать? — прошептал Мычка, поводя перед собой растянутым до предела луком.

— А может напасть, пока не поздно? — с трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик, поинтересовалась Себя.

Под сводом мелко задрожали тоненькие ледышки, в наступившей тишине послышались приближающаяся тяжелая поступь.

Ощувив, как подрагивает пол, Мычка выдохнул:

— Поздно. Но у нас есть шанс...

Раздался могучий рев, прокатившись по залу оглушительной волной, раскололся на части, заметался под сводом отголосками эха. В дальней части зала возникло оживление, обезьяны засуетились, подались в стороны, расступаясь перед вожаком. Тяжело ступая, вперед вышло уже знакомое чудовище, из многочисленных ран тоненьким ручейками стекает кровь, грудь покрыта уродливой, сочащейся слизью коростой, но глаза смотрят с прежней ненавистью, к которой добавилась осторожность.

— Так что там насчет шанса?.. — враз охрипшим голосом произнес Дерн.

Глядя на приближающуюся тварь, Мычка сбивчиво заговорил, стараясь успеть объяснить прежде, чем начнется бой:

— В любой стае вожак должен поддерживать свой статус. Эта тварь явно не обезьяна, но держится, как вожак. Зола его едва не убил, тем самым пошатнув статус. Теперь вожак будет пытаться восстановить его, для того и устроил бой.

— А зачем ему восстанавливать статус, если он и так больше любой обезьяны? — нервно поинтересовалась подземница.

Мычка тряхнул головой:

— Один на один — да, даже один на пятеро, но если кинутся скопом — завалят.

— Это все хорошо, — пробормотал Шестерня, — но нам что с того?

— Они не нападут! — возбужденно воскликнул вершинник. — Бой должен быть честным.

Дерн кивнул, сказал удовлетворенно:

— Это хорошая новость. Можно не следить за спиной и сосредоточиться на главном.

— А если они все же нападут? — в глазах Себии метнулся страх.

Мычка произнес тихо:

— Тогда нам уже ничего не поможет...

Чудовище прыгнуло, могучее тело распласталось в полете, угрожая смять непокорных противников, вдавить хрупкие тела в каменные плиты, но за мгновение до этого наемники рассыпались по залу, и когтистые лапы встретили пустоту. Лязгнули челюсти, не дотянувшись до Дерна всего чуть-чуть. Болотник живо развернулся, с силой ударил кулаком в мясистый нос, взмахнул кистенем, коротко свистнув, шипастые шары вырвали из тела бестии кусок мяса.

С пронзительным воплем позади чудовища возникла Себия, в тусклых отблесках брошенных факелов кинжал замерцал призрачным светом, в воздухе за клубилась кровавая пыль, взлетающая из тонких порезов, десятками возникающих на теле твари. Вожак раздраженно фыркнул, лягнул, не глядя. Толстая, словно бревно, лапа ударила тараном, но, будучи настороже, девушка увернулась, отскочила на шаг, побежала вокруг, выискивая уязвимые места.

Секира широко размахнулся, и с молодецким уханьем опустил дубину на противника. В последний момент тварь сдвинулась, и вместо того, чтобы проломить кости, удар пришелся в могучие мышцы, что отбросили оружие словно детский мячик. Тяжелая булава вырывалась из рук, с лязгом упала. Не отрывая глаз от беснующейся твари, пещерник попятился, нашаривая дубину. Пальцы нащупали гладкую рукоять, сомкнулись. Шестерня с силой потянул, но булава даже не шелохнулась, словно мгновенно вросла в лед.

Чувствуя, как в груди зарождается холодный ком, пещерник сдавленно зарычал, потянул, что есть сил. Могучий удар выбил дыхание, отбросил на замороженные плиты пола. Невидимая сила захватила, не давая шевельнуться. Перед глазами мелькнули стоптанные сапоги, надсадный голос болотника прохрипел:

— Не время лежать, поднимайся!

Чудовищным усилием повернув голову, шлем не давал шевельнуться, Шестерня прохрипел:

— В одном из залов, помнишь, плита... здесь все такое.

Не веря, Дерн схватил друга, с силой дернул, но тело Шестерни будто налилось свинцовой тяжестью, даже не дрогнуло. Пещерник взревел, привлекая внимания, крикнул, указывая на пол:

— Не дайте ему выбить оружие!

Мычка на мгновение отвлекся, и тут же едва не лишился головы, тяжелые челюсти сомкнулись, прихватив клочок золотистых волос. Уходя от смерти, вершинник прыгнул в сторону перекатом, и... поднялся уже без оружия, оба меча и даже засапожный нож

остались на заиндевевших плитах пола.

Послышался надрывный визг подземницы:

— Отвлеките его, я найду сзади!

Не рассуждая, болотник с Мычкой одновременно дернулись навстречу врагу, а девушка взвилась в воздух, обоими руками заноса кинжал для удара. Но чудовище каким-то чудом ощутило опасность, и в тот момент, когда Себя готовилась вбить нож в кожистый затылок по самую рукоять, вожак неожиданно отпрыгнул в сторону. Не встретив сопротивления, подземница кубарем пролетела несколько шагов, и встала уже обезоруженная.

Дерн бросился вперед, отсекая чудовище от беззащитной девушки, а Мычка сорвал со спины лук, но вожак не дал наемникам времени, тварь рванулась, мощным рывком сбив с ног Дерна, а мгновением позже ударом лапы опрокинула вершинника. Мычка страшно закричал, чувствуя, как под невероятным весом трещат ребра и лопаются внутренности.

Глядя, как тварь терзает вершинника, Дерн сдавленно зарычал, рванулся, что есть сил, но странная сила держала крепко, закованное в кольчугу тело лишь чуть сдвинулось, оставаясь прикованным к полу. Замерцало красным, чувствуя, что сейчас сойдет с ума от бессилья, болотник повернул голову, и застыл, пораженный. Неподалеку в странной позе замерла подземница, воздух вокруг ее тела дрожал и переливался, тело изогнулось под невероятным углом, а расширенные глаза, обращенные на чудовище, заполнились чернотой.

Тварь насторожилась, отпустила безжизненное тело вершинника, неторопливо двинулась к девушке, но, подойдя почти вплотную, вздрогнула всем телом, попятилась. Дерн смотрел не отрываясь, чувствуя, как по коже разбегаются крупные мураши.

Руки девушки дрогнули, стали подниматься. Пальцы хищно скрючились, став больше похожими на когти, и... как будто в несколько раз увеличились в длину. Себя закачалась, словно в трансе, произнося свистящие слова на незнакомом языке. Вокруг ладоней за клубился серое марево, резко вытянулось в сторону застывшего чудовища, коснулось плоти. В воздухе разлился ощутимый запах смерти, а марево резко покраснело, будто насыщаясь кровью. Чудовище взревело, отступило на шаг, но серый сгусток следовал по пятам, вытягивался, словно алчущая крови призрачная пиявка.

На ледяной глыбе шевельнулся Зола. Приподнявшись, маг неотрывно следил за происходящим, и старался даже не дышать.

Тем временем, почувствовав, что уйти не удастся, вожак дико взревел, и в отчаянном рывке бросился к девушке. Мгновенно преодолев расстояние, чудовище встало на дыбы, зависнув над хрупкой фигуркой, еще чуть-чуть, и тяжелая туша сомнет миниатюрную девушку. Но в этот момент фигура Себии окуталась дымкой, поплыла, смазываясь.

Дерн сморгнул, пытаясь разглядеть происходящее, перед глазами все плыло и двоилось. Преодолевая головокружение, болотник с замиранием сердца увидел, как марево мгновенно вскипело, окутывая чудовище непроницаемой пеленой, запульсировало, насыщаясь красным. Тварь забила в конвульсиях, дико заревела, но призрачные путы держали крепко. Подземница взмахнула руками, и от мутного пятна к ней потянулись тонкие жилки, сперва неуверенно, но затем все быстрее и быстрее. Жилки сплетались в вены, а те в толстые дымящиеся артерии, по которым к девушке стремительно неслись горячие кровавые потоки.

Тварь редела все тише. Казалось, животное уменьшается и стареет прямо на глазах. Блестящая шерсть поблекла, кожа повисла мешками, а могучие мышцы истаивали, обнажая острые выступы костей. Не выдержав собственного веса, чудовище опустилось, и некоторое время стояло пошатываясь, но вскоре ноги подломились, и тварь со всхлипом осела на пол.

Некоторое время существо еще конвульсивно подергивалось, но вскоре застыло.

Призрачные сосуды, из красных вновь стали серыми и незаметно истаяли, а воздух перестал дрожать. Себя шевельнулась, ее взгляд упал на недвижимо лежащего неподалеку Мычку, черты его лица заострились, кожа посерела, а вокруг натекла огромная лужа крови. Неторопясь, подземница подошла ближе, присела, и возложив руки на грудь вершинника, что представляла из себя сплошную рану, замерла.

Вновь замерцало красным. Лежа на полу, Дерн не мог видеть деталей, но через некоторое время рука Мычки слабо дернулась, а грудь начала едва заметно приподниматься. Послышался тихий стон. Слабо охнув, Мычка приподнялся на руках, обвел друзей мутным взглядом. Лицо вершинника порозовело, ушла мертвенная бледность. Дерн не поверил глазам, когда в разрыве куртки мелькнула светлая кожа без единого следа увечий.

Себя некоторое время пристально вглядывалась в лицо вершинника, затем отвела глаза, с трудом встала, пошатываясь, отошла к торчащей в центре зала ледяной глыбе, где по-прежнему возлежал маг, осторожно присела.

Глухо шелестнуло. Дерн, наконец, сумел встать, выбравшись из кольчуги, словно сбросившая кожу змея. Окинув взглядом зал, болотник произнес с удивлением:

— Они ушли.

— Вы убили вожака?! — Мычка возбужденно подхватился, взглянул на лежащий неподалеку труп. — Значит все правильно. Он не смог подтвердить свой статус в бою и племя ушло.

Послышался хриплый голос пещерника:

— Помогите подняться. Еще чуть-чуть и я отморожу внутренности.

Объединенными усилиями, Дерн с Мычкой подняли пещерника на ноги. Глядя на приплясывающего от холода Шестерню, Дерн задумчиво произнес:

— Какое удивительное совпадение, что для места боя обезьяны выбрали именно этот зал.

Мычка всмотрелся в покрытый инеем пол, с обнажившимися за время боя многочисленными черными проплешинами плит, покачав головой, промолвил:

— Не думаю, что это было случайностью.

Не переставая хлопывать себя руками, Шестерня неверяще произнес:

— Ты хочешь сказать, что неразумные животные догадались о свойствах черного материала притягивать металл?

— Животные вряд ли, а вот их вожак...

С трудом подобрав оружие, черные плиты пола нехотя расставались с металлом, они собрались в центре зала, где, возле ледяной глыбы, о чем-то негромко беседовали маг с подземницей.

Покосившись на девушку, Дерн осторожно поинтересовался:

— Возможно, вопрос немного неуместен, но... что это было?

Зола предостерегающе глянул на товарища, сказал сердито:

— Пока обезьяны не передумали и не вернулись за трупом вожака, а заодно и за нами, предлагаю отложить разговоры, и поскорее отсюда уйти.

Шестерня мелко закивал, подхватил лежащий поблизости факел, и поспешно направился к выходу, когда Мычка, пристально глядя на чадающее пламя, вдруг произнес:

— Постойте. Есть более короткий путь.

Глядя, как вершинник бродит вдоль черных отверстий проходов, Шестерня поежился,

сказал с опаской:

— Не иначе, Мычка хорошенько приложился головой, раз хочет вести нас в один из этих тоннелей, вслед за обезьянами.

Благодарно кивнув, Себя забрала кинжал, что протянул ей болотник, сказала с вызовом:

— Но ведь он не ошибся, когда предупредил о честном бое с вожаком, что позволило нам не расплыть силы.

Шестерня взъерошил бороду, сказал с сомнением:

— Это, конечно, да. Но зачем лишний раз рисковать, спускаясь в неизвестные глубины, когда...

Он не договорил, Мычка, отошедший в дальний угол зала, призывно махнул факелом. Товарищи нехотя двинулись в его сторону. Шестерня ненадолго задержался возле трупа чудовища, а когда догнал остальных, с довольной ухмылкой сжимал в руке привычную секиру, измазанную в почерневшей крови, с прилипшими клочками фиолетовой щетины вдоль лезвия.

Указывая на колеблющееся пламя факела, Мычка произнес:

— Здесь явный сквозняк, что говорит о близком выходе. Предлагаю пройти, проверить.

— А как же обезьяны? — скрипуче поинтересовался Зола. — Ты еще не намахался мечом?

Вершинник отрицательно помотал головой, объяснил терпеливо:

— Обезьяны ушли в те провалы под стенами, а нам нужно по коридору. Взгляни под ноги, там даже следов нет.

Маг покосился на пол, квадратные плиты выстилающие основание уходящего во тьму коридора покрывал толстый слой белоснежного инея, ответил замедленно:

— Что ж, я хотел попасть внутрь развалин, и... попал. Поэтому, я не против. Вопрос, что скажут остальные?

Себя бледно улыбнулась:

— После произошедшего было бы странно бояться пройти лишних несколько сотен шагов по темным переходам.

Дерн покачал головой, но лишь бросил короткое:

— Согласен.

Все выжидательно посмотрели на Шестерню, с сосредоточенным видом сдирающего с секиры грязь. Заметив, что разговор оборвался, пещерник завертел головой, но наткнувшись на вопросительные взгляды, развел руками:

— Мне не нравятся бродящие во тьме обезьяны, но, возможно, где-то там скрыты сокровища, ожидающие смельчака, что освободит их от векового плена.

ГЛАВА 9

Двигались неспешно. Факелы догорели, вместо них достали неугасимые магические сферы. Коридор заметно понижался, и слегка поворачивал, ощутимо забирая вправо. Мычка

сперва шел, не поднимая глаз, опасаясь пропустить случайный след, но иней под ногами оставался девственно чист, и вскоре, вершинник уже смотрел вперед, опуская взгляд лишь изредка.

Тоннель кончился. Спустившись по короткой лестнице, путники оказались в небольшом продолговатом зале с покатым сводом. Повертев сферой в разные стороны, Шестерня заинтересованно направился к противоположной стене, где, покрытая инеем, возвышалась металлическая телега. Присвистнув, пещерник уважительно произнес:

— Отличная работа. Впервые вижу столь совершенную вагонетку.

Спутники подошли следом. Мазнув взглядом по тележке, Дерн осмотрел пространство зала, пожав плечами, сказал:

— Это все, конечно, очень интересно, но кто-то говорил насчет выхода... Или мне послышалось?

— А я и не отказываюсь, — ошетинился Мычка. — Вон продолжение тоннеля, по нему и пойдем.

Болотник уже было двинулся в указанном направлении, когда Шестерня негромко произнес:

— Если соизволите немного подождать, то наше путешествие станет немного легче и гораздо быстрее.

Зола поглядел, как пещерник возится со странной вагонеткой, сказал скептически:

— Надеюсь, ты не собираешься предложить нам в качестве транспортного средства это?

Шестерня выглянул из-за вагонетки, отряхнув испачканные руки, ответил:

— Именно это и собираюсь. Нет, конечно, если кто не хочет, может пойти ножками, а остальные... — он вновь скрылся из виду

Отмахнувшись, Зола двинулся вслед за болотником, когда послышался неприятный хруст, затем раздался звучный удар, что-то пронзительно закрипело.

Себя, заинтересованно наблюдавшая за действиями Шестерни, подошла ближе, задумчиво оглядев просторную тележку, поинтересовалась:

— По-твоему, это безопасный способ передвижения?

— Еще какой! — подмигнул пещерник. — Ну, дитя подземелий, не боишься испытать чудо-технику?

— Я бы на твоём месте не стал рисковать, — предупредил Мычка.

Улыбнувшись вершиннику, девушка с опаской взошла в тележку, пристроилась с краю, готовая выпрыгнуть при первых признаках опасности. Шестерня радостно крякнул, довольный, что хоть кто-то оценил его старания. Забросив на дно телеги заплечный мешок, пещерник обошел телегу, и с силой уперся руками в борт. Лицо Шестерни побагровело, ноги заскребли по заснеженным плитам пола, но телега и не думала сдвигаться.

Дерн покачал головой, Зола сплюнул, а Мычка поинтересовался:

— Ты уверен, что это вообще способно двигаться?

Севшим от напряжения голосом, пещерник прохрипел:

— Двинется, секиру мне в печень, или я не пещерник! — он зарычал, рванулся, сдвигая неподатливый металл.

Тележка резко дернулась, сместилась едва-едва, Себя вцепилась в края скамьи, заверещала радостно:

— Давай, Шестерня, покажи им!

Вагонетка двигалась неохотно, словно норовистый жеребец, то и дело, норовя

остановиться, но пещерник давил не переставая, и телега, наконец, перестала упрямиться, пошла шибче, постепенно набирая скорость.

Зола с интересом покосился на оставленный железными колесами след. Как и встреченная в подземельях вагонетка, эта телега тоже двигалась по длинным металлическим полосам, невидимым из-за толстого слоя инея, но обнажившимся после того, как по ним прошли тяжелые колеса.

Мычка некоторое время шел рядом, поглядывая то на зардевшееся лицо Себии, то на пытящего позади Шестерню, наконец, не выдержал, бросил свой мешок внутрь, и присоединился к товарищу. Под их объединенными усилиями вагонетка пошла быстрее, веселее застучала колесами.

Видя, что начинают отставать, Дерн с Золой переглянулись, прибавили шаг, некоторое время шли рядом, снисходительно поглядывая на запыхавшихся товарищей, но вскоре уже сами с трудом сдерживали дыхание, нет-нет да поглядывая на устроившуюся внутри девушку.

Зола не выдержал первый. Пробормотав скороговоркой:

— Надо все ж таки попробовать, что зря ноги топтать, — маг лихо запрыгнул на вагонетку, присел рядом с Себией.

Болотник еще некоторое время крепился, но вскоре и он признал поражение. И уже почти на бегу произнес:

— Ребята, каюсь, был неправ. Найдется ли и для меня местечко?

Шестерня хохотнул, махнул рукой, приглашая. Едва Дерн забрался внутрь, пещерник заорал, перекрикивая грохот колес:

— Толкаем еще чуток, и на "три" запрыгиваем. Один, два... Три!

Резко оттолкнувшись, Шестерня взлетел в вагонетку, словно занимался этим всю жизнь. Мычка на мгновение замешкался, и едва не отстал, но Дерн оказался начеку, и схватив вершинника за руку, одним движением втянул к остальным.

Несмотря на то, что телегу изрядно трясло, а грохот стоял такой, что закладывало уши, лица наемников разгладились. После утомительного путешествия, двигаться сидя в тележке оказалось на удивление приятно, а легкий ветерок в лицо и проплывающие мимо стены лишь усиливали удовольствие.

Чувствуя, как ветер становится все сильнее, а неровный камень стен смешивается в мельтешащую мозаику, Зола произнес:

— Вам не кажется, что мы стали двигаться несколько быстрее?

Шестерня лишь отмахнулся, глядя, как маг крепче вжимается в сиденье, насмешливо произнес:

— После наших злоключений легкая прогулка с ветерком лишь придаст аппетита.

Некоторое время ехали в молчании, наслаждаясь движением, но через некоторое время все, включая Шестерню, почувствовали беспокойство. Скорость чрезвычайно возросла, ветер уже не просто обдувал, а с яростью набрасывался, обжигая кожу ледяным дыханием, грохот колес оглушал, а стены слились в сплошное серое месиво.

Дерн приложил руку ко рту, закричал, перекрикивая шум:

— Шестерня, мы слишком разогнались, тормози телегу!

Ему вторил Зола. Выпучив глаза, он что-то кричал, но ветер уносил слова, и создавалось впечатление, что маг кривляется. Со стороны это казалось невероятно комичным, но Шестерне было не до смеха. Цепляясь за скамейки, пещерник пробрался в заднюю часть

вагонетки, некоторое время шарил, подсвечивая магической сферой, затем перегнулся через борт, каждое мгновение рискуя вылететь от резкого толчка.

Когда Мычка едва не силой выдернул Шестерню назад, то поразился перемене, лицо пещерника побелело, глаза застыли, а зубы выбивали дробь, произнося нечто невнятное. Прислушавшись к сдавленному бормотанию товарища, вершинник почувствовал дурноту.

— Что он сказал? — прокричал в ухо Дерн. — Когда мы остановимся?

Мычка взглянул на застывшее лицо Себии, что намертво вцепилась в стойку скамьи, перевел глаза на болотника, и, преодолевая захлестывающую панику, ответил:

— Здесь нет останавливающего механизма.

Дерн некоторое время смотрел на Мычку, затем набрал воздуха в грудь, и что есть силы рывкнул, на мгновение перекрыв грохот:

— Держаться изо всех сил, едем до конца без остановок!

Его слышали. Лица покрыла мертвенная бледность. Уклон пошел круче. Ветер ревел, словно по тоннелю несся ураган, швырял в лицо горстями мелкие кристаллики льда, вагонетка содрогалась всем корпусом, трясясь и раскачиваясь так, словно вот-вот готовая развалиться. Порой тележка высоко подпрыгивала, на несколько мгновений зависая в воздухе, и тогда казалось, что гибель неминуема, но колеса вновь касались дороги, и путешественники неслись дальше, с удивлением обнаруживая, что по-прежнему живы.

По глазам резануло ярким, заставив зажмуриться. Щурясь с непривычки, Мычка приоткрыл глаза, с ужасом обнаружив, что стена справа исчезла. Вместо ставшего привычным серого камня далеко внизу открылись заснеженные просторы, слабо подсвеченные первыми лучами восходящего солнца. Рядом замерла Себия, не в силах отвести взгляд от невероятного зрелища. Изломанные глыбы льда, каменные россыпи и черная шуба леса казались невероятно мелкими, и были едва различимы с той головокружительной высоты, где волею случая оказались наемники.

Заинтересовавшись, со дна вагонетки поднял голову Шестерня, но едва обнаружил за бортом бездну, тут же бросился ничком, прикрывая голову руками. Мычка перевел взгляд на мага. Зола вертел головой, жадно впитывая увиденное, его взгляд пылал безумием, а спутанные космы волос яростно трепал ветер, так что казалось, будто на голове мага бушует снежный смерч. Заметив обращенный на себя взгляд вершинника, Зола что-то выкрикнул, указывая вниз, захохотал, воздев руки, отчего едва не вывалился за борт при очередном толчке.

Впереди показался огромный сугроб. Путешественники не успели испугаться, как вагонетка с разгону влетела в препятствие. Мир погрузился в белое, снег мгновенно забил все щели, запорошил глаза, набился в рот, забрался за отвороты одежды, где тут же начал таять, разбегаясь по телу неприятными холодными ручейками. Но, через несколько мгновений сугроб кончился, мир вновь очистился, а остатки снега выдуло потоком воздуха.

Пригнувшись, вершинник пробрался вперед, где, подобно могучей скале, недвижимо возвышался Дерн, замер рядом. Свет померк, открытое пространство вновь сменилось серым камнем стен, а по ушам ударил грохот колес, многократно усиленный заметавшимся в тесном тоннеле эхом.

Злой встречный ветер выворачивал веки, так что приходилось постоянно щуриться, забивал рот, а возникающие от холода слезы мгновенно уносил, замораживая прежде, чем капли влаги успевали сорваться с кожи. Преисполнившись какого-то сумасбродного веселья, Мычка наклонился к болотнику, прокричал в ухо:

— Как думаешь, скоро доберемся до конца?

Прикрывая рот ладонью, тот прорычал в ответ:

— За всех не скажу, но кое-кто не доберется точно! — он зло покосился на Шестерню, что по-прежнему лежал ничком на дне вагонетки.

Мычка безумно захохотал, хлопнув Дерна по плечу, воскликнул:

— Брось. Без него мы бы такого никогда не пережили.

Болотник взглянул на товарища, ответил хмуро:

— Еще не пережили.

И вновь лишь грохот колес, свист ветра, и подступающая к горлу тошнота. В свете разбросанных по дну телеги магических сфер, перекошенные лица наемников отдают синевой. Первым не выдержал Шестерня, его стошнило. Едва успев поднять голову до уровня борта, пещерник спазматически задержался. Следом распростился с остатками ужина Зола. Себя, по-прежнему, крепилась, но было видно, что она продержится недолго, губы подземницы посинели, глаза закатились, девушку била крупная дрожь.

Наконец, скорость начала снижаться, ветер оставался все еще сильным, но уже не выворачивал веки и даже, как будто, потеплел. Серое марево стен распалось на отдельные участки, стали различимы особо крупные камни, замелькали светлые вкрапления. Миг, и стены раздвинулись, гул тут же стих, а под колесами захрустело. Вглядевшись вперед, Мычка заорал, что есть мочи:

— Всем на дно и держитесь!..

Он не успел договорить. Пронзительно заскрипело. Вагонетка резко накренилась, и поворачиваясь вокруг оси, понеслась неуправляемая, то и дело с грохотом натываясь на невидимые препятствия. В днище с силой ударило, наемники ощутили, как небо с землей дважды поменялись местами, затем раздался чудовищный треск, телегу тряхнуло и наступила тишина.

ГЛАВА 10

Первым зашевелился Дерн. Чувствуя, что в теле не осталось целых костей, он попытался подняться, но сверху давило мягкое. Нащупав под руками ворох длинных волос, болотник осторожно снял с себя не подающую признаков жизни подземницу, отодвинул чьи-то ноги, и осторожно отполз в сторону, стараясь не отдавить попадающиеся на пути руки.

Превозмогая головокружение, Дерн осмотрелся. Неподалеку слабо светилась магическая сфера. Болотник подошел ближе, с удивлением всмотрелся. Прозрачная поверхность покрылась сетью трещин, откуда сочилась светящаяся субстанция. Осторожно, чтобы не расплескать остатки, Дерн поднял шар, огляделся.

Неподалеку, наполовину увязнув в снегу, покоилась вагонетка. Вокруг, разбросанные в радиусе десятка шагов, в нелепых позах застыли спутники. Насчитав троих, Дерн нахмурился, завертел головой. Позади зашуршало, донесся слабый голос вершинника:

— Хей, зеленый, потерял чего?

Опираясь на лук, из глубины зала двигался Мычка. При каждом шаге его шатало, ноги

подгибались, но Мычка продолжал упорно двигаться, пока не дошел до лежащей поодаль подземницы. Опустившись на колени, он с осторожностью перевернул девушку на спину, припал ухом к груди. Мельком глянув на товарища, Дерн удовлетворенно кивнул, двинулся осматривать остальных.

При помощи активных растираний и терпких зелий Шестерня с Золой вскоре вернулись в сознание, лишь подземница, по-прежнему, не подавала признаков жизни, хотя Дерн сделал девушке какой-то особенно сложный массаж шеи и перепробовал все настойки.

Мычка, что все время, пока болотник занимался Себией, мялся рядом, наконец, не выдержал, спросил с дрожью:

— Она будет жить?

— Возможно, — буркнул болотник. Но видя, как побледнело лицо товарища, смягчился, добавил успокаивающе: — У нее шок, рано или поздно, очнется

Оставив вершинника ухаживать за девушкой, Дерн подошел к остальным. Пристально глядя на Шестерню, что стоял, виновато опустив глаза, болотник сказал негромко:

— Можешь не извиняться, хотя, признаюсь честно, было желание убить тебя еще во время поездки, но если Себия умрет, не знаю, что ты скажешь Мычке.

— Все так плохо? — нахмурился Зола.

— Очень плохо. Она не приходит в себя и не реагирует на самые сильные зелья. Но это не главное, — Дерн развел руками. — У нее сильные внутренние повреждения. Боюсь, всех моих знаний не хватит чтобы помочь.

— Может это следствие... — маг помолчал, глядя на Шестерню, перевел взгляд на подошедшего Мычку, махнул рукой, — да что уж таиться. После того, как она убила вожака обезьян, мы говорили...

— Так это она убила?! — удивленно воскликнул вершинник.

Недовольный, что его перебивают, Зола хмуро покосился на Мычку, но продолжил:

— Да. Твоя скромная подружка владеет знанием некромагии.

— Что это значит? — не выдержав, любопытствовал Шестерня.

— Это значит, что она в одиночку завалила чудовище, едва не уничтожившее весь наш отряд.

— Значит, тот странный высохший труп — ее работа? — Мычка озадаченно взглянул на мага.

— Да, — Зола кивнул. — Высасывая жизнь из жертвы, она может восстанавливать свою.

Дерн покачал головой, произнес задумчиво:

— Серьезная девушка. Так что дальше?

Маг помолчал, собираясь с мыслями, произнес деловито:

— Она просила не рассказывать вам, но раз сложилась такая ситуация... Нужно живое существо подходящего размера, чтобы она могла восстановиться.

— А почему она не использовала способности раньше? — поразился Шестерня. — Ведь несколько раз мы висели на краю гибели!

Пожевав губами, Зола ответил:

— Эта магия является тайным знанием не подлежащим разглашению. И еще, я не очень понял, там какие-то сложности с постфакторной стабилизацией сознания... По посту говоря, существует опасность навсегда потерять разум, — глядя в ошарашенные лица друзей, раздраженно пояснил маг.

— Так давайте найдем ей это животное! — воскликнул Шестерня. — Волк, медведь, горный козел, что подойдет?

— Подойдет все, но где ты тут видишь всех этих животных? — ядовито поинтересовался Зола.

Все разом осмотрелись, но взгляды наткнулись лишь на серый камень стен.

Оглядевшись, Мычка сдавленно произнес:

— Но... здесь нет животных! Мы все еще в глубине скалы и неизвестно когда выйдем.

Значит нужно найти, — сказал Дерн просто, — иначе ей не выжить.

Мычка сорвал лук, сказал решительно:

— Тогда выдвигаемся. Я понесу Себию столько, сколько понадобится. Пусть даже придется идти весь день...

— Она не выдержит, — тихо произнес болотник.

Увидев, как побледнел Мычка, Шестерня осторожно поинтересовался, глядя магу в глаза:

— А если вместо животного будет человек, или... пещерник?

Зола нахмурился, помолчав, сказал замедленно:

— Это очень, очень опасно. Магический удар может мгновенно лишить жертву жизни, процесс может пойти непредсказуемо... Она может просто не успеть остановиться!

Шестерня светло улыбнулся, произнес мягко:

— Что ж, знать такова судьба, — он развернулся, уверенно двинулся к подземнице.

Глядя товарищу вслед, маг покачал головой, сказал чуть слышно:

— Пещерник готов отдать жизнь за подземницу... Невероятно.

Мычка хмуро процедил:

— Я не позволю ему... умереть должен я.

Дерн перехватил вершинника за руку, стиснул с такой силой, что Мычка зашипел, сказал зло:

— Прекрати, не хватало нам тут красивых смертей. Не ты, ни он не подходите на роль донора, слишком слабы. И попробуй только возразить! — он глянул настолько люто, что Мычка отшатнулся.

Глаза мага расширились, когда Дерн в два прыжка нагнал Шестерню, и коротким точным ударом в голову оглушил товарища. Осторожно уложив тело, болотник произнес:

— Зола, подойди, если что, поможешь ей. Мычка, стой на страже, если вдруг, кто не вовремя появится и захочет вмешаться.

Несмотря на ровный голос болотника, никто не посмел послушаться. Мычка подхватил лук, вытащил из заплечного мешка магическую сферу, и, угрюмо глядя под ноги, отошел в сторону, где и занял наблюдательную позицию.

Маг подошел ближе, осмотрев бледное лицо подземницы, спросил:

— Но ведь она не в сознании?

— Сейчас будет, — коротко бросил Дерн, — есть у меня средство...

Дерн открыл один из уцелевших горшочков, с величайшей осторожностью извлек из него маленький, с ноготь размером, пузырек, выточенный из цельного кристалла, откупорил плотно притертую пробку, и влил содержимое в полуоткрытые губы девушки.

Несколько мгновений ничего не происходило, затем длинные ресницы задрожали, веки замедленно поползли вверх, открывая замутненные болью глаза. Застонав, Себя удивленно осмотрелась, хрипло произнесла:

— Нас можно поздравить с успешной остановкой? — она сухо закашлялась, губы окрасились кровью.

Глядя подземнице в глаза, Дерн произнес:

— Себя, ты в сознании ненадолго, поэтому не задавай вопросов, и внимательной слушай. Я знаю, что ты владеешь некромагией, и можешь восстанавливать свое здоровье за счет других. Скажу честно, ты умираешь, и единственно, что я могу сделать, это отдать тебе свою жизненную силу. — Видя, что девушка собирается возразить, болотник нахмурился, сказал с нажимом: — Это не жертва, а насущная необходимость. Я лекарь и должен лечить, но тут я бессилен, поэтому используй свое знание, и постарайся помочь себе сама. Если считаешь нужным, сочтешься позже, — он бледно улыбнулся, — если, конечно, будет с кем.

Девушка перевела вопросительный взгляд на Зола, тот кивнул, сказал сурово:

— Слушай его. Дерн не пошел бы на риск, будь хоть малейшая возможность. Я же прослежу, чтобы никто не помешал.

Подземница некоторое время молчала, на ее лице отражалась мучительная борьба. Дерн напряженно следил за исходом, и лишь когда лицо Себии приняло сосредоточенное выражение, болотник расслабился, улыбнулся краешком губ. Устроившись удобнее, Дерн скрестил ноги, глубоко вдохнул и повелительно потребовал:

— Начинай.

Себя несколько мгновений смотрела на болотника, затем ее лицо исказилось, зрачки скачком расширились, заполнив глазные яблоки густой чернотой, воздух вокруг головы задрожал, а руки со скрюченными пальцами потянулись к Дерну. Затаив дыхание, Зола вновь наблюдал, как вокруг девушки сгустилась тень, а от ее рук к болотнику потянулись призрачные пасти.

Дерн не двигался, неотрывно глядя девушке в глаза, лишь когда незримые челюсти вонзились в его плоть, по телу болотника прошла судорога. Но и после того, как клубящийся туман порозовел, он продолжал сидеть все также ровно, лишь резко сузились зрачки, да по виску скатилась капля пота.

Зола с восхищением смотрел, как девушка на глазах наполнялась жизнью, кожа на лице посветлела, с губ исчезла кровь, а грудь заходила равномерно, но едва перевел взгляд на Дерна, лицо мага перекосилось, словно это из него выкачивали силы. В то время, как подземница расцветала, болотник увядал, глаза потухли и глубоко ввалились в глазницы, дряблыми мешками повисли щеки, Дерна шатало, будто вокруг бушевал ураган.

Глядя на друга, маг нервничал все больше, наконец, не выдержал воскликнул с болью:

— Себя, хватит. Прекрати. Ты убьешь его!

Последние слова Зола выкрикнул с такой яростью, что подземница вздрогнула, словно выныривая из глубокого сна. Руки девушки замедленно опустились, воздух перестал мерцать, а призрачные пасти истаяли, рассеявшись, словно утренний туман. Глаза болотника закрылись, покачнувшись, он мягко завалился на бок.

Замедленно открыв глаза, Дерн увидел озабоченные лица друзей. Себя, что смотрела внимательнее всех, радостно воскликнула:

— Он пришел в себя!

Тут же Дерн ощутил, что в рот вливается отвратительное пойло. Он с трудом сел, прокашлявшись, спросил недовольно:

— По вашему, мне недостаточно плохо, что решили напоить гнойной вытяжкой?

— Да уж что попало, — широко улыбаясь, развел руками Шестерня. Спросил, потирая голову: — Только, секиру мне в печень, никак не пойму, зачем ты мне врезал?

Дерн отмахнулся:

— Не было времени. Боялся, начнешь спорить, — пошатываясь, он зарылся в стоящую рядом котомку, зазвенел содержимым, отыскивая нужное зелье.

Глядя, как болотник большими глотками вливает в себя содержимое одного из горшочков, пещерник сказал обиженно:

— Так бы и сказал, что не понравилось кататься.

К Дерну подскочила подземница, сказала, участливо заглядывая в глаза:

— Творя эту магию, очень тяжело себя контролировать. Прости, я тебя едва не убила.

Дерн ухмыльнулся, казалось, выпитое зелье придало ему сил, сказал уважительно:

— Ну ты, подруга, сильна. Я трижды успел попрощаться с жизнью. Сам удивляюсь, как жив остался.

Чудодейственные зелья, что уже не раз помогали в, казалось, самых безнадежных ситуациях, не подвели и на этот раз, болотник возвращался к жизни прямо на глазах, правда, его, по-прежнему, пошатывало, а лицо все еще оставалось изможденным, но в движениях Дерна ощущалась сила, а то и дело мелькающая на губах улыбка говорила о том, что опасность миновала.

Перекусив копченым мясом, остатками найденной вершинником заначки, двинулись вперед. Занесенный горами снега зал остался позади, проход вновь сузился, превратившись в бесконечный тоннель, под ногами поскрипывали кристаллы льда, а густая изморозь спускалась со свода рваными клочьями.

Мычка остановился, произнес со вздохом:

— Опять лед.

— Всего лишь лед? — хмыкнул маг.

Не останавливаясь, Зола метнул мощный огнешар, спутники шарахнулись, прикрывая лица от жара, раздалось злое шипение, повалили облака пара. Не замедляя шаг, маг всадил в ледяную стену еще несколько огнешаров, и с последним пламенным сгустком преграждающая проход мутная завеса с грохотом лопнула, раскатилась мелким ледовым крошевом, по глазам, заставив зажмуриться, ударили лучи солнца.

Щурясь от непривычно яркого света, путники осторожно вышли наружу. Над головой, вздымалась к облакам отвесная скала, по обе стороны, возвышались блистающие холодом, растрескавшиеся ледовые языки, а впереди, насколько хватало глаз шла, постепенно понижаясь, испятнанная сугробами равнина.

ГЛАВА 11

Спускались неторопливо, наслаждаясь теплом. Почва вокруг парила, стараясь быстрее избавиться от избытков влаги, пожухлая трава под ногами пробивалась молодыми зелеными стрелками, а корявые веточки низкорослых кустарников топорщились свежими листочками.

Мычка шел со счастливой улыбкой. Себя вдыхала свежий воздух, радуясь, словно ребенок, и даже суровый Дерн, нет-нет, да улыбался, глядя на оживающую природу. К полудню предгорья закончились, стали попадаться настоящие деревья, вскоре перешедшие в полноценный лес, чем не преминул воспользоваться Мычка. Ненадолго исчезнув в зарослях, вершинник вскоре вернулся, с тушкой молодого кабана на плече.

— Очень кстати, — пробормотал Зола, приглядываясь, в поисках подходящей валежины, — а то я уже почти начал испытывать голод.

— Почти начал?! — воскликнул Шестерня, — да я готов целиком сожрать быка... двух... трех!

Себя покачала пальчиком, наставительно предупредила:

— Сперва кормим Дерна, потом всех остальных.

— А если он все сожрет? — пещерник в сомнении посмотрел на девушку.

— Значит поймаем еще, — отрезала подземница.

Шестерня смерил взглядом могучую фигуру болотника, пробормотал обижено:

— Тогда я отправляюсь прямо сейчас.

Перебрасываясь шутками, облюбовали удобное место в корнях поваленного бурей дерева, и вскоре на сваленных в кучу ветвях уже плясало веселое пламя.

Поглядывая на исходящих слюной друзей, Мычка подчеркнуто неторопливо снимал шкуру, пока следивший за его действиями Зола не буркнул:

— Если ты не прекратишь издеваться, зажарю вместе с кабаном.

Звонко захохотав, вершинник в несколько движений распотрошил тушу, нарезал мясо мелкими ломтями и, насадив на заостренные палочки, воткнул через равные промежутки вокруг огня. Мясо зашипело, поджариваясь, от костра пошел одуряющий запах.

Принюхиваясь к витающему вокруг аромату, Себя потянула на себя заплечный мешок, но тот запутался в ветках. Девушка дернула сильнее. Вырвавшись из цепких древесных лап, мешок отлетел в сторону, покатился, рассыпая содержимое. Покачав головой, подземница приподнялась, чтобы собрать вещи, но замерла, заметив застывшие глаза мага. Проследив за взглядом Золы, Себя поняла причину. На земле, среди выпавшей из мешка полезной мелочи, лежала книга: толстая кожаная обложка выцвела, переплет растрепался, а массивный медный замок позеленел, но пожелтевшие края страниц избежали порчи, топорщились ровным желтоватым срезом.

Справившись со ступором, Зола прошептал враз охрипшим голосом:

— Что это, откуда? — его пальцы потянулись к фолианту, но тут же отдернулись, маг пылливо воззрился на подземницу.

Себя улыбнулась, легко подняла увесистый том, стряхнула налипшие листочки и протянула Золе со словами:

— Это мы обнаружили с Мычкой в одном из сундуков, в катакомбах под пещерным городом.

Оторвавшись от кусочков мяса, за которым он внимательно следил, поворачивая через равные промежутки времени, Мычка кивнул, сказал весело:

— Мы, правда, не особо хотели, но хозяин сундука заставил нас, едва ли не силой.

— Можно?.. — Зола протянул руки к Себии, с трудом сдерживая дрожь.

— Конечно, — подземница вручила книгу. Глядя, с каким тщанием, словно ребенка, маг укладывает книгу на колени, с трепетом гладит переплет, ощупывает замочек, девушка произнесла с легким раскаянием: — Я бы отдала раньше, да все времени не было.

Но Зола уже не слышал, отщелкнув застежку замка, он с головой погрузился в чтение. Подслеповато щурясь, маг замедленно водил пальцем по выцветшим строчкам, беззвучно шевеля губами, повторял слова забытого языка, а когда ему под нос сунули сочный кусок отлично прожаренного мяса, лишь скривился, отсел в сторонку от докучливых спутников.

Дожевывая очередной кусок, Дерн покосился на застывшего Золу, произнес, качая головой:

— Нужно было обождать с книгой хотя бы до конца обеда. Он же есть не будет, пока не прочтет.

Себя виновато развела руками, а Шестерня пробормотал:

— Ничего страшного. Сейчас преисполнится знаний и вернется, а пока будет нас просвещать, сожрет половину свиньи.

Не успел пещерник дожевать свой кусок, как Зола отложил книгу, вскочил, заходил возле костра, нервно жестикулируя и что-то бормоча под нос.

Глядя на его телодвижения, Дерн сказал насмешливо:

— Зола, ты б перекусил, что ли, все удобнее, чем потом на ходу жрать.

Вынырнув из размышлений, маг непонимающе воззрился на болотника, коротко кивнул, и, подхватив с кольшка изрядный кусок мяса, вновь заходил кругами.

Расслабленно ковыряя палочкой в зубах, Мычка поинтересовался:

— Что интересного пишут в древних книгах?

Казалось, Зола только и ждал этого вопроса. С трудом сдерживая возбуждение, он произнес:

— Я лишь начал чтение. Книга написана на одном из забытых наречий, и моих скромных знаний хватает лишь на то, чтобы понять текст в общих чертах.

— Но хоть что-то ты можешь нам сказать уже сейчас? — упрямо повторил вершинник.

Помявшись, Зола пробормотал:

— Я не очень понял, о каких временах идет речь, но сей труд посвящен описанию странных существ замеченных в нашем мире в том или ином месте.

Себя подняла глаза на мага, сказала с улыбкой:

— Что ж, будем считать, что я не зря тащила эту книгу.

Маг всплеснул руками, произнес убежденно:

— Если бы встал выбор, между этой книгой и... — он заозирался, подыскивая сравнение.

— И всеми нами, то мы прекрасно понимаем, что бы ты выбрал, — хохотнул пещерник.

Зола недовольно сверкнул глазами, но желание поделиться знанием взяло верх, и он сказал примирительно:

— У каждого свои ценности. Не будем уточнять, сколько понадобится пивных бочонков, чтобы некий пещерник забыл обо всем на свете. — Отвернувшись от впавшего в глубокую задумчивость Шестерни, маг продолжил: — Пока безвестный автор, описывая многочисленных чудовищ, отметил лишь один общий признак, позволяющий с абсолютной точностью отличить их от обычных животных.

— Какой же? — вяло полюбопытствовал Дерн.

— Крестообразный зрачок! — Зола насмешливо улыбнулся. — Уж не знаю, насколько это все является домыслом, но мне сложно представить условия, в которых бы могло сформироваться подобное. Учитывая особенности строения глазных мышц, а также строение черепа...

На мгновение отвлекшись от рассказа, Себя перевела взгляд на Мычку, с удивлением отметив, как изменилось лицо вершинника, губы сжаты в тонкую полоску, брови сошлись на переносице, а на лбу залегли глубокие морщины. Подняв глаза на мга, Мычка замедленно произнес:

— Зола, постарайся хорошенько запомнить все, что прочтешь об этих животных.

Поперхнувшись на полуслове, Зола заморгал, пытаясь восстановить прерванную нить размышлений, но, сбитый с мысли, лишь раздраженно отмахнулся, и вновь вернулся к чтению.

Лежа в расслабленной позе, Дерн с интересом покосился на вершинника, но промолчал, лишь перевернулся на бок и задремал под убаюкивающее пение птиц.

Хорошенько отдохнув, двинулись дальше. Не желая расставаться с книгой, Зола сперва пытался читать прямо на ходу, но дважды споткнувшись, и едва не разбив лоб о толстый древесный ствол, спрятав фолиант в котомку, и, недовольно потирая голову, поспешил за ушедшими далеко вперед друзьями.

Лес пошел гуще, темнее. Сочное разнотравье сменилось жесткими стеблями пожелтевшего папоротника, исчезла молодая древесная поросль, вокруг громоздились лишь древние замшелые стволы, сплетающие густые кроны в непроницаемый шатер, проходя через который, яркий солнечный свет становился тусклым, а свежий ветерок и вовсе застревал, не в силах пробиться через хитросплетение ветвей лесных исполинов. Воздух насытился влагой, под ногами то и дело хлопало, а с корявых ветвей свисали седые бороды бледного мха.

В очередной раз, запнувшись о торчащий корень, Шестерня раздраженно произнес:

— Мне одному кажется, или деревья специально ставят подножки? — он зло пнул толстый, покрытый желтым налетом ствол.

Наверху угрожающе затрещало. Метнувшись к пещернику, Мычка, что есть силы, ударил друга плечом, а спустя мгновение, на место, где только что стоял Шестерня, с гулким грохотом обвалилось огромное трухлявое полено, подняв тучу едкой пыли, и забрызгав путников липкими комками слизи.

Отряхивая грязь с балахона, Зола раздраженно бросил:

— Шестерня, не мог бы ты в следующий раз заниматься развлечениями где-нибудь подальше.

Поднявшись из покинутого муравейника, куда они отлетели вместе с Мычкой, пещерник с досадой произнес:

— Я же не знал, что тут все на честном слове держится! На вид — тараном не перешибешь, а на деле...

Подняв отброшенный заплечный мешок, Мычка наставительно сказал:

— Будь внимательнее. Это тебе не пещеры, где хоть лоб себе разбей — камня не сдвинешь. Лес живой, и... опасный.

Себя настороженно оглянулась, спросила понизив голос:

— А что в нем такого опасного?

— Не слушай его, — отмахнулся Зола, — Мычка вечно нагнетает.

Вершинник насмешливо покосился на мага, произнес язвительно:

— Встретишь очередной зыбун, не забудь предупредить Себию, а то она не в курсе, может и следом пойти.

Престыженный, Зола замолчал. Вместо него ответил Дерн:

— Ты знаешь лес лучше нас всех вместе взятых, поэтому, если видишь что-то опасное, будь добр, скажи заранее, чтобы после не приходилось выкапывать спутников из-под трухлявых деревьев, или вытягивать из топких ям.

Мычка коротко кивнул, признавая правоту болотника, и небольшой отряд медленно двинулся дальше.

Несколько подозрительно удобных полянок вершинник осторожно обошел по краю, не обращая внимания на недовольные лица и обиженные возгласы, не позволил спутникам пойти прямо, но когда перед ними в очередной раз встала непролазная стена сухостоя, Зола запротестовал. Магу вторил Шестерня, измучившийся выдирать из бороды обломки веточек и кусочки коры, и даже Себя взглянула с укором, так что вершинник сдался, повел отряд путем попроще.

Ломая ветки, впереди с грохотом рухнул огромный гнилой ствол, и, почти одновременно, точно такой же ствол упал в нескольких шагах позади. Кашляя от забившей легкие трухи, Дерн произнес:

— Даже в своих путешествиях на черные болота, я не встречал такого жуткого леса.

— И таких отвратительных болотников, — добавил Мычка, указывая глазами в сторону.

В оседающих клубах пыли путники с удивлением обнаружили двоих крупных мужчин. Могучие тела, зеленоватая кожа и абсолютно лысые головы выдавали уроженцев болот. Закутанные в звериные шкуры, незнакомцы опирались на короткие рогадины, без страха разглядывая пришельцев.

Кивнув на изломанные остатки деревьев, Шестерня недовольно пробормотал:

— Их работа, не иначе.

Зола удобнее перехватил посох, а Себя положила кисть на рукоять кинжала. Заметив действия товарищей, Дерн поднял руки, призывая к вниманию, замедленно произнес:

— Прежде, чем вы сделаете что-либо необдуманное, я хотел бы с ними поговорить.

Проверив, быстро ли выходит из чехла лук, Мычка пожал плечами:

— Да на здоровье. Чай твои родичи, не наши.

Повернувшись к болотникам, что стояли в прежних позах, Дерн произнес нараспев:

— Приветствую вас, дети болот. Что заставило вас чинить преграды мирным путникам?

Стоящий справа, более крупный и, судя по всему, опытный болотник задумчиво произнес:

— Не шибко вы похожи на мирных путников.

Дерн замедленно кивнул, ответил:

— Лес не самое безопасное место, чтобы выходить безоружным.

— Тем более, чтобы переть по нему не разбирая дороги, — парировал болотник.

— Мы идем издалека, — мирно произнес Дерн.

— Это заметно, — бодро отозвался второй болотник. Добавил, покосившись на напарника: — Для живущих вдали, вы чересчур удачно обошли пять наших ловушек.

— Так их было пять? — пробормотал Мычка озадаченно. — А я насчитал лишь четыре.

Неодобрительно покачав головой, старший болотник изрек:

— Вы умелые воины, но прежде, чем мы примем решение, скажите, для чего вы здесь, и куда идете?

— О каком решении речь? — осведомился Зола.

— Они решают, пропустить ли нас в племя, — чуть слышно ответил Дерн. Добавил громче, обращаясь к болотникам: — Мы спустились с гор, и пытаемся преодолеть лес.

— Для чего? — поинтересовался младший болотник.

— Чтобы попасть на равнины, — ровно ответил Дерн.

Болотники переглянулись, старший спросил в изумлении:

— Вы ищите быстрой смерти?

Зола покачал головой, произнес со вздохом:

— Где-то я эти песни уже слышал.

— У вершинников, — ехидно подсказал Шестерня.

— И у подземников, — развел руками Мычка.

Не обращая внимания на друзей, Дерн сказал мирно:

— У каждого свои цели. Мы не причиним вам вреда. Нам всего лишь нужно пройти через лес.

Младший болотник запальчиво воскликнул:

— Еще не известно, кто кому причинит вред.

Прищурившись, Шестерня окинул взглядом одежду болотника, спросил снисходительно:

— Паря, уж не думаешь ли ты драться с нами будучи одет в обноски и с этой смешной палкой наперевес?

Старший болотник положил руку на плечо товарища, готового вспылить, сказал неодобрительно:

— Конечно, мы не будем биться с вами, но лес полон сюрпризов. Порой, смерть может оказаться намного ближе, чем мы предполагаем, — он помолчал, пристально разглядывая наемников. Когда молчание чересчур затянулось, болотник промолвил: — Мы не будем чинить препятствий, можете посетить наше селение, — с этими словами болотники шагнули назад, растворившись в лесном сумраке.

ГЛАВА 12

Глядя вслед исчезнувшим болотникам, Шестерня недоуменно произнес:

— Я не понял, они нас позвали, или это такой веселый местный обычай, приглашать в гости и тут же бросать в лесу?

— Они решили, что мы не причиним племени зла, и потому не будут мешать, — объяснил Дерн. — А уж найти деревню — наша задача.

— Так в чем сложность? — пожала плечами подземница. — Пойдем следом, и все дела.

Мычка покачал головой, сказал хмуро:

— Ты видно слабо представляешь, что значит отыскать следы болотника в болоте.

— Что-то я пока не вижу болота, — ехидно произнес Зола.

Дерн кивнул, подтверждая слова вершинника, добавил:

— Болото рядом, его следы повсюду — все эти трухлявые деревья, лужи с черной водой, затхлый воздух... Хотите вы или нет, но мы уже вступили на его территорию, и оно об этом знает.

— Демон тебя раздери, да кто знает! — разозлившись, воскликнул Зола.

— Болото, — настойчиво повторил Дерн, и, не говоря ни слова, двинулся вперед, обходя устроенный болотниками завал.

Идти стало еще сложнее. Огромные, на первый взгляд, прочные стволы, при малейшем прикосновении норовили обрушиться, из трухлявой древесины дождем сыпались какие-то отвратительные черви, от прикосновения которых на коже мгновенно вздувались огромные волдыри, под прелой листвой прятались глубокие, наполненные грязью лужи, куда нога тут же погружалась до колена, а возвращалась с трудом, облепленная тиной и жирными пиявками.

В очередной раз, окунувшись в лужу по пояс, Шестерня взмолился:

— Давайте что ли привал организуем, у меня от этой воды кожа зудится, а сапоги доверху набиты пиявками, а то и чем похуже.

— То ли еще будет, — успокаивающе произнес Дерн, но стал посматривать по сторонам в поисках подходящего места для лагеря.

Но местность, как назло, становилась все более топкой. Прежде, чем поставить ногу, приходилось тщательно выбирать место, чтобы не застрять в вязкой грязи. Перемазавшись с ног до головы, путешественники больше напоминали болотных демонов, и попадись им болотные стражи сейчас, неизвестно, состоялся бы хоть какой-то разговор.

— Пришли! — возбужденно воскликнула Себя. — Я вижу огни.

— Наконец-то, — устало выдохнул Зола. — Меня от этой грязи уже мутит.

Мычка, внимательно всмотревшись в указанном подземницей направлении, покосился на Дерна, спросил с подозрением:

— Мне кажется, или огни движутся?

— Нас встречают? — простодушно удивился Шестерня. — Очень мило с их стороны.

К удивлению товарищей, Дерн не торопился. Замерев на месте, болотник, недовольно морщился, втягивал носом воздух, после чего вдруг развернулся, резко выдохнул:

— Быстро, назад!

Подтолкнув опешившего Шестерню, Дерн схватил Зола за руку и буром попер в сторону, то и дело озираясь. Рядом хлюпал по грязи Мычка, поддерживая Себя и, время от времени, оглядываясь на маячащие позади огни.

Когда остановились, Зола обессилено опустился на ближайшую кочку, пробормотал чуть слышно:

— Да объяснишь ты, наконец, в чем дело?

— Мне бы тоже хотелось знать, — проворчал Шестерня, выливая из сапог бурую жижу, в которой копошились какие-то омерзительные слизи. — Что там было такого, что ты, словно с цепи сорвался?

Принюхавшись, Дерн кратко произнес:

— Ничего.

— А почему, в таком случае, мы ушли от тех м-мм... болотников с фонарями? — поинтересовалась Себя, устроившись на небольшой кочке и осторожно балансируя руками.

— Там не было никаких болотников, — терпеливо повторил Дерн.

— А как же огни? — осторожно уточнил Мычка. — Что это было?

— Не знаю, — Дерн пожал плечами.

Зола поморщился, сказал с отвращением:

— И ты потащил нас оттуда лишь потому, что испугался каких-то жалких огоньков?

— Предлагаешь вернуться? — болотник насмешливо покосился на мага.

Мычка повел руками вокруг, сказал напряженно:

— Думаю, стоит поторопиться.

Все разом обернулись. С болота, следуя за ними по пятам, ползла стена мутной хмари.

Дерн нахмурился, произнес сурово:

— Поднимаемся.

Зола со стоном пошевелился, пробормотал:

— Опять...

— Пока туман не нагнал, нужно постараться выйти к деревне болотников, — поторопил

Дерн.

Насупившись, Шестерня всмотрелся в приближающуюся дымку, что уже закрыла половину болота, спросил со страхом:

— Эта мгла опасна?

— Мгла — нет, но твари, что скрываются за ней — очень, — успокоил его болотник. — Больше вопросов нет? Тогда живее. И я очень надеюсь, что мы успеем выйти к деревне раньше, чем нас накроет туман.

Повторять дважды не пришлось. Опасливо оглядываясь, наемники заспешили, уходя от настигающей мглы. Едва они сдвинулись с места, Мычка сделал неловкое движение, и ушел под воду с головой. Его вырвали, поволокли, одуревшего и намокшего.

Болотные растения облепляли тела, не давая двинуться, ноги проскальзывали в грязи, а туман неумолимо надвигался. Дерн оглядывался все чаще, подгоняя друзей чуть ли не пинками, хотя видел, что и без того измученные, спутники двигаются из последних сил.

В серой мгле стали все чаще мелькать смутные тени. Случайно обернувшись, Шестерня увидел в нескольких шагах, позади, блеснувшие ядовито-зеленым глаза. Шарахнувшись от наваждения, пещерник разом обогнал товарищей почти на полкорпуса.

Туман неуловимо надвигался, захватывая путников в кольцо. Сзади и по сторонам уже колыхалось сплошное марево, в котором что-то заунывно вздыхало и тяжело ворочалось, лишь впереди еще оставался чистый от испарений участок, но и он постепенно бледнел, подергивался дымкой.

Путники уже ощущали, как на их шеях смыкаются чьи-то голодные челюсти, когда Дерн вытянул руку вперед, воскликнул:

— Быстрее! Если мы успеем до того забора прежде чем...

Он не договорил. За спинами раздался чудовищный рев. Почва под ногами зашаталась, а в ноздри ударила волна смрада. Истерически завизжав, наемники вылетели за возникший прямо перед глазами позеленевший забор, застыли с оружием в руках, не сразу сообразив, что под ногами твердая почва.

Выйдя последним, Дерн критически осмотрел спутников, и опустил на землю, оперевшись о ненадежную конструкцию спиной.

У Шестерни глаза полезли на лоб, когда он увидел, как преспокойно болотник расположился на отдых. Преодолевая сильнейшее желание бежать дальше, пещерник спросил:

— Ты уверен, что эта изгородь достаточно прочна, чтобы защитить нас от того, кто прячется в тумане?

Вместо Дерна ответил Зола. Внимательно оглядев укрепленные на изгороди пожелтевшие кости и невзрачные серые камушки, он произнес:

— Я чувствую незнакомую, но сильную магию.

Себя опустила кинжал, сказала с сомнением:

— Возможно, болотники используют нечто подобное нашим защитным заклинаниям.

— Похоже на то, — Зола окончательно перестал обращать внимание на происходящее за оградой, — только здесь защита настроена избирательно и задерживает исключительно опасных обитателей болота.

Все еще опасливо поглядывая на беснующиеся в тумане тени, Шестерня произнес:

— Защита от болотных тварей, это хорошо, но как быть с обычными врагами?

Отдышавшись, Дерн поднялся, ответил отстраненно:

— А они сюда не доходят.

— Ну мы же дошли? — упорно возразил пещерник.

Окинув взглядом, поуши измазанного в грязи, Шестерню, Мычка сказал насмешливо:

— И много бы ты навоевал, попадись нам не хлипкая ограда, а хотя бы один болотник с рогатиной?

Несмотря на магическую защиту, сдерживающую невидимых тварей, лучше самого прочного забора, все вздохнули с облегчением лишь отойдя от изгороди на порядочное расстояние. Похоже, магический заслон останавливал не только чудовищ, клубившийся на болоте туман, удивительным образом, не проникал через редкие колышки, примкнув вплотную к изгороди, серая марь волновалась, как живое существо, вспухала отростками-щупальцами, словно сожалея об упущенной добыче, но, не в силах сдвинуться, бессильно опадала белесыми клочьями.

При каждом шаге почва под ногами чуть слышно поскрипывала и ощутимо проседала. Мычка некоторое время прислушивался к ощущениям, наконец, взглянул на Дерна, поинтересовался:

— Мне кажется, или мы идем по древесному настилу?

Болотник кивнул, сказал коротко:

— Безопасно передвигаться здесь можно только так.

— А что под ним? — осторожно уточнила Себя.

Дерн пожал плечами, произнес отстраненно:

— Может слой грязи, а может и бездонная топь.

Настил закончился, и путники с облегчением ощутили под ногами твердую землю. Порядком стемнело, но дорогу освещали фонари, расставленные вдоль едва заметной тропы каждые два-три десятка шагов. Присмотревшись к одному из фонарей, висящему почти над тропой, Мычка удивленно присвистнул, под тонкой прозрачной корой, искусно оплетенной молодыми веточками во множестве роились светящиеся точки, создавая удивительно мягкий, желтоватый свет.

Склоняясь к тропе, из тьмы тянулись перекрученные ветви почерневших деревьев, вместо листьев на трухлявой коре влажно поблескивали толстые слизи, а в переплетении крон, то и дело, слышалось подозрительное шуршание, да сверкали красные точки глаз.

На очередном повороте чаща расступилась, едва видимые в наступающем сумраке, обозначились первые дома. При виде деревни Дерн тепло улыбнулся, а остальные в изумлении вытаращили глаза, приглядываясь к необычным конструкциям. Небольшие квадратные хижины вознеслись над землей на высоту копыя, а некоторые и того выше.

Подземница деловито окинула взглядом ближайший дом, сказала с одобрением:

— К такому жилищу ни хищнику не подобраться, ни воде.

— А по мне, так излишние предосторожности, — покачал головой Шестерня. — Это ж

сколько усилий, каждый раз на такую высоту забираться!

В деревне горели костры. Вокруг, подсвеченные ярким пламенем, недвижимо застыли могучие воины, начисто выбритые головы украшены рисунками, на плечи наброшены теплые шкуры, руки умиротворенно сложены на коленях, рядом с каждым тяжелая рогатина из тщательно оструганного древесного ствола.

От ближайшего костра поднялась фигура, шагнула навстречу, превратившись в уже знакомого болотника. Окинув взглядом гостей, он с удовлетворением произнес:

— Что ж, вы лишний раз доказали, что достойны посетить наше племя. Хотя, честно говоря, давая вам разрешение, не думал, что отыщите.

— Это почему же? — Шестерня молодецкато подбоченился. — Или нас должны были отпугнуть те болотные черви, что ползают возле вашей ограды?

Воин некоторое время непонимающе смотрел на пещерника, его глаза полезли на лоб, преисполнившись уважения, он произнес:

— Вы встретили немигающих ползунов и остались живы?! Тогда вы воистину великие воины, и я немедленно проведу почетных гостей к костру шамана. Следуйте за мной.

Глядя, как болотник удаляется широким шагом, Зола задумчиво произнес:

— Что-то я не припомню, чтобы мы встречали каких-то ползунов.

Себя хихикнула, произнесла чуть слышно:

— Тем лучше. Почет лишним не бывает.

Мычка нагнал болотника, осторожно поинтересовался:

— Прости, любезный, но... не слишком ли мы испачкались, чтобы предстать перед взором шамана?

Воин окинул вершинника удивленным взглядом, ответил с достоинством:

— Грязь не несет урона чести.

Костер шамана оказался не в центре деревни, как предположил Зола, а на отшибе. Покрытая огромной шапкой топорщащихся веточек, хижина, в отличие от прочих, расположилась прямо на земле.

Оставив гостей неподалеку от костра, провожатый подошел к хижине, несколько раз осторожно стукнув, замер в почтительном ожидании. Некоторое время ничего не происходило, затем раздались шаркающие шаги, в дверном проеме возникла фигура шамана. Мельком взглянув на пришедших, он молча прошел к костру, неторопясь присел, протягивая руки к теплу и задумчиво глядя в голубоватые языки пламени, сказал негромко:

— Мир вам, путники. Я ждал вас. Присаживайтесь к огню, разговор предстоит долгий.

Переглянувшись, наемники расположились вокруг костра. Покосившись на замершего возле хижины болотника, шаман коротко кивнул, и воин неслышно растворился в тени.

То один, то другой, путешественники исподволь рассматривали шамана: дряблая, словно спеченое яблоко, кожа, сгорбленная фигура, едва заметное дрожание рук. Сидящий перед ними болотник казался таким же древним, как склонившиеся над хижинкой мертвые деревья, но не смотря на возраст, глаза старика остались ясными, взор цепким, а пушистая шкура диковинного зверя не скрывала размаха плеч, свидетельствующих о былой недюжинной силе. Шаман непрерывно перебирал свешивающиеся с шеи амулеты, а его губы непрестанно шевелились, будто даже сейчас, сидя в окружении незнакомцев, он продолжал общаться с духами.

ГЛАВА 13

Прислушиваясь к удаляющимся шагам охотника, Мычка поинтересовался:

— О нашем появлении тебя предупредили воины племени?

— Духи сказали мне.

— Что еще тебе сказали духи? — раздраженный затянувшимся молчанием, излишне резко поинтересовался Зола.

Казалось, старец не заметил дерзости, ответил ровно:

— На болоте беспокойно. Вы ухитрились разбудить даже самых древних обитателей трясины, вызвав их гнев и раздражение.

Дерн укоризненно взглянул на мага, произнес примиряюще:

— Прости моих друзей, они никогда не были в болотах.

— Скорее стоит просить за себя, — шаман покосился на Дерна, — ты должен был быть осторожнее.

Признавая вину, Дерн склонил голову, сказал тихо, но твердо:

— Я признаю, но мы идем уже давно, и слишком измучены, чтобы соблюдать все правила.

Шаман кивнул, сказал со вздохом:

— Молодость предпочитает силу разуму, даже несмотря на опасность. — Помолчав, неожиданно спросил: — Мне сказали, вы направляетесь на равнины. Это правда?

Предупреждая, Зола покачал головой, но Дерн прямо ответил:

— Это так. — Добавил, глядя на товарищей: — Скрывать нет смысла, шаман чует ложь.

Ожесточенно расчесывая зудящую от грязи спину, Шестерня брякнул:

— А у почтенного шамана есть имя? Да и нам не мешало бы назваться.

Старец вскинул на пещерника глаза, в них на мгновение промелькнули веселые искры, но тут же вновь перевел на огонь, сказал рассудительно:

— Ваши прозвища мне ни к чему, а мое имя неназываемо. Но мы ушли от темы. Мне было бы интересно узнать, с какой целью вы идете в места, где нет и не может быть жизни?

Услышав последние слова, Зола вздохнул, сказал устало:

— Прости, многомудрый, но я уже устал оттого, что каждый встречный уличает нас во лжи, и рассказывает об ужасных бедах, якобы происходящих на равнинах.

— И что же тебя смущает? — глаза шамана блеснули из-под кустистых век.

— Да то, что мы живем на этих самых равнинах, но даже не слышали о чем-то, хоть отдаленно похожем!

Себя, рассматривающая шамана из-под полуопущенных ресниц, напряглась, ожидая вспышки гнева, но старый болотник лишь покачал головой, сказал со вздохом:

— Значит, земля залечила раны.

Дерн быстро произнес, не позволяя Золе вставить слова:

— Великий, мы бьемся над разгадкой тайны уже давно, но не в силах найти ответ. Не сочти за труд, помоги советом.

Воцарилось молчание. Затаив дыхание, путешественники терпеливо ждали, но шаман молчал, прикрыв глаза, он ушел глубоко в себя, застыв недвижимой глыбой. Когда стало казаться, что старец просто уснул, он неожиданно заговорил:

— Когда-то давно, так давно, что даже легенды об этом уходят во тьму, люди достигли небывалого величия. Они строили огромные города и создавали удивительные механизмы. Знания о мире в то время достигли небывалых вершин, и у природы не осталось от них тайн, — он замолчал, восстанавливая дыхание.

Воспользовавшись паузой, Себя спросила:

— Но... где эта великая цивилизация?

Словно не услышав, шаман продолжил:

— Используя накопленные знания, люди создали ужасающее оружие. В стремлении к власти, они бросили вызов богам, но боги лишили их разума, и оружие обратилось против своих создателей. Произошла война, равной которой не было до тех пор и ни когда больше не будет.

В распахнутых глазах Золы мелькнуло понимание, он прошептал возникшие в памяти слова:

— Низины пропитаны ядом. Тварь ли, человек, попавшая в эти гиблые места, вскоре умирает в страшных муках. С небес там падает черный пепел, а земля сожжена в пыль...

Шаман покосился на мага, одобрительно кивнул:

— Я вижу ты знаешь легенду...

— Лишь эти строки, — покачал головой Зола. — Но что же произошло потом?

Шаман пожал плечами, сказал задумчиво:

— Этого мне знать не дано.

Мычка замедленно произнес:

— Везде, где мы до этого были, нас предостерегали от равнин...

Шаман кивнул, произнес устало:

— Память о тех временах утрачена, но кое-что сохранилось, обросло легендами, и теперь уже не разобрать, где правда, а где вымысел.

Видя, что голова старца клонится на грудь, Дерн поспешно встал, сказал с поклоном:

— Благодарим тебя, Великий. Сон сковывает нам веки, а тела требуют отдыха. Если позволишь, мы переночуем в деревне, а с утра, как только небо окрасится светлым, уйдем.

Себя, с трудом сдерживаясь, чтобы тут же не начать избавляться от грязи, что, подсохнув, вызывала в коже невыносимый зуд, с натянутой улыбкой поинтересовалась:

— И мы будем очень обязаны, если ты укажешь, где можно смыть с себя эту ужасную грязь.

Услышав слова подземницы, Дерн схватился за голову, но шаман, на мгновение вынырнув из дремоты, ответил:

— На краю деревни есть священный источник, можете омыть в нем лица.

Опасаясь, как бы спутники не брякнули еще чего, Дерн быстро попрощался и едва не силой потащил друзей к деревне.

Священный источник обнаружился неподалеку. Небольшое, кристально чистое озерцо застыло в окружении нескольких огромных камней, взявшихся непонятно откуда среди топкого болота.

Увидев воду, Себя произнесла:

— Возможно, тут принято оmyвать только лица, но я умру, если прямо сейчас не смою с себя грязь, — не обращая внимания на ошарашенные взоры спутников, девушка стремительно разделась и вошла в озерцо.

Глядя на расплывающуюся вокруг подземницы муть, Дерн пробормотал:

— Я очень сильно удивлюсь, если нас до восхода не выбросят из деревни...

Старая, успокаивающе потрескивали ветки, от огня тянуло умиротворяющим теплом. Разведенный неподалеку от прочих, костер согревал дыханием засыпающих наемников. Шестерня блаженно щурился, засунув лицо едва не в самое пламя, Мычка вяло перебирал стрелы, придирчиво осматривая наконечники, откинувшись на полено, Зола осторожно перелистывал страницы фолианта.

Под тяжелым шагом хрустнула веточка. Себя, казалось, за мгновение до этого спящая глубоким сном, приоткрыла глаз, покосившись на подошедшего Дерна, спросила негромко:

— О чем говорят в деревне?

Сосредоточенно ковыряясь в зубах огрызком кости, болотник произнес:

— Я беседовал с местными... Надо отдать должное Шестерне — после намека на ползунов, нас всерьез зауважали.

Не открывая глаз, пещерник буркнул:

— Я им еще много чего могу рассказать. Подумаешь, болотные черви.

Дерн покачал головой, сказал в тон:

— Насколько я понял, на этих тварей они изредка охотятся... Всей деревней. Так что нам, как великим охотникам, с утра выдадут провожатых.

— Это еще для чего? — мгновенно проснувшись, насторожено поинтересовался Шестерня.

Дерн успокаивающе похлопал пещерника по плечу, сказал с улыбкой:

— Нет, нет, нас не заставят ловить гигантских червей. Это, скорее, показатель признания.

Зола на мгновение оторвался от книги, глядя поверх страниц, сказал ворчливо:

— Хорошо бы это не вышло нам боком.

Мычка отложил колчан со стрелами, спросил удивленно:

— А что плохого может быть в проводниках?

— В проводниках ничего, а вот в идущих за ними отрядах — очень даже, — недовольно произнес маг.

Вспомнив неожиданное нападение вершинников, Мычка нахмурился, но Себя возразила:

— Там все стало понятно, едва старейшины зашли в таверну.

— Так уж и все? — едко поинтересовался Зола.

— Если не все, то большая часть точно, — твердо ответила подземница. — Но здесь все по-другому. Я не почувствовала в шамане подозрительности. Такое впечатление, что ему вообще чужды заботы племени, настолько он далек от окружающей суеты.

Дерн покачал головой, сказал с убеждением:

— Шаман очень много делает для народа, больше, чем об этом знают даже живущие поблизости. Но ты права, обычно он погружен в мир духов, и его действительно мало заботят обычные дела. Я вообще удивляюсь, почему он уделил нам столько времени.

— Он же сказал, что мы навели шороху в болоте, — самодовольно произнес Шестерня.

— Это-то меня и беспокоит, — вздохнул болотник.

Повернувшись к огню спиной, Дерн прилег на бок и мгновенно уснул. Остальные последовали его примеру, лишь Зола, преодолевая усталость, продолжал всматриваться покрасневшими глазами в ровные ряды строчек, заполняющих пожелтевшие страницы древнего фолианта.

С утра, когда небо еще только-только посветлело, а тонкий серпик луны победно сиял в окружении тусклых звезд, Дерн разбудил товарищей. Зевая и потягиваясь, наемники быстро собрали вещи, и, то и дело спотыкаясь со сна, побрели к краю деревни. Едва из виду скрылся последний дом, из кустов неслышно выступили двое болотников. Отсалютовав рогатинами, они двинулись впереди отряда, прокладывая путь.

Двигаясь по насыщенным влагой зарослям, путешественники вскоре пришли в себя. Одежда быстро намокла, а подсыхая за ночь грязь вновь раскисла, растеклась по телу отвратительной вязкой массой. Из всех, не испытывала отвращения только подземница, смывшая с себя большую часть грязи в священном водоеме, да Дерн, остальные, то и дело, сдавленно чертыхались, поминая болото жуткими ругательствами.

Наконец, ночь нехотя отступила, во тьме прорисовались силуэты деревьев, а под ногами тускло засверкали лужицы черной воды. Наемники вздохнули свободнее. Даже Дерн, привыкший к подобным путешествиям, предпочитал без крайней нужды не бродить по гиблым местам в темное время.

Незаметно напоз туман, но, в отличие от серой дымки, что преследовала путешественников вчера, белесая завеса не вызывала опасений. Поднялось солнце, и туман рассеялся, не оставив следа, а перед замершими в изумлении путниками открылась невероятная картина. Впереди, насколько хватало глаз, из зеленого месива торчали покрытые бурыми натеками обломки стен, щетинившиеся проржавевшими металлическими прутьями, а вдали, подавляя размерами, возвышалась исполинская серая башня.

ГЛАВА 14

Глядя на монолитные стены чудовищного строения, Себя передернула плечами, а Мычка опасливо пробормотал:

— Не нравится мне это место.

Замершие неподалеку, проводники о чем-то негромко совещались, пребывая в явном затруднении. Нахмурившись, Дерн было двинулся в их сторону, но болотники подошли сами. Один из них, крупный мужчина с тяжелой челюстью и прямым взглядом, гулко пророкотал:

— Туман спутал дорогу, и мы ушли в сторону.

Второй, такой же могучий, но, судя по открытому лицу и пытливому взгляду, совсем молодой, добавил с улыбкой:

— Но это не страшно, просто придется идти немного быстрее, чтобы до темноты успеть обойти Лабиринт.

Шестерня взглянул на болотников, спросил с непониманием:

— Какой лабиринт? И для чего его нужно обходить?

Охотники одновременно кивнули на остатки стен, произнесли в голос:

— Это и есть Лабиринт.

Прищурившись, Зола посмотрел на обломки, поинтересовался:

— И как давно это здесь появилось?

Младший пожал плечами, ответил:

— Лабиринт был здесь всегда. Правда... — он помялся, добавил неохотно, — раньше он выглядел по-другому.

— Как именно? — маг впился в болотника взглядом.

Тот растеряно посмотрел на товарища, ответил, понизив голос:

— Когда-то здесь была огромная, выступающая над водой, каменная поляна, где не росли ни травы, ни деревья, и даже звери обходили это место стороной. Однажды земля задрожала, и пришедшие сюда охотники с изумлением увидели, что поляны больше нет, а на ее месте остались лишь эти странные обломки.

— А в какую сторону нам нужно? — невпопад спросил Мычка.

— Нам нужно туда, — старший охотник указал рукой за развалины, где, едва заметный в утренней дымке, чернел далекий лес.

Себя с удивлением поинтересовалась:

— Так в чем сложность? Тут же совсем близко. К полудню, а то и раньше, достигнем нужного места.

Болотники переглянулись, старший хмуро ответил:

— По прямой — действительно намного ближе, даже, не смотря на стены, что значительно замедляют передвижение. Но... это плохое место.

— Чем же оно плохо? — Дерн взглянул охотнику в глаза.

Тот обронил тяжело:

— Все, кто уходил в Лабиринт, рассчитывая выведать его тайны, или просто сокращая дорогу, навсегда исчезали.

Подчеркнуто отстраненным голосом Зола поинтересовался:

— Вы отправляли в развалины целые отряды?

Болотник непонимающе воззрился на мага, сказал осторожно:

— Нет, как правило, это были одиночки.

Чувствуя, куда клонит маг, Мычка сказал предостерегающе:

— Но ведь охотники болота очень сильны даже по одиночке.

— Как бы ни был силен воин, ему никогда не сравняться с отрядом закаленных бойцов, — отрезал Зола. — Предлагаю пройти напрямую, потратим меньше времени, а заодно узнаем, есть ли там что-то страшное, или это все — плод буйной фантазии болотных жителей.

Было видно, что болотники колеблются, выбирая между обязанностью проводить гостей в сохранности и возможностью посетить таинственное место. Подталкивая проводников к решению, подземница вкрадчиво произнесла:

— А в качестве уважения за смелость мы преподнесем вам дар.

Подземница запустила руку в заплечный мешок, и перед изумленными взорами охотников замерцала таинственным светом магическая сфера. Болотники замерли, не в силах оторваться от волшебного зрелища, наконец, старший с трудом отвел взгляд, произнес резко охрипшим голосом:

— Это большая честь, ни у кого в нашем селении никогда не было такой вещи. — Он посмотрел на товарища, несколько мгновений напряженно размышлял, после чего твердо произнес: — Что ж, так и быть. Мы пройдем через Лабиринт.

Подмигнув Золе, подземница спрятала магическую сферу, и зашагала за проводниками, что решительно двинулись в сторону развалин. Следом за девушкой, сияя, заспешил Зола, за которым, с интересом поглядывая вокруг, пошел Шестерня. Лишь Мычка с Дерном не

разделяли всеобщего приподнятого настроения: двигаясь позади отряда, вершинник напряженно вслушивался в царящую над лабиринтом тишину, а болотник о чем-то сосредоточенно размышлял, то и дело, поглядывая на возвышающуюся неподалеку громаду серой башни.

Стены образовали причудливые проходы, заставляя то и дело сворачивать, а порой и возвращаться назад. Устав петлять, Мычка попытался взобраться на одну из стен, чтобы сверху осмотреть путь, но едва подтянулся, зацепившись руками за искрошенный край, как плита треснула, и с гулом осела, едва не похоронив смельчака под грудой обломков. Вершинник спасся лишь чудом, в последнее мгновение рванувшись в сторону.

Бредя по колению в воде, путешественники ставили ноги с осторожностью, скользкое дно во множестве усеивали острые камни, а в некоторых местах, заметные издали, чернели глубокие провалы.

Солнце поднялось выше, начало припекать головы, но внизу, по-прежнему, царила прохлада, замшелые стены прогревались медленно, с неохотой напитываясь живительным теплом, и каждый раз, проходя через затененные участки, путники невольно ежились, ощущая сырое дыхание глубинной части лабиринта.

Осторожно обогнув очередной провал, чернеющий под водой хищной пастью, Себя поинтересовалась у идущего рядом проводника:

— Вам никогда не было интересно, кто построил все это?

Тот ответил не задумываясь:

— Это остатки древней цивилизации. — Отвечая на удивленный взгляд подземницы, пояснил: — Шаман рассказывал, что когда-то мир был совсем другим, и населяющим его существам было несложно построить то, о чем сейчас и подумать страшно.

Второй проводник откликнулся эхом:

— В разных частях болота до сих пор можно встретить остатки удивительных сооружений. Некоторые почти полностью ушли под воду, другие, как вот это, — он обвел рукой вокруг, — по-прежнему стоят на поверхности.

— И все они также опасны, как Лабиринт? — ехидно поинтересовался Зола.

Проводник уже было открыл рот для ответа, но вдруг застыл. На его лице возникло странное выражение, словно он пытался вспомнить нечто очень важное, но никак не мог. С его напарником творилось то же самое. Охотники завертели на месте, лихорадочно оглядываясь по сторонам, затем, словно сговорившись, устремились вперед, по очереди скрывшись в разломе стены.

С удивлением переглянувшись, наемники устремились следом. Сперва никто не понимал в чем дело, охотники двигались быстро и на вопросы не отвечали, но вскоре лихорадочное возбуждение овладело и остальными. У каждого возникло непреодолимое желание идти, как можно быстрее, казалось, впереди ожидает нечто необычное, и настолько важное, что хотелось бежать, лететь, мчаться стремглав, только бы не упустить нечто, что бывает лишь однажды.

Грохоча и вспенивая воду, отряд вырвался из тесного переплетения коридоров. Впереди открылась просторная затопленная площадка. Недвижимая водная гладь манила прохладой, приглашая расслабить уставшие мышцы, а в центре, переливаясь всеми цветами радуги, колыхался огромный бутон. Тонкие лепестки чуть заметно дрожали, не позволяя отвести взгляд, дивный аромат будоражил обоняние, а над бутоном, в прозрачном воздухе, переливаясь перламутром, замерли пылинки.

Путники на мгновение остановились, пораженные, но ноги помимо воли уже несли их к чудесному созданию. Ушей коснулась чарующая мелодия, а в груди защемило от счастья, ведь они могли пройти мимо, не обратив внимания, попросту не заметить этого чуда, от одного соседства с которым, душа погружалась в бездны счастья, наслаждаясь неземным покоем и умиротворением.

Один из проводников протянул руки к удивительному созданию, в безумном желании слиться с волшебным существом в бесконечном экстазе. Словно повинувшись его желанию, лепестки мягко раздвинулись, в теле бутона возникла щель, шелковистые губы разошлись, протаяла кроваво-красная сердцевина, испещренная фиолетовыми жилками ткань истекали соком, завораживали взгляд мерным колыханием.

Со счастливым вздохом охотник сложил руки на груди, и шагнул в щель, ставшую к этому времени достаточно большой, чтобы пропустить могучего болотника. Цветок содрогнулся, испещренные сосудами стенки сократились, а лепестки задрожали, словно в экстазе. Второй охотник последовал за товарищем, и вновь дрожание лепестков и удовлетворенное содрогание.

Чудесный запах стал сильнее, музыка пронзала пространство, а в груди бушевал огонь от предвосхищения неземного счастья, когда в одурманенном сознании Зола промелькнула беспокойная мысль. Маг тряхнул головой, отгоняя, но мысль возникла вновь, усилилась, засвербела болезненной занозой. Что-то не давало покоя в идеальных очертаниях цветка, какое-то смутное несоответствие. Зола сместил глаза чуть в сторону, с трудом сфокусировал взгляд, мысли шевелились с трудом, словно приходилось ворочать пудовые мешки. Из стеблей, сквозь тонкие волнующиеся нити, пристально смотрели глаза, а в них...

В голове протаяли смутные строчки далекого знания. Пробиваясь сквозь вязкую одурь, Зола забормотал:

— Крестообразные зрачки, крестообразные зрачки, кресто...

Волшебная пелена разом спала, исчезла музыка, угас пульсирующий в сердце жар, сменившись ледяной глыбой, на мага в упор, не мигая, смотрели огромные глаза, где, в бездонной глубине крестообразных зрачков, затаилась смерть. Глядя на Шестерню, что, опередив товарищей, уже сложил руки на груди, готовясь погрузиться в пучину блаженства, Зола дико зарычал, ударил посохом наотмашь, вложив в движение очистительную силу огня.

Запахло паленым, обугливаясь, свернулись лепестки, распространяя омерзительный смрад, брызнула зеленая сукровица. Приходя в себя, спутники затрясли головами, Шестерня дико вскрикнул, обнаружив перед собой распахнутый зев с множеством покрытых острыми щетинками язычков, отпрыгнул в сторону.

— Что за демон? — прошептал Дерн, разглядывая распахнутыми глазами чудовище.

— Назад! — громогласно прорычал Зола, замедленно отступая. — Существо подавляет волю. Не дайте ему...

Маг не договорил, из воды разом взметнулись десятки усаженных присосками щупалец, хватая ускользающую добычу. Забилась скрученная по рукам и ногам подземница, схватившись за шею захрипел Мычка, оплетенный множеством зеленых стеблей-лап упал на колени Шестерня.

Дерн сбросил с плеч котомку, одним движением разорвал несколько тонких щупалец, не глядя на мага рывкнул:

— Освободи Шестерню, я возьму остальных...

Зола быстро оценил обстановку. Перивитого щупальцами, словно опутанную паутиной

муху, Шестерню неотвратно влекло в пасть, что теперь больше напоминала небольшую пещеру. Прищурившись, маг метким огнешаром пережег большую часть зеленых отростков. Освободившись, пещерник опрометью кинулся подальше от жадной глотки, оглашая воздух воплями ужаса.

Дерн не терял времени даром, и вскоре Себя и Мычка уже стояли плечом к плечу, размахивая ножами столь стремительно, что лапы-стебли летели в разные стороны мелкими опметками. Вымещая страх, Шестерня, что есть силы, размахивал секирой, взметая тучи брызг и окатывая водой и без того мокрых товарищей.

В организованном порядке, то и дело срезая тянущиеся щупальцы, наемники отступили. Чувствуя, что добыча вот-вот ускользнет, удивительный цветок издал тонкий, режущий по ушам визг, и короткими рывками двинулся следом.

Глядя на нескладные попытки чудовища, Шестерня оскалился, крикнул зло:

— Иди, иди, мешок с грязью, отведай пещерной стали!

Покосившись на пещерника, Дерн покачал головой, сказал напряженно:

— Не лучше ли уйти, пока не...

— Пока не что? — раздраженно перебил Шестерня. — Меня эта тварь напугала чуть не до икоты, я жажду мести.

— Я тоже за то, чтобы отойти, — задушено прохрипел Мычка, дотронувшись до посиневших отметин на шее.

— А я за то, чтобы расчленив эту тварь самым ужасным способом! — глаза подземницы пылали ненавистью.

Покосившись на озлобленную девушку, Зола осторожно произнес:

— Похоже, животное обезоружено. Если не подходить близко, можно попытаться...

По ушам вновь стеганул тонкий визг. Маг перевел взгляд на чудовище, и ощутил, что ноги становятся ватными. Продолжая тонко визжать, тварь увеличивалась на глазах. Над водой, облепленное водорослями и грязью, поднималось бесформенное тело, одновременно раздаваясь в стороны.

Ошарашено глядя на чудовище, Шестерня пробормотал:

— Однако, оно чуть-чуть больше, чем я предполагал.

— Чуть-чуть? — нервно усмехнулся Дерн. — Уж не знаю, какими мерами пользуются пещерники, но по-моему, оно чудовищно большое.

Мычка резко сорвал с плеча лук, одну за одной выпустил в чудовище несколько стрел, но лишь обескуражено выдохнул. Тонкие древки целиком погрузились в мягкую колышущуюся плоть, не причинив существу сколько-нибудь видимого вреда.

Лихорадочно озираясь, Зола нервно пробормотал:

— Я не знаю, насколько животное велико, но нужно срочно что-то делать.

Наемники растеряно переглянулись. Себя решительно сунула руку в свой заплечный мешок и одним движением выхватила прозрачную бутылочку, выточенную из цельного куска горного хрусталя, внутри бутылки вязко колыхалась маслянистая жидкость. С величайшей осторожностью вытащив пробку, подземница взглянула на вершинника, быстро произнесла:

— Смажь наконечники стрел. Это может помочь.

Пока Мычка лихорадочно окунал стрелы в бутылочку и тут же посылал в чудовище, Дерн настороженно принохивался. Когда последняя стрела исчезла, погрузившись в безразмерную тварь, а девушка спрятала бутылочку, болотник сказал с уважением:

— Черная желчь — сильнейший из известных ядов, что изготавливают подземники.

Себя коротко кивнула, произнесла скороговоркой:

— Чутье делает тебе честь, но прежде чем яд подействует, нужно не дать себя убить.

Повернувшись, наемники ринулись в ближайший проем, моля богов лишь об одном, чтобы коридор не кончился тупиком. Земля дрогнула, затхлая вода лабиринта колыхнулась, со стен ручейками посыпалась пыль. Не останавливаясь, Мычка обернулся, глаза вершинника в ужасе расширились, а лицо побледнело, позади, возвышаясь над стенами лабиринта почти втрое, виднелось воплощение ночных кошмаров, буро-зеленый мясистый холм, облепленный множеством тонких плетей-щупалец, вздрагивающих в такт движениям, огромными скачками догонял беглецов. Встающие на пути чудовища стены с грохотом разлетались, словно были сделаны из трухлявого дерева, при каждом прыжке жуткого существа земля содрогалась так, что было сложно устоять, а брызги мутной воды вперемешку с дурнопахнущей слизью выстреливали далеко вокруг.

Перепрыгнув маячащее под водой темное пятно провала, Себя резко крикнула:

— В сторону!

Едва успев притормозить, спутники рванулись за подземницей, шмыгнувшей в небольшую щель в стене. Воздух задрожал от рева. Потеряв добычу из вида, чудовище заметалось, кроша все вокруг. Стена, за которой на время спрятались наемники, пошла трещинами. Глядя, как прямо на глазах крошатся позеленевшие плиты, оседая в воду целыми пластами, Шестерня попятился, отгаскивая спутников следом за собой.

Едва они отошли на безопасное расстояние, не выдержав непрерывного сотрясения почвы, стена обрушилась. Обнаружив спрятавшихся беглецов, чудовище испустило вопль-визг и огромным прыжком сократило расстояние на треть. С трудом уворачиваясь от падающих отовсюду обломков, Дерн прокричал:

— Тварь нужно отвлечь. Еще немного, и мы переломаем ноги, или будем раздавлены стенами!

— Нужно разделиться, — предложил Мычка.

Но прежде чем вершинник скользнул в сторону, Шестерня воскликнул, указывая рукой на чудовище:

— Оно подышает!

Все одновременно повернули головы. Вглядевшись пристальнее, Дерн пробормотал:

— Мне кажется, или с животным что-то не так?

Следом за болотником странность в поведении твари заметили и остальные. Вместо того чтобы преследовать беглецов, существо слепо кружилось на месте, испуская жуткий рев и содрогаясь всем телом. Зола с надеждой спросил:

— Может, это начал действовать яд?

Присмотревшись внимательнее, Себя сказала:

— Возможно... Хотя это должно выглядеть немного по-другому.

Чудовище ревело все громче, огромное тело хаотично металось из стороны в сторону, превращая окружающие развалины в ровное месиво из грязи и мутной воды, из распахнутой пасти сочилась вязкая слизь, а тонкие щупальца, растущие по всему телу частыми пучками, повисли безжизненными плетями.

Мясистые наросты на боку твари вспучились, возникла уродливая шишка, плоть на глазах рвалась и проваливалась, казалось, нечто пожирало существо изнутри. Взметнув фонтан осклизлых ошметков, из раны высунулось острое, дернулось, расширяя рану.

— Так это же!.. — Шестерня запнулся, не в силах поверить в увиденное. Взмахнув

секирой, пещерник бросился к чудовищу, крича что есть мочи: — Держитесь, помощь близка!

Зола потрясенно прошептал:

— Они живы. Но, как это возможно...

Из развороченной плоти, облепленная мутной слизью, наружу тянулась рука с зажатым в кулаке коротким кинжалом. Один за другим наемники устремились к чудовищу, цепляясь за щупальца, как за веревки, взлетели вверх.

Почувствовав нападающих, тварь заметалась сильнее, но наемники, словно озверевшие псы, держались крепко, с каждым движением вгрызаясь в податливую плоть: размахивая мечами так, что тонкие лезвия размазывались в воздухе, бил Мычка, с уханьем рубил секирой Шестерня, короткими точными движениями Себя нарезала плоть огромными кусками, а Дерн вырывал клочья мяса голыми руками. Лишь Зола не участвовал в кровавой потехе, отвлекая чудовище от друзей, маг часто бил огнешарами, время от времени уклоняясь, когда обезумевшее от боли животное кидалась в его сторону.

Движения чудовища замедлились. Прыжки становились все реже, пока не прекратились совсем. Из огромных ран широкими потоками стекала бледно-зеленая слизь. Могучий рев сменился жалобным писком, что, в свою очередь, истончился и затих. В пылу боя наемники некоторое время терзали еще теплый труп, пока, спрыгнув на землю, Шестерня несколькими ударами не расширил отверстие в боку, откуда, вперемишку с сизыми внутренностями, вывалились оба проводника.

ГЛАВА 15

Осмотрев полумертвых болотников, покрытых огромными волдырями, Дерн поспешил за котомкой, остальные столпились возле, возбужденно поглядывая на поверженное чудовище. Окинув взглядом остывающую грудку мяса, Шестерня сказал с удивлением:

— Где эта тварь пряталась?

Мычка хмуро сказал:

— Гораздо важнее, как мы вообще оказались возле нее. Кто-нибудь помнит, что произошло?

Аккуратно обтерев кинжал пучком водорослей, Себя развела руками:

— Я помню лишь уносящие в страну грез чудесные ведения. А потом раздался крик.

Накладывая на тела проводников прозрачную густую пасту, Дерн сказал задумчиво:

— Я тоже упустил момент, когда мы сбились с пути. Лишь вопль Золы... — он поднял глаза на мага, спросил удивленно: — Как ты вообще догадался?

Зола сказал замедленно, все еще не в силах отвести взгляд от чудовища:

— В деревне, на привале, я читал найденную Себией книгу. Там как раз описывалось, что твари с крестообразным зрачком обладают способностью подавлять волю.

— Но почему ты не поддался очарованию? — поинтересовался Шестерня.

Зола потупил голову, сказал печально:

— Я поддался. Но, похоже, впечатления от прочитанного оказались настолько сильны,

что помогли выстоять.

Вглядываясь в застывшие глаза-блюдца с крестообразными зрачками, Мычка покивал, сказал негромко:

— Теперь понятно, как вожак обезьян, будучи совсем не похож на собратьев, управлял огромной стаей. Вот только... — он замолчал.

— Ты заметил что-то еще? — поинтересовалась подземница. — Говори скорее. Похоже, эти чудовища становятся неотъемлемой частью нашего путешествия.

Вершинник прошелся взад-вперед, разбрызгивая воду сапогами, сказал замедленно:

— У меня из головы не идет взгляд твари, что напала на меня в озере пещерников. Ведь у нее были точно такие же зрачки.

— Она же и так едва не сожрала тебя? — хмыкнул Шестерня. — Чего не ясно?

Мычка покосился на пещерника, сказал с сомнением:

— Это так. Но к чему было выпрыгивать из воды и рушить набережную, если существо способно парализовать волю? Животные не напрягаются без нужды.

— Значит не способно, — упрямо произнес Шестерня, — или способно, но далеко не каждое.

Закончив с болотниками, Дерн выпрямился, отряхнув руки, сказал негромко:

— Среди пещерников, что работают вокруг озера, распространена необычная болезнь. Паразитические черви, что живут в воде, и поселяются в мышцах ног... Мычка с Себией знают, о чем я говорю, — Дерн посмотрел на закивавших товарищей.

Шестерня насупился, произнес с обидой:

— Я вообще-то тоже пещерник, и успел пообщаться с местными жителями. Они об этом много говорили.

— А говорили они тебе, — спросил Дерн, пристально глядя на пещерника, — что мучимые невыносимой болью, рабочие порой не выдерживают, и бросаются в воды озера, чтобы покончить с муками?

Зола нахмурился, осторожно произнес:

— Ты хочешь сказать, что напавшее на Мычку животное тоже относится к разряду описываемых в книге тварей, и владеет способностью подавлять разум, но в отличие от остальных делает это несколько... своеобразным образом?

— Я хочу сказать лишь то, — Дерн закинул котомку за плечи, — что впредь нужно быть чуть более осторожными, и прислушиваться к легендам, что, как оказалось, возникают совсем не на пустом месте.

Зашевелились болотники, под действием чудодейственных мазей Дерна пришедшие в себя. Вид проводников был страшен, покрытая жуткими язвами, кожа висела клочьями, многочисленные мелкие раны кровоточили, а обожженные пищевыми соками конечности едва шевелились, чудовищно распухшие, словно охотники воровали мед из гнезда диких пчел.

Старший с трудом приподнялся, прошептал:

— Вы убили ужас Лабиринта, вы великие воины!

Младший добавил, не поднимаясь:

— О ваших подвигах будут слагать легенды. Но сперва мы должны исполнить долг, доведя вас до края Лабиринта, — он попытался подняться, но со стоном рухнул обратно в воду.

Глядя на обессиливших сородичей, Дерн покачал головой, Мычка нахмурился, а Себия

жестко произнесла:

— Вы едва способны двигаться, и лишь станете нам обузой.

Уловив замысел девушки, Зола чуть заметно кивнул, сказал сурово:

— Возвращайтесь в деревню. Мы снимаем с вас обязательства.

Старший охотник опустил голову, сказал с болью:

— Хоть это и горько признать, но я понимаю, что мы лишь задержим отряд, — он наклонился, помогая подняться напарнику, с трудом выпрямившись, добавил, — но не исполненный долг навсегда останется тяжким бременем на нашей чести. Если, когда-нибудь, вы вновь появитесь здесь, знайте, воины болота не забывают о долге.

Увидев, как подземница достает из заплечного мешка магическую сферу, младший замотал головой, прохрипел чуть слышно:

— Мы покроем себя позором, если возьмем дар, не выполнив обещанного.

Глядя, как поддерживая друг друга, проводники ковыляют в сторону деревни, Мычка с озабоченностью произнес:

— Дойдут ли?

Провожая соплеменников взглядом, Дерн ответил тихо:

— Дойдут. Чувство справедливости поможет им.

— А в чем справедливость? — прошептал Зола.

Дерн покачал головой, ответил задумчиво:

— У каждого она своя. Для воинов этой деревни справедливость в том, чтобы исполнить долг.

Почистив оружие, и убедившись, что чудовище окончательно погибло и не бросится в погоню, двинулись дальше. Шагалось легко, оставленный тварью широкий пролом значительно сократил дорогу, позволяя двигаться в нужном направлении, и не тратить время на рысканье по узким коридорам в поисках пути.

Дойдя до места, где началась погоня, ненадолго остановились. Вода на затопленной площадке давно успокоилась, а грязь осела, позволяя увидеть сквозь зеленоватую муть огромный зев черного пролома. Вглядываясь в темную бездну, Зола понимающе произнес:

— Теперь понятно, почему существо сперва показалось таким маленьким. Большая часть тела скрывалась в глубокой норе.

Опасливо косясь на провал, Шестерня прошептал:

— А не случится так, что там есть еще что-то? Мы стоим слишком близко...

Мычка покачал головой, сказал с сомнением:

— Вряд ли. Хищникам такого размера трудно прокормить даже себя, чтобы сбиваться в стаи.

Себя передернула плечами, сказала брезгливо:

— Я даже боюсь представить, на что способна стая таких существ.

Взглянув на девушку, Зола напомнил:

— Судя по тому, что написано в книге, это чудовища не из нашего мира, каким-то неведомым способом проникшие, и оставшиеся у нас навсегда. Поэтому, мы вряд ли встретим еще хоть одно, уже не говоря о множестве.

— Слава прародителю, — выдохнул Шестерня, — а то, я уж было, начал беспокоиться.

Обойдя провал по широкой дуге двинулись дальше. Сумрачная громада башни осталась позади, после произошедшего никто и не подумал заикнуться, чтобы подойти ближе, или, тем более, исследовать угрюмое строение. Лабиринт прошли без приключений, но все

вздохнули с облегчением, когда полуразрушенные стены остались позади.

Идти стало легче, болото постепенно высыхало, трухлявые комли исчезли, вместо них, то и дело, попадались небольшие группки зеленеющих деревьев, а чахлые кустики сменились молодой древесной порослью. Теплый ветер, то и дело, доносил до ноздрей сладкий запах разнотравья, что указывало на несомненную близость открытого пространства.

Опередив остальных, Шестерня взобрался на вершину небольшого холма, радостно заорал, замахал руками. Поднявшись следом, Мычка замер, широко улыбнувшись, втянул воздух полной грудью. Вскоре подоспели и остальные, остановились, глядя на открывшийся простор. Впереди, насколько хватало глаз, расстилалась степь. По мохнатому зеленому ковру ветер катил мягкие волны, огибающие редкие рощицы — небольшие островки в царстве бесконечного разнотравья.

Себя во все глаза смотрела на невиданный до селе простор. Выплескивая переполняющие эмоции, девушка воскликнула:

— И от этого чуда власти удерживают народ уже многие столетья!

Зола поморщился, сказал скрипуче:

— Их можно понять. У вас, внизу, все знакомо, устойчиво. А перемены всегда приносят множество осложнений...

Подземница выпрямилась, сказала презрительно:

— Никакие сложности не стоят счастья людей.

Мычка улыбнулся, произнес лукаво:

— Не ты ли, не так давно, убеждала нас в том, что наверху лишь смерть?

Девушка поперхнулась на полуслове, потупив глаза, тихо произнесла:

— Но я, правда, не знала. Всю жизнь мне внушали, что подземелье — единственное спокойное место, а остальные слишком опасны.

Дерн покачал головой, промолвил:

— Ничего себе — спокойное, помню я ваших всадников на ящерах. Да и каменные черви —, не самые приятные соседи.

Шестерня повел плечами, так что хрустнули суставы, сказал с улыбкой:

— Будет вам ужасы вспоминать. Пойдемте, мне страсть как не терпится вернуться, домик на отшибе уже заждался, а камушки прожигают кошель, — хохотнув, он похлопал себя по притороченному к поясу кожаному мешочку.

Шли до тех пор, пока солнце не коснулось горизонта, после чего заночевали в одной из рощиц. Уже после того, как развели костер, неподалеку, в корнях старого дуба, обнаружили кристально чистый ручей, где, до поздней ночи, по очереди, смывали вьевшуюся грязь болота. Освеженные, быстро перекусили подогретым вяленным мясом и без сил рухнули на мягкую траву, мгновенно забывшись глубоким сном.

На утро, едва продрав глаза, вновь двинулись в путь. Мокрая от росы, трава мягко касалась ног, оставляя на одежде влажные следы, над головами невесомыми кружевами клубился туман, стремительно тающий под лучами восходящего солнца. На душе было легко и свободно, когда путешественники остановились, неверяще всматриваясь вдаль. Окоем стремительно раздвинулся, очищаясь от остатков тумана, и впереди, впиваясь в небосвод острием, замаячила, до боли знакомая, вершина.

— Наконец-то, — едва слышно выдохнул Шестерня, — дошли.

— Еще нет, — поправил Дерн, — но уже близко.

Глядя из-под прислоненной ко лбу ладони, Зола мечтательно произнес:

— Неужели я снова попаду в стены библиотеки.

— А я, наконец-то, выплусь на удобной скамье, не боясь замерзнуть или вымокнуть, — добавил Мычка в тон.

Себя с улыбкой оглядела спутников, спросила полуутвердительно:

— Как я понимаю, наше путешествие близко к завершению?

Шестерня с чувством хлопнул себя по бедрам, сказал радостно:

— Не представляешь насколько близко. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не броситься в город, сломя голову, настолько я соскучился по этим кривым улочкам...

— Пьяным постояльцам, — подмигнул Мычка.

— И несравненной стряпне Шейлы, — насмешливо добавил Зола.

Обмениваясь воспоминаниями, бодро двинулись вперед. Но, несмотря на удобный путь, отличную видимость и освежающий ветерок, гора и не думала приближаться. Лишь под вечер, когда вымотанные и усталые путники, едва не падали с ног, величественный силуэт надвинулся, разросся вверх и вширь, а у основания, далекие, словно звезды, замерцали огни спрятавшегося в черной тени скалы невидимого города.

Присматриваясь к уютной рощице, наемники двинулись в обход заросшего тиной пруда, когда Себя, мазнув взглядом по зеленой поверхности воды, негромко поинтересовалась:

— Как часто в вашей местности попадают обглоданные останки жителей?

— Не столь уж часто, — беззаботно пожал плечами Шестерня, — скорее можно наткнуться на перепившихся гуляк.

Дерн остановился, спросил, внимательно глядя на подземницу:

— Ты что-то заметила?

Не поворачиваясь, девушка указала на пруд:

— На той стороне, в двух шагах от берега.

Пригнувшись, Мычка крадучись прошел вдоль берега, шагнул в воду, и, не обращая внимание на поднимающуюся до колена грязь, поддел мечом небольшую кучу, казавшуюся до того обычной грязной кочкой. Дохнуло смрадом, из грязи роем поднялись растревоженные мухи, а под клинком, щеря в улыбки зубы, вскрылся полуобглоданный человеческий череп.

ГЛАВА 16

Застыв, наемники молча созерцали находку, пока Зола раздраженно не произнес:

— Останки, безусловно, очень интересная вещь, но не пора ли подумать о стоянке? Конечно, здесь не болото, но, мне кажется, с костром и под защитой деревьев будет несколько вольготнее.

Шестерня взъерошил бороду, сказал, кивая:

— Конечно, мертвые заслуживают большего, чем догнивать в затхлой луже, но тут я согласен с Золой — солнце почти село, и нужно поспешить.

Выбравшись на сухое, Мычка хмуро произнес:

— Я полностью с вами согласен, но кое-что мне здесь совсем не нравится.

Дерн внимательно взглянул на вершинника, а Себя положила руку на рукоять кинжала. Видя, что Мычка не торопится, Зола недовольно буркнул:

— Ну, что там еще такого, из-за чего стоит торчать посреди степи?

— Следы, — Мычка поднял глаза на мага. — Такие следы оставляло животное, что мы преследовали по заказу, и точно такие же следы, только больше, я обнаружил возле трупа Беркута.

Зола пожал плечами, сказал, поджав губы:

— Все это замечательно, но я не вижу повода далее оставаться возле лужи, здесь сыро и отвратительно пахнет.

— Тем более, нам же лучше, — добавил Шестерня, — походя поймаем зверя и доставим заказчику в самом свежем виде.

Дерн покачал головой, напомнил:

— Если вы не забыли, Беркут считался лучшим охотником в племени...

— Да хоть лучшим на всем свете, — взорвался Зола. — Нас пятеро опытных бойцов. За последнее время мы видели столько, сколько иным не встретить и за жизнь. И мы будем трястись от страха из-за какого-то там волка переростка? Пойдем, нужно успеть набрать веток на костер, я не хочу потом бродить в темноте с риском оставить глаза на острых сучьях.

Проследив, как Зола с Шестерней быстрым шагом уходят к роще, Дерн пожал плечами, и устремился вслед за товарищами. Сопровождаемый подземницей, пошел и Мычка. Его уши, то и дело, подергивались, ловя неслышимые звуки, а лицо оставалось напряженным, словно вершинник размышлял над какой-то невероятно сложной задачей.

Пока разводили костер и разбивали лагерь, Мычка бродил вокруг, пристально разглядывая одному ему видимые следы, и лишь, когда в наступивших сумерках стало невозможно различить даже собственную руку, вершинник подошел к огню.

Глядя на сосредоточенное лицо Мычки, Шестерня хлопнул товарища по плечу, сказал весело:

— Брось, мы почти дома. Осталось лишь обтереть ножки, да шагнуть через порог.

Себя произнесла со смешанным чувством:

— Всегда с интересом посещала новые места, а сейчас чувствую странную робость, словно мне предстоит что-то необычное.

Зола лишь махнул рукой, произнес с легкой тоской:

— Нет там ничего необычного, заурядный городок, простые люди, нехитрые заботы...

Дерн улыбнулся краешком губ, сказал задумчиво:

— По сравнению с тем, что мы пережили, неторопливая жизнь города действительно покажется скучной.

Не соглашаясь, Шестерня тряхнул головой, сказал с чувством:

— И вовсе наш городок не так плох. В нем есть отличные местечки, где служанки всегда улыбчивы, посетители благодушны, а пиво настолько великолепно, что уходить не хочется даже после того, как карманы опустели, а в глазах начало двоиться.

Улыбнувшись, Мычка кивнул, произнес негромко:

— Да и я, если честно, не раз вспоминал уютные стены нашей таверны, аппетитные запахи кухни, Шейлу...

Глаза подземницы нехорошо блеснули, взглянув на вершинника, Себя поинтересовалась подчеркнуто отстраненно:

— Шейла... Кто это?

— Хозяйка корчмы и руководитель нашей гильдии, — просто ответил Мычка.

— Мы ей многим обязаны, — добавил Дерн. — Это она, в свое время, предложила каждому из нас попробовать силы в качестве наемников. До этого я был простым травником, Мычка занимался охотой, Шестерня строил дома, а Зола подрабатывал в городской академии, преподавая студиям основы магического искусства.

Девушка раскрыла глаза, воскликнула удивленно:

— Так вы не профессиональные наемники?

Болотник сдержанно улыбнулся, ответил:

— Вопрос терминологии. Гильдия существует уже несколько лет, и с переменным успехом выполняет многочисленные заказы, но сие не означает, что мы занимаемся исключительно этим.

Подземница покачала головой, сказала с уважением:

— Вы настолько хорошо сражались, что казалось, в этом вся ваша жизнь. Не думала, что можно достигнуть подобных высот, занимаясь чем-то еще.

Зола покосился на Себию, сказал насмешливо:

— Жизни свойственно удивлять. Я бы тоже никогда не подумал, что скромная дочь военачальника не просто искусный боец, но к тому же маг, владеющий сложнейшими заклятиями запретной школы.

Девушка смущенно потупилась, а Шестерня широко, с привыванием зевнул, пробормотал:

— Давайте спать. Жду не дожусь, когда наступит утро, чтобы с первыми лучами зори... — не договорив, пещерник откинулся на ворох травы и тихо засопел.

Глядя на Шестерню, стали укладываться и остальные, так что вскоре лагерь погрузился в сон, и лишь неугомонное пламя костра охраняло сон путешественников, рассеивая ночной мрак и успокаивающе потрескивая углями.

Мычка проснулся от странного ощущения, не открывая глаз, привычно прислушался. Ухо не уловило обычных ночных звуков, лишь тихий шум ветра в кронах деревьев нарушал мертвую тишину. Нахмурившись, вершинник открыл глаза, привстал на руках, осматриваясь.

Обведя глазами лагерь, Мычка почувствовал, как волосы поднимаются на загривке. Возле затухающего костра он находился один, спутники исчезли, лишь смятые охапки травы, служащие кроватями, сиротливо вырисовывались во тьме.

Внезапно ухо уловило далекий крик. Мычка мгновенно подхватился, вскочил, прислушиваясь. Крик повторился, но уже гораздо ближе. Вершинник замер. Разум порывался бежать, тело требовало немедленных действий, но что-то глубоко внутри предостерегало от спешки. Разрываясь от противоречивых чувств, Мычка попытался разобраться. Кричала женщина, но что-то в этом крике было неправильно.

Крик повторился. Казалось, незримая девушка подошла совсем близко, и с безумной страстью призывает прийти на помощь. На помощь... Со страстью... Мычка обмер, понимая, что именно вызвало сомнение. Ночная гостья не нуждалась в защите, призыв содержал сильнейшую страсть, что разжигала кровь и заставляла сердце биться сильнее.

Приказы сознания слабли под ударами желания, тело против воли двинулось на зов. Чувствуя, что еще немного, и он не выдержит, Мычка, что есть силы, закусил губу, одновременно вызывая в памяти образ Себии. Боль отрезвила, а точеное лицо подземницы окончательно ослабило хватку страсти. Глубоко вздохнув, Мычка остановился, и

одновременно прекратился зов, словно неведомая гостья поняла, что потерпела поражение.

Победно усмехнувшись, Мычка сделал шаг назад, но в это мгновение из-за ближайших деревьев метнулась тень. Но охотничьи навыки не подвели. Избегая удара, вершинник упал на землю, откатившись в сторону, тут же вскочил на ноги, пытаясь сориентироваться, но вновь мелькнула тень, и пришлось вновь падать. Противник двигался почти бесшумно и настолько быстро, что Мычка тратил все силы лишь на то, чтобы уходить от атаки.

Двигаясь рывками, постоянно падая и вскакивая, вершинник сумел добраться до костра, где, улучшив мгновение, выхватил из огня пару пылающих головней, и, перекатившись через угли, вскочил на ноги, угрожающе выставив горящие ветви перед собой.

Блеснули огоньки глаз, из тьмы выдвинулся серый сгусток, приблизился, обрел плоть. Мычка с удивлением и страхом всматривался в приближающееся существо. Вытянутый череп, усаженные многочисленными зубами челюсти, покатый лоб, густая фиолетовая шерсть, животное до боли напоминало обыкновенного волка, если бы не глаза, круглые, почти человеческие, они пылали ненавистью, а отражающие пламя огней, крестообразные зрачки, казалось, смотрели в самую душу.

Животное приблизилось еще на шаг, и Мычка с холодком отметил пребывающий в непрерывном движении гибкий хвост, вооруженный тонкой острой иглой. Мгновение они недвижимо стояли друг напротив друга. Существо прожигало вершинника взглядом, словно оценивая силу противника, тонкий хвост двигался все медленнее, пока не замер совсем, и в этот момент тварь атаковала.

Готовый к нападению, Мычка успел среагировать, ткнув ветви-факелы вперед и вверх, он одновременно присел, уходя от атаки. Но животное двигалось с поистине фантастической скоростью, не давая жертве опомниться, оно атаковало вновь. Мычка двигался на пределе сил. Выронив оба факела и потеряв нож, он уворачивался больше по наитию, не успевая отслеживать атаки твари. Каждый раз, теряя существо из виду, Мычка холодел, почти физически ощущая, как острые зубы вгрызутся в плоть, а игла вонзается в сердце, но отработанные рефлексy раз за разом бросали тело в сторону, спасая вершинника.

Бросок. Едва не прихватив клочок волос, над ухом с лязгом смыкаются челюсти, а щеку обдаёт потоком воздуха. Сердце надрывно колотится, заставляя кровь нестись по кругу, поддерживая чудовищный темп. В груди жжет все сильнее, а пот заливает глаза, делая и без того темную ночь вовсе непроглядной. Перекат. Земля мягко толкает в плечо, а по спине нежно, едва задев, проскальзывают острые когти. Прыжок. Обдав смрадом, перед лицом раскрывается усаженная сотнями мелких зубов пасть. Спасая жизнь, руки выстреливают вперед, принимая на себя немалый вес животного. Земля опрокидывается. От удара в спину со свистом вылетает дыхание, а острые сучки больно впиваются в тело даже сквозь толстую кожу доспеха. Жесткие когти с силой рвут грудь, острые зубы щелкают с противным треском, норовя прихватить шею, а тонкая игла мечется, то и дело, выныривая из тьмы возле самых глаз.

Костер почти догорел и отбрасывал лишь слабые отблески, подсвечивая сцену схватки кровавыми всполохами. Вершинник и неведомое существо слились в смертельном объятии. Мычка вцепился во врага изо всех сил, понимая, что стоит лишь на миг ослабить хватку, бой закончится, но тварь рвалась с такой мощью, что напряженные до спазма руки постепенно разжимались.

Что-то тускло сверкнуло. Взгляд зацепился за блестящее, зашарил по траве, отыскивая находку. Совсем рядом, отсвечивая слабым пламенем костра, лежал охотничий нож,

оставалось лишь протянуть руку, но бьющееся в руках чудовище не давало даже мгновение передышки. Мычка завыл от бессилия, чувствуя, что долго не продержится, рванулся в сторону. На мгновение существо оказалось под ним, а рука наткнулась на холодное, миг, и пальцы сомкнулись на рукояти. Короткий рывок, и закаленная сталь с хряском вошла в тело, разрывая плоть. Ночь огласилась протяжным вибрирующим воем.

Наполовину оглушенный, вершинник бил до тех пор, пока животное не перестало дергаться, лишь после этого, перемазанный кровью с головы до ног, он отполз к костру, замер, чувствуя, как конвульсивно содрогается тело, отходя от чудовищного перенапряжения.

Животное застыло рядом, уставившись недвижимыми глазами в пламя костра. Мычка лишь сейчас смог рассмотреть существо внимательнее. Изначальное сходство с волком лишь усилилось, хотя, лишенный шерсти хвост больше напоминал крысиный. С трудом поднявшись, вершинник подошел ближе, внимательно присмотрелся к странной игле, украшающей хвост наподобие гадючьей погремушки. Длинная, и необычайно острая игла оканчивается отверстием, из которого сочатся прозрачные капли.

Мычка покачал головой, удивляясь собственному везению, судя по всему, животное обладало ядовитыми железами, впрыскивая их содержимое в тела жертв через жало на хвосте, и то, что в ходе боя игла ни разу не коснулась обнаженной кожи явилось просто невероятной удачей.

Вершинник замедленно обвел взглядом пустующий лагерь, после чего глаза вновь обратились сочащуюся ядом иглу. От жуткой догадки зашевелились волосы. Застонав от запоздалого понимания, Мычка выхватил из костра полусгоревший сук, несколькими взмахами раздул пламя и устремился во тьму.

Первым нашелся Зола, прикрытый листьями, он лежал в ложбинке и не подавал признаков жизни. Метнувшись к товарищу, Мычка прижал голову к груди, задержал дыхание, вслушиваясь. Под ухом неуверенно стукнуло, затем, после длительного перерыва еще раз. Мельком оглядев мага, Мычка заметил запекшееся пятнышко крови на его плече, похоже, удар ядовитой иглы пришелся именно в это место. С облегчением выдохнув, он взвалил Зола на плечо, и понес тело товарища к стоянке.

Вскоре отыскались и остальные. Мычка без труда перенес к костру легкую девушку, чуть сложнее пришлось с Шестерней, не смотря на небольшой рост, пещерник весил так, словно его кости состояли из камня. Труднее всего вышло с Дерном. Могучий болотник оказался невероятно тяжел, к тому же, в звеньях кольчуги намертво застревали все попадавшиеся на пути веточки и корни, так что, пытаясь вытащить товарища из бурелома, Мычка помянул недобрым словом всех известных богов, лишь под конец, догадавшись уложить Дерна на плащ, и уже без особых затруднений доставил товарища в лагерь.

Измучившись в тщетных попытках привести друзей в чувство, вершинник сам не заметил, как уснул.

ГЛАВА 17

Треснул сучок, отдавшись в голове гулким грохотом. Мычка вскочил, мгновенно переходя из состояния глубокого сна к боевой ярости, и замер, на него, почти в упор,

расширенными от испуга глазами, смотрел Шестерня. Вершинник со свистом выдохнул, сбрасывая напряжение, хмуро произнес:

— Что-то кошмары мучают, стал плохо спать.

Мычка обвел глазами лагерь. Солнце уже поднялось и жаркие лучи пронизывали рощу, изгоняя из воздуха промозглую ночную сырость. С хрустом потянувшись, вершинник подошел к костру, где уже вовсю пылало жаркое пламя, с гудением пожирая сухие сучья. Едва Мычка подсел к огню, ему тут же выдали порцию разогретого мяса, а плечи заботливо укутали в теплый плащ. Глядя, как друзья виновато опускают глаза, он улыбнулся, чувствуя, как с души исчезает тяжесть, сказал тепло:

— Не думал, что вы придете в себя, хотя и очень надеялся. Рад, что все обошлось.

— А уж мы-то как рады, — негромко произнес Дерн, покосившись на Зола, который не знал, куда девать глаза. Добавил едко: — Просто счастье, что яд животного служит для временного обездвиживания жертв, а то бы... — он махнул рукой, вздохнул.

Себя сказала примирительно:

— В любом случае, мы живы. Хотя, надо признать, Зола проявил некоторую... непредусмотрительность.

— Да что вы в самом деле, — сдавленно пробормотал маг, — я же не думал, что эти жуткие твари встречаются на каждом шагу!

— Должен был подумать, — настойчиво повторил Дерн. — Кто, как не ты, на каждом привале с восторгом рассказывал нам о замечательных чудовищах описанных в книге?

Покачав головой, Шестерня произнес:

— Но ведь какова подлость! Я проснулся посреди ночи от жалобного крика, рванулся сломая голову, даже не взяв оружие.

Вспомнив ночной зов, Мычка с улыбкой поинтересовался:

— И что же ты услышал?

Пещерник помялся, сказал нехотя:

— Мне почудилось, что на помощь зовет прекрасная девушка.

— Прямо уж так и прекрасная? — Мычка уже откровенно скалил зубы. — Не иначе, это была великолепная пещерница с фантастическими формами. И она, наверняка, подсвечивала тебе факелом, иначе, откуда было догадаться?

Шестерня сердито засопел. Успокаивающе похлопав его по плечу, Дерн сказал:

— Действительно, все примерно так и было. К своему стыду, должен признаться, что попался на иллюзию не хуже Шестерни, и точно так же бросился на помощь.

— Думаю, это обычная тактика существа, — насмешливо произнес Зола. Судя по всему, чувство вины у мага уже начисто испарилось, его лицо покраснелось, а в глазах зажегся интерес. — Крестообразные зрачки животного говорят сами за себя, оно, как и прочие, может подавлять волю.

Шестерня спросил недоверчиво:

— Тогда зачем все эти изыски с зовом? Заставил бы нас не проснуться, или, того проще, самим подойти к месту ужина.

— Так он и заставил, — хмыкнул Дерн, — только весьма своеобразно.

Пещерник потупился, а Себя неуверенно произнесла:

— Возможно все дело в размерах? Предыдущее чудовище было очень большим, а это... довольно скромное.

— Естественно, — поддержал девушку Зола. — Видимо способность к подавлению

воли тем сильнее, чем существо больше. Потому тварь в лабиринте просто приказала нам приблизиться, а эта "собачка" вынуждена была прибегнуть к изоощренной хитрости.

Словно что-то припоминая, Мычка замедленно произнес:

— По крайней мере, теперь понятно, почему заказчик говорил о сходящих с ума овцах.

Животное привлекало их зовом.

Себя взволнованно добавила, глядя на вершинника:

— И Беркут... Ты помнишь, ведь он даже не обнажил оружия!

Посидев еще некоторое время, засобирались в дорогу. Загасив остатки огня, Шестерня поинтересовался, глядя на труп зверя:

— А что делать с этим, бросим здесь, или?..

— Еще чего! — возмутился Зола. — Редчайшая возможность для изучения. Мы просто обязаны взять его с собой.

— В таком случае, я знаю кто его понесет, — глядя на мага, хмуро произнес Дерн.

Мычка приблизился к чудовищу, несколькими движениями отделил голову от тела, и, тщательно стряхнув кровь, спрятал в заплечный мешок, после чего, не оглядываясь, двинулся в сторону города. Остальные потянулись следом, лишь Зола еще некоторое время стоял, с досадой глядя на останки животного, над которым уже начали роиться мухи. Но существо было слишком велико, а до города оставалось слишком долго, чтобы можно было даже помыслить дотащить тушу до лаборатории при гильдии магов, так что Золе не оставалось ничего иного, как двинулся за товарищами.

Город неспешно приближался. Сперва в колеблющемся раскаленном мареве протаяли роскошные дворцы квартала знати, затем проявились дома зажиточных горожан, и лишь после, когда путешественники подошли совсем близко, в сером месиве трущоб стали различимы отдельные лачуги бедняков.

В то время, как наемники поглядывали по сторонам, подземница в восхищении разглядывала нависающую над городом каменную громаду. Покачав головой, девушка произнесла с восторгом:

— Огромный город под защитой скалы. Невероятно.

Шестерня хохотнул:

— С этой скалы и началось наше путешествие, причем самым невероятным образом, — он покосился на Золу, деловито вышагивающего поодаль.

Услышав последние слова, маг поджал губы, сказал с раздражением:

— Чем ворошить прошлое, ты бы лучше подумал о будущем домике на отшибе.

Пещерник пожал плечами, сказал насмешливо:

— Так я о нем постоянно думаю, чего там. А насчет прошлого, ты не прав, не прав... — он весело подмигнул подземнице, давая понять, что при первом же удобном случае не преминет разъяснить все интригующие моменты.

Миновали центральные ворота. Скучающие стражники встретили алчными взорами, но, взглянув на суровые лица наемников, разговор о пошлине завести не решились. Свернув с основной улицы, ведущей в богатый квартал, двинулись вокружную. Пройдя запутанными переулками, вышли к небольшому рынку. При виде до боли знакомых обшарпанных палаток, где, расхваливая товар, во всю горланили бойкие продавцы, у Шестерни чаще забилося сердце, а Мычка, сам того не замечая, настолько ускорил шаг, что остальные поспедали с трудом.

Миновав базар, вновь погрузились в лабиринт улочек, пока не вышли к высокому забору

из толстых бревен. Похлопав по растрескавшейся на солнце древесине, Мычка поинтересовался, косясь на Дерна:

— Пойдем кратчайшим путем, или воспользуемся воротами?

Болотник скупно улыбнулся, произнес с сомнением:

— Если Шейла успела набрать новых наемников, боюсь, они не придут в восторг, когда через забор ввалится вооруженная толпа.

Шестерня помотал головой, сказал недовольно:

— Никаких новых наемников. Мы лучшие в этом городе!

— И это говорит пещерник, что только и жаждет, что приобрести уютный домик, да побыстрее отойти от дел? — едко поинтересовался Зола

Не удостоив мага взглядом, Шестерня поспешил ко входу, остальные, сдерживая нетерпение, устремились следом. Таверна встретила их непривычной тишиной, многочисленные столы пустовали, под сводом не курился проникающий из кухни дымок, и даже запах пищи, насквозь пропитавший толстые бревна стен, казалось, стал слабее.

Наемники озадаченно замерли посреди зала, не понимая, в чем причина столь разительной перемены, только Себя, не посвященная во внутренние дела гильдии, с интересом разглядывала закопченные стены.

Скрипнула дверь, по деревянным ступеням застучали легкие шаги. Все одновременно подняли головы. По лестнице, сосредоточенно глядя под ноги, спускалась женщина. У Шестерни отвисла челюсть, Мычка негромко присвистнул, а Зола вопросительно поднял бровь, когда в приближающейся подземнице они узнали хозяйку гильдии, копна пышных черных волос, обычно уложенных в сложную прическу, стянута на затылке в тугий узел, от всегдашней любезности не осталось и следа, лицо сосредоточено, брови сошлись на переносице, а вместо пышного, украшенного блестками платья, идеально подогнанный по фигуре кожаный доспех странного покроя, тонкую талию стягивает широкий кожаный пояс, из которого выглядывают украшенные витиеватой резьбой рукояти двух кинжалов.

Шейла соступила с последней ступеньки, замедленно подняла глаза, обведя взором застывших согильдийцев, произнесла задумчиво:

— Что ж, вот и вы.

ГЛАВА 18

Наемники молча переминались, ошеломленные увиденным. Первым пришел в себя Зола, прервав неловкое молчание, он произнес с подъемом:

— Мы рады вновь ступить под эти стены и вдвойне рады видеть тебя, но... что случилось, где посетители, и почему ты в таком виде?

Хозяйка гильдии тряхнула головой, сбрасывая со лба случайно выбившуюся прядь волос, произнесла ровно:

— Я ухожу, и у меня немного времени, поэтому, если вам есть, что сказать на прощание, поторопитесь.

— Но как же таверна, как же мы, что будет с гильдией?! — воскликнул Мычка.

Шейла перевела взгляд на вершинника, сказал холодно:

— Таверна закрыта, гильдия распущена, а у вас есть великолепная возможность сменить образ жизни.

Дерн покачал головой, промолвил с горечью:

— Ты не представляешь, сколько мы пережили, где были и с кем сражались. И лишь одна мысль согревала наши сердца все это время. Мы всеми силами жаждали вернуться. Вернуться туда, где нас ждут, в то место, что за последние годы стало нашим домом, в родную гильдию...

— А каких чудовищ мы встретили! — всплеснул руками Шестерня. — Ты не поверишь.

— Существа не из нашего мира, способные подавлять волю, и отличные от всех прочих удивительным строением глаз, — гордо добавил Зола.

Шейла улыбнулась одними губами, произнесла насмешливо:

— Не иначе, наткнулись на крестоглазых? Удивительно, как вы остались живы.

У Золы остановился взгляд, он прошептал еле слышно:

— Так ты знала о существовании...

Остальные замолчали, глядя то на мага, что не находя слов, хватал ртом воздух, то на снисходительно молчащую хозяйку. Не понимая что происходит, Шестерня пролепетал:

— Мы спускались в глубины земли, бродили по неизведанным пещерам, поднимались к вершинам гор и зрели ужасные болота.

— Мы увидели, как живут далекие народы, — подхватил Мычка.

— И, столкнувшись с остатками древней цивилизации, узнали о произошедшей тысячи лет назад великой войне, — добавил Дерн.

— Почему же ты не хочешь нас выслушать?! — почти в голос вскрикнули наемники.

Шейла, что все это время напряженно прислушивалась к чему-то за окном, встряхнулась, сказала отстраненно:

— То, что вы посетили окраины нашей деревни очень занимательно. Тем более интересны затерянные знания о былой цивилизации. Ведь вы наверняка столкнулись с останками тех, кто устроил чудовищный апокалипсис, после которого остатки людей рассеялись по дальним уголкам Земли, дав начало новым расам, а магическое поле планеты исказилось так, что стало время от времени пропускать существ из других миров, — Шейла прищурилась, наблюдая за реакцией наемников. — Но, друзья мои, все это настолько примитивно и общеизвестно, что не стоит даже мгновения моего драгоценного времени, которого к тому же почти не осталось. Прощайте.

Шейла сделала движение, собираясь пройти к выходу, когда Себя неожиданно шагнула навстречу, и, прожигая хозяйку корчмы взором, прошипела:

— Я помню тебя, женщина глубин. И ты не уйдешь, пока не ответишь на кое-какие вопросы.

Шейла окинула взором Себя, ее взгляд не оставил без внимания ни рукоять изогнутого кинжала, ни изготовившуюся к прыжку фигуру девушки. Вновь прислушавшись к чему-то за окном, она холодно произнесла:

— Спрашивай, только быстрее. Как я уже сказала, время не терпит.

— Это и не займет много времени, потому что у меня всего один вопрос — что стало с мужчинами нашего городка, что ты увела, подбив лживыми посулами?

— Они мертвы, — ровно произнесла Шейла. — Это все, что ты хотела узнать?

Губы Себии сошлись в тонкую линию, а ноздри затрепетали, когда она замедленно

произнесла:

— Значит прав был наставник, когда отговаривал юношей от безнадежной идеи следовать за тобой, за что и был убит в спину. Уж не тобой ли! — последние слова она выкрикнула так яростно, что под потолком зазвенело эхо.

Хозяйка гильдии с некоторым удивлением посмотрела на девушку, сказала задумчиво:

— Столько экспрессии... Девочка, чтобы достигать поставленных целей, нужно учиться контролировать эмоции. А что до тех бездарных подземников... Мне была нужна рабочая сила, и я зашла в первую попавшуюся деревушку. И да, припоминаю, один из руководителей деревни оказался весьма несговорчив, так что пришлось даже замарать кинжал.

— Простите, что вмешиваюсь, — осторожно произнес Дерн, — но, не могли бы вы посвятить нас в свой небольшой конфликт?

В этот момент, через неплотно притворенные ставни, с улицы донесся странный шум. Прислушавшись, Шейла удовлетворенно кивнула, произнесла, обращаясь к мужчинам:

— За годы изгнания в этом забытом богами уголке, чтобы не сойти с ума, я создала гильдию: выкупила убыточную харчевню, подобрала наемников... Вы тешили мое самолюбие, скрашивали тоскливые будни, и, время от времени, радовали забавными выходками. Мне было приятно управлять гильдией, укрывшись под маской хозяйки таверны, и, слово подземницы, случись все по-другому, мы бы сейчас вместе посмеялись над вашими похождениями. Но я ухожу, и мы больше никогда не увидимся.

— Ты не уйдешь отсюда, кровь наставника должна быть отомщена! — прошипела Себя.

Девушка молнией метнулась вперед, целясь кинжалом в незащищенную шею хозяйки гильдии. Наемники застыли, лишь Мычка мгновенно выбросил руку, пытаясь перехватить Себию, но не дотянулся всего чуть-чуть, пальцы схватили воздух. Шестерня зажмурился, Дерн отвел глаза, а Мычка опустил голову, не желая видеть гибель хозяйки.

Озадаченно крикнул Зола, Шестерня приоткрыл один глаз, а Мычка поднял голову, неверяще взглянул на происходящее. Себя замерла, стоя на коленях, а сбоку, нежно обняв девушку за голову, застыла Шейла. С первого взгляда могло показаться, будто послушная дочь выказывает матери уважение, но стоило лишь немного присмотреться, чтобы заметить в руках "матери" небольшой кинжал. Острое лезвие настолько тесно прижалось к бьющейся жилке, что на бархатной коже выступила алая капля.

Шейла медленно выдохнула, прошептала с улыбкой:

— Отличная попытка, девочка, но, боюсь, всех твоих талантов не хватит, чтобы убить серого миротворца.

Мычка замедленно поднял руки, с трудом прошептал:

— Не убивай ее... Или убей и меня тоже.

Хозяйка гильдии взглянула на вершинника со странным выражением, ее губы тронула грустная улыбка, а в глазах промелькнула печаль, когда она произнесла:

— Ты любишь ее? Что ж, пусть живет. Хоть оставлять ее в живых и не разумно, но ради нашей давней дружбы я пойду на эту небольшую глупость, — отпустив Себию, Шейла двинулась к выходу.

Придя в себя, Зола спросил с неприязнью:

— Ты уходишь, оставляя нас в неведении? А если мы все-таки потребуем ответов?

Очаровательно улыбнувшись магу, Шейла произнесла:

— Тогда я вас убью, хотя мне вовсе не хочется этого делать.

Хлопнула дверь, бывшая хозяйка гильдии исчезла. Наемники озадаченно переглянулись. Пока Мычка успокаивал Себию, у подземницы от жгучей досады по лицу катились крупные слезы, Дерн негромко произнес:

— Жизнь порой складывается удивительным образом. Три года жить под одной крышей с... — он пошевелил пальцами, подбирая слово, продолжил растеряно, — я даже не знаю с кем, и не ощутить ни капли сомнений.

Шестерня взъерошил бороду, спросил озадаченно:

— А кто это, серые миротворцы?

Зола покачал головой, хмуро буркнул:

— Не знаю. Но судя по тому, с какой легкостью она обезоружила нашу подземницу, я даже боюсь представить, какова Шейла в серьезном бою.

Подошел Мычка, сказал с нервным смешком:

— А ведь я пытался с ней флиртовать. Хорошенькое дело, проснуться как-нибудь и обнаружить собственные глаза в ковшике на столе.

— И хорошо еще если глаза, — саркастически хмыкнул болотник.

С улицы вновь донесся странный шум. Заинтригованный, Шестерня приблизился к окошку, легким толчком отворив ставню, выглянул наружу. Спустя мгновение, пещерник жалобно заскулил, схватившись за голову, произнес скороговоркой:

— Секиру мне в печень... Да что ж творится с этим миром! — и опрометью вылетел на улицу.

Заинтригованные, наемники переглянулись, одновременно последовали за товарищем. Морщась от шума, Зола указал на Шестерню, что стоял посреди улицы и, задрвав голову, смотрел в небо. Все подняли глаза и застыли пораженные, над головами, медленно разворачиваясь в полете, снижался огромный корабль, отделанное металлическими плитами днище ослепительно сверкает в солнечных лучах, громадные полотнища парусов выгнулись, туго натягиваемые ветром, на бортах, тускло отливая металлом, угрожающе застыли непонятные конструкции.

Корабль издавал глухой гул, что, по мере снижения судна, с каждым мгновением гул становился все сильнее. Перекрикивая шум, что уже превратился в рев, Зола воскликнул, указывая вдаль:

— Смотрите, это же Шейла!

По улице, направляясь прямо к кораблю, двигалась знакомая фигура. В то время, как народ в ужасе разбежался, прикрывая руками головы, подземница шла спокойно, словно занималась обычными делами. Не опускаясь на землю, удивительный корабль завис над домами, едва не касаясь днищем крыш, с борта белесым росчерком вывалилась веревочная лестница, замерла, натянувшись. Не останавливаясь, Шейла ступила на шаткую конструкцию, в то же мгновение лестницу втянули обратно, и корабль неспешно сдвинулся, постепенно набирая высоту.

Шестерня замедленно приблизился к друзьям, пробормотал враз охрипшим голосом:

— Скажите мне, что это все видения вызванные перебродившим пивом.

Зола прошептал:

— Невероятно. И эту женщину мы собирались удивить рассказом о путешествии...

Из таверны вышла Себия. Слезы на лице подземницы высохли, и лишь слегка покрасневшие глаза, да чуть более, чем обычно, припухлые губы говорили о том, что совсем недавно девушка пережила неприятные мгновения. Окинув взглядом небо, она злоеще

произнесла:

— Пусть даже она улетит на звезды, я достану ее и там.

Мычка взглянул на девушку, промолвил с сочувствием:

— Возможно не стоит торопить события, кто знает, кем она была на самом деле...

Дерн кашлянул, привлекая всеобщее внимание, сказал негромко:

— Сдается, это еще не конец.

Взгляды вновь обратились вверх. Корабль продолжал неуклонно набирать высоту, но болотник смотрел совсем в другую сторону. Проследив за взглядом товарища, Мычка растеряно пробормотал:

— А это что такое?

Неподалеку, на востоке, в небе возникли многочисленные черные точки, что с каждым мгновением приближались, разрастаясь на глазах.

Себя злорадно произнесла:

— Не знаю что это, но, кажется, я догадываюсь, куда они движутся.

Наверху тоже заметили необычных существ. Корабль начал замедленно разворачиваться, а у бортов замелькали едва различимые фигурки людей. Между тем точки приблизились, стали различимы хищные контуры, отдаленно напоминающие небольшие парусные лодки.

— Мне кажется, или они движутся гораздо быстрее? — поинтересовался Шестерня.

— Значительно быстрее, — ответил Мычка, — но, что они хотят?

В небе сверкнуло. Странная конструкция на борту корабля беззвучно плюнула молнией. Одна из приближающихся лодок исчезла во вспышке пламени. Донесся отдаленный грохот.

— Вот тебе и ответ, — замедленно произнес Дерн. — Будем надеяться, что они не зайдут с нашей стороны...

Дальнейшие слова болотника потонули в грохоте, а в глазах замерцали вспышки. Гигантский корабль время от времени бил в нападающих мощными разрядами, отчего то одна, то другая лодки окутывались огнем, расцветивая небо алыми цветами вспышек. Но и напавшая армада не оставалась в долгу, юркие лодки кружили вокруг корабля, словно потревоженные осы, выстреливали яркими искрами.

Некоторое время создавалось впечатление, что едва видимые искорки не причиняют существенного вреда, не в силах пробить могучую броню, бессильно затухают. Казалось, еще немного, и наглецы будут уничтожены. То и дело раздавался грохот, и очередная лодка падала на жилые кварталы грудой искореженных обломков, пробивая крыши домов, и погребая жителей под развалинами. Город пылал, то тут, то там раздавались жалобные вопли и металась охваченные огнем фигуры.

Но ситуация начала меняться. В разных частях корабля вспыхивали веселые огоньки, собираясь воедино, стремительно разгорались, и вскоре уже огонь охватил правый борт, а затем перекинулся и на паруса. Продолжая уничтожать нападающих, летающая машина начала разворачиваться, пытаясь уйти от многочисленных нападавших. Несколькими удачными выстрелами, очистив пространство, судно рванулось вперед, на глазах увеличивая скорость, но огонь, похоже, добрался до каких-то важных узлов, ярчайшая вспышка резанула по глазам, донесся чудовищный грохот, и, окутавшись пламенем, корабль по широкой дуге устремился к земле.

Нападавшие мгновенно потеряли интерес к побежденному противнику, выстроившись клином, они двинулись в обратную сторону, и вскоре растворились в синеве, а поверженный

колосс, исходя клубами черного дыма, рухнул за городом.

Зола оглядел товарищей, прокашлявшись, поинтересовался:

— У кого какие мысли?

Взъерошив бороду, Шестерня деловито произнес:

— Мне хотел обойти окрестности в поисках подходящего домика.

— А у меня, как раз, закончились кое-какие травы, — задумчиво протянул Дерн.

Мычка кивнул, сказал понимающе:

— Нужно посетить рынок, прикупить метательных ножей... было бы неразумно откладывать.

Все взгляды обратились на Себию. Щурясь от яркого солнца, девушка сказала просто:

— Мне хотелось бы в деталях изучить жизнь на поверхности, так что я с вами.

Не говоря более ни слова, наемники развернулись, и быстрым шагом двинулись в сторону, где, возвышаясь среди разрушенных зданий, громоздились исходящие едким дымом обломки некогда величественной летательной машины.

ЭПИЛОГ

Достигнув вершины, охотник осторожно выглянул из-за гребня, держа оружие наготове. Шлем мешал обзору, значительно сужая область зрения, но снять его, значило обречь себя на неминуемую смерть, хищники легко подавляли волю, и без специальной защиты нечего было и думать соваться в лес, даже имея на руках плазмомет последней модификации.

Осмотрев противоположный склон, и не заметив опасности, охотник перекинул ноги и легко спрыгнул с гребня. Следы зверя отчетливо отпечатались на пыльной поверхности, указывая направление лучше любых приборов. Поглядывая по сторонам, охотник неспешно двигался вперед, стараясь не запнуться о многочисленные небольшие валуны, в изобилии разбросанные по склону.

Пот заливал глаза, заставляя щуриться и часто моргать, поэтому залитая зеленоватым сиянием черная воронка бросилась в глаза лишь в последний момент. Охотник резко остановился, присел, пристально вглядываясь в пыль. След зверя обрывался на границе странного образования.

Отложив оружие на валун, охотник задумался. Исходящая зелеными искрами воронка выглядела необычно, вызывая причудливые ассоциации и навевая фантастические мысли. Но исчезающий след наводил на смутные подозрения. Покачав головой, охотник встал, шагнул назад, протягивая руку к оружию.

Под подошвой хрустнуло. Мелкие камушки брызнули из под ног, лишая опоры. Не удержавшись, охотник опрокинулся на спину, заскользив по покатому склону прямо в воронку. Слабо вспыхнуло зеленым, угасая, зашипели потревоженные искры. Когда осело взбитое падением облако пыли, каменистый склон оказался пуст, лишь тускло блестело забытое на камне оружие, подсвеченное мутными лучами встающего из-за горизонта багрового светила.

Больше книг на сайте - Knigolub.net